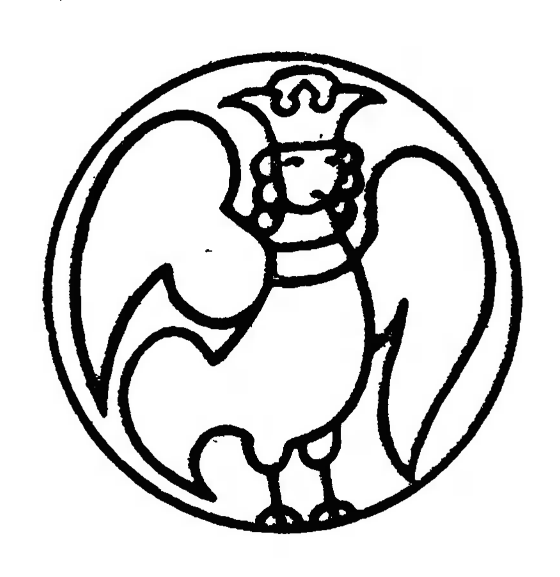
Русское историческое повество-вание XVI–XVII веков

Сокровища древнерусской литературы

Русское историческое повествование XVI–XVII веков



Иллюстрации
Владимира Носкова

Москва
«Советская Россия»
1984

Р1
Р89

Рецензенты:
Е. Л. Немировский, доктор исторических наук, профессор
Н. И. Прокофьев, доктор филологических наук, профессор
С. О. Шмидт, доктор исторических наук, профессор

Составление, предисловие, подготовка
древнерусских текстов, перевод и примечания
Ю. А. Лабынцева

Оформление
Б. Диодорова

Р $\frac{4702010100—153}{М-105(03)—84}$ 89—1984

Предисловие

Представленные в сборнике произведения лишь малая частица того огромного культурного наследия Древней Руси, открытие которого в широких масштабах происходит до сих пор и еще долго будет продолжаться. Особенность нашего времени в том, что эти открытия становятся ныне достоянием миллионов людей во многих странах. Древнерусская культура получает равные права гражданства среди общепризнанных культур Европы и мира. До самого последнего времени такое признание касалось преимущественно древнерусской живописи, архитектуры, отчасти музыки и в меньшей степени литературы. Наша древняя литература оставалась почти неизвестной широкому читателю. «Слово о полку Игореве», еще несколько часто перепечатываемых произведений — вот что могли предложить в районной библиотеке читателю, заинтересовавшемуся начальным семивековым (с XI по XVII в.) периодом отечественной литературы.

Все это уже давно заставило ведущих филологов-древнико нашей страны искать пути приближения древнерусских прои ведений к современному читателю. Многие из них дошли д нас в большом числе списков, иногда отстоящих от времен написания на сотни лет. Необходимо было вначале основательно изучить весь этот колоссальный рукописный материа классифицировать его, выделить различные редакции того и иного произведения, научно издать их по наиболее авторите ным спискам с подробными комментариями и справочным а паратом и только после этого приступать к изданиям д читателей-неспециалистов. Планомерно, шаг за шагом, год годом шла эта кропотливая работа, выполнявшаяся в основн силами ученых Ленинграда и Москвы.

Накопленный опыт позволил издать в 1969 году в серии «Библиотека всемирной литературы» сборник избранных произведений древнерусских авторов — «Изборник», получивший заслуженную высокую оценку у читателей. И наконец, в 1978 году после многолетней подготовки появился первый том массовой многотомной серии «Памятники литературы Древней Руси» — «Начало русской литературы. XI — начало XII века», выпущенный издательством «Художественная литература» под редакцией Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева[1].

Огромный читательский спрос на эти издания, интерес к ним, проявленный у нас в стране и за рубежом, побудил работать в том же направлении и ряд других издательств, выпустивших за последние годы несколько однотомных антологий произведений древнерусской литературы массовыми тиражами. В чем же секрет успеха древних памятников отечественной литературы у современного широкого читателя? Памятники эти — само наше прошлое, сама наша история, наши корни — то родное, без чего человек не может жить. Эти произведения, в значительнейшей части своей исполненные глубокого гражданственного духа, имеют для всех нас непреходящее историко-культурное и социальное значение. «Все русские писатели,— говорит Д. С. Лихачев о древнерусских авторах,— каждый по-своему, высоко несут свой писательский долг. Каждый из них в какой-то мере пророк-обличитель, а некоторые — просветители, распространители знаний, истолкователи действительности, деятельные и высокопатриотичные участники гражданской жизни в стране. Это высокое призвание писателя сохраняется и в новое время. Литература движется чувством высокой общественной ответственности ее создателей. Она проникнута действенной любовью к родине»[2].

Все это почувствовал, увидел и воспринял современный советский читатель, открывающий для себя мир духовных ценностей наших предков — великое культурное наследие Древней Руси.

---

[1] Подробнее об изданиях произведений древнерусской литературы см.: Дмитриев Л. А. Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917—1978).— Рус. литература, 1979, № 1, с. 183—199.

[2] Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII века.— В кн.: История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980, с. 14.

* * *

Чувство родины, сопричастности историческим судьбам отеческой земли — одно из самых светлых человеческих чувств. Сказания, предания, обычаи, обряды, язык, литература и многое другое роднит людей, живущих порой на расстоянии тысяч километров друг от друга. Эта общность — результат длительного исторического процесса, начало которого отстоит от нас на несколько столетий, а иногда и тысячелетий.

Литературе Древней Руси, ее памятникам принадлежит особая роль в проявлении и открытии истоков такого единства. Именно она, многовековая древнерусская литература, сохранила для нас яркие рассказы о выдающихся событиях истории Родины, увиденных и осмысленных их очевидцами.

Конечно же, все то, что, как может показаться, входит в монолитное понятие «литература», составляют очень разнородные произведения, на которые современник смотрел далеко не однозначно. Сочинения, созданные соотечественниками, «ценились» им почти всегда неизмеримо ниже писаний древневизантийских, древнесирийских и других авторов, не говоря уже о текстах более древних времен. Ведь в этих древнейших текстах был раскрыт, по его мнению, смысл человеческого бытия, предначертан сам ход мировой истории, одним из частных, закономерных проявлений которого было и его время.

Лишь к концу XVI — началу XVII века происходит постепенное изменение взгляда на индивидуальное творчество, на ярко выраженное авторское писание «по замышлению». Роль и значение отдельных литературных жанров, отношение к ним меняются. Меняется и отношение к произведениям, написанным современниками, они становятся достоянием сотен и тысяч людей, активно переписываются, читаются, являясь не только фактом литературной истории, но и эпизодом истории гражданской. Возникновение книгопечатания, появление печатных книг, тираж которых составлял в среднем тысячу и более экземпляров, способствует медленному, но неуклонному изменению всей системы культурного общения, по существу определяет ее развитие в главных чертах на несколько столетий вперед.

Человек Древней Руси смотрел на происходящее совсем не так, как смотрим сейчас мы. Едва ли не главной причиной, объясняющей суть исторических катаклизмов, в средневековой России считалось «воздаяние за грехи», однако в конечном итоге каждый понимал эту формулу очень индивидуально и выдвигал свое собственное объяснение происходящему. Почувст-

вовать своеобразие этого личностного, индивидуального отношения ко времени, к истории помогают собранные в сборнике литературные произведения, посвященные конкретным, иногда одним и тем же событиям, и прежде всего сочинения, относящиеся к периоду так называемого «смутного времени» (конец XVI — начало XVII в.), когда усилившееся кризисное экономическое и социально-политическое положение в стране вылилось в небывалую по размаху борьбу — классовую, внутриклассовую, международную. За это время страну неоднократно посещал ужасающий голод, свирепствовали эпидемии («мор»), многие ее области практически опустели — почти все их население вымерло или ушло в поисках лучшей доли в другие места. Войны, феодально-крепостнический гнет, обнищание народных масс, их почти полное бесправие в условиях обострившейся после смерти Ивана Грозного жестокой борьбы за власть в стране — все это явилось причиной возникновения первой крестьянской войны в России, высшим этапом которой было восстание под предводительством И. И. Болотникова (1606—1607 гг.). Шаткость государственной власти, появление нескольких самозванцев, претендентов на Российский престол; вначале скрытая, а затем и открытая (с 1609 г.) польская интервенция; ставшее возможным благодаря изменнической политике царя Василия Шуйского шведское вторжение; первое и второе ополчения русских патриотических сил, сумевших освободить свою столицу от интервентов (октябрь 1612 г.) и отстоять государственную независимость,— вот далеко не полный перечень важнейших событий того времени. Конечно же, все эти бурные события вызывали различную реакцию у писателей-современников.

Различен взгляд на то или иное событие или явление у приказного — человека, близкого к простому народу, у монаха или князя, но их объединяет в конечном итоге одно — чувство Родины, своей земли, сознание национального единства. Сознание русскими своей общности угадывали и иностранцы, не случайно один из интервентов замечал: «...Встанут всем народом» («Иное сказание»). Конечно же, говорить о каком-либо абсолютном единстве никак нельзя, были изменники, были «бояре богоотступники», «предатели», но именно в ту пору, в период «смутного времени», русские люди, как никогда, осознали, что «на восток лежащая часть вселенныя превеликая и многонародная человекы Российскаго государства область, славного и великого царствующего града Москвы, того великого государства...» сейчас находится перед лицом грозного врага, который «всеми силами своими вооружается, ополчает и бес-

престано устремляется, творяще... многие развраты... и разорения», что сейчас решается судьба их отечества, их единства,— их судьба (Нижегородское издание 1613 г., написанное и напечатанное московским печатником Аникитой Федоровым Фофановым, родом из Пскова).

Это было трагическое и героическое время в истории русского народа, время подъема национального самосознания, за которым наступил и период достаточно интенсивного самопознания (в этом отношении очень показательна «Повесть книги сея»). Именно в то время, примерно с XVII века, наступает, по словам В. И. Ленина, «новый период русской истории», характеризующийся «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое»[1]. Тогда же или чуть ранее (со второй половины XVI в.), по мнению историков русского языка, начинает складываться и русский национальный язык. В различных областях хозяйственной и культурной жизни России наблюдаются существенные качественные изменения (интенсивное развитие ремесла, появление мануфактуры, начало складывания всероссийского рынка, рост городов и т. д.), способствовавшие возникновению принципиально новых явлений в культуре (развитие книгопечатания, появление большого числа переводов научной и учебной литературы, основание первого высшего учебного заведения в Москве и многое другое). В литературе этого времени возникают новые жанры, появляется демократическая антифеодальная и антицерковная сатира, созданная в народной, в основном городской среде. Зарождается русское стихотворство, представленное такими наиболее крупными именами, как Симеон Полоцкий и Карион Истомин; создаются первые драматические произведения. Во всех областях духовной культуры, в том числе и в литературе, наблюдается усиление внимания к человеческой личности, ширится процесс утверждения светских, «мирских» начал.

При составлении сборника отбирались произведения, с наибольшей наглядностью представляющие эпоху и авторов, ее отображавших. В книгу вошли сочинения, написанные достаточно хорошо понятным современному читателю языком, отличающиеся яркостью индивидуальных стилей. Переводить их на современный русский язык то же, что и стихи пересказывать прозой. Перевод сделан лишь к повести Ивана Федорова (XVI в.), написанной своеобразным «высоким» литературным языком своего времени, трудно понимаемым ныне.

Перед читателем сборника предстанут важнейшие события

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

второй половины XVI — середины XVII века, увиденные, осмысленные и изображенные их участниками и творцами. О возникновении книгопечатания, появлении печатной литературы в Москве рассказывает Иван Федоров первопечатник; жизнь России в годы тяжких для нее испытаний описана князем С. И. Шаховским,— все это своего рода записки современников-патриотов. Красочный портрет полководца М. В. Скопина-Шуйского воссоздан в «Писании о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина», о популярности которого в народе говорит не только письменное слово, но и устное — исторические песни, дошедшие до нас от тех времен («Михайло Скопин», «Смерть Михайлы Скопина» и другие).

Почти фольклорны, легендарны две повести о начале Москвы. Читатель имеет возможность сравнить их, составить представление о типе сказаний, которые можно назвать художественной или, точнее, легендарной историографией.

Последнее произведение сборника — сочинение Г. К. Котошихина — заметно выделяется среди других не только своим объемом, но и языком — ясным, близким к разговорному языку москвича-приказного XVII столетия. Энциклопедичное по содержанию, это сочинение представляет собой редкостный для русской литературы того времени пример подробнейшего, порой детального изложения отдельных моментов истории и современной ему жизни Российского государства.

Созданные в XVI—XVII веках, эти произведения прожили свою долгую многовековую жизнь. Бытуя в самой различной читательской среде в рукописном виде (лишь повесть Ивана Федорова была напечатана им самим в 1574 г. — это первая печатная повесть русского автора), они старательно переписывались вплоть до XIX столетия, когда ими начала заниматься быстро развивающаяся русская филологическая наука. Стали появляться статьи и книги, посвященные этим произведениям, а их тексты публиковаться в составе различных периодических, серийных и отдельных научных изданий. В наши дни наступает качественно новый этап изучения и жизни этих произведений — как памятников героического прошлого, памятников древнерусской культуры, литературы. Происходит постепенное открытие их для широкого русского, славянского и, наконец, мирового читателя. Мы наблюдаем как бы второе рождение древнерусской литературы, процесс полноправного вхождения ее произведений в круг с интересом читаемых ныне сочинений, отобразивших личное, народное, национальное, общечеловеческое.

* * *

Повесть Ивана Федорова, опубликованная им в виде послесловия к львовскому Апостолу 1574 г., положившему начало украинскому книгопечатанию, принадлежит к числу древнерусских сочинений, которые очень трудно отнести к какому-либо определенному жанру. Назвать здесь это произведение просто послесловием мы не можем уже потому, что в представлении большинства читателей послесловие — всего лишь своеобразный дополнительный материал к основному тексту издания, не более. В повести Иван Федоров говорит о себе, о своем призвании, мечте, своих чувствах. Это словно внутренний монолог, признание самому себе в том, что считаешь главным. В какой-то степени это и благодарение, панегирик в честь рода Ходкевичей, оказавших помощь Ивану Федорову в трудные для него времена. Иногда эти 5 листов (9 страниц) текста, на которых напечатана повесть, называют первенцем отечественной печатной мемуаристики, и это тоже верно. По структуре повесть можно разделить на две части — сама повесть или рассказ Ивана Федорова о себе, вере в свое предназначение, о создании книгопечатания и рассказ о конкретном данном издании, львовском Апостоле, его печатании. Автор повести использует разнообразные художественные средства, вводит в текст цитаты из авторитетнейших сочинений, стремится максимально использовать слово для воздействия на читателя. Интересно сравнить эту повесть с послесловием к московскому Апостолу 1564 г., первому датированному русскому изданию. В последнем случае автор не назван, послесловие анонимно, мы можем лишь предполагать, что написано оно тоже Иваном Федоровым. В нем очень кратко излагается история создания типографии в Москве и появление в 1564 году ее первой книги — Апостола, объясняются причины возникновения книгопечатания. И никаких отступлений, тем более рассказов о себе. Напротив, повесть Ивана Федорова представляет собой яркий образец индивидуализации авторского стиля,— увы, по существу, единственное известное нам подобное произведение этого несомненно крупного и даровитого художника слова.

Автор «Иного сказания» неизвестен, впрочем, здесь, вероятно, и не могло быть одного автора — были авторы, так как в состав сочинения вошел ряд достаточно разнородных по жанрам и стилю произведений. Это своеобразное широкое эпическое полотно, исторический «роман-эпопея» об эпохе «смутного времени». В нем почти нет места авторской фантазии,

здесь лишь факты и подлинные исторические документы (письма, грамоты и т. д.), да еще за редким исключением отдельные небольшие лирические новеллы и видения. В общем своем виде сказание — объемная компиляция, впрочем, такой авторский метод весьма характерен для литературы данного времени и не только русской, но и европейской, где достаточно широко представлены в чем-то похожие произведения. Особенно эта схожесть бросается в глаза при сравнении с произведениями польской литературы, в том числе относящимися к началу XVII столетия — многочисленными записками, воспоминаниями и историями, например, посвященными событиям русско-польских войн. В этих как русских, так и польских, белорусских и украинских произведениях описываются порой не только одни и те же события, но и называются те же имена, цитируются те же документы. Любопытно, что при этом в тексты сочинений вводятся иноязычные слова (русские, польские, белорусские, украинские) и даже целые выражения, реже прямая речь. В памятниках этого круга часто очень неоднозначно употребляются географические и этнографические понятия. Так, под Литвой в основном следует понимать Великое княжество Литовское, в границах которого находилась тогда современная Белоруссия и часть западных великорусских земель; Московия — это великорусское Московское государство, иначе Московская Русь, государство Российское.

Количество различных статей, повествований, вкраплений и вставок в «Ином сказании» очень значительно. Один из наиболее авторитетных исследователей этого сложного памятника С. Ф. Платонов считал, что «Иное сказание» состоит, по крайней мере, из шести основных частей. Первая из них написана еще в начале царствования Василия Шуйского, после 3 июня 1606 года. Это повесть, называемая чаще «Повестью 1606 года», в которой рассказывается история жизни и смерти царевича Димитрия, говорится о времени Бориса Годунова и появлении после убийства царевича первого Самозванца. Его появление воспринимается как своего рода возмездие за убийство. Чувствуется, что автор повести — очевидец всех этих событий, он хорошо начитан, ему известны важнейшие документы того времени. Здесь же и знаменитый «извет» старца Варлаама, спутника Григория Отрепьева, который, видимо, был специально обнародован в период правления царя Василия Шуйского для обличения Лжедмитрия. В конце повести говорится об избавлении России от Самозванца, вступлении на престол «благочестивого государя» В. И. Шуйского, перенесении в Москву мощей царевича Димитрия. Вся повесть как бы про-

никнута официальными, государственными идеями и взглядами того времени — взглядами придворного круга царя В. И. Шуйского. Некоторые исследователи даже называют эту повесть официальным произведением, в ней отчетливо чувствуются мотивы совершенной нетерпимости к Борису Годунову и преданности Василию Шуйскому. Повесть была весьма популярна среди современников и потомков, отдельные ее части даже вносились в «Житие царевича Димитрия», наконец, дополненная различными новыми статьями, она оказалась и в составе «Иного сказания».

Вторая часть «Сказания» — своего рода собрание правительственных грамот о свержении Самозванца и воцарении Василия Шуйского. Каждой грамоте предпослано небольшое вступление, раскрывающее обстоятельства ее появления. Все собрание — строго документальная история России от момента убийства Лжедмитрия и избрания на царство В. И. Шуйского до первых дней июля 1606 года, времени перенесения мощей царевича Димитрия в Москву. Цель такой документальной подборки — еще раз, литературными средствами, убедить русское общество в справедливости содеянного, то есть в справедливости низложения Лжедмитрия и воцарения В. И. Шуйского. Шуйский, подчеркивает автор подборки, не случайно рассылал эти свои грамоты — русские люди были «прельщены» Лжедмитрием и именно его считали истинным государем.

Третья часть «Сказания»[1] — повествование о событиях 1606—1607 годов, начале царствования Василия Шуйского, восстании под руководством Ивана Болотникова. По своей форме данное повествование и все последующие части «Иного сказания» всего лишь ряд различных записей о тех или иных событиях, записей, постепенно присоединенных к «Повести 1606 года». Вместе с тем в текст этого повествования попали и отдельные, вполне законченные произведения, прежде всего это «Повесть о видении некоему мужу духовну». В свой рассказ о событиях 1606—1607 годов автор вводит факты из истории сразу нескольких бунтов, возникших в разное время. Реальным историческим лицам приписываются действия, которых они никогда не совершали. «Повесть о видении» вкраплена в текст предыдущего повествования и делит его как бы на две части; ее считают отдельной, вполне самостоятельной, четвертой частью всего «Сказания».

Пятую часть «Иного сказания» составляют заметки летописного характера, они почти целиком совпадают с соответст-

[1] Текст «Иного сказания» публикуется в сокращении, 3-я и 4-я части опущены.

вующими статьями из Хронографа, в котором излагались события всемирной и русской истории. Перед нами проходят события 1607—1613 годов от осады Тулы Василием Шуйским до избрания Михаила Романова на царство. Шестая часть «Сказания» — погодное изложение событий 1613—1645 годов, времени правления Михаила Федоровича и вступления на престол царя Алексея Михайловича. Таким образом, «Иное сказание» представляет собой весьма разнородный, разнохарактерный сборник, составленный из самых различных произведений.

Совсем иной тип произведений о «смутном времени» — две повести о знаменитом полководце, двадцатичетырехлетнем князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, который, как гласила народная молва, был отравлен дочерью Малюты Скуратова Марией, женой Дмитрия Шуйского — дяди М. В. Скопина, завидовавшего славе племянника. Публикуемое «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина» — наиболее интересное и яркое из этих двух произведений. Считается, что на повесть сильное влияние оказали народные песни о Скопине, а также былинный эпос. Так, пир у князя Воротынского по случаю крестин изображен в значительной степени в традициях былинной поэтики. Почти фольклорны многочисленные плачи по покойному, да и сама повесть как бы грандиозный народный плач по убитой правде и гимн ее торжеству в сердце каждого скорбящего русского человека.

«Сказание известно о воображении книг печатного дела» возникло, скорее всего, в кругу московских печатников, в кругу лиц, имеющих отношение к деятельности Московского Печатного двора, продукция которого широко расходилась по всей России и за ее пределами в славянских землях — у белорусов, украинцев, сербов, болгар. Автор сказания использовал как документальные исторические источники (например, послесловие московского Апостола 1564 г.), так, видимо, и рассказы еще живых очевидцев этого события. «Сказание» — своего рода художественная летопись русского книгопечатания. Оно было использовано при составлении в середине XVII века еще одного, более краткого сказания о «воображении печатном, и о его пресечении», а также, возможно, при написании послесловия к печатному Трефологиону (памятнику литургической книжности) 1638 года и исторического очерка русского книгопечатания конца 1720-х годов, принадлежащего перу директора московской типографии Ф. Поликарпова. Все эти произведения, включая послесловия, в том числе, конечно же, и федоровские, можно отнести к одному литературному цик-

лу — исторических повествований о русском книгопечатании. Не случайно два рукописных сказания оказались включенными в состав огромного сборника литературного содержания, принадлежавшего одному из образованнейших русских людей XVII столетия, книжнику-эрудиту, справщику Московского Печатного двора Никифору Симеонову.

«Повесть книги сея от прежних лет», написанная, как показала недавно М. В. Кукушкина[1], князем С. И. Шаховским, известным русским писателем, автором многочисленных сочинений (прежде всего о событиях «смутного времени»), в чем-то схожа с «Иным сказанием». Но повесть в отличие от сказания — завершенное литературное произведение, дающее описание всех важнейших событий «смутного времени». Она имеет четкое, последовательное построение, написана очень ярким, живым, понятным и сейчас языком. Повесть признается сегодня едва ли не лучшим литературным произведением о «смутном времени». Автор начинает свой рассказ с изображения России в эпоху Ивана Грозного, дает очень ценные, иногда достаточно подробные характеристики известных исторических лиц. Повесть насыщена многочисленными лирическими отступлениями, поэтическими картинами, живыми описаниями природы, в ней немало стихов-виршей, что было характерно для прозаических произведений того времени. Считается даже, что около трети ее текста можно разбить на рифмованные строки. Весьма показателен факт чрезвычайно широкого распространения повести среди читателей, отдельные части ее долгое время включались в состав других сочинений. Видимо, и современники считали повесть одним из лучших произведений эпохи, подлинным историческим документом, своего рода литературной историей «смуты». Интересны очень живо написанные портреты известных исторических лиц — Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича, Бориса Годунова, его дочери Ксении и других, помещенные в конце повести. В значительном числе случаев это глубокие психологические характеристики.

Совсем иначе написаны повести о начале Москвы. В них не видно стремления автора к исторической достоверности, скорее, наоборот — видно желание поддержать или даже создать определенную легенду, «сочинить» самую историю. Повести о начале Москвы составляют целый цикл, из которого для сборника отобраны лишь две. Первая из них, «Повесть о нача-

---

[1] См.: Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор Повести о Смуте.— В кн.: Памятники литературы. Новые открытия. Письменность, археология, искусство. Ежегодник 1974. М., 1975, с. 75—78.

ле царствующего града Москвы», представляет собой чисто легендарное, художественное произведение. Здесь практически нет исторических реалий. По своей манере повесть напоминает западноевропейские средневековые новеллы любовно-авантюрного содержания. В ней чувствуется и влияние русской устной поэзии, былины. Почти по-былинному дается описание мест, где позже была основана Москва, битвы князя Андрея с боярином Кучкой и т. д. Заканчивается повесть пророчеством о будущей всемирной славе и могуществе Москвы.

Вторая повесть цикла, «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», сходна с первой. Это всего лишь иная редакция произведения, дающая возможность читателю самому на этом небольшом по объему материале убедиться в том, что древнерусская литература, почти исключительно рукописная, бытовала, распространялась, не имея устойчивого текста. Произведения древнерусской литературы именно бытовали, варьировались — исправлялись писцами, сокращались, дополнялись, изменялись, что объясняется условиями времени, его требованиями, читательскими вкусами. «В этом,— по словам Д. С. Лихачева,— особая «живучесть» древнерусских литературных прозведений. Некоторые из них читались и переписывались в течение нескольких веков. Другие быстро исчезали, но понравившиеся части включались в состав других произведений, так как чувство авторской собственности еще не развилось настолько, чтобы охранять авторский текст от изменений или заимствований из него в состав других произведений»[1].

Сочинение Г. К. Котошихина «О Московском государстве в середине XVII столетия», составленное за границей, принадлежит, по словам академика М. Н. Тихомирова[2], к одному «из самых замечательных источников по истории России XVII в.», оно «написано точным, деловым языком», не лишено «своеобразного юмора». Другой современный советский исследователь, Л. Н. Пушкарев[3], отмечает, что Г. К. Котошихин «добросовестно и достоверно обрисовал жизнь и быт Русского государства в середине XVII в.».

Котошихин родился в России, служил подьячим в Посольском приказе, неоднократно использовался для дипломатических поручений, бывал за границей, в том числе в Стокгольме. Во

[1] Лихачев Д. С. Указ соч., с. 11.

[2] См.: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962, с. 307—310.

[3] См.: Пушкарев Л Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. М., 1982, с. 21.

время русско-польской войны 1650—1660 годов Котошихин находился в свите главных военачальников князей Я. К. Черкасского и И. С. Прозоровского, отправивших его на мирные переговоры с Польшей. По словам Котошихина, новый воевода, князь Ю. А. Долгорукий, сменивший Черкасского и Прозоровского, требовал, чтобы Котошихин подал донос на прежних воевод, обвинив их в измене. Котошихин, якобы не желая писать ложный донос и боясь мщения со стороны Ю. А. Долгорукого, был вынужден бежать за границу. Около 1664 года он оказывается в Польше, где скрывается под именем Селицкого, потом едет в Пруссию, Лифляндию и, наконец, в Швецию (см. автобиографию Котошихина в примечаниях). «Котошихин уверял, что он бежал из Российского государства, не желая написать ложный донос на князя Якова Черкасского, но существует собственноручная записка Котошихина о его службе польскому королю. Из записки выясняется, что Котошихин разведывал в Москве и сообщал различные вести в Польшу, будучи, таким образом, шпионом еще до бегства из России»[1]. Все это заставляет относиться к сочинению Г. К. Котошихина, составленному по заказу шведского правительства и переведенному затем на шведский язык, с определенной осторожностью, порой видеть некоторую тенденциозность автора, желание «сгустить краски». Впрочем, отмеченные обстоятельства не умаляют значения этого литературного произведения, так как «главная ценность сочинения Котошихина заключается в том, что он прекрасно знал московские порядки и дает их подробное описание»[2], «перед нами как бы моментальный снимок жизни Русского государства середины XVII в.»[3].

Сочинение Г. К. Котошихина стало известно широкому русскому читателю лишь в первой половине XIX века, позднее всех других произведений, представленных в сборнике,— когда оно было издано отечественными учеными по единственной авторской рукописи, до сих пор хранящейся в библиотеке Упсальского университета в Швеции. С 1840 года до настоящего времени оно издавалось у нас несколько раз — более всего в XIX — начале XX века, последнее издание осуществлено издательством «Молодая гвардия» в 1983 году в серии «История отечества в романах, повестях, документах».

«Драгоценным памятником старины» называет книгу Г. К. Котошихина В. Г. Белинский[4]. Он посвящает ее разбору

---

[1] Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 307—308.
[2] Там же, с. 308.
[3] Пушкарев А. Н. Указ. соч., с. 21.
[4] См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 158.

специальную статью, написанную сразу же после выхода книги в свет[1]. Можно сказать, что не одно поколение русских людей XIX столетия смотрело на сочинение Г. К. Котошихина как на авторитетное и универсальное литературное свидетельство из истории Московской Руси. Русские писатели XIX века, от Гоголя до Толстого, с увлечением читают его; его изучают и анализируют революционные демократы — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Интересна реакция русских читателей на только что появившееся в печати «новое» произведение русской литературы, так быстро и надолго захватившее их. А. И. Герцен в письме к В. В. Пассеку от 23 января 1841 года сообщал: «Вот Котошихина книга о XVII столетии. Ничто не ново под луною! Умилительная книга, я думаю, ты плакал над нею — и я плачу»[2]. Несколько позднее Н. А. Добролюбов (напомним, что он специализировался в области древнерусской литературы у знаменитого ее исследователя И. И. Срезневского и даже написал кандидатскую работу под его руководством) скажет, что сочинение Котошихина «выходит из ряда обыкновенных произведений старой Руси и обнаруживает уже замечательную силу анализирующей мысли... У него уже взгляд более широкий, более человечный, чем у всех русских, до него писавших о России, даже в отрицательном духе. Он является образованным представителем интересов среднего сословия, над которым налегло старинное барство с своим невежеством и спесью... он уже сожалеет и о грубости семейных отношений, и о невежестве высшего класса, и об административных обманах, и о жестокости пытки, и об отчуждении России от Европы. И замечательна его точка зрения: в нем нет неприязни к России, он не смотрит на ее недостатки как нераздельные с природою народа, он объясняет их обстоятельствами, отношениями различных классов между собою, и тому подобное»[3].

Из большого числа различных оценок видно, что русская читающая публика смотрела на произведения Г. К. Котошихина прежде всего как на своего рода «документально-художественное» повествование о жизни и быте нашего народа в XVII столетии, последних десятилетиях старой допетровской Руси. Что так привлекало ее к этому сочинению? Живость и ясность изложения, необычная полнота и реалистичность описания. Помещенный в конце сборника (в хронологическом

---

[1] См.: Белинский В. Г. Собр. соч., т. 5, с. 106—115.

[2] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 22. М., 1961, с. 97.

[3] Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 2. М.—Л., 1962, с. 248.

порядке написания), труд Котошихина может служить и своеобразным ключом к пониманию многих мест предшествующих ему повествований, своего рода развернутым комментарием современника той эпохи к ее событиям или даже литературным введением в нее.

* * *

Настоящий сборник, особенностью которого является ярко выраженная историческая направленность произведений, его составляющих, что в той или иной мере вообще характерно для большинства памятников древнерусской оригинальной литературы, не мог бы появиться без большой подготовительной работы многих поколений русских и советских филологов-древников, начавших активно собирать, изучать и издавать эти памятники еще в XVIII столетии[1]. Уже тогда и позднее, в период значительного подъема интереса к славянским древностям, многие ученые и деятели культуры прекрасно понимали, что в конечном итоге одна из главнейших задач филолога-древника и филологической науки вообще — донести живое слово предков до современника, слово, которое звучит и сейчас. В этом звучании отражается и проявляется единство литератур, культур разных времен, непрерывность развития народной, национальной культуры, вливающейся в культуру общечеловеческую, мировую.

---

[1] Наиболее интересный пример из XVIII в.— Н. И. Новиков, выпустивший первую многотомную серию произведений древнерусской письменности — десяти,— а затем во 2-м издании двадцатитомную «Древнюю российскую вивлиофику», многие десятилетия остававшуюся непревзойденным собранием письменных памятников нашего прошлого, в определенной степени сохраняющим свое научное значение и до сего дня.

Ю. Лабынцев

Иван Федоров

Сия убо повесть изъявляет, откуду начася и како съвершися друкарня сия

Древнерусский текст

Изволением отца и с поспешением сына, и съвершением святаго духа, повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословением преосвященнаго Макария митрополита всея Руси друкарня сия съставися в царствующем граде Москве в лето 7070 первое в тридесятое лето государства его. Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелнаго ради озлобления часто случающагося нам не от самого того государя, но от многих начальник, и священно начальник, и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити, и божие дело вконец погубити, якож обычаи есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи неразумеет, како ходит и о чем утвержается. Сия убо нас от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели. Егда же от туду семо преидохом, и по благодати богоначалнаго Исуса Христа господа нашего, хотящаго судити вселеннеи в правду, въсприяша нас любезно благочестивыи государь Жикгимонт Август, кроль польскии и великии князь литовскии, рускии, прускии, жемотискии, мазовецкии и иных, с всеми паны рады своея. В тоже время, с тщанием умоли государя, волеможныи пан Григореи Александрович Ходкевича, пан виленьскии, гетман наивышшии великого князьства Литовъскаго, староста городеньскии и могилевъскии, прия нас любезно к своей бла-

гоутешнеи любви и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас. Еще же и сие недоволно ему бе еже тако устроити нас, но и весь немалу дарова ми на упокоение мое. Нам же работающим по воли господа нашего Исуса Христа и слово его по вселеннеи разсевающе. Егда же приити ему в глубоку старость и начасте главе его болезнию одержиме бывати, повеле нам работания сего престати и художьство рук наших ни во что же положити, и в веси земледеланием житие мира сего препровождати. Еже неудобно ми бе ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо въместо рала художьство наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселеннеи разсевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно въпиюща к мне: «Лукавыи рабе и лениве, почто не вда сребра моего торжником и аз пришед взял бых свое с лихвою». И когда убо на уединении в себе прихождах и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем, да бых не съкрыл в земли таланта от бога дарованнаго ми. И тужащу ми духом сия глаголах: «Еда в веки отринет господь и не приложит благоволити паки, или до конца милость свою отсечет, по притчи смоковничнаго неплодъствия, яко всуе землю упражняющу». И сего ради понудихся ити оттуду и в путь шествующу ми многи скорби и беды обретоша мя, не точию долготы ради путнаго шествия, но и презелному поветрею дышущу, и путь шествия моего стесняющу, и просто рещи вся злая и злых злее. И тако промыслом божия человеколюбия до богоспасаемаго града, нарицаемаго Лвова приидох, и вся яже на пути случающаямися ни во что же въменях, да Христа моего приобрящу. Вся яже зде сну подобна и сени, преходят бо, яко же дым на воздусе, благая и злая расходятся, яко апостол хвалится в скорбех, занеже скорбь терпение съдевает, терпение же упование, упование же не посрамит. Почто занеже любовь божия възгореся во срдцы моем духом святым данным ми и разсудившу ми се. И когда вселшу ми ся в преименитом граде Лвове, яко по стопам ходяще топтаным некоего богоизбранна мужа начах глаголати в себе молитву сию: «Господи вседержителю, боже вечныи и безначалныи, иже благости ради единыя, приведыи от небытия в бытие всяческая словом своим вседетелным, духом уст своих срасленым, иже и промышляя присно и съдержа, износя по числу тварь

свою и по имени възывая. Иже в последняя лета неизреченныя ради милости твоея падшее наше естество възвел еси схожением единороднаго сына твоего господа нашего Исуса Христа, иже и предасться за прегрешения наша и въскрес оправдания ради нашего, его же язвою исцелехом. По благоволению хотения твоего и в похвалу славы благодарности твоея предже нарече нас в усынение Исус Христом в тебе, в еже быти нам святом и непорочном пред тобою в любви, поведая нам таину воля своея, еже быти нам исперва некое от създании твоих. Укрепи боже се еже съделав нас, неизвещенною глубиною судеб твоих, християном даталю истинныя премудрости, вразуми мя и испытаю закон твои, и не отъими от уст моих словесе истинна до зела, ради братии моих и ближних моих. Услыши молитву мою, господи, и моление мое внуши, слез моих не премолчи. Яко преселник аз от тебе и пришлець, яко же вси отцы мои. Ослаби ми от страстеи моих, да полещу деянием и почию видением и смирением. Ты убо, о владыко, и предже множицею отпустил еси нечестие срдца моего молитвами святых твоих от века угодивших ти и ныне служащих ти преподобием и правдою. Аминь».

И помоливщу ми ся, начах богоизбранное сие дело к устроению навершати, якобы богодохновенныя догматы распростаневати. И обтицах многащи богатых и благородных в мире, помощи прося от них, и метание сътворяя коленом касаяся, и припадая на лицы земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи сътворях. И в церкви священнику всем въслух поведати повелех. Не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезным рыданием, не исходатаиствовах никоея же милости иереискими чинми; и плакахся прегоркими слезами, еже не обретох милующаго ниже помогающаго, не точию же в руском народе, но ниже в греках милости обретох. Но мали нецыи в иереиском чину, инии же неславнии в мире обретошася помощь подающе, не мню бо от избытка им сия творити, но якоже оная убогая вдовица от лишения своего две лепте въвергьшия. Вем, убо яко в нынешнем мире должная их к ним възвратится, в будущем же веце от богатодавца бога стократицею въздастся. Молю убо вас, не прогневаитеся на мя грешнаго, пишущу ми сия, не мните, убо яко от чрева глаголати ми или писати; весть бо всяк от начала прочитая и вкратце списаную сию историю, како от его милости пана Григория Ходъковича всякими потребами телесными, пищею и

одеждею, удоволен бех. Но вся сия ни во что же вменях, не уповах на неправду и на восхыщение не желах, богатьства аще и много стекалося не прилагах тамо срдца. Но паче изволих всякия предреченныя скорби и беды претерпевати, да множае умножу слово божие и свидетельство Исус Христово. Наше убо есть, еже с смиреномудрием просити и начинати, божие же еже миловати и совершати. Того бо и царствию наследник быти надеюся, его же буди всем нам получити. Благодатию и человеколюбием господа нашего Исуса Христа, ему же подобает слава, честь и покланяние с отцем и с святым духом, ныне и в бесконечныя веки. Аминь.

А начася сия книга друковати, рекомыи апостол, в богоспасаемом граде Лвове, в неи же деяния апостольская и послания съборная, и послания святаго апостола Павла, по воплощении господа бога и Спаса нашего Исуса Христа в лето 1573 февруария в 25 день, и съвершися в лето 74-е того же месяца в 15 день. Молим же вас любовию духа господа нашего Исуса Христа, давшего себе о гресех наших, вси раби благословеннаго бога нашего, да аще когда прилучится кому вникнути в сию душеполезную, апостольскую книгу и разумети, что потребно и душеполезно, тои преже всех виновнику всем благим и съдетелю жизни нашея, богу, благодарность да воздает, а его милости пану Григорию Александровичу Ходкевича вечныя памяти и с святыми равно престольными от века богу угодившими, с селения и с жительства получити да просит. Потом же сыном его милости пану Андрею Григорьевичу Ходкевича, пану подстолему Великаго князьства Литовского, старосте могилевскому, и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевича, старосте городеньскому, державцу Аиньскому, да просит душевного спасения и многолетнаго здравия, понеже бо они виновни суть таковыя ползы. Нам же непотребным начнания дерзнутым прощение и грехом простыню да просят, да и сами того же благословения и простыни грехом сподобитеся; и аще что погрешено будет, бога ради, исправляите, благословите, а не кленете, понеже не писа дух святыи ни ангел, но рука грешна и брена, якоже и прочии ненаказаннии.

Выдруковал есми сию душеполезную апостольскую книгу в преименитом месте Лвове в славу всемогущия и живоначалныя троица, отца и сына и святаго духа. Аминь.

Иоанн Федорович друкарь Москвитин.

Сия повесть изъясняет, откуда началась и как создавалась эта типография

Перевод

По воле отца, с помощью сына и свершением святого духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта создана в царствующем граде Москве в лето 7071 [1563 год], в тридцатое лето его царствования.

Не случайно начал я рассказывать это Вам, а потому, что великие беды испытали мы от озлобления людского, не от самого царя, но от многих гражданских и духовных начальников и учителей, которые из зависти обвиняли нас в различных ересях, желая благое превратить во зло и божье дело вконец погубить, как это бывает у злонравных и неученых и неискусных в разуме людей, не обучавшихся грамматической хитрости, не исполненных духовного разума, а только, как водится, злословящих. Уж такова природа зависти и ненависти не понимающих, куда ведут и на чем основываются. Потому из нашей земли и отечества от рода нашего мы были изгнаны и переселились в иные, неведомые нам страны. Когда же мы пришли оттуда, по благодати богоначального Исуса Христа, господа нашего, желающего судить мир по правде, принял нас любезно благочестивый государь Сигизмунд Август, король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтийский, мазовецкий и иных [земель] со всеми своими сановниками. Тогда, упросив со тщанием государя, вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич, пан виленский, наивысший гетман Великого княжества Литовского, староста гродненский и могилевский, принял нас с лю-

бовью под свое покровительство и всем необходимым снабжал долгое время. И этого еще было мало ему, что так устроил нас, он даровал мне немалую весь [селение] для моего пропитания. Мы трудились по воле господа нашего Исуса Христа, рассевая слово его по вселенной. Но вот пришел в глубокую старость наш покровитель, голова его стала страдать от частой боли, и повелел нам прекратить книгопечатание, художество наших рук оставить, заняться земледелием и проводить жизнь свою в здешнем мире за этим занятием. Но не земледелие дано мне в жизненный удел, владею не плугом, а искусством иных орудий, вместо хлебных семян сеять по вселенной семена духовные и всем по чину раздавать духовную сию пищу. Более всего страшился я владыки моего Христа, непрестанно вопрошающего меня: «Лукавый и ленивый раб, почему не дал серебра моего торгующим? Я пришел и взял бы свое с лихвою». И когда я в уединении углублялся в себя, то не раз постель свою многими слезами омочил, размышлял в сердце своем, дабы не сгубить талант свой, дарованный от бога, не зарыть его в землю. И оттого, тужа в душе, говорил себе: «Неужто оставит меня господь, не пошлет благословения, отсечет милость свою к человеку, напрасно попирающему землю, словно в притче о смоковнице бесплодной?» И из-за всего этого ушел я оттуда и на пути многие скорби и беды обрел, не только потому, что долго странствовал, но и потому, что случилось тогда моровое поветрие, сильно стеснявшее мое передвижение; а прямо и ясно говоря — все самое злое, что случается в мире. И так благодаря человеколюбивому промыслу божию добрался я до богоспасаемого града, нарицаемого Львов. Все случившееся со мной в пути не принял я душою, дабы обрести Христа моего. Ибо все земное преходяще и подобно сну и тени; словно дым в воздухе, и благое и злое исчезает, как говорит апостол, в скорби рождается терпение, терпение порождает упование, а упование не оставит. Потому в сердце моем возгорелась любовь божья, духом святым данная, рассудившим все. И когда поселился в преименитом граде Львове и ходил как бы по выбитым следам некоего богом избранного мужа, то начал читать такую внутреннюю молитву: «Господь вседержатель, боже вечный и безначальный, ради одной лишь благости приведший все из небытия в бытие словом своим вседеятельным, духом уст своих живоначальных, который попечительство вечное над всем сущим имеет и опекает каждое творение свое, по

имени его взывая. И в последние времена по неизреченной милости возродил падшее наше естество пришествием единородного сына твоего господа нашего Исуса Христа, ниспосланного за прегрешения наши и воскресшего ради нашего оправдания, его ранами нас исцелившего. По воле твоей и в похвалу славы благости твоей, прежде чем наречь нас по Исусу Христу сынами своими, дабы быть нам в любви, святыми и непорочными пред тобою, открывшему нам тайну воли своей, дабы изначально были мы одним из созданий твоих. Укрепи, боже, вложенное тобою в нас по неисповедимой глубине промысла твоего, ты, давший христианам истинную премудрость, вразуми меня, и постигну я закон твой, и не отними от уст моих слов истины ради братьев моих и ближних моих. Услышь молитву мою, господи, и молению моему внемли и слезам. Скиталец я и пришелец по воле твоей, как и все отцы мои. Избавь меня от страстей моих, дабы жил я в трудах и успокоился в созерцании и смирении. Ибо ты, о владыка, и прежде многое прощал из прегрешений сердца моего по молитвам святых твоих, изначально угодивших тебе и ныне служащих святостью и правдой. Аминь».

И, помолившись, начал я готовиться к богоизбранному сему делу, дабы распространять богодухновенные догматы. И многократно обошел я богатых и знатных в миру, прося их помощи, и кланялся и припадал лицом к земле, из сердца капающими слезами моими ноги их омывал, и так не единожды и не дважды, а множество раз. И священнику в церкви велел всем объявить. Не испросил ничего умильными речами, не умолил многослезным рыданием, не исходатайствовал никакой помощи от священнических чинов и плакал прегорькими слезами, ибо не обрел ни сочувствующего, ни помогающего не только в русском народе, но и среди греков. Однако некоторые немногие из священнического чина и простые незнатные из мирян не обошли своею помощью. Не думаю, что от избытка своего они это делали, но как некая убогая вдовица от лишений своих давшая две лепты. Знаю, что в нынешнем мире данное ими возвратится к ним, а в будущей жизни воздастся им сторицею. Молю Вас, не прогневайтесь на меня, грешного, пишущего это, не думайте, что корысти ради говорю и пишу; знает всякий, кто с начала прочитал эту краткую историю, как его милость пан Григорий Ходкевич одарил сполна всем необходимым для жизни плотской — пищей и одеждой. Но все это я ни во что вменил, не уповал на неправ-

ду, не желал приобретений; богатство, хотя и много его стекалось, было мне не по сердцу.

Я предпочел переносить вышеописанные несчастья и беды, дабы умножая умножать слово божие и учение Исуса Христа.

Со смирением надлежит нам просить и начинать, в руках божиих миловать и совершать. Его царствия наследником надеюсь я быть, как да будет и всем нам. Благодатию и человеколюбием господа нашего Исуса Христа, ему же подобает слава, честь и поклонение с отцом и святым духом, ныне и в бесконечные века. Аминь.

А начала печататься сия книга, называемая Апостол, в богоспасаемом граде Львове, в ней деяния апостольские, и послания соборные, и послания святого апостола Павла, по воплощении господа бога и спаса нашего Исуса Христа в лето 1573-е, февраля в 25-й день; и закончена в лето 1574 того же месяца в 15-й день. Молим вас любовью духа господа нашего Исуса Христа, пожертвовавшего собой ради нас, всех рабов благословенного бога нашего, если случится кому когда вникнуть в сию душеполезную апостольскую книгу и понять, что потребно и душеполезно, то прежде всех виновнику всего благого, творцу жизни нашей, богу, да воздаст благодарение, а его милости, пану Григорию Александровичу Ходкевичу, пусть просит даровать вечную память наравне со святыми равнопрестольными, угодившими богу от века. Потом же сыновьям его милости, пану Андрею Григорьевичу Ходкевичу, пану подстолию Великого княжества Литовского[1], старосте могилевскому и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевичу, старосте гродненскому, державцу Аиньскому[2], да просит душевного спасения и многолетнего здравия, понеже они истинные виновники этого полезного дела. Нам же, недостойным, дерзнувшим начать, просите прощения грехов, да и сами того же благословения и прощения грехов сподобитесь; и если в чем погрешность будет, бога ради исправляйте, благословите, а не кляните, ибо не писал дух святой, ни ангел, но рука грешная и бренная, как и у прочих необразованных.

Напечатал сию душеполезную апостольскую книгу в преименитом городе Львове во славу всемогущей и живоначальной троицы, отца и сына и святого духа. Аминь.

Иоанн Федорович, печатник из Москвы.

Иное сказание

Той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, зде же приполнено, и где в первой полно, зде же скратно писано. Инаго творения.

[I]

Божиим изволением, паче же Его человеколюбивым хотением, бысть в лето 7092-е [1584 г.], в неже преставися благоверный и христолюбивый и во благочестии пресветло сияющий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии самодержец, месяца марта в 18 день. И по нем осташася его царскаго корене две пресветлии отрасли, сынове его, царевичь Феодор Иванович всеа Русии, да мний его брат царевичь Дмитрей Иванович всеа Русии, токмо с ним не единыя матере. Родися сей благочестивый и христолюбивый царевичь Дмитрей Иванович, иже тезоимянит явися страдалец великому мученику Дмитрию Солунскому, от матери царицы Марии Феодоровны Нагого; старейший же брат его царевичь Феодор Иванович всеа Русии родися от матери благоверныя и богомудрыя царицы Настасии Романовны Юрьева. В лето 7091 [1583 г.], по рожестве же того блаженнаго царевича Дмитрея, случися сему благочестивому и христолюбивому царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, отцу их благородных царевичев, впасти в телесную болезнь; яко уже ему зелне изнемогающу, приказа же благородныя чада своя, благоверных царевичев Феодора и Дмитрея, верному своему приятелю и правителю и доброхоту, благонравному болярину князю Ивану Петровичу Шуйскому, да князю Ивану Федоровичю Мстисловскому, да Миките Романовичю Юрьева, дабы их, государей наших, воспитали, со всяким тщанием их царскаго здравия остерегали. И помале душу свою предаст в руце божии царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, и оставив земное царство, и отъ-

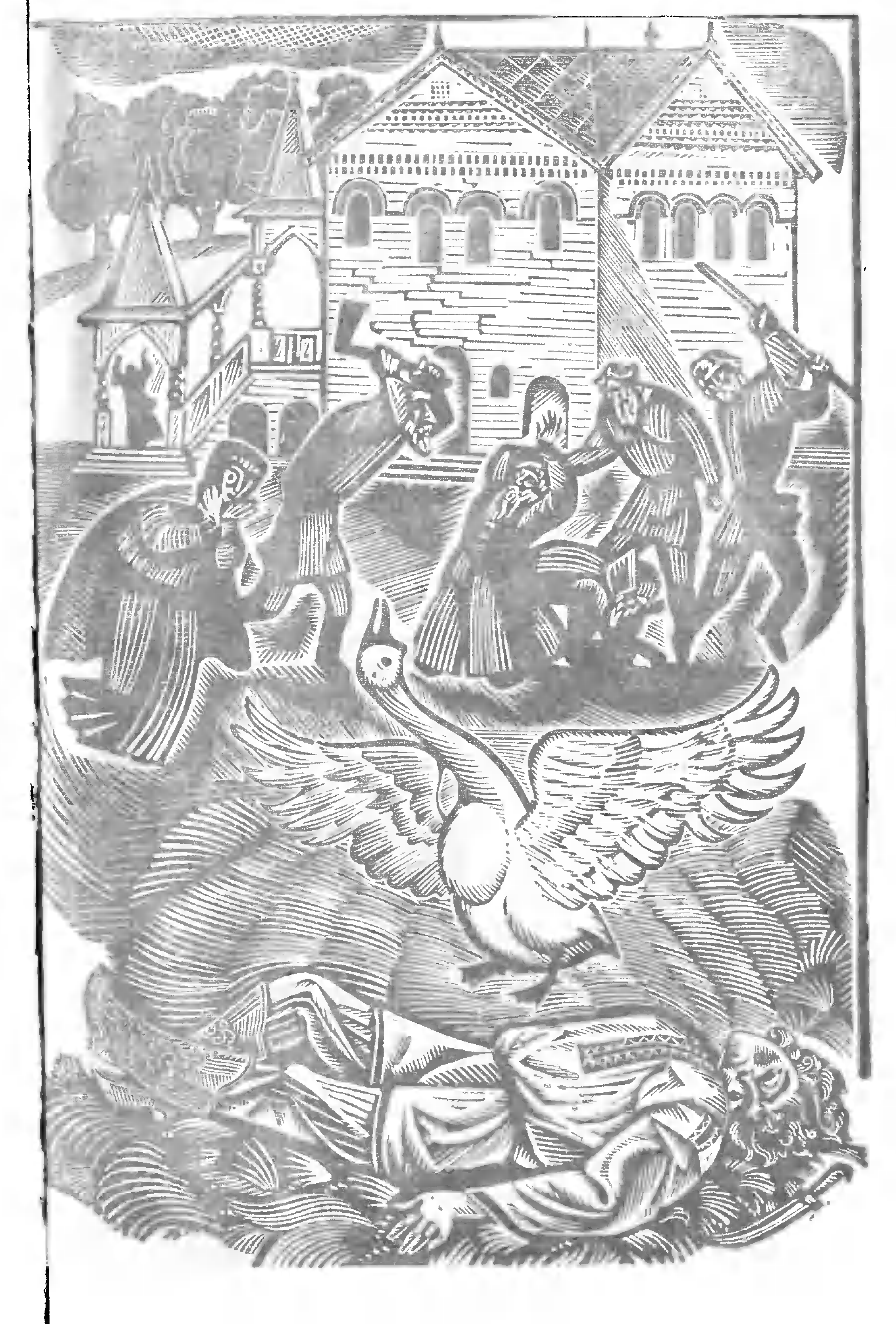
иде в вечное блаженство небеснаго царствия. И по милости божии в троицы славимого бога нашего царевичь Феодор после отца своего, блаженныя памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, по его благословению и по повелению воцарися и сяде на превысочайший престол богом хранимого Росийскаго царствия в Московском государстве того же 92-го году [1584 г.], месяца маия в 1 день, на память святаго пророка Иеремея, и бысть царь всему Росийскому государству. Юнейшему же его брату, благочестивому царевичю Дмитрею, по преставлению отца своего в детском образе оставшу, яко летом двема и нижайше; пребывшу же ему в державе отечества своего в царствующем граде мало время, потом же отогнан бывает во область Руския державы во град зовомый Углечь и с материю его прият же тамо многи скорби и гонение от раба некоего, зовомаго Бориса Годунова.

По мале же времени вниде зломысленный диявол в сердце тому же от велмож прежереченному Борису Годунову. Сей же Борис шурин царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Русии. И уподобися той Борис древней змии, иже прежде в раи прелсти Евву и прадеда нашего Адама и лиши их пищи райския наслажатися. Тако же сий Борис нача прелщати многих от царские полаты приобщателей боляр и дворян, такоже и от властей и от гостей многих прелестию присвоив к себе, овых дарми преодолех, а иных прелщением, аки змий свистанием, угрози. И видя себе посреде царьскаго синглита превышши всех почитаема, и нача славобесия дыхании обуреватися, и воздвиже на свою господию на князя Ивана Петровича Шуйского и на единородных его братию. Присно бо добрых лукавии ненавидят; и обычай лукавый есть: доидеже постизает хотение, свирепейший лютаго зверя явится; таковый, аще что и добро сотворит, обаче зовется зол; горкий бо плод, аще и множицею помажется медом, не отлагает горчины своея в сладость: обычай бо таков имать. Но божиею помощию не возможе им зла сотворити ничто же, точию сам на себе студ и поношение и укоризну привлече. И учинися вестно про сие збывшееся всенародного собрания московских людей множеству, еже Борис помышляет на них, и восхотеша его со всеми сродницы без милости побити камением. И видя себе той Борис самого поругаема и от всего народнаго множества попираема, и умысли лукавством своим и нача паки прелщати того великого болярина князя Ивана Петровича и его сродников, князя Василия

Ивановича и с его соединокровными братиями, глаголюще, дабы им с ним имети любовь сердечная и утвердитися верою, что никому ни на кого злохитренных советов не совещевати и не думати и царского величества и здравия остерегати опасно и бодрствено вкупе заедин с ними. Боголюбивый же князь Иван Петрович и его сродницы, князь Василей Иванович и его братия, изначала прародителей своих боящеся бога и держащи в сердцых своих к богу велию веру и к человеком нелицемерную правду, и возложиша упование на милость божию и мнеша того пронырливаго Бориса, яко правду глаголюща. Всяк бо незлобив всякому словеси веру емлет, а коварлив в размышление приходит. Сии же незлобиви быша и веру ему яша, и положиша веру со укреплением промеж себя, что имети любовь и доброта, якоже и преже. Той же Борис по обете своем не угаси злораспалаемаго своего огня славобесия и восхоте приобрести славу выше своея меры: еще умышляет злоковарными своими умышлении, дабы в чем им пакость сотворити: и тем лукавством не возможе сему благородному болярину князю Ивану Петровичю и его сродником зла сотворити никоторого: покрыты бо кровом крылу господню. И паки нача отверзати лукавая уста своя и изблева, яко змия, смертоносный яд свой, тако глаголюще: дабы сей благоверный болярин князь Иван Петрович учинил в народе проповедь, что им на Бориса нет гнева, ни мнения никотораго, того ради, дабы его Московстии народи смерти не предали. Они же мнеша его, Бориса, яко сущую правду без лукавства к себе глаголюща, и возвестиша всем утвержение мирства своего; и слышаще сия, Московстии людие пременишася еже на Бориса от гнева. И по времени некоем изволи князь Иван Петрович дозрити царского жалования, а прародителей своих вотчины, поехал во свою отчину, еже во области града Суждаля. Той же лукавый Борис презре все свое обещание и забыв веру, узнаючи к погублению его время, и посла своих злосоветников вослед князя Ивана Петровича, и повеле его яти, бутто государевым повелением, яко от царскаго величества от полаты, в заточение посла того на Белоозеро и тамо злою нужною смертию уморити того. И потом сродников его, князя Василия Ивановича Шуйского и единокровных его братию, розосла по разным городом в заточение, а брата же их князя Андрея Ивановича отосла в Буй-город и тамо повеле его уморити смертию нужною. Такоже и гостей многих посреде града казнити повеле, а домы их в расхищение предложи; а иных по

далным городом в заточение розосла; и многих жен осиротил и детей опустошил. И еще тою кровию и слезами не наполни ненасыщаемыя утробы своея и паки воздвиже многу вражду на свою господию, на князей и на боляр, и многих от велмож различным смертем предаст, их же число бог весть, и никоторою кровию славобесныя утробы своея не удовли.

О люте! да како о сем слезы моя не пролию? или како может десница моя начертати тростию о сем? Воставает предатель, яко Июда Искариоцкий на учителя своего Иисуса Христа сына божия, такоже и той Борис вооружается убийством на государя своего царевича князя Дмитрея, еже и сотвори окаянный святоубийца. И начат же помышляти лукавый той раб, како бы ему исторгнути корень богоизбранный царьский; всячески поучаяся предати смерти сего тезоименитого благочестиваго царевича, не хотя оставити наследника отечесткому их престолу, по нем желая царства собе получити. Забы бога, спасающего избранных своих, скорбь же и тесноту сему благочестивому царевичю нанося, многажды же и смертоноснаго яда вкушение злотворным умышлением посылая к нему, злую смерть нанося ему. Он же вся сия с радостию приимаше, ведый, яко ничто же успеет сила вражия противу силы божия, и во всем владыки своего Христа смирению последова, якоже иному страждущу от всех прилучившихся ему; никакоже сумнеся, ни вопреки глагола, упова на господа, яко той прибежище от скорби одержащия, и вся скорбная нанесения с радостию приимаше. Сия же видев лукавый раб той, яко ничто же успе сотворити, ничим же зла сему благочестивому царевичю, таже посла во град Углечь злосоветников своих и рачителей дияка Михаила Битяковскаго да племянника его Никиту Кочалова. И повеле тое царскую младорастущую и красноразцветаемую ветвь отторгнути, благовернаго царевича Дмитрея, яко несозрелаго класа пожати, младенца незлобива суща смерти предати и, яко агнца, заклати; и нарекова им благочестия образ претворити и во тщании претворити, тако восхоте исторгнути и память его от земля, ими же и желание свое улучи вражебных уношей, яже от навожения дияволя научени быша. Посланнии же они от завистника Бориса Годунова, на Углечь пришедше, сокровен злый умысл и совет в собе ношаше и ина же лукавая советующе на святаго, дерзнувше предати неповинной смерти благочестиваго господина своего, еще бо ему сущу осмолетным возрастом; злобе же по-



2 Заказ 1250

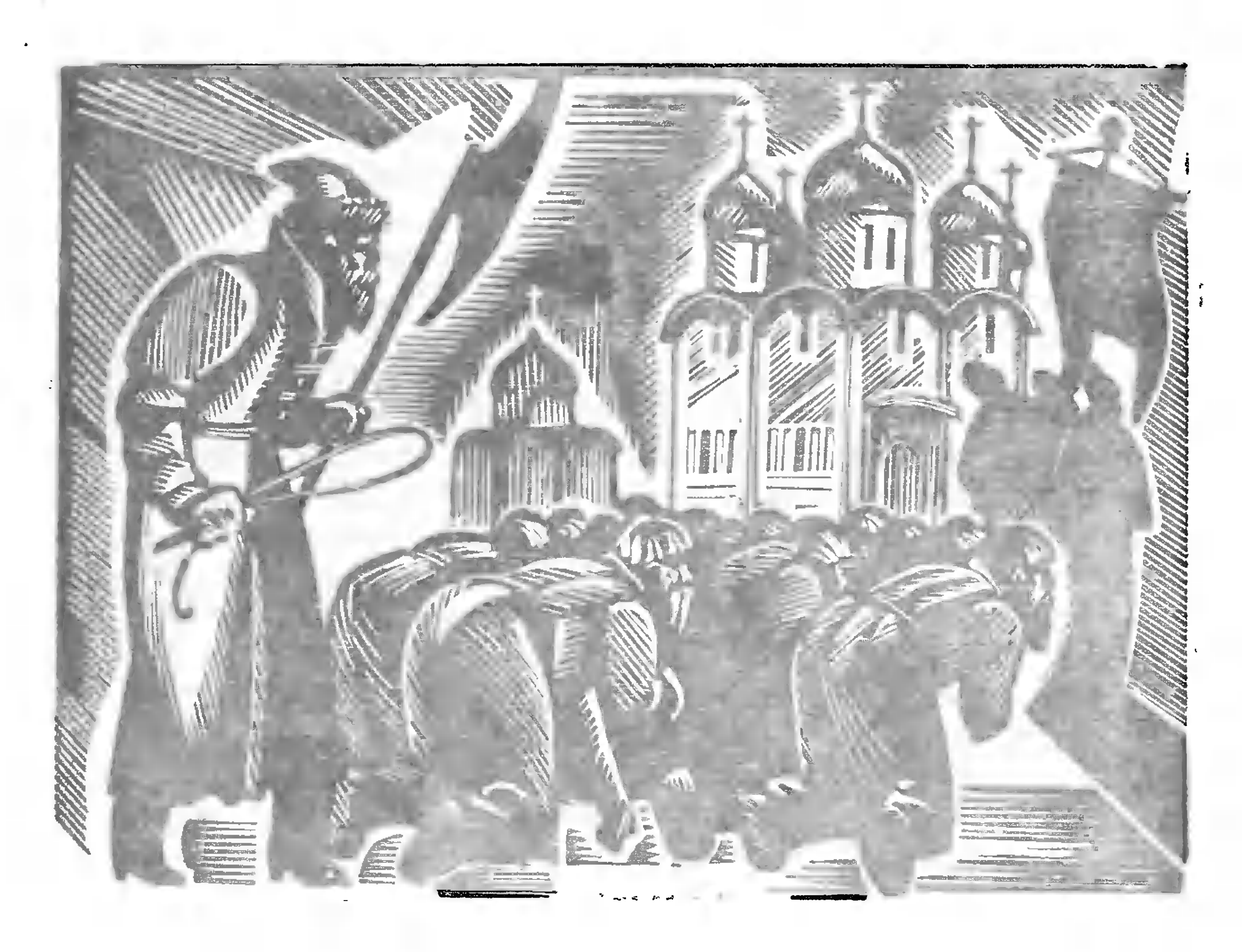
собнии они не престаша, всяк ков движуще и лесть покрывающе и взыскающе, еже повелено им бысть, дондеже обретше, якоже Июдеи прежде на убиение владыки Христа, бога нашего, тщетным поучишася. Преждереченный же он раб завистник, иже воздвигий пяту на господина своего, восхоте ловлением потаенну смерть сего благочестиваго царевича сотворити, а не ведый, что глаголет Пророк: «Горе беззаконником, яко злая утнутся им по делом руку их». Немилостивыи же они юноши, их же прежде изъявихом, оттоле искаше подобна им времени, да смерти предадят святаго и благочестиваго царевича. Внезапу же исшедшу святому отроку по детскому обычаю на играние, абие же, яко волцы немилостивии, злочестивыи тии юноши нападше на святаго, един же от них извлек нож, напрасно удари святаго по выи его и пререза гортань ему. Яко агньца незлобива, смерти предаша беззаконнии, отмщения же крови праведнича в то же время прияша нечестивии они убийцы: от людей града того побиени быша. Святая же душа благочестиваго и добропобеднаго мученика царевича Дмитрея возлетев к селом небесным и ко престолу трисолнечнаго божества и неизреченныя и божественныя оноя и недомыслимыя видением заря наслажаяся восприятия [...]. Честное его и страдальческое тело на земли оста, обагрено кровию, сияя, яко солнце; положено же бысть в том же граде Угleче в церкви боголепнаго Преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа. О сем бо великий Григорей Нисийский глаголет: «Аще не отгнани будем от земля, на земли всяко останем; аще ли отсюду отгонят нас, на небеса преселимся». О немилостивыи и нечеловеколюбныя утробы, о лукавый Борисе, вторый Июдо предателю и вторый Светополче по святоубийству! како и почто еси погубил младенца незлобива, паче реку, государя своего? кую ти досаду сотворил, или чим тебе оскорбил? Но воля господня буди во всем; яко же изволит благости его прещедрая, тако и сотворит по своему хотению. Мы же оставше сия, да возвратимся на предлежащее.

Иже бо кого хотяще в нынешнем веце хвалити и чюдитися, аз же абие подвизаюся, явити еще вам хощу злаго и лукаваго злое умышление, изумлена о суетной славе мира сего и поострившаго злый яд свой на праведных, и сим наведе кровопролитие всей Руской земли, и каково возмездие сам восприя и с родом своим на земли во очию нашею, а в будущем веце бог един сам весть, что воздаяние ему воздасть. И паки той Борис нача в сердцы своем безпре-

станным желанием желати и яко неугасимым огнем горети к державству Московского государства и всея великия Росии, по вся дни и нощи неусыпно помышляя, како и коим начинанием начати на царский престол и восхитити и свое желание получити без срамоты. И прежде нача испытовати многими волхвы и звездословцы, от многих стран и язык собирая и приводя к себе на Московское государство царьским именем и вопрошая — мочно ли ему доступити престола царскаго и быти царем. Они же, его видя желание великое о сем и в большее чаяние и радость вводя его, сказующе ему, яко родися в ту звезду царскую и будешь царь великой Росии; и тии, глаголющии тако, честь и жалование приемляху от него велие на мало время, потом же коварно и потаенно смерти предая их. Не смыслят же кто безумнии и веруют сему, яко не звездным движением се, но промыслом, вседержителя бога когождо нас житие строится [...].

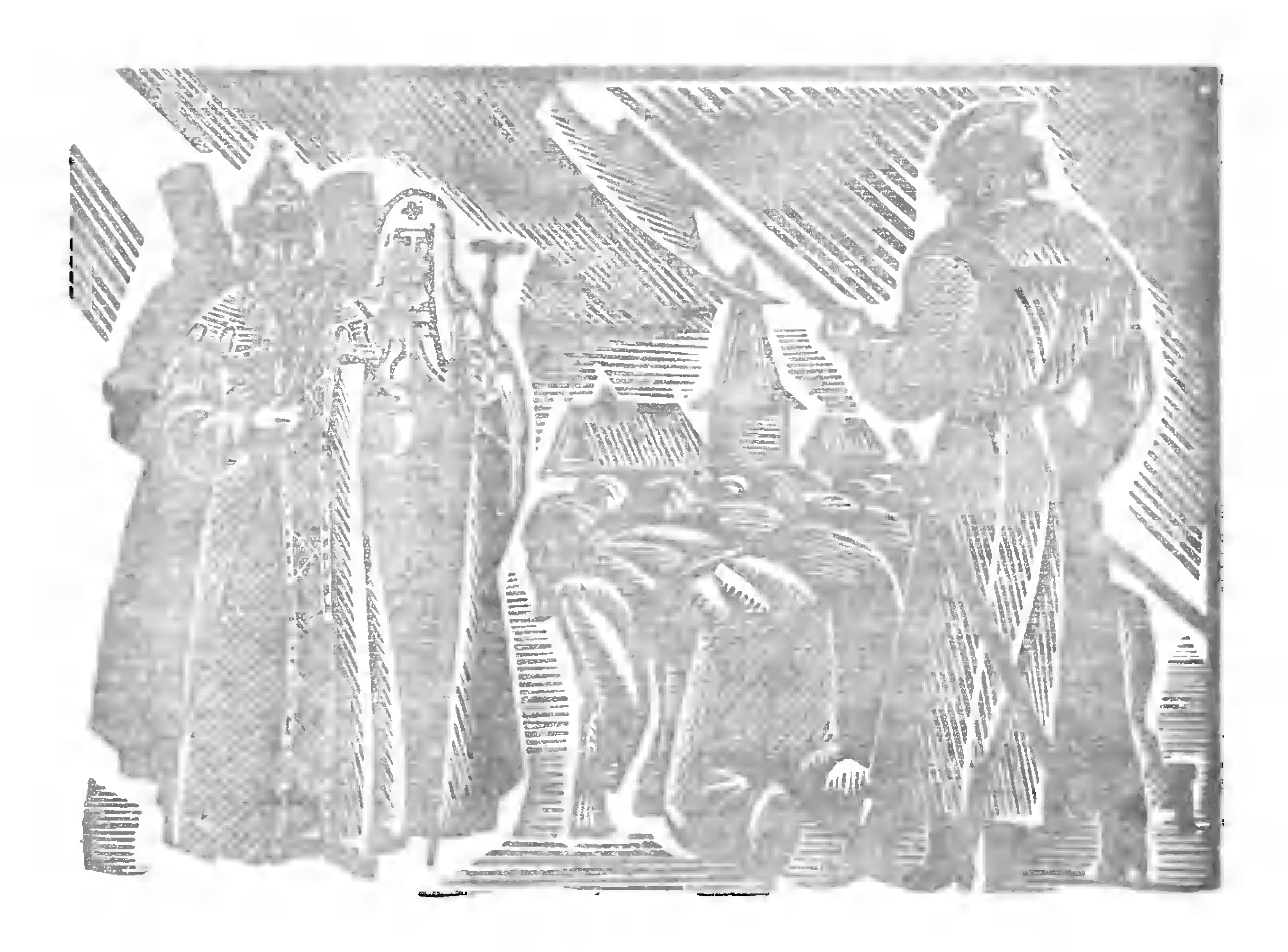
Бысть же в лета по отшествии мира сего в кровы небесныя святаго и праведнаго государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии самодержца осмыя тысящи 106 году [1598 г.] месяца генваря в 6 день; бе же и то его преставление от неправеднаго убийства того же Бориса. О како могу премолчати о сем? аще мы умолчим, то камение возопиет. И сие приносящее плод благородия, насажденное древо десницею всещедраго превечнаго бога той же Борис подсече, искорени, даже и до умертвия его сотвори. И яко же прежде имел нрав лукав и пронырлив и боляр, и царских синглит, и велмож, и властей, и гостей, и всяких людей прелстил, ово дарми, ово любовию, а иных злым прелщением, и не смеяше никто вопреки ему глаголати от боляр и до простых людей; тако же той Борис по отшествии к богу государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии нача посылати злосоветников своих и рачителей по царствующему граду Москвы, и по всем сотням, и по слободам, и по всем градом Росийския области ко всем людем, чтобы на государство всем миром просили Бориса. Боляре же, и власти, и велможи, и весь царский синглит, и гости, и всенародное множество Московскаго государства бояхуся Борисова злаго запрещения и казни и междуусобныя брани, а иже его рачители и советники присвоени, паче же богу неизреченными своими судбами строящу, и никто не смея противу его рещи. От злосоветников же его и рачителей научении народи, аще и не хотяху его на государство, но боящеся его злаго прещения, мо-

ляху его пред боляры, и властьми, и велможи, и пред царскими синглиты восприяти скипетр великия Росии. И сего ради и от достойных на ее не смеяху поступити народнаго ради изволения, чающе их от истинныя сердечныя любви, а не неволи ради. Он же зломысленный проныр лукавый, за много лет сего желая и доступая, и ту яко не хотя, и вскоре на се не подадеся, и отрицаяся много и достойных на се избирати повелевая. Сам же отшед в великую Лавру



Матери божия воспоминаемого чюдеси Смоленския иконы Девича монастыря и ту сестре си царице Ирине, уже инокини Александре, служаше[1], от народнаго же множества но вся дни принужаем к восприятию царства. Он же срамляшеся и боящеся сестры своей иноки Александры, занеже не попущаше сему быти тако: ведяше бо, яко издавна желание его на се и сего ради многи крови неповинных пролия от больших боляр, правящих в Росийском государстве государем царем своим истинно и право, такоже гостей и иных всяких чинов изгуби. Советницы же его и рачители принудиша народи молити и бити челом иноке

великой государыне Александре и просити брата ея Бориса на государьство, и тако бываше молима от всенародного множества по вся дни с великим воплем и плачем. Велицыи же бояре, иже от корени скипетродержавных и сродниии великому государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Русии и достойни на се, не изволиша ни много ни мало поступити и между себе избрати, но даша на волю народу; они бо быша и тако при царех велики



и честни и славни, не токмо в великой Русии, но и во иных дальных странах. И не хотяху же кто Бориса, но ради его злаго и лукаваго промысла и никто не сме противу его рещи. Яко же и во Цари-граде изволением божиим Фока Мучитель уби кроткаго Маврикия царя и прият царство Греческое, такоже и сий Борис на Москве восхищает царство лукавством и неправдою. Згонимии же народи мнози Борисовыми рачители к Лавре честныя и принужаеми молити великую государыню иноку Александру, бити челом и просити на государство брата ея Бориса; они же наипаче моляше с великим воплем иноку Александру, дабы благо-

словила на Московское государство брата своего Бориса. И такоже докучаемо бываше от народа по многи дни. Боляре же и велможы предстоящии ей в келии ея, овии же на крыльце келии ея вне у окна, народи же мнози на площади стояше. Мнози же суть и неволею пригнани, и заповедь положена, аще кто не приидет Бориса на государство просити, и на том по два рубля правити на день. За ними же мнози и приставы приставлены быша; принужаеми от них с великим воплем вопити и слезы точити. Но како слезам быти, аще в сердцы умиления и радения несть, ни любви к нему? Сия же в слез ради под очию слинами мочаше. Предстоящии же пред нею внутрь келии моляше ея приклонити ушеса, и внимати к молению народному, и возрети на собранное множество народное и слезное их излияние и вопль прошения ради Бориса царем на Московское государство. Она же, егда хотяше на народ возрети и видети бываемая в них и егда хотяше обратитися к позрению в окно, велможи же предреченнии они Борисовы рачители, предстоящии ту внутрь келии, помаванием рук возвестят вне келии у окна на крылце стоящим. Они же возвестят такоже помаванием рук своих приставом, у народа приставленым; и повелевают народу пасти на землю ниц к позрению ея, не хотящих же созади в шею пхающе и биюще, повелевающе на землю падати и, востав, неволею плакати; они же и не хотя, аки волцы, напрасно завоюще, под глазы же слинами мочаще, всяк кождо у себе слез сущих не имея. И сице не единова, но множицею бысть. И таковым лукавством на милость ея обратиша, яко чающе истинное всенароднаго множества радение к нему и не могуще вопля и многия голки слышати и видети бываемых в народе, дает им на волю их, да поставят на государство Московское Бориса.

Народи же паки начаша бити челом и молити Бориса Федоровича Годунова восприяти скипетр в руку свою великия Росии. Он же лукавый крепляшеся, лицемеруя, яко не хотяше, да потаенно желание свое улучит в себе и избудет поношения сим от всех поносящих ему о сем, да к большему молению весь народ к себе привлечет и тем велику похвалу себе получит пред всеми сродными великому государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Русии и пред всеми достойными на се, яко да не гневаются на него и не поносят ему о сем, яко не своим хотением восприят скипетр, но народнаго ради множества всего Росийскаго государства, возлюблен и избран на се

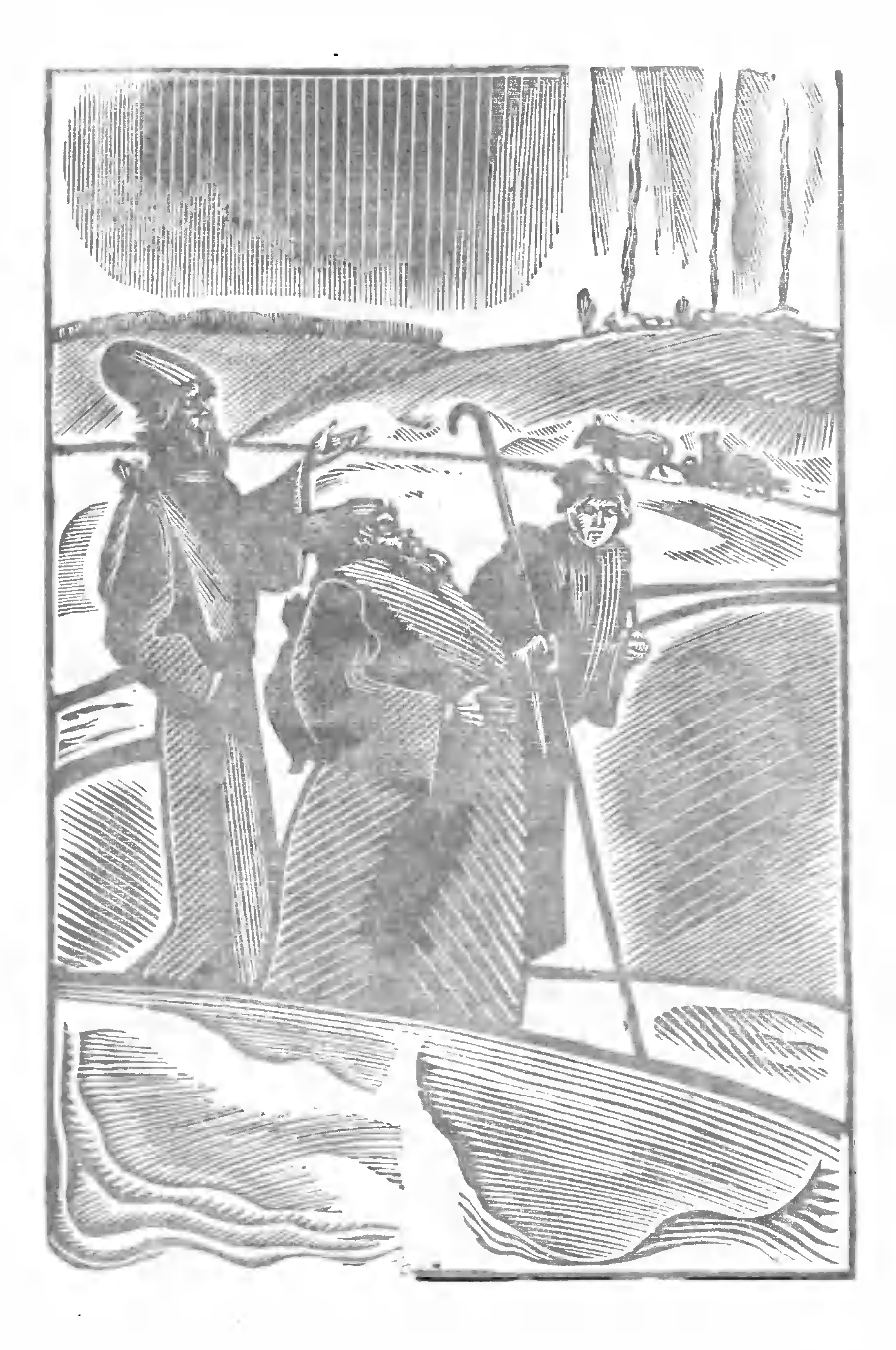
и многомолим бысть от них, а не его самого хотением. Также видя сия патриарх народное усердие и тщание к Борису: паче всех сущих возлюбиша Бориса на государство; к сему же еще Борисовыми рачители и доброхоты к молению понужен бывает патриарх Иев. Патриарх же со всем освященным собором приемлет икону пречистыя богородицы, написанные Лукою Иевангелистом; и иныя святыя прочия иконы и мощи пешеносцы износими бывают от места на умоление Бориса. Он же яко усрамився пришествия образа богоматери, и абие восприемлет скипетр Росийския державы, и венчася царским венцем, во 107 году [1598 г.], сентября в 3 день, и царствова лет 7. И во время державства своего великия Росии нача себе укрепляти и утверждати, дабы ему в долготу дний и лет пребыти, держа скипетр великия Росии, и по нем бы роду его и в род держати, и сего ради много боляр, и велмож, и воевод розсылая по далным и розным городом и злыми разными смертьми их умерщвляя и род царский искореняя.

О братии любовнии! не дивитеся начинанию, но зрите, каково будет скончание. Видев же сие всевидящее недреманное око Христос, яко неправдою восхити скипетр Росийския области, и восхоте ему отомстити пролитие неповинныя крови новых своих страстотерпцев, просиявшаго в чюдесех царевича Дмитрия, и царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, и прочих неповинно от него избиенных, и неистовство его и злоубийство неправедное обличите и прочим его рачителем образ показати, чтобы не ревновали его лукавому суровству. И попусти на него врага, Содома и Гомора оставшую главню, или глаголю, непогребенаго мертвеца, черньца, — по Иванна Лествечника слову: «Всяк чернец преже смерти умрет, гроб себе келию обрет», — глаголю убо, законопреступника ростригу Гришку Отрепьева, родом Росийския же области, града зовомаго Галича, от младыя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яков сам той святоубийца Борис Годунов. Той же Юшка остася после отца своего млад зело с материею своею и научен бысть от нея божественному Писанию. Егда же изучи точию Часовник и Псалмы Давидовы, и отъиде от матери своей и нача витати в царствующем граде Москве. И по некоем времени случися ему беседа Вятские области града Хлынова Успенского монастыря со игуменом Трифоном; той же игумен Трифон увеща его быти мниха. И по совету того игумена острижеся во иноческий образ и наречеся имя ему Григорей; в то время беста ему лет 14. И отъиде во

град Суждаль и нача пребывати во обители всемилостиваго Спаса в Еуфимиеве монастыре, и ис того монастыря прииде в том же уезде в монастырь к Спасу, по слытию на Куксу. И много рещи не хощу о сем. По многим монастырем жительство преходя имый, и паки возвратися в царствующий град Москву, и нача жительствовати в Чюдове монастыре. И по произволению тоя честныя Лавры настоятеля архимарита Пафнотия поставлен бысть во дияконы рукоположением святейшего Иова, патриарха Московскаго и всеа Русии. И вожделе искати и вницати со усердием в премудрости богомерских книг и впаде в прелютую ересь. А егда же жительство имый в царствующем граде Москве, знаем бяше многими от мирских человек, такоже и от властей и от многих инок. И с Чюдова прииде во обитель к Николе на Угрешу и нача в безумии своем возноситися и впаде в прелютую ересь, якоже Арие безумный свержеся с высоты и сниде и с своею премудростию во дно адово. И по мале времени изыде от Николы Чюдотворца со Угреши и вселися в пределех града Костромы во общее место в монастырь Иванна Предтечи на Железном Борку. И оттуду паки прииде опять к Москве и оттуде, оставя православную веру християнскую, отбежа в Литву и прелсти с собою отъити дву инок, черньца Мисаила Повадина да черньца Варлаама. Бегство же его и прещение старцов сицевым образом:

Извет старца Варлаама по убении розстригине царю Василию Иванновичю всеа Росии

Царю государю и великому князю Василию Ивановичю всеа Русии бьет челом и извещает твой государев нищей богомолец Варлам. В прошлом, государь, во 110-м году [1602 г.] в Великий пост, на другой недели в понедельник, иду, государь, я Варварским крестьцом, и ззади меня пришел чернец молод, сотворив молитву и поклонився мне, и учал меня спрашивати: старец, которые честныя обители? И сказал я ему, что постригся в немощи, а начало имею Рожества пречистой Пафнотиева монастыря.— И которой де чин имееши, крылашанин ли и как имя? И яз ему сказал имя свое Варлам.— И учал я его роспрашивати: которые ты честные обители, и которой чин имееш, и как тобе имя? И он мне сказал, что жил в Чюдове монастыри, а чин имею дияконский, а зовут меня Григорьем, а по прозвищю Отрепьев.— И яз ему говорил: что тобе Замятня да Смирной Отрепьевы? И он мне сказал, что Замятня ему дед, а Смирной



дядя.— Да ему же я говорил: которое тебе дело до меня? И он сказал: живучи де в Чюдове монастыре у архимарита Пафнотия в келии, да сложил похвалу Московским чюдотворцом Петру и Алексею и Ионе; да у патриарха Иева жил де я, и патриарх де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собою меня имати; и в славу де вшел в великую; и мне де славы и богатства земнаго не хочетца не токмо видети, но и слышати, и хочю с Москвы сьехати в дальней монастырь; и есть монастырь в Чернигове, и мы поидем в тот монастырь.— И я ему говорил, что жил в Чюдове у патриарха, а в Чернигове тобе не привыкнути, потому что, слышил я, монастырь Черниговской местечко не великое.— И он мне говорил: хочю де в Киев в Печерской монастырь, а в Печерском монастыри старцы многие души свои спасли. И я ему говорил, что Патерик Печерской читал.— Да он же мне говорил: да жив в Печерском монастыри, поидем до святаго града Иерусалима, до Воскресения Господня и до Гроба господня. И я ему говорил, что Печерской монастырь за рубежом в Литве и за рубеж ехати не смети.— И он мне сказал: государь де Московской с королем взял мир на дватцать два года, и ныне де просто, и застав нет. И я ему говорил: для душевнаго спасения и для Печерские пречистые и для святаго града Иерусалима и господня ради гроба поидем.— И в том, государь, мы верилися християнскою верою, что нам ехати; отложили до другаго дни и срок учинили сойтися в Иконном ряду. И на завтрее сошлися в Иконном ряду, аже у него приговорен ехати же чернец Мисайло, а в мире звали Михаилом, Повадин, и я знал его у князя Ивана Ивановича Шуйского. И шед мы за Москву-реку, и наняли подводы до Болхова, а из Болхова до Карачева, ис Карачева до Нова-городка Сиверского. И в Новегородке принялися в Преображенской монастырь, и строитель Захарей Лихарев поставил нас на крылосе; а тот диякон Гришка на Благовещениев день с попами служил обедню и за пречистою ходил. И на третией недели после Велика дни в понедельник вожа добыли Ивашка Семенова, отставленого старца, да пошли на Стародуб и на Стародубской уезд; и Ивашко вож за рубеж провел в Литовскую землю; и первой город Литовской нам Лоева замка, а другой Любец, а третей Киев. И в Киеве в Печерском монастыри архимарит Елисей нас принял, и в Киеве всего жили три недели, и он Гришка похоте ехати к воеводе Киевскому ко князю Василию Острожскому и у архимарита Елисея Плетенецкого и у братии отпросил-

ся. И я архимариту Елесею и братии на него извещал и бил челом, что было жительствовати ему в Киеве в Печерском монастыре душевнаго ради спасения, и потом было итти до святаго града Иерусалима и до господня гроба, а ныне идет в мир до князя Василия Острожскаго и хочет платие иноческое скинути; и ему будет воровати, а богу и пречистой солгал. И мне архимарит Елесей и братия говорили: здеся де земля в Литве вольная; в коей хто вере хочет, в той и пребывает.— И я бил челом архимариту и братии, чтобы дали сожительствовати мне у собя в Печерском монастыре, и архимарит и братия мне не дали: четыре де вас пришло, четверо и подите.— И пришли до Острога, до князя Василия до Острожскаго, аже князь Василей в сущей во християнской вере пребывает. И мы у него летовали, а на осень меня да Мисаила Повадина князь Василей послал во свое богомолие, к Живоначальной Троицы в Дерманской монастырь[2]. А он Гришка сьехал в Гощею-город[3] к пану к Госкому, да в Гощее иноческое платие с себя скинул и учинился мирянином, и учал в Гощее учитися в школе по-латынски и по-польски и люторской грамоте, и бысть отметник и законопреступник православныя сущия християнския веры. И я, государь, из монастыря до Острога до князя Василия ездил и князю Василию бил челом, чтобы князь Василей из Гощеи велел его взяти и учинити по-старому черньцом и дияконом, и повелел бы его послати к нам в Дерманской монастырь. И князь Василей и все его дворовые люди говорили мне: здеся де земля, как хто хочет да тот в той вере и пребывает.— Да князь же мне говорил: сын де мой князь Яныш родился во християнской вере, а держит ляшскую веру, и мне де его не уняти, и ныне де пан Краковской в Гощее.— А Гришка в Гощее у него и зимовал, и после Велика дни из Гощеи пропал безвестно, и очютился в городе в Брачине у князя Адама Вишневецкого[4], и сказался князю Адаму царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углецким. А тот князь Адам, бражник и безумен, тому Гришке поверил и учинил его на колесницах и на конех ездити и людно: из Брачна князь Адам поехал до Вишневца и того Гришку с собою взял и по паном, по радным его возил и сказывал его царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углецким. И в Вишневце Гришка Отрепьев у него летовал и зимовал. И после Велика дни князь Адам его Гришку допровадил до Кракова, до короля до Жикгимонта[5] и сказал князь Адам про него королю, бутто он царевичь Дмитрей Иванович Углецкой. И король

его к руке звал, и он учал прелщати его, именуючи собя сущаго быти царевича Дмитрея, приснаго сына благовернаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Росии самодержца. И сам он Гришка учал плакати и королю говорити: слыхал ли де еси про Московского великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, коль был велик и грозен, во многих ордах бысть славен? а яз сын его присный князь Дмитрей Иванович; и как судом божиим отца нашего на Российском государстве не стало, а остался на Московскому государстве царем брат наш Феодор Иванович всеа Русии, а меня изменники наши послали на Углечь и присылали по многие времена многих воров и велели портити и убити; и Божиим произволением и Его крепкою десницею покрывшаго нас от их злодейских умыслов, хотящих нас злой смерти предати, и бог милосердый злокозненаго их помысла не восхоте исполнити, и меня невидимою силою укрыл и много лет в судбах своих сохранил, даже до лет возрасту нашего; и ныне я, приспев в мужество, и з божиею помощию помышляю итти на престол прародителей своих на Московское государство.— И говоря то, проливает многие слезы.— А и то было тебе, милостивый королю, мочно разумети: как толке твой холоп тобя, или брата твоего, или сына у тобя истеряет да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры будет? разумей по сему, и мне ныне каково есть.— И ина многа ему говоря и сказуя. Да королю же вызнавали его и называли царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углецким Хрыпуновых пять братов, да Истомин человек Михнева Петрушка, да Ивашко Шварь, Ивашко что вож, да мужики посацкие киявляне. И тот Гришка со князем Адамом Вишневецким отпрошался у короля в Самбор. И я королю про того Гришку извещал, что он не царевичь Дмитрей, чернец он, Гришкою зовут, а прозвищем Отрепьев, а шел со мною с Москвы вместе. И король и паны радные мне не верили и послали меня к нему, Гришке, в Самбор и к воеводе Сендомирскому, к пану Юрью Мнишку, и к ним лист о мне писали. И как меня привезли в Самбор, и ростригa Гришка с меня платие иноческое снял и повелел меня бити и мучить. Да рострига же Гришка учал говорити и сказывати про нас, про меня да про сына боярского Якова Пыхачева, бутто мы посланы от царя Бориса для того, чтобы его убити. И того Якова Пыхачева тот рострига и воевода Сендомирской велел смертию казнити, а он Яков и у казни называл его ростригою Гриш-

кою Отрепьевым. А меня, бив и мучив, велел в кандалы оковати и в тюрму вкинути. И августа в пятый на десять [15-й] день пошел войною к Москве тот рострига, на Успение пречистые богородицы, а меня велел в Самборе в тюрме держати. И держали меня в Самборе пять месяц, и пана Юрья панья да дочи Марина меня выкинули и свободу мне дали, и я был в Киеве в Печерском монастыре. И во 113-м году [1605 г.], грех ради наших, божиим попущением, а дьявольским наваженением, а его, врага божия, проклятаго от всего вселенскаго собора веры, еретика Гришки ростриги злым умышлением, научен от дьявола, как он еретик пришел к Москве, а я был в Киеве в Черниговском монастыре. И про то, государь, роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери, как он товарища моего Якова Пыхачева велел казнити, и как меня, оковав, оставил в Самборе, и как меня выпустили панья Юрья Мнишка з дочерию, и про то про все ведает пан Юрье Мнишка и ево дочь Марина и его все дворовые люди.

Сему ж сказанию конец до зде бысть. Возвратимся на предняя, о его Гришкине собрании войска и о шествии к Москве.

Слышаху тогда то в Киеве литовстии людие и запорожстии казачея тако именуючи сущаго царевича Дмитрея, приснаго сына благовернаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея великия Росии самодержца, от изменников, своих сохраняяся и от их злодейских умыслов, хотящих злой смерти предати его, скрывся, жил не ведом ником до возрасту мужска, и ныне уже приспе в мужество, и помышляет итти на престол прародителей своих, на Московское государство, и самим королем уже истинно допряма вызнан, и реклся ему пособляти и помогати Московскаго государства доходити,— и вси, мневше его тако быти сущаго царевича, по слуху сему и приложишася к нему. И потом Рустии з Дону казачея приидоша к нему в Литву и отъидоста с ним в вотчину к пану Адаму Вишневецкому. И по времени некоем повеле ему король представити себе; и зря его юнна и велеречива, мнев той его быти прямаго царевича и обещася ему помогати. А он зломысленный обещася королю отдати Росийския области град Смоленеск и протчая Северския страны грады все, даже и до Можайска, да и вера с ним едина веровати. Король же литовский повеле называти вольных людей изо мзды

ему на помощ; а той окоянный посла в Рим к папе и тамо именова себя сущаго царевича Дмитрия, и повеле у него просити силы на помощ, чем доступити Росийскаго государства, и обещася римскому папе веровати их римская вера, именуючи ей правую веру, а православная християнская вера попрати, и церкви божия разорити, и вместо церквей костелы созидати. По обещанию же папа римский даде ему от злата и от сребра и от протчих множество имения; а король литовский собра ему довольно войския силы, елико ему годе.

И во 112 году [1604 г.], августа в 15 день, поиде злонравный в Российския пределы двема дороги: от Киева чрез Непр-реку, а иныя идоша по Крымской дороге. И во 113 году [1604 г.], ноября в 26 день, пришед под Муромеск-град и нача досылати писания и прелщати прелестию вражиею, умудряем и научаем самим сатаною, в Муром, и в Чернигов, и в Куреск, и в иныя грады воеводам, и приказным, и всяким служилым людем, и всем гостем, и торговым и черным людем, именуя себе сице:

«От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии в койждо град воеводам имянно. Божиим произволением и его крепкою десницею покровеннаго нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотящаго нас злой смерти предати, и бог милосердый злоказненаго его помысла не восхоте исполнити и меня, государя вашего прироженнаго, бог невидимою силою укрыл и много лет в судбах своих хранил. И я, царь и великий князь Дмитрей Иванович, ныне приспел в мужество, з божиею помощию иду на престол прародителей наших на Московское государство и на все государства Российскаго царствия. И вы бы, наше прироженение, попомнили православную християнскую истинную веру, крестное целование, на чем естя крест целовали отцу нашему, блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, и нам, чадом его, что хотети добра нам во всем и опричь нашего царского роду на Московское государство иного государя не хотети и не искати. И как судом божиим отца нашего и брата на государстве не стало, и учинился тот Борис на государстве царем лукавством и насильством, а вы про нас, государя своего прироженнаго, не знали и крест ему целовали неведомостью. И вы ныне нас узнайте, своего государя государевича, и от нашего изменника Бориса Годунова отложитеся к нам, и впредь уже нам, государю своему прироженному, служите и прямите и добра хотите, как

и отцу нашему, блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии. А яз вас начну жаловати по своему царскому милосердому обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати, и все православное християнство в тишине, и в покои, и во благоденственном житии учинити хотим».

Людие же в тех градех: в Муроме, и в Чернигове, и в Курецке, и Комарицкия волости, и в Путимли, и в Рылеске, и в Стародубе, и в Ромех, слышавше сия, быша тогда в размышлении и паки положишася на щедроты божия, мневше то вправду быти и рекуще, егда господь бог по неизреченным судбам своим и прещедрою своею десницею изъят того от Борисова погубления, и чаяху его быти сущаго прироженнаго своея христианския веры царевича. А про Бориса добре ведают, яко неправдою восхити царство и потаенно подсече древо благоплодия, еже есть правовернаго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии, и много бесчисленно пролил неповинныя християнския крови, доступаючи великого государства. И никто же ста братися противу его: амо же прииде, грады ему везде отворяху и подобное поклонение и дары приношаху ему, якоже подобает царскому величеству. А которое войско его по Крымской дороге идоша, град Царев, Белград и иные многие грады такожде ему предашася и с селы. И паки той Гришка поиде к Новому Северскому граду, а в нем воеводы седели боярин князь Никита Романович Трубецкой да Петр Федорович Басманов; и те ему здатися не восхотеша, оружие уготовиша. Он же нача ко граду с войском крепко приступати и бити ис пушек и ис пищалей по граду нещадно и разбиша град до обвалу земнаго. Во граде же воеводы и граждане, видяще градское разбиение, и смысливше тогда вещ лукаву; начаша бити челом, ему и милости просити в вине той, бутто не знаючи его супротив восташа: «Ныне же познахом прироженнаго государя своего; престани трудитися, град биюще; полагаем пред тя вся щиты своя и оружия, и поготову тебе ныне град отворим, и с подобною честию встретим тя, якоже и прочии». Он же, слышав сия, и рад бысть, и повеле биющим по граду престати бити. Они же паки тайно уготовища щиты, и уставивше пушки и пищали, и сабли вознесше, и всякое оружие встречу им уготовиша, и сами, яко волцы, за щиты западше, и в тайныя места скрышася, и град отвориша. Они же, не ведуще сих и, яко дивии гладнии зверие к снеди, друг пред другом поскоряюще напред во град внитти,

и поидоша тесно, друг друга угнетающе. И подоволу пустивше во град и сих затявше, и начаша по всему войску бити, аки в стену, изо всякого оружия, и яко мостом пред стенами града и во вратех людми его помостивше; град же затворивше, и елико во град вшедших, тех всех побиша, иных же живых взявше; и убиша у них до четырех тысящ, прочии же, видяще сия, отбегше. Гришка же рострига видяще стремление их и подобную честь себе от гражан: в крестов место и образов копия и сабли, в кандила же место пушки и пищали, вместо же благоуханнаго фимияну зелной дым и смрад, вместо же сладкаго овощу вкусивше пушечные и пищалные ядра, вместо же меду смерным ядом помазаны быша,— и тако проклятый срама и гнева наполнися и паки повеле ко граду приступати. Граждане же наипаче охрабришася и вси единосердо сташа и биющеся с ними крепце. Он же много, стоя под градом, глав кладуще, ничто же поспеваше.

Борис же царь, егда слышав, Гришку ростригу нарицающагося царевичем Дмитрием и грады ему многие предаются без крови, а стоит под Новым Северским градом — и посылает с Москвы воеводы на выручку града, князя Федора Ивановича Мстисловского, да князя Василия Ивановича, да князя Дмитрея Ивановича Шуйских и с ними многие воеводы со многими силами. Егда же приидоша близ его, и град выручают, и войско с войском скоро сходится. Яко две тучи, наводнившеся, темны бывают ко пролитию дождя на землю, тако же и те суть два войска, сходящеся между собою на пролитие крови человеческия, и покрыша землю, хотяще един другаго одолети. И быша яко громи не в небесных, но в земных тучах пищалной стук, и огнь, яко молния, свиркает во тме темной, и свищут по аеру пульки и ис тмочисленных луков стрелы, падают человецы, яко снопы по забралом. И паки соступившимся двема войскома, и бысть сеча велия; сечахуся, за руки емлющеся, и бысть вопль и шум, от гласов человеческих, и оружной треск, яко и земли потрясатися и не слышати, что друг ко другу глаголет. И брань зело страшна бысть, якоже и на Дону у великого князя Дмитрея с Мамаем, ужаса и страха полна та беяше борба. Он же Гришка с хитростию на бой нарядився: у многих в воиске его кони их и люди в медвежиих кожах, и овчии кожи навыворот, у иных коней по обе страны косы в тесноте режут; и пакость велику творит. Московской же силы кони от их коней начаша зело мятися и на супротивных не поидоша.

Они же во смятении том начаша боле побивати и одолевати, и тако Московская сила смятеся, и во смятении том много войска побиша, и до самого знамения воеводцкаго добишася; и трупом человеческим землю помостиша, яко мостом, крови же человеческия по земли источницы протекоша; и самого воеводу князя Федора Ивановича Мстиcловского зело раниша. И тако его Гришкино войско одолеша, Борисово же войско побегоша. Они же их девять верст гнаша и боле, в тыл побивающе и секуще; трупу же человеческаго, яко лесу кипарису подсекоша и мостом на девять верст и боле помостиша; кровию же человеческою вся земля обагрися. От страха и ужасти полна та бяше борба проклятаго еретика со святоубийцею; не сами собою сражаются, но человецы от них умирают и кровь проливают. Аще не бы ночь постигла, мало бы и спаслося Борисова войска.

И тако злонравный от злаго своего злохитрства и суроваго обычая Гришка Отрепиев, бывый присно лоза насажденнаго винограда Христова, и отторжеся, и падеся, и лежа, прозябе зол плод, еже вкушающим от него смертию умирати; и овча претворися в хищника волка, и подщася поядати избранного овчате словеснаго стада Христова и искореняти виноград, насажденный десницею вседержащаго превечнаго бога, и умысля злохитреными волшествы своими, победив от полков множество воин, и пролия реки неповинныя християнския крови; и аще не бы богу за умножение наших согрешений попущающу, не возможно бяше ему треклятому совершити таковаго великаго начинания.

О второй брани на Добрыницах

И паки не почивает кровоядный лвичищ со своими звери, яко на брак, на кровопролитие тщится, лакати крови христианския и поядати плоти человеческия, уряжает полки войских людей. Сице же и московстии Борисовы воеводы не страшагся его уядения, но паче тщатся противу его и отомстити ему прежде пролитую кровь християнскую от него храбросерде ополчаются. Яко яснии соколы на серые утята или белые кречаты носы чистят ко клеванию и вострые ногти к вонзению плотем, и крылие свое правят, и плеща потязают ко убийству птичному, такожде християнстии поборницы православныя веры, воеводы с христолюбивым своим войском противу сатанина угодника и бесовозлюбленнаго его воинства во броня облачатся, ору-

жия и щиты в руки восприемлют и бога на помощ призывают и пречистую богородицу, християнскую заступницу и помощницу, и московских чюдотворцов, и всех святых его. И начаша сходитися на Добрыницах под Комарицкою волостью; ставшим двема войскома не по мнозех днех по первой брани, и бысть вторая брань жесточае первые. Тщащеся друг друга одолети, многое же множество обеих стран людей падающе, яко древес кланяшеся или снопов по забралом валяющеся: ни един друг от друга вспятитися не хотяше, но тщашеся един другаго поразити, и друг от друга убивающеся. Страшно же и ужасно зрети, брань велика зело стояще и жестока, и кровь проливашеся многа. Московскии же воеводы, князь Василий Иванович Шуйской, не мога видети крови проливаемыя, возъярися сердцем, и остроумне и зело храбро со своим полком избранным с правые руки напущается сатанина угодника на войско, и пресече, наполы раздвоив его, и, яко траву, поклони противустоящих; убоявши же ся смерти, от него отбегаху и путь даяху. С левую же руки такоже Иван Иванович Годунов[6] свое мужство показа: храбро и мужствено напущается и побивает, яко улицы просекает; никто противу его стати может. Такожде и иные воеводы и головы не могоша устояти, крепко и единосердо наступиша, и смятоша все войско его: давше плещи, побегоша. Они же их гнавше, и досягаше, и в тыл без милости секуще их, и многое множество их бесчисленно побиша, и много живых взяша; мало же их и спасошася. Самого же треклятаго князь Иван Татев[7] умча в Рылеск-град и оттуду в Путимль-град бежа. Аще не бы его ту тогда князь Иван Татев спасл, то бы и сам тут убиен был: но грех ради наших на пролитие крови християнские еще остася и на победу царя Бориса.

Треклятый же Гришка Отрепиев наипаче страхом и великим трепетом объят бысть и, отчаявся падежи своея, нача помышляти в Литву бежати. Царь же Борис гнева и ярости исполнися на жителей Комарицкие волости и повеле ея великим пленом пленити и до конца опустошити, что ростриге предалися и служат, и всех православных християн посечти от мала до велика, а иных всякими различными муками умучити, еже и бысть. Да кто каменносердечен тогда не восплакася или не востона о сем, каково пленение бысть Комарицкие волости православным християном от царя Бориса? яко же и иноплеменницы погании языцы тако не могут творити, яко же царь Борис гнева своего

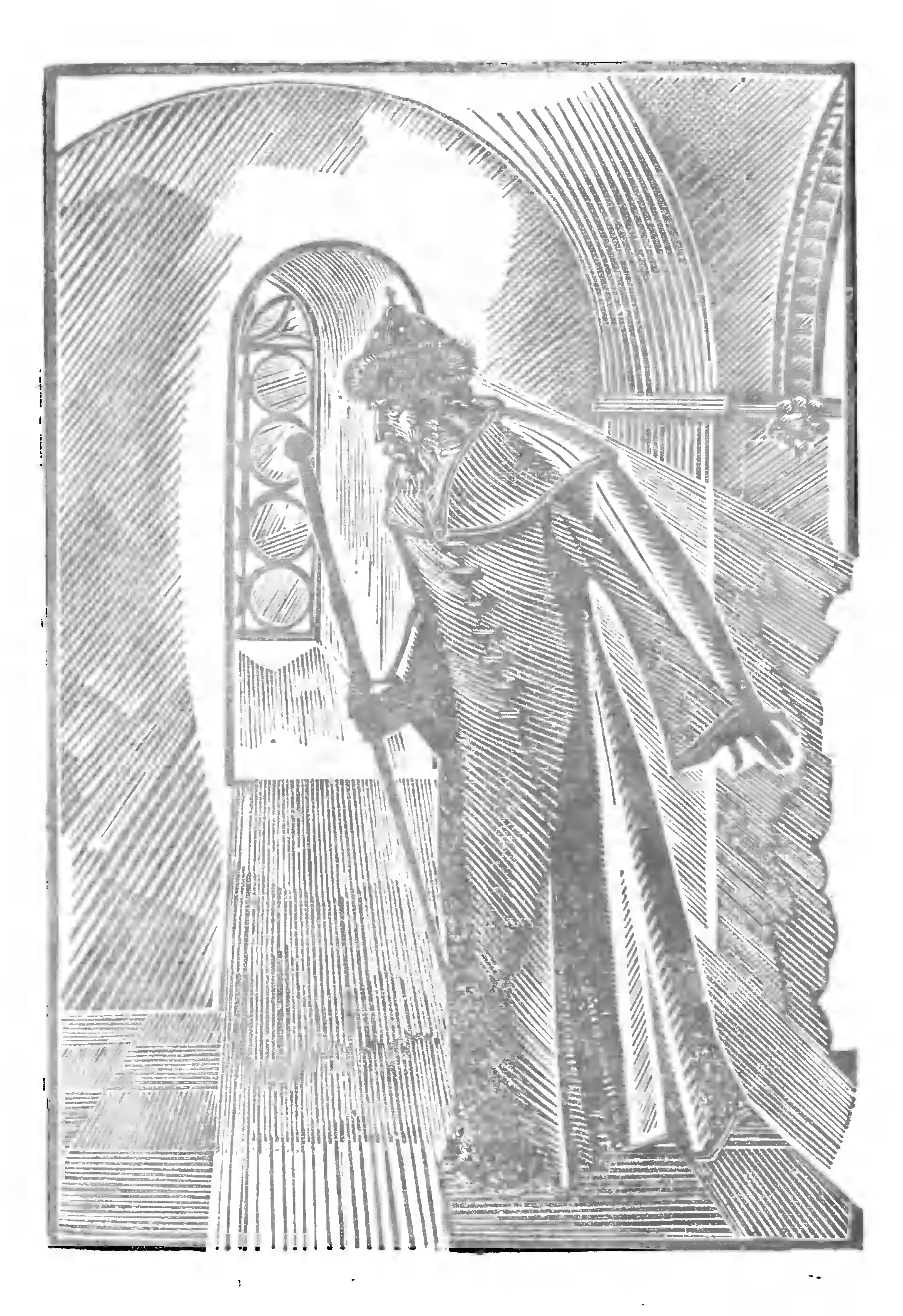
ярость излия, многим разным мучением без милости умучи и горьким убийством убивая не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенец, ссущих млеко, и поби от человека и до скота. И имения их расхищена быша, и домове до конца разорены быша и огнем пожжены: вся в прах преврати, и неизглаголанное злое то пленение и писати невозможно его.

Егда же Гришка ростригa хотяше в Литву бежати, гражане же и вси людие, кои за него задалися, начаша его молити со слезами и увещевая глаголюще: «О великий государю! ты сам опять в Литву хощеши итти, нас же кому оставляеши? или предаеши нас в руки изменнику своему Борису, да так же нас пришед выпленит, яко же и комаричан, и лютыми и горькими муками умучит нас? И ты уже сам нам посеки главы наша, а Борису нас не предавай живых в руки. О, беда нас постигла велика! Того брега отплыхом, а другаго не хватихомся, и стали есмя яко среди пучины морстей. Конечно погибаем: Бориса отложихомся, тебя же не удержахося, да не вемы, что сотворим. Но точию токмо един путь нам ко спасению, иже тя не отпустити от себе, да Борису добити челом, а тобою заплатити вину свою». Он же рече им: «Войска ныне не имам, видете: все разбито, едва сам убег; а казна вся моя истощися. Аз бо не тако помышляю, яко же вам мнится, что бежати мне и отчина своя покинути; но хощу в Литву итти по казну и по войско, да крепце мне преславных государств отчины своея доступати». Они же ему глаголаша: «Емли, государь, ныне имение наше, елико мы у себя имеем; а затем поидем мы с тобою все своими головами, да вси помрем, или живот и честь от тебе обрящем». И понесоша ему, елико кто имеяше сребра: ин тысящу рублев, ин сто, ин боле, ин мене; он же сим едва удержася: прежде хотя вшел, а не хотя уже стало и стояти, занеже не хотят живы с ним ростатися. И паки в Путимле седе и войско копити нача, откуда елико как можаше. Царь же Борис не мало о сем возрадовася.

Во граде же Кромы седяше еретическаго же войска атаман казачей Гришка Корела с казаки и с кромляны. Царь же Борис посылает под град в Кромы воевод своих, боярина Федора Ивановича Шереметева, с великим войском. И пришед, град осади и приступы творя; из града же на приступех много войска побиша и крови християнския пролишася. Царь же Борис еще ту воеводы присла, князя Федора Ивановича Мстисловского да князя Дмитрея Ивано-

вича Шуйсково со многими воинствы, да хотяше град вскоре взяти. Воеводы же ополчевашеся и на град крепко налягаху, храбро и мужествено, ис наряду биюще по острогу и по граду и всякими стенобитными хитростми налегая, и острог и град разбиша и до основания. Они же казаки зломыслены, и коварливы, и бестрастны к смерти, и непокоривы, и к нужам терпеливы, отсиживалися в норах земных, и бои с ними чиниша ис-под земли, тако же и на выласку вон из града битися выхожаху. И никако же града у них взяти не возмогоша. Московскии же воеводы стояху и до весны. И много же тогда войских людей изомроша стужи ради настоящия зимнаго времени, яко время то зело студено бысть и ядовиты мразы быша.

Царь же Борис в Московском государстве и в иных государствах и градех Росийския державы укрепляя людей, в Москве святейшим патриархом Иевом и благородным боляриномо и воеводою князем Василием Ивановичем Шуйским, зане их блаженные памяти царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии посылал по убиении к досмотру и погребению благовернаго царевича князя Дмитрея Ивановича, брата своего. И велегласно проповедати им повелеваше во всем множестве народном Московского государства, сице глаголя: «О всенародное множество! не сумняйтеся и не прелщайтеся, яко истинно царевичь Дмитрей убиен бысть: аз бо его своима очима видех, даже и погребох его во граде Углече во церкви боголепнаго Преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа: и вы его поминайте. А то истинно идет рострига Гришка Отрепиев, нарицается его царевичем именем, и вы его проклинайте». По государствам же и градом грамоты посылая. Людие же о сем никако никому же верьи не яша, ни святейшему патриарху, ни князю Василию Ивановичю Шуйскому, сице глаголюще друг ко другу: то де по начинанию Борисову и бояся его глаголют сия. И устави царь Борис благоверному царевичю и великому князю Дмитрею Ивановичю велегласно всегда в соборной церкви вечную память кликати, а того Гришку Отрепьева ростригу, грядущаго на Московское государство, проклинати; тако же и по государствам великия Росии заповеда. Но ничто же ему сия успеша, но паче людие во всем Росийском государстве в сердцых своих распыхахуся и гневающеся нань, глаголюще: «Аще не сия Борису, да что ино ему глаголати? аще не глаголати ему сего, то царства Росийскаго отступатися, да животом своим промыслити!» И тако друг



друга укрепляюще. Инии же ино глаголюще, яко де истинно царь Борис мнит убо и чает и до днесь убита его царевича, а того не весть, в него место ни убит; за много бо узнаша помысл Борисов на него царевича, что хощет смерть ему нанести потаенно и неведомо как и в кое время, и мати инаго питала в его царевичево место, а он отослан бысть в соблюдение, и бог его тако сохранил от убийства и погубления Борисова; и ныне возмужа и идет на свой прародительской престол. И радеюще его прихода к Москве, егда слышат победу над Московскою силою Борисовою, то радуются, егда же над грядущаго к Москве чаемаго Дмитрея победу, то прискорбни и дряхлы ходят, поникши главы. Борису же царю клеветницы в слух приносяще на глаголющих, что идет Дмитрей, а не ростригa; да и ростригу де прямого с собою к Москве везет и оказует его, чтобы не сумнялися люди. И за сия их глаголы языки резати повеле, иных же многими разными муками смерти предая, и никако от людей и чаяния и глагола сего отъяти не возможе.

Слыша же Борис, яко его воеводы ни единаго града назад к нему не возвратиша, но наипаче от него откладаются и к нему Гришке придаются; сам же он Гришка стоит во граде Путимли, великое войско копит из Литвы и из иных орд, яряся и гневом дыша, яко неутолимая ехидна, похваляется и хощет приитти на царя Бориса, но не яко на царя, но яко на наемника. Борис же царь, видев всех человек нерадение к нему, а радеют и ждут грядущаго нарицающагося царевича Дмитрея, и бысть о сем в великом сумнении, помышляя, егда будет и правду не рострига, но царевичь Дмитрей. И конечно отчаявся живота своего, и скоро смертоносным зелием упоив себе, и постриже ся во иноческий чин, во иноцех же наречен бысть Боголеп. И тако вскоре от лютаго напоения скончася горкою и нужною смертию, яко и образу его изменитися от изломания, и всему телу во уголь почерневшу и виду его; но и сказати не возможно, каков бысть от лютости зелейной. Повеле же погрести себе в соборной церкви у Архангела с протчими цари, ту почившими; скончa же ся 113 году [1605 г.] месяца апреля в 13 день, а по нем остася жена его царица Мария, да сын его Феодор, да дщи его сущи девою Ксения; царем же бысть 7 лет, и пять недель.

По умертвии же Борисове на Московском царственазвася государем сын его Феодор, и посылает в полки по воевод по князя Федора Мстисловского, да по князя Васи-

лия да по князя Дмитрея Ивановичев Шуйских, и призывает их на Москву. В их же место воеводы осташася два единокровных братии князь Василей да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Михайло Салтыков, да Иван Иванович Годунов. Да посылает к ним в полки воевод князя Михаила Катырева-Ростовского, да Петра Федоровича Басманова, да митрополита Новгородцкаго Исидора ко крестному целованью войско все привести Федору Борисовичю, да матери его Марии, да сестре его Ксении. Они же в полки приидоша в Кромы, и митрополит начат ко крестному целованью войско приводити. Инии же в полцех крест им целоваша, инии же им не восхотеша креста целовати и митрополита к Москве отослаша. Видевше же сие московстии воеводы князь Василей да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Петр Басманов бывшее в полцех сомнение и смятение, а в смятении и гради погибают, и такожде усумнишася и чающе его приснаго сына государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и помня милосердие его к себе блаженные памяти царя: а худу и неславну человеку от поселян Гришке ростриге, како такое начинание возможно и смети начати да не без ума Полский и литовский король ему пособляет, и рустии людие з грады предаются, да и вси Росийского государства люди стояти противу его не хотят; да лучши нам неволи по воли своей приложитися к нему, и в чести будем; а по неволи, но з бесчестием нам у него быти же, видя по настоящему времени. И разсудиша сице и между собою уложиша приложитися к нему, и како от Борисова сына отложитися и от войска его отделитися и утвердивше совет сий меж себя крепко; к ним же присоединившеся многие дети боярские новгородцкие и рязанские. Сему же сице бывшу, и во един день от дний ставшим двема воискома к битве, щиты и оружия восприемлют. Князь же Василей да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Михайло Салтыков, да Петр Басманов со всеми своими полки прежде всех скоро поехаша, и паки с ними дети боярские и дворяне Ляпуновы с иными детми боярскими, яко к битве, скоро устремишася. Протчии же стояще и зряще их, что дерзновенно поидоша к супротивным, и Крому-реку преехавшим и с полки противными мирно соединишася, и даша им путь скрозь войско свое. И егда же проидоша московстии прежереченнии воеводы, и паки атаман Корела с казаки своими и с кромляны вси единосердо и дерзновенно на досталную силу московскую ударишася, и всю си-

лу их смятоша, зан(е) же храбрость и смелство их уйде, видяще воевод крепких своих и с храбрым войском от них отъехавших и соединившихся с противными: и всем отчаявшимся надежи своя, плещи даша и побегоша. Сии же, гоняще их, сетчи же их щадяху, ведяще, яко неволею на бой принужаеми от царя Бориса, и грабеще их в сечи же, и убиства место плетми бьюще их, и гоняще глаголюще: да потом на бой не ходите противу нас. Воеводу же их Ивана Годунова поимавше, и в Путимль град к Гришке к своему началнику отсылают, и радостные вести к нему посылают о приезде к нему московских прежереченных воевод со многими полки; и резанские дети боярские со всеми городы и с селы своими приложишася к нему по Оке-реке. Он же, сице слышав, радостию великою возрадовася, Ивана же Годунова велел засадити в темницу, воевод же московских велел ко крестному целованию привести их. Прочии же царя Бориса воеводы, князь Михайло Катырев Ростовской да Семен Чемоданов сии с вестию к Москове утекоша.

Рострига же наипаче дерзновенен бывает и чает получити желание свое и пишет к царствующему гради, еже есть матере градовом—к Москве, услаждая сладостными глаголы, яко медом научением дияволим, иже есть отец лжи и лсти. Яко же древле прелсти в начале мира родоначальников, Адама и Евву отпасти райския породы и наведе ему смерть, тако же той научает и умудряет угодника своего ростригу; прелсти славою мира сего скоротекущаго отпасти ангельскаго чину и царства небеснаго во тлю и в смерть, и собою ему свести прочих человек во свою погибель. И сицевою прелестию прелстити первое народу Московскаго государства покусися:

«От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии бояром нашим, князю Федору Ивановичю Мстисловскому, да князю Василию да князю Дмитрею Ивановичем Шуйским, и всем бояром, околничем, и дворяном большим, и столником, и стряпчим, и жилцам, и приказным людем, и дияком, и дворяном, иже из городов, детем боярским, и гостем, и торговым лутчим, и середним, и всяким черным людем. Целовали есте крест блаженные памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, и нам чадом его, что было опричь нашего государьскаго роду на Московское государьство иного государя никого не хотети и не искати. И как судом божиим отца нашего великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии не ста-

ло, а на Московском государстве учинился брат наш великий государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии; а государыню мою мать царицу и великую княгиню иноку Марфу Федоровну всеа Русии и нас, великого государя, изменники наши послали на Углечь, и толикое утеснение нашему царскому величеству делали, чево и подданным делати было негодно, посылали многих воров и велели портити нас и убити. И милосердый бог нас, великого государя, от их злодейских умыслов укрыл, оттоле даже до лет возрасту нашего в судбах своих сохранил. А вам, бояром нашим, и околничим, и дворяном, и приказным людем, и гостем, торговым и всяким людем изменники наши вмещали, бутто нас великого государя не стало и похоронили бутто нас великого государя на Углече в соборной церкви у всемилостиваго Спаса. И как судом божиим брата нашего великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии не стало, и вы, не ведаючи про нас, прироженнаго государя своего, целовали крест изменнику нашему Борису Годунову, не ведаючи его злокозненаго нрава и бояся того, что он блаженные памыти при брате нашем царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Русии владел всем государством Московским и жаловал и казнил, кого хотел; а про нас есте, прироженнаго государя своего, пе ведали, а чаяли нас от изменников наших убитого. А как про нас, великого государя, учал быти слух во всем Российском государстве, что з божиею помощию мы, великий государь, идем на православный престол прародителей наших, великих государей царей Росийских и хотели есмя государьства нашего доступати без крови, и вы бояре наши, и воеводы, и всякие служилые люди против нас, великаго государя, стояли неведомостью и бояся от изменника нашего смертные казни, а про нас, великаго государя, говорити не смели. И я, крестьянский государь, по своему царскому милосердому обычаю в том на вас нашего гневу и опалы не держим, потому что есте учинили неведомостью и бояся казни. А ныне мы, великий государь, на престол прародителей наших, великих государей царей Росийских, идем з божиею помощию вскоре, а с нами многие рати руские, и литовские, и татарские; а городы нашего государства нашему царскому величеству добили челом и против нас не стояли и крест целовали, помня свои души и крестное целование, нам, великому государю, служат и против изменников наших храбре и мужственне стояти хотят; а в том

и сами подлинно ведаете. А поволские городы нам, великому государю, добили же челом и воевод к нам привели; и астороханских воевод Михаила Сабурова с товарищи к нашему царскому величеству ведут, а ныне оне в дороге на Воронеже. Да к нам же писал Больших Нагай Ищерек князь и с Казыева улуса мурза, что оне нашему царскому величеству помогати хотят. И мы, християнский государь, не хотя видети во християнстве разорения, нагайским людем до нашего указу ходити не велели, жалея нашего государства, и велели нагайским людем кочевати блиско Царева града. А изменники наши, Мария Борисова жена Годунова да сын ее Федор, о нашей земли не желеют, да и жалети было им нечего, потому что чюжим владели, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многие городы и уезды разориша и православных християн не в вине побили. Только того мы, християнский государь, в вину вам, бояром нашим и служилым людем, не поставим, для того что есте учинили неведомостью и боясь от изменников наших смертные казни. А и то было вам пригоже знати, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам, бояром нашим и воеводам, и родству нашему укор, и поношение, и бесчестие и наносимые вам, чего и от родного было терпети невозможно; и вам, дворяном и детем боярским, разорение, и ссылка, и муки нестерпимые были, чего и пленным делати негодно; а вам, гостем и торговым людем, и в торгове в вашей волности не было и в пошлинах, что треть животов ваших, а мало и не все иманы; а тем естя злокозненаго нрава его укрепити не могли. И в винах своих и по ся места не познаетеся, и нас, прироженнаго государя своего, знати не можете, а праведнаго суда божия не поминаете и хотите проливати кровь безвинных православных християн, чего не токмо нам делати не годится,— и иноземцы о нашем разорении скорбят и болезнуют и, узнав нас, християнского кроткого милосердаго государя, нам служат и крови своея за нас не щадят. И мы, християнский государь, не хотя видети во християнстве кровопролития, пишем вам, жалея вас и о душах наших, чтобы вы, помня бога и православную веру и свои души, на чем естя блаженныя памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии и нам чадом его крест целовали, и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии добили челом и милости просити к нашему царскому величеству прислали митрополитов, и архиепископов, и

боляр, и околничих, и дворян больших, и дияков думных, и детей боярских, и гостей, и лутчих людей. А мы, великий государь, по своему царскому милосердому обычаю вас всех пожалуем: и вам, бояром нашим и воеводам, честь и повышение учиним, а отчинами вашими прежними вас пожалуем к тому еще и прибавим, и в чести вас держати будем; а вас, дворян и приказных людей, в нашей царской милости держати хотим; а вас, гостей и торговых людей и всего Московского государства, пожалуем в пошлинах и в податех велим... во облегчении учините, и все православное християнство в тишине, и в покои, и во благоденственном житии учинити хотим. А не добьете челом нашему царскому величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вам в том дати ответ в день праведнаго суда божия, праведнаго гнева и от нашие царские высокие руки нигде не избыти и ни в матерню утробу не укрытися вам. А з божиею помощию нам, великому государю, преславных государств своих доступати».

Послании же от него з грамотою сею приезжают Гаврило Пушкин да Наум Плещиев[8] июня в 1 день и прочтена бысть на Лобном месте пред всем множеством московскаго народа. Егда же слышавше послание сицево, московстии народи и вси рустии людие мневше то правду быти, егда господь по неизреченным судбам своим прещедрою своею десницею изъят того от Борисова погубления и чаяху его суща прироженнаго своея християнския веры царевича, а про Бориса добре ведают, яко неправдою похити царство и много бесчисленно пролил християнския крови неповинныя, коварно доступаючи того великого государства. И возрадовашася сему радостию великою. Богу возсылая славу, и бысть в них шум велий и клик и не слышати, кто что глаголет. И кликнувше друг ко другу, и устремишася на царя Федора, Борисова сына, и с материю, и на весь род их, и без милости начаша грабити дворы их и самих имати; и в мегновении ока всех переграбиша, имене их и самих их переимаша, яко буря велия развея их, яко прах. Видевше же сия московьстии бояре, и воеводы, и дворяне, и прочии царьстии синклити бываемое от всего народа Московскаго государства, и ти щити и копия и спроста рещи, вся оружия полагаху, и сретиша его на Туле, и вси падоша на лицы земля пред ним глаголюще его приснаго сына ему. А за щитом он, богомерский, не взя ни единыя веси, не точию что мала некоего града. А

знающа его не бе никто же в тех странах; а которой старец именем Леонид с ним шел до Путимля, а назывался его именем Гришкиным Отрепьевым, и показал многим его в Литве и в Северских пределех, и в Путимли его в темницы засадил, бутто за вину некоторую. И паки же с Тулы и по окрестным градом, иже суть в Росийской области, гонцов з грамотами посылати, а в грамотах сице пишет:

«От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии, в которой город воеводам и дияком именно. Божиим произволением и его крепкою десницею покровеннаго нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотящаго нас злой смерти предати, и бог милосердый злокозненаго его помысла не восхоте исполнити и меня, государя вашего прироженнаго, в судбах своих сохранил. И яз, царь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Русии, ныне приспел в мужество, з божиею помощию сел на престол прародителей наших на Московском государстве и на всех государьствах Росийскаго царствия. И на Москве и во всех городех боляре наши, и околничие, и приказные люди, и дияки, и дворяне, и дети боярские, и всякие приказные люди всего нашего царства, и иноземцы нам прироженному государю своему крест целовали, всякие люди, и мы их пожаловали, вины их им отдали. И как к вам ся наша грамота прийдет и вы бы, наше прирожение попомня православную християнскую веру истинную и крестное целование, на чем естя крест целовали отцу нашему, блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, — и нам чадом его, прироженному государю своему, крест целовали. И вы бы сотников, и стрелцов, и пушкарев, и воротников, и посадцких, и волостных, и черных людей ко крестному целованию привели, и всяких иноземцев привели по их вере. А по чему крест целовати и всяких людей ко кресту приводити, и мы послали к вам запись целовалную с сею же нашею грамотою вместе. А как всяких людей ко крестному целованию приведете, и мы их и вас пожалуем великим своим царским жалованием и чего у вас и на разуме нет. А кого именем приведете, и вы бы о том отписали, и книги имянные прислали к нам к Москве, а велели отдати именно, писано где, в которой Четверти и кому писано. Лета 7113 [1605 г.] июня в 11 день».

И таковым вражиим умыслом и лестию, не своим бо умом и разумом, но духу в нем вселшуся лстивому и дей-

ствующу тому тако, и не токмо прелстил великия Росия боляр и всех людей, но и Литовские земли короля и со всеми паны и предстоящими ему. И тако той еретик поиде к царствующему граду с великим дерзновением безо всякого опасения. И послал напред себе, и повеле жену Борисову царицу Марию и сына ея Феодора злой смерти предати спекулатарем, душа их от телеси с нужею отторгнути, а дщерь повеле в живых оставити; дабы ему лепоты ея насладитися, еже и бысть.

Се днесь зрите, любимицы мои, какова кончина творящим неправедная беззакония; в ню же меру мерят возмерится им, и кую чашу прочим наполняют и сами ту же испивают. О заблужению глубина, тмою омраченный, вавилонское семя, разореннаго столпотвореннаго внуче, им же весь мир размешен бысть! о помрачения, о неистовства последняго, о окаянства многаго, о неведения великаго, о лакомства тщих и суетных имения и жаления престол высоких, о дерзости и самоволнаго крестнаго целования и клятвопреступления! како забы и како не убояся маловременнаго прелестнаго света сего кончину дний своих, како хощет быти в мале времени сем, се скоро постижены, в мале насладитися? Где ныне слава высокоумия? где супруга его и чада любимая? где чертози златоверхии? где трапезы пресветлыя и телцы упитанныя? где рабы и рабыни предстоящии? где порты и обуища драгоценная? и где прочая утвари царския? Кто может жену и чада изъяти от руку спекулатаря? Возводящема има очеса своя семо и овамо и не обретающе никого же себе помощника, яко в последней нищете обретшеся и удавлению вдашася, о люте! и без милости смерть прияста.

И тако виде той еретик Гришка предивнаго и преславущаго, в поднебесней сияющаго, яко светила, великаго града Москвы, и вниде в онь 113 [1605 г.] году, месяца июня в 20 день четвертка, ничим же не вредим. И паки той еретик не по своему си разуму и хотению, но по божию изволению, яко не подобает душегубцам и разбойником с праведными водворятися, и повеле того преждепомянутого святоубийцу Бориса из Архангела от царских родителей извлещи с поруганием на сонмище. И зрящу всякому нань, яко сей есть достоверный Борис, иже прежде подсече благоразцветаемая древа великая, яко кипариси, и пожа немилосердым серпом своим и иных множество, аки цветия травнаго или яко листвия смоковнаго; се ныне где сам обреташеся, яко отнюд неимущий повержен

на позорищи. И повеле его погрести и жену и сына его во убозем монастыри девиче, еже именуется Варсонофиев[9]. И потом вниде во внутренний град, идеже бе обиталища царская.

И начаша московстии людие, знающе его, мнози познавати его, и откры бог преждепоминаемому первострадалцу боярину князю Василию Ивановичю Шуйскому того законопреступника ростригу и богомерскую его ересь уразумети. И нача велегласно законопреступление его во услышание всем ту сущим человеком обличати, сице глаголюще: «Аз вем тя, яко неси ты сын царев, но сущий еси законопреступник рострига, Гришка Богданов сын Отрепьева». Люди же, слышаще сия, во удивлении быша и ужасе, и ту ему пакости не сотвориша ничто же. И той окаянный еретик, не могий от него обличаем быти о бестудном своем законопреступлении, и умысли со единомысленики своими своего лукаваго совета смерти предати его. И в день суботный, в третий бо день по приходе в царствующий град Москву его, июня в 23 день, дав того болярина и со единокровными его братиями за приставы, посем же назавтрее, в неделю, июня в 24 день, поставил патриарха именем Игнатия Гречанина. В понедельник же, июня в 25 день, и повелеста того великого болярина посреде града смерти предати, мечем главу ему отсекнути пред всем множества народа, дабы инии о обличении его ужасалися. В приставех же у него быша Михайло Салтыков да Петр Басманов. Егда же приведоша его на Пожар[10] и поставиша его, положенне же бывши близ его плахи и секире. Петр же Басманов начат ездити по всему народу, изложенный ростригою список чести и всем во ушеса внушати сице: «Сей великий болярин князь Василей Иванович Шуйской мне, прироженному вашему государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии, изменяет, и разсевает недобрые речи на меня, и отстужает мя со всеми вами, з бояры нашими, князи, и дворяны, и з детми боярскими, и з гостьми, и со всеми людми великия Росии, называет мя не Дмитрием царевичем, но еретиком Гришкою Отрепьевым; и за то есмя мы осудили его: смертию да умрет».

Все же предстоящии ту народи страха и трепета исполнены, слезы же изо очию течаху. Около же его поставлены быша многие стрелцы со многими оружии, такожде множество и панов литовских и черкасов с копии и с сабли; также и по всему граду уготовлены быша все стрел-

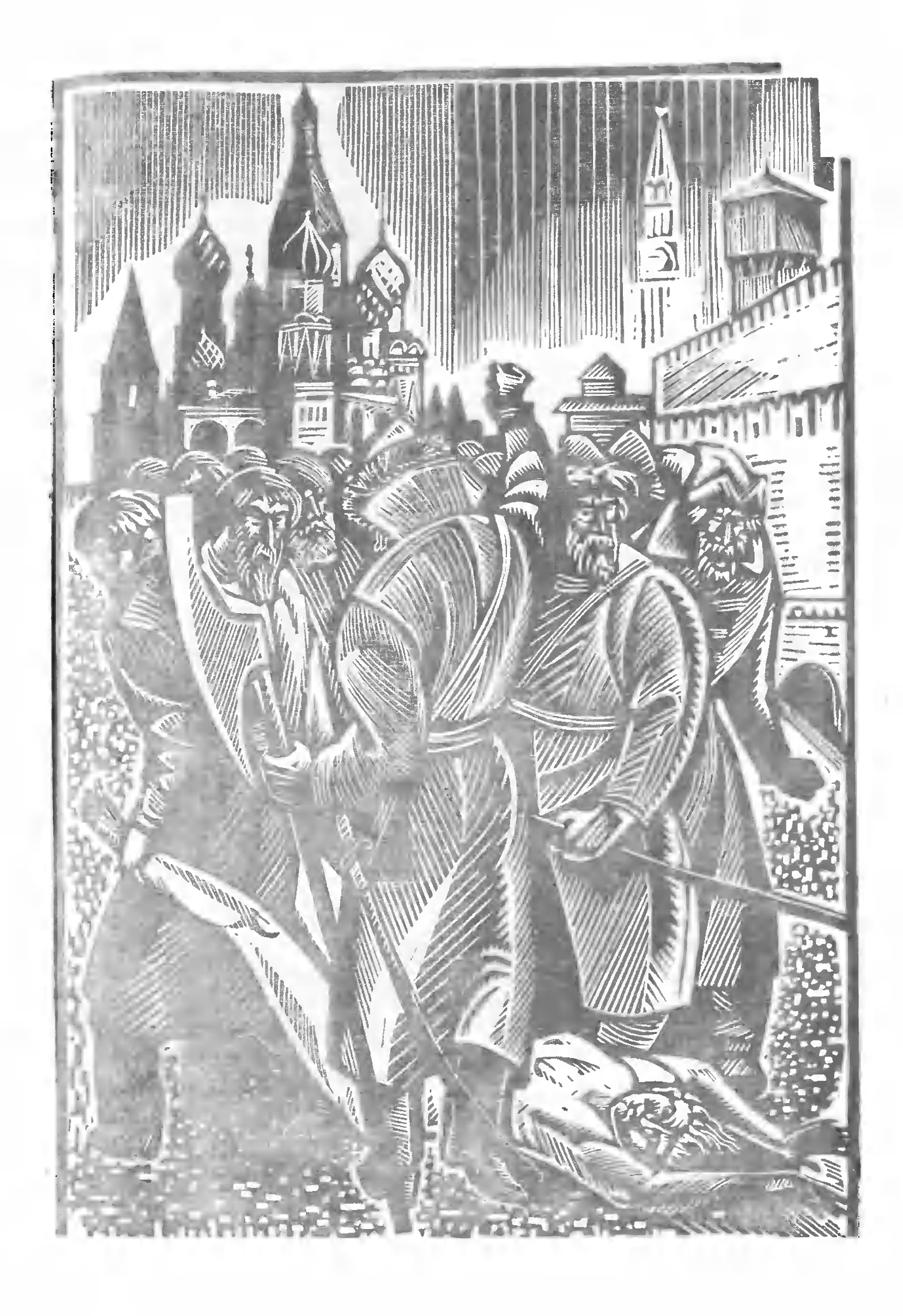
цы, вооруженны во всем оружии, яко на битву, от страха и ужасти все зрящии исполнишася. Человеколюбивый же творец наш и содетель не попусти тому быти и призре на свое создание, хотяй тем страстотерпцем невесту свою, еже есть церковь, сохранити от разорения, и за правое его страдание прославити и вышше всех того учинити, яко же своими праведными усты «прославляющая мя прославлю», рече господь. Избави того великаго болярина от его законопреступничья неправеднаго меча заколения, и от неповинныя смерти свободи его, и преложи угрызающаго змия в мало сокрощение, еже не ухапити его своими челюстьми отверстыма. Точию повеле того прежереченнаго болярина князя Василия Ивановича и единокровных братий князя Дмитрея, князя Ивана Васильевичев Шуйских по дальным по разным городом розослати в заточение, а домы их и имения повеле расхитити и растощати. И пребыста в том заточение великии бояре яко мимошедшу полугоду; а вся сия пострадаша любве ради Христовы, за истинную православную християнскую веру.

Июля же в 18 день, в четверг, прииде к Москве царица-инока Марфа Федоровна: боляре же Московскаго государства стретоша ея с честью, и сам той Гришка Отрепиев с ними. И потом видяху того болярина мужественное дерзновение, и распалавшеся огнем духовным и желанием сердечным и ревнуя поревновая той же дерзости, мнозии от христоименитых инок хотящих умрети за истинную християнскую веру и за благочестие, и по действу святаго духа узревше сердечными очима своима сущаго его быти еретика и законопреступника, начаша, яко трубы, велегласно посреде народа вопити и проклятую его ересь обличати, тако глаголюще: «О мужие, народу московстии и все православнаго християнства множество! воистинну сущее глаголем вам, яко несть сий царь, ни сын царев, иже ныне на Москве царствует, но сущий законопреступник и рострига, проклятый еретик, иже прежде во святей соборней и апостольстей церкви пречистыя богородица, честнаго и славнаго ея Успения, соборне проклинали его, Гришку Отрепьева». Он же неблагосердый люте палим быв огнем ярости по сатанину наважению к их погублению, и повеле сих имати, и многим различным мукам предаст их, и по далным странам Российския области в темницы затворити многих повеле, и с великим утвержением заклена; а иных без милости смерти преда. И вонзи страх и трепет в сердца человека, яко и знающим

его изящно, никому же смеющу зрети, не точию его обличити.

И вскоре треклятый воцарися того же 113 году [1605 г.], июля в 1 день недельный и нача многия пакости в царствующем граде творити, православному християнству содевати. И тако отпаде от православныя веры, окаянный и законопреступник, сатонин угодник и предтеча, яко и самому образу божию поругатися, и церкви божия олтари хотел разорити, и монастыри и обителища иноческая раскопати, и православную християнскую веру во отпадшую веру с собою же равну сотворити, и костелы вместо божиих церквей создати. И тако начаша жити, яко же и прочии иноязычницы еретицы, и ко идолопоклонянию православных християн всячески понуждати восхоте, и многих черпоризиц юнных осквернил, и отроков и отроковиц тако же многих растли, и великий плачь и рыдание в людех сотвори, яко же николи такия беды находящия на ны. И сотвори себе в маловремянней сей жизни потеху, а в будущий век знамение превечнаго своего домовища, его же в Росийском государстве, ни во иных, кроме подземнаго, никто его на земли виде; ад превелик зело, имеющ у себе три главы. И содела обоюду челюстей его от меди бряцало велие: егда же разверзет челюсти своя, и извну его яко пламя престоящим ту является и велие бряцание исходит из гортани его; зубы же ему имеющу осклаблене, и ногты яко готовы на ухапление, и изо ушию его яко же пламень распалавшуся. И постави его проклятый он прямо себе на Москве-реце себе во обличение, дабы ему не превысочайших обиталищих своих зрети напь всегда и готову быти в нескончаемыя веки въонь на вселение и с прочими единомыслениками своими.

И поят себе жену безсерменские веры от могущия Литовския земля люторку такову же злохитрену, волшебной премудрости исполнену, яко и сам дщерь некоего пана Юрия Сандамирскаго Мнишки, девку именем Марину. И с нею прииде в Росийское государство и отец ея пан Юрье и оставя все свое имение, еже во области Люторстей, и с ним много иных великих рад. И женился той окаянный законопреступник 114 году [1606 г.], месяца маия в 8 день, в четверток в праздник святаго апостола иевангелиста Иванна Богослова, против пятка и против памяти чюдотворца Николы. И вскоре после женитвы своея в той же час воздвиже велию бурю и гонение на християны, и опроверже християнскую веру, и начат су-



3 Заказ 1250

ботствовати римски, яко же обещася папе о том в среду и в пяток и телчия мяса и прочая нечистоты ясти.

И умысли сей окаянный гонитель со своими злосоветники маия в 18 день недельный боляр и гостей и всех православных християн побити, люте быша бы нам 114 году [1606 г.], месяца маия в 18 день, в день недельный, еже есть Христова вознесения, хотяшу ему, зломысленному волку суровому и немилостивому, яко же Фоце Мучителю, и Костянтину Мотылоимянному, и Улияну Законопреступнику или яко фараону на Израиля, изоострившу мечь на наю, еже посекати и до остатка нас, православных християн, туне и неповинно кровь нашу проливати, дабы нам той радостный день Христова воскресения предложити в день плачевный. И святая было места ему осквернити, иноческая монастыря в домы и в жилища поганцом сотворити, и юнных иноков и инокинь по злонравию своему образа иноческаго лишати и во светлыя портища облачати; иноков умысли окаянный женити, а инокинь замуж давати; а не хотящих повергнути ангельскаго образа и не вожелевших прелеснаго сего мимотекущаго жития иноков и инокинь всех под мечь клонити. И вся быша злая в сей недельный день умысли окаянный сотворити и наполнити Московское государство поганых иноверцев Литвы, и жидов, и поляков, и иных скверных, яко и руских людей в них мало зрети. И теми было сквернавыми на вся сия напасти в сий недельный день содевати.

Искони же сотворивый нас раб своих владыко творец и содетель наш не забы, яко же обещася нам, и утоли от наю рыдание слезное, и не попусти дивиему зверю поядати избраннаго своего стада словенскаго овчате, и не преложи дни своего тридневнаго воскресения нам верным рабом своим во оскорбление, но ему злому змию, зияющу ны поглотити, излюбленный день суботный предложити ему в вечное погубление и в неутешимый плачь и рыдание в некончаемыи веки. И сбрати господь бог изоостренный им мечь на его выю и на единомысленников его, окаянных поганцов, по писанному: «Ров изрый и ископай, впадеся в яму, юже содела». Он бо окаянный законопреступник, восхотевый пребыти у древние злобы, у мерзости запустения, у возгордевшаго сатаны в недрех, вяще же предитекущаго Июды, и подщався быти еще самого сатаны в пропастех адовых превысочайший, и наименовай себе не точию царем, но непобедимым цесарем, и вскоре всея

земныя и мимотекущия славы лиши себе и со всякою нуждею злосмрадную свою душу изовну злосмраднаго своего телеси испроверже. В десятый день после своея женидбы, 114 году [1606 г.], месяца маия в 16 день, на четвертой недели после христовы Пасце, в суботу, мечем и прочим убийством, оружием убиен бысть, всяко влеком бяше не превычайших пресветлых чертог своих по земли множайших человек рукама, им же бе невозможно живаго и прямо лицу его зрети, не точию самому ему касатися. И тако извлечен бысть извну града и повержен на торжище, от всех проклинаем, и попираем, и от всякого всяко поругаем за злохитреныя своя и суровыя обычая. И невидимою своею силою творче избавителю наш победи единым часом и единомысленников его преждепомянутых злохитреных поганцов множество много. Людие рустии, унылы и безоружны, их же убиственая оружия помощию божиею от них отъяща и их оруженных победиша. И толико их поганых в сий в суботный день погибе, яко по всем стогнам великого града Москвы в трупие их невозможно проити. А нас, грешных раб своих, избави от сея великия душетленныя язя и смертоносныя язвы.

И пребысть окаянный он богоборец, лежа на торжищи даже до трею дней, всякому на злоскверный его труп зряще, ником же бе ни от кого покрываем, наг, яко же от чрева матери своея: и их же бо возлюби да положены быша ему на персех, и ничто же ему помощи возмогоша; и по трею днех извержен бысть окаянный из внешнего града на лице поля. Егда же лежащу трупу его на позорищи, не точию человеком гнусно зрети нань, но самая та земля возгнушася, от нея же взят бысть. Мы же видяще сие и глаголюще кождо к себе: «О люте, яко родихся; святым крещением просветихся, и нарекохся быти сын дневи, и ныне изволихся сам быти сын погибели!» И лежащу ему на поли, мнози человецы слышаху в полунощное время, даже до куроглашения, над окаянным трупом его великий плищ, и бубны, и свирели, и прочая бесовская игралища: радует бо ся сатана о пришествии своего угодника. Ох, увы и люте тебе окаянному, яко и земля возгнушася на себе держати проклятаго твоего еретического трупа и аер ста неблагоправие плодити, облацы дождя не даща, не хотяще его злоокаяннаго тела омыти, и солнце не восия на землю огревати, и паде мраз на всеплодие, и отъят от наю тука пшенична и гроздия, донделе злосмрадное тело его на земли повержено бяше.

Божиим промыслом и пречистыя его богоматере к рождьшемуся из нея молитвами и великих чюдотворцов Петра, и Алексея, и Ионы и всех святых способствием мы, православные християне, всею Росийскою областию избрав, и излюбили себе на царство царские же полаты синглита мужа праведна и благочестива, прежних благоверных царей корене, от великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, и от благовернаго князя Александра Ярославича Невскаго, от того святаго корене великаго болярина князя Василия Ивановича Шуйского, еже первие пострадал за православную християнскую веру. И наречен бысть на царство того же 114 году [1606 г.], месяца маия в 19 день, в день понеделничный. Сотворителю же нашему человеколюбцу богу не попушающу своей твари, еже ей от обычая своего пременитися и еже не принести всеплодия всем живущим человеком на земли, рабом своим, и указа верному своему слузе, крестоносному и нареченному государю царю и великому князю Василию Ивановичю, всея великия Росия самодержцу и обладателю многих государств, по вере его от бога свыше ему дарованных, дабы того злого еретика ростриги [в] преждевоспомянутый ему дом, сотворенный им ад ввергши, сожещи всесквернавое проклятое его законопреступничье тело, еже и бысть: сожжен на месте, нарицаемом Котле[11] от града яко седмь поприщ. [...]

[II]

Запись целовалная, по которой сам царь целовал крест

«Божиею милостию великий государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, щедротами и человеколюбием славимаго бога, и за молением всего освященнаго собора, и по челобитью и прошению всего православнаго християнства учинилися есмя на отчине прародителей наших на Росийском государстве царем и великим князем, его же дарова бог прародителю нашему Рюрику, иже от римскаго кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на сем Росийском государстве быша прародители мои, и посем на Суздальской уезд разделишася, не отнятием и не от неволи, по родству, яко же обыкли болшая братия на болшая места седети. И ныне мы, великий государь, будучи на престоле Росийскаго государст-

ва, хотим того, чтобы православное християнство было нашим царским доброопастным правительством и в тишине, и в покои, и во благодествии. И поволил есмя я, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з боляры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен, и у детей не отъимити, будут которые с ними в мысли не были; также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя которой по суду и по сыску доидет смертные вины, и после их у жен их и у детей дворов, и лавок, и животов не отъимати, будут с ними они в той вине неповинны; да и доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтобы в том православное християнство без вины не гибли, а хто на кого лжет и сыскав того казнити, смотря по вине его: что было возвел неподелно, тем сам и осудится. На том на всем, что в сей записи написано, и яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, целую крест всем православным християном, что мне жалуя судити истинным праведным судом и без вины ни на кого опалы своея не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати, и от всякого насилства отбегати».

И еже паки не по мнозех днех второе посылает царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии грамоты, яко развращены и прелщены людие проклятым еретиком Гришкою Отрепьевым воровским его умышлением и бесовским научением и помрачением зело прелщены и чающе истинно царевым сыном приснопамятнаго блаженныя памяти великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца. И то мнение отводит от тех, и в разум истинный приводит, и в целомудрии укрепляет, и истинну всем наяво приводя, извеcтуя сице:

«От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии, в которой город к воеводам и дьяком именно писано. Писали есмя к вам наперед сего, что божиим праведным судом за грех всего православнаго християнства страдник ведомой вор богоотступник, еретик рострига Гришка Богданов сын Отрепьев, отступя от бога и по совету дияволю и лихих людей, которые всегда Московскому государству хотят разорения и кровопролития, назвал себя государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сыном царевичем князем Дмитрием Ивановичем и в По́лше и в Литве, короля и многих панов и слу-

жилых людей своим ведомством и чернокнижеством прелстил; да не токмо что в Полше, и в Московском государстве многих людей прелстил, а чаяли его царевичем Дмитрием. И тот вор богоотступник по своему бесовскому умыслу и по совету с полским королем и с паны радами[1] в Московском государстве многую смуту и разорение учинил, и церкви божия осквернил и многих православных християн, которые его знали и злодейство ведали и его обличали, и злой смерти их предал. И понял за собя воеводы Сандомирского дочь латынские веры и, не крестив ее, в соборной церкви пречистые Богородицы венчал. И польских и литовских людей для крестьянского разорения многих к Москве привел, и церкви божия и святыя иконы обругал, и немец, и римлян, и поляков, и розных вер многих злых еретиков в церковь пущати велел со оружием, а иных скверных дел и писати невместимо, какое злое поругание християнской веры чинил и православным християном многое насилство и кровопролитие учинил, и жены у мужей отъимал и иные нестерпимые грубости и поносы чинил. А последнее, по совету с полскими и с литовскими людми, изменным обычаем хотел бояр, и дворян, и приказных людей, и гостей, и всяких лутчих людей побити, а Московское государство хотел до основания разорити, и крестьянскую веру попрати, и церкви разорити, а костелы римские устроити. И милосердный, в троицы славимый бог наш по своей святой милости над нами и надо всеми православным християнством, милость свою показал: умысл их злодейской всем людем объявил и гнев свой от православных християн отвратил, и святых божиих церквей и православные християнские веры до конца в разорение, и православных християн в расхищение и в работу не дал; против его злых и скаредных дел возмездие отдал ему самому и со единомысленными его. А и умысел его злодейской таков был: после смерти того вора взято в его хоромех лист утверженной того ростриги Гришки с воеводою Сандомирским, что было ему отдавати воеводе Сандомирскому, да его дочери и их роду, городы Новгород и Псков с пригороды и со всеми людми и с уезды: владети было теми городы и уезды воеводе Сандомирскому и з дочерию, и монастыри и костелы устроивати было римские, а тому было вору теми городы не владети; и как было им разорити истинная православная християнская вера, а учинити во всем Московском государстве римская вера. Да туто же взяты в хоромех Римского папы и кардинало-

вы иезовецкие листы о християнской же вере; о разорении, и о утверждении римские веры: и на том на всем тот вор рострига Гришка Отрепьев в Литве воеводе Сандомирскому при многих панех и при папиных посланникех присягал и крест целовал, и ту утверженную запись им с клятвою на собя дал за своею рукою: а писал тот лист воевода Сандомирской. [...]

[V]

О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицашеся дикой вор Тушинской

В лето 7116 [1608 г.] паки ин зверь подобен тема же явися, или, рекши, и лютейший сих воста, на готовое бо селение дияволи мечты прииде сам отец лжи сатана. Еще бо тогда не вси рустии грады к Московскому государству обратишася, от него же отпадоша крамолодеющими мятежники, и се паки в той же прежереченней стране Черниговстей явился ин злобесный кроволакательный пес или человекоядный зверь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание испусти, и вся простожительныя люди устраши, а змиеобразныя лукавыя и злыя сих к своему кроволитному праву усвояя привратити. К нему же и паки множество приидоша полских людей и литовских, понеже и сий нарицая себе царевичем князем Дмитрием Углецким. Аще и суд божий вскоре постиже злобнаго сего пса, но убо конечно увидеша литовские людие неустроение в Руси, и межоусобное смятение, и брань и сего ради вси устремишася на Рускую землю. И бысть от них злое и тяжкое всем християном озлобление, понеже и предатели царства и царя с ними уже сложишася, и крамолу велию во вся грады руския устрояху, и на царствующий град Москву зело належаху, и все страны Руския земли немилостивно пленяху. И толико множество полских людей, и мятежников, и клятвопреступников руских собрашася, яко и земли покрыватися щиты и воздуху блещатися копии, брани же и крови разливатися всюду. Овыи убо грады Москве тогда придержахуся и Василия царя славляху, яко же Великий Новград и Псков, Смоленеск и Казань; овии же Литве и мятежником руским поработашася; и таково, грех ради наших, от начала в земли Рустей смятение не бывало, еже тогда бысть. И таковыми смятении злые они мятежницы сердце Василья царя, аки лядиною многомутныя волны, восколебаша, и отвсюду утесняему вмàле не погрузитися хотя; аще бо и желая от-

сюду помощи и отнюду, но ниоткуду же обретая. Царь бо, не имый сокровища многа и другов храбрых, подобен есть орлу бесперу и неимущу клева и ногтей; вся бо мерский рострига ходящему сребру царския истощи, и теснотою скудости ратныя люди стесняющеся вси.

О мужестве царьского воеводы князя Михаила Шуйского Скопина

В лето 7117 [1609 г.] государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии послал во Свейскую землю воеводу от сродства своего князя Михаила Васильевича Скопина а повеле ему призывати к своему царскому жалованию ратных людей немецких и всяких земель. Он же повеление государя своего, Василия царя, скоро исполни, шед, множество людей немецких на царскую его милость призва, и руских всяких людей и ратных много собра, и ко царствующему граду Москве со многими людьми возвратися. И бысть воевода храбр и мужествен добрым, благоприятелством ко всему народу рускому себе показа, скоро, аки молния, супостатныя полки обтече и вся овцехищныя волки люто устраши; пастырь бо зверегонителен бысть и сице врагом и всем мятежником непобедим, яко и всех от царствующаго града отгнати сотвори. Бе бо во бранех лют на враги, и стремлением зело искусен, и ратник непобедим; мнел бы убо, и вся страны Руския земли таковым мужественным храбрьством от рук супостатных свобоженным быти, аще не бы смертоносным серпом пожат бысть, и не бы темный гроб общия нужди того добродетелную храбрость покры. Но за еже греховнаго ради терния злобы нашея отъят от нас бог таковаго зверогонителя добраго и в его место дал воеводу сердца не храбраго, но женствующими обложена вещми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копия приправляти хотящаго. И сего ради паки мятежницы приспевают, паки супостаты ся возвращают, прогнанныя воеводою князем Михаилом Васильевичем, и паки крови многия проливают, паки вся страны Руския земли пленяют, и паки царьствующий град тяжко облежаху, и вся люди, во граде живущия, нуждами утесняхуся; Василию же царю недоумевающуся, что сотворити, уже бо и предатели мнози готовляхуся нань. Не вем бо, [что] и во православных тогда случилося; вместо убо истинны лжу прославиша и вместо правды лукавое похвалища, по глаголющему: «Возлюбил

еси злобу паче благостыня»; и мнози бо от доброцветущаго благоверия Василия царя, аки мразом раздробляеми, отпадоша и в темноту нужныя зимы литовскаго неправоверия отпадоша.

О сонмищи мятежников на царя Василия

В лето 7118 [1610 г.], февраля в 17 день, в субботу Сырныя недели крамолники народу и мятежницы тишине учиниша нечистаго совета сонмище на царя Василия, приидоша тогда на место Лобное и возмутиша народы, глаголюще сице: «Царь наш, князь Василей Шуйский, согласився с потаковники своими и сел на Московское государство силно, а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп и нечестив, пьяница и блудник, и всячествованием неистовен, и царствования недостоин». Сия же слышавше, мнози от народа сице рекоша к ним: «Государь наш царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии сел на Московское государство не силно; выбрали его быти царем болшие бояре и вы, дворяне и все служилые люди; а пьянства и всякого неистовства мы в нем не ведаем; а коли бы таковому совету быти, ино бы тут были болшие бояре, да и всяких чинов люди». И никто же от народа приложишася к мятежником тем. И сего ради возмутити не возмогоша, темномысленнаго же суровства своего не осташа, но ко царю Василию в полаты, с немилосердным текущи нравом, устремишася. Он же слышав, и в лице им ста рече: «Что приидосте ко мне с шумом гласа нелепаго, о людие? Аще убити мя хощете, готов есмь умрети; аще ли от престола и царства мя изгоните, то не имате сего учинити, дондеже снидутся все болшие бояре и всех чинов люди, да и аз с ними; и как вся земля совет положит, так и аз готов по тому совету творити». Сия слышавше мятежницы, и вси посрамлени быша от царскаго лица и от народа всего, и сего ради вси бежаша в супостатныя полки за град, на место, глаголемое Тушино, идеже вси волцы, и хищницы, и всех градов крамолницы не спят, но тщетным получаются и зло мыслят и творят.

О чюдеси бывшем

В четвертое лето царства царя Василия, октября в 20 день, четвертка на пятницу, в полуношную годину, во церкви архистратига Михаила, честнаго его собора, иде

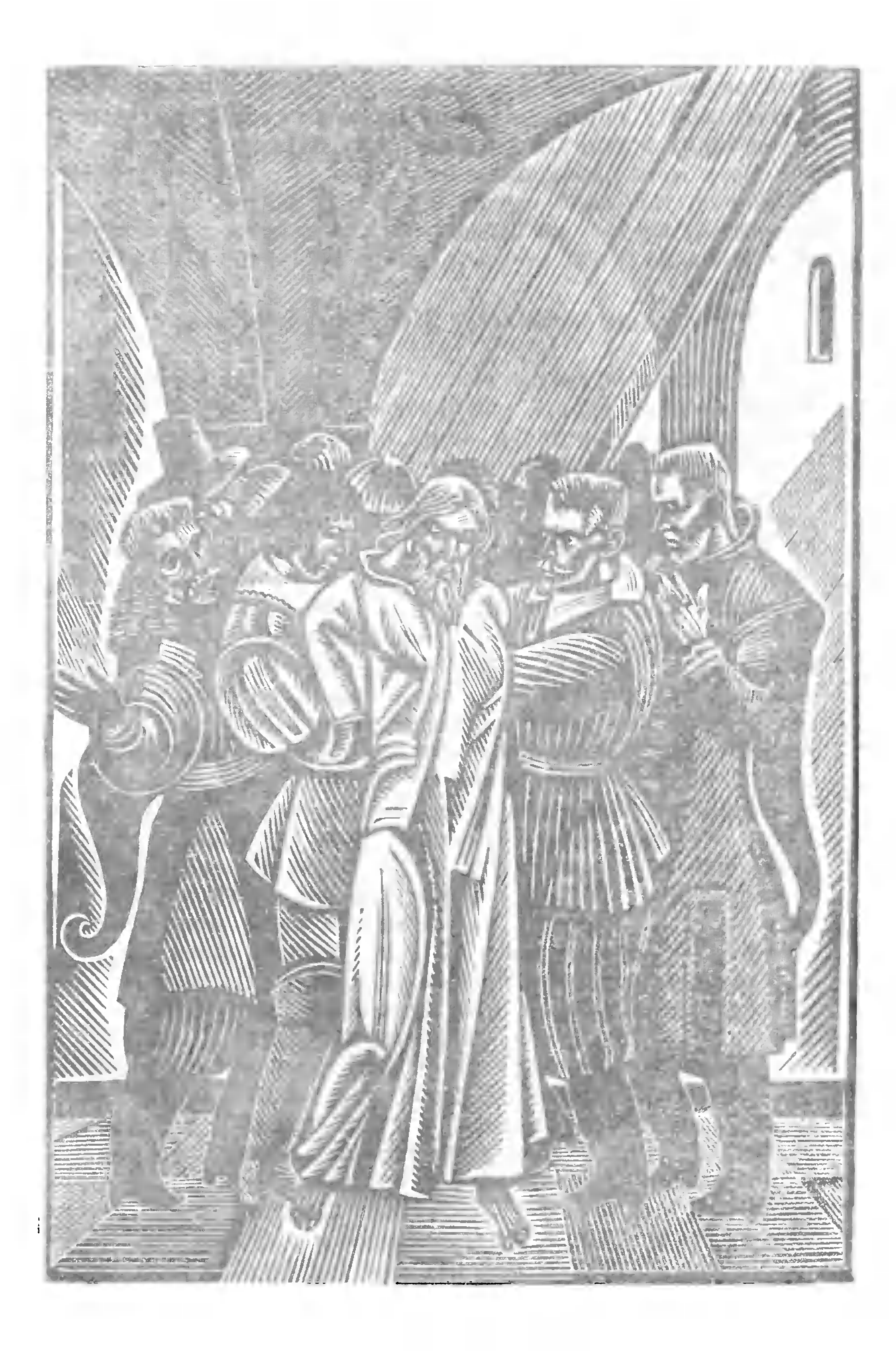
же лежаху телеса великих князей и благочестивых царей Руския земли, се слышахуся гласи плачевнии и шум, аки некия сопротивоборныя беседы, и потом бысть псаломскаго священнословия глас поющих отшедшим душам в вечныя благодати, 118 псалма и со аллилуиями. И посем с плачем скончася глас. Слышав же чреды тоя стражие и протчим поведавше людем, рекоша же тогда мнози от народа, яко царство Василия царя вскоре с плачем скончатися имать.

Паки ино чюдо

Того же лета, месяца февраля в 18 день, бысть ино чюдо преславно, его же верным молчати невозможно, еже убо во обители честных инокинь девическаго общежительства, во церкви пречистыя Богородицы, честнаго ея Рождества. В нощи с суботы на воскресение Сырныя недели возжеся сама свеща о себе огнем небесным пред святым ея богородичным образом. Сие же слышавше, вернии со тщанием текоша видети преславнаго чудеси, молебная совершающи, и благодарственныя песни радостно поюще, и славу всещедрому богу возсылающе и пречистой его богоматери. Егда же бысть третий час дни недельнаго, тогда убо зелно належащу ветру, во двери церковныя дохнувшу, и абие свещу самовозженную погаси; бе бо велика ношашеся буря. От сего убо вознепщевати показатися, яко вмале царствовавшему светеяся благодать, мимо иде.

О пленении царя Василия, и о смерти его, и о разорении града Москвы

В лето 7119 [1611 г.], июля в 17 день, в пятое лето царства царя Василия, паки мятежницы злу и велику посреди народа крамолу воздвигнуша, безстудно же и сурово на Василия царя устремишася, и нападоша нань, и немилосердыми руками, аки птенца, восхитиша, и по обнажении царския диядимы введоша его в монастырь Чюдо архистратига Михаила, и облекши его во иноческое одеяние, и предаша во злостражныя руце и християноубийственныя полским людем и литовским. Они же его емше, и абие иноческое одеяние свергоша с него, и во изрядныя ризы паки облекоша его, аще и не хотящему ему, но нравом пленническаго обычая содеяша о нем, и тако отведоша его в Литву и со единоутробными братиями его, со князем



Дмитрием Ивановичем да со князем Иваном Ивановичем, к Жигимонту королю. И тамо нужным страданием прияша кончину жития сего, и к вечному царствию, невечернему свету преселися; тамо же и брат его, князь Дмитрий Иванович, такоже пострада и кончину жития сего приял; третий же возвращен бывает к Московскому государству. Царствова на Московском государстве 4 лета и 2 месяцы.

О боярском державстве Московского государства

По царе и великом князе Василии Ивановиче всеа Русии прияша власть государства Руского седмь московских бояринов[1], но ничто же им правльшим, точию два месяца власти насладишася; бе бо великому межоусобному враждованию тогда належащу. Помыслиша же убо и совещаше на Московское государство литовскаго королевича Владислава призвати и царем учинити, аще, рече, оставит веру латынскую и крестится нашим крещением греческим; на се и послаша х королю болших послов и людей от всяких чинов Руския земли. Древния же лжи проказивыя лестьцы, злохитрыя поляки, аще и мирная совещеваху, но в сердцы язвы лукавыя ношаху; егда убо во град Москву внидоша, тогда мирная составления разрушити начинаху и народ християнский тяжко озлобляху, поне и руским мятежником на се им помогающим.

Седмочисленныя же бояре Московския державы всю власть Руския земли предаша в руце литовских воевод. Оскудеша бо убо премудрыя старцы, и изнемогоша чюдныя советники, и отья господь крепкия земли, все же сие богу нань попущающу за премногое наше прегрешение.

Того же лета, марта в 19 день, излияся фиял горести, царствующему граду Москве разорение. Падоша тогда высокозданнии домове, иже красотами блистающеся, огнем поядошася; и вси мудроверхия церкви, яже преже божественною славою сияюще, скверными рукама до конца разоришася. И множество християнского народа мечи плеча литовскаго разсекошася; а инии от домов своих и от града скоком бежаша, понеже спастися хотяху; прочии же во граде осташа, пленением супостатных рук тако же порабощени быша. И тако литовския люди обладаша Москвою 2 лета и месяц 6 бедно же, поне и руския люди не отступиша и убивающи многих; аще убо изгубив свое достояние, но и паки свое отечество взыскати хотяху, яко же и бысть.

О Гермогене патриархе и о кончине его

В первое лето царства Василия царя возведен бысть на престол патриаршеский велицей церкви Гермоген, иже бысть Казанский митрополит. Бысть же словесен муж и хитроречив, но негладкогласив, о божественных же словесех присно упразняшеся, и вся книги Ветхаго закона и Новыя благодати, и уставы церковныя, и правила законныя до конца извыче. А нравом груб и к бывающим в запрещениях косен, ко злым же и благим не быстро разпрозрителен, но лстивым, паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть. О сем бо убо некий рече, яко во всех земнородных ум человечь погрешителен есть и от добраго нрава злыми совратен; яко же и сей преложен бысть от неких мужей змиеобразных, иже лесть сшивающе, козньми соплетоша, иже о Василии цари злоречством навадиша мятежницы словесы лестными. Он же им всем верует, и сего ради ко царю Василию строптивно, а не благолепотно беседоваше всегда, понеже внутрьуду имый наветовалный огнь ненависти; и на супостатныя коварства, яко же лепо бе, никако же отчелюбно совещевающе со царем. Мятежницы же во время свое преже царский венец низложиша, потом же и святительскую красоту зле поруганием обесчестиша. Егда бо по Василии царе прияша Москву супостатнии руце, тогда убо он по народе пастыря непреборима показати себе хотяше; но уже времени и часу ушедшу, како непостоянну стояти вознепщева и во время лютые зимы кляпышу процветати хотя. Тогда убо аще и ярящуся ему на клятвопреступныя мятежники, и обличая християноборство их, но ят бысть немилосердыма рукама, и аки птица в заклепе, и гладом его умориша, и тако ему скончавшуся.

О владении Москвы литовских людей и паки о взятии ея руским людем

В лета, в ня же Литва обвладеюще градом Москвою, тогда славляшеся имя Жикгимонта, короля полского, а над прочими грады и надо всеми людми ратными Руския земли власть прияша от московских бояр болших князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да воевода Прокопей Ляпунов Резанец. И пришедши со многими людми под Москву и взяша у Литвы Болшей посад, да Каменной град Белой, имянуемый Царев город, того же лета марта

в 27 день; а Литва обладаше в Китае-граде и в Кремле[2]. И тако препроводися не мало время: облежаху же вои рустии свой град и брахуся с супостатами присно, прияти же его не могуще, дондеже отверзеся дверь милосердия щедрот господних. Да с ними же, со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким да с Прокопьем с Ляпуновым, воевода же над казацкими полки был московской служилой рохмистр пан Иван Заруцкой. И сей бысть не нехрабр и сердцем лют, но нравом лукав, понеже к чести позавиде Прокопиеве и злую крамолу нань состави,— и предан бысть в кровоядные руце злочинному сонмищу, идеже без зла не спят. Сии же, аки немилостивии волцы, восхитиша и лице поля кровию его очервлениша. Аще и многи тогда сущи в воинственных народа Прокопия ради опечалишася, но ничто же о животе его успеша. И бысть тогда велико уныние и мятеж во всей земли Рустей, понеже велицей злобе християнскому народу належащи, прещения ради неверных, и насилование ратных. «Аще не быша прекратилися дние те, не бы убо спаслася, по глаголющему, всяка плоть»; но «есть бог близь всем призывающим его во истинне»; по великосвопростираемей убо милости своей дарует ко здравию врачевания.

Воздвизает бо некоего от християнского народа мужа, рода не славна, но смыслом мудра, его же прозвание нарицаху Козма Минин, художеством бяше преже говядарь. Сей по случаю чина чреды своея бысть началник в то время судных дел во братии своей, рекше посадных людей, в Нижном Новеграде. Виде тогда насилуемы многи, и зело оскорбися и поболе Зоровавелски душею за люди господня, всемогущаго бога в помощ призва и молв бесчисленных печалей на ся прият, и тако ношашеся тогда бурями различных попечений, аще неискусен стремлением, но смел дерзновением. Собрав убо от народа многая сокровища сребра, и одари люди ратныя оброки доволными, и сице собра полки многия, и военачальника искусна во бранех, князя Дмитрея Михайловича Пожарского, над всеми быти совосприподоби; сам же никогда отлучашеся, аки древний Гедеон, всех сердца на сопротивныя укрепляя. И тако со многими вои под Москву прииде, и благим доброправием своим, аки солнечным любовнаго луча светом, военачалники совокупи, и всех храбрых благочестиваго воинства во едино собра. И тако содетелевым промыслом, всесилныя же его и непобедимыя десницы крепостию и воеводством разгнашася темныя облацы толиких вели-

ких належащих зол. Приступиша со устремлением на брань многокознеными оружии ко стенам града и прияша вои руския Москву в лето 7121 [1612 г.], октября в 24 день, на память святаго мученика Орефы. Потом же и крепкий Кремль град прияша и множество полских и литовских людей побиша. И всея земли Руския началнаго крамолника Федку Ондронова жива яша, и по многом истязании обешен бысть, и прочих мятежников умучиша с ним. Воздасть бо ся воздаяние их им, рекше врагом, по вражде их и помрачению их, зане преже многих гоняху, потом тогда сами в пагубу течаху и зле скончахуся.

Царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца

В лето 7121 [1613 г.], марта в 14 день, паки сынове рустии приемлют вход отчества достояния древняго град Москву. Паки наста весна благодатнаго бытия и простирается струя светлотекущаго жития, еже нами чаемаго упования, великаго бога свет возсия. И того благоволением от конец Руския земли и до конец ея народи православия, малии и велицыи, богатии и нищии, старыя же и юнныя, богатно разумением от иже всем дающаго жизнь обогатившися и светом добромыслимаго совета купно озарившися, аще бо убо и разнородными местны людми, но яко едиными рекоша усты, и в далном несогласии жития растоятелстве бысть аки согласен совет во единоравеньстве. Изволиша бо смыслом, избраша же словом и учиниша делом, еже добр совет сотвориша; бе бо убо не человеческим составлением, но божиим строением, его же молиша и просиша государя себе на престол царствия Московскаго государства царя Михаила Феодоровича, иже бысть по сродству племянник царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии по матери его, царице и великой княгине Анастасии Романовны, яже бысть супруга царя Ивана Васильевича. Прриидоша же тогда всеа Руския земли велможи, князи, и бояре, и дворяне, и все стратизи, иже во храбростех сияюще, и ратные лики, и всяких чинов приказные люди, и изо всех городов избранныя роды, и все купно от мала и до велика православные християне во град, глаголемый Кострома, к Михаилу Феодоровичю, ту бо тогда ему пребывающу и с материю своею, с великою старицею инокою Марфою. К ся же ногама вси

припадающе, со слезами биша челом и просиша у нее, дабы благословила сына своего на престол царствия Московскаго государства, еже быти ему царем, сродственнаго его ради союза царских искр и по благословению, еже отцу его, благоверному болярину Феодору Никитичю, блаженныя памяти царем и великим князем Феодором Ивановичем всеа Русии. Она же едва, слезнаго ради великаго народа моления, на се преклонилася: бе бо государь млад, а время тогда обуреваемо и люди строптивы, рекше волнуеми. Но обаче положи упование и надежу на всемогущаго бога, не презре многих слез и вопросит у своего сына Михаила Феодоровича, паче же и благословляет его быти государя в Рустей земли царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии. И тогда приемлет богом порученное ему Московского государства скипетродержание, и нача правити мудрокормный царствия корабль, и бысть православию глава, и богозрачному благочестию начало, и государь всем православным, иже под солнечным течением, и всему православному християнству наречется боговенчанный царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Русии самодержец.

Аще бо и от прежецарьствовавших держава отчественая его пресечеся, аки доброрастное и красноцветущее древо, еже теснотами лютыя зимы увядши смирися, но ныне паки при летней теплоте и светлости усмехнувшися и процвете. Преславное же и великое место и многонароднаго християньства селение, еже есть мати Руским градовом, Москву, юже от неверных латин пленением запустошенную и от руских мятежников тяшким озлоблением осквернившуюся и осиротевшую, паки младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и преукрашенную невесту сотвори. Апостольская же и соборная святая церковь паки приемлет своего украшения доброзрачную лепоту, паки солнце правды светлую лучю благости своея нам возсия, им же видеша вси свет велик, сладостныя тишины свободный день. Отъя бо от нас господь бог наш укоризну нашу всю и странеск страх и дарова державному во крепости достояния его, и победы на враги царьствующему поручи, ему же буди благопребывателно и мирно и многолетно здравствовати во всяком благоденьствии и радости расти и множествовати.

[VI]

В лето 7121-го [1613 г.], июля в 1 день, венчан бысть царьскою диядимою государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии в соборной и апостольстей церкви Пресвятей богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, в царьствующем граде Москве. А московских боляр и всяких чинов людей, которые седели в Москве в осаде с литовскими людми и которые были в Литве у короля, и в Тушине, и в Колуге, и при воре второлжывом Дмитреи, и тех государь всех пожаловал для своего царьского венца наипаче свыше перваго по их достоинству честию и по пожитком. И совокупися вся земля Руская ему, государю, служити, и божиею милостию и пречистые богородицы и московских чюдотворцов ходатайством и умолением, и его, благочестиваго государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии, счастием, преста в Руском государьстве всеснедная человеческая пагуба; православнаго християнства кровопролитию и всякому воровству и лжывым царевичем конец бысть.

Того же лета посылал государь боярина своего князя Дмитрея Мамстрюковича Черкаского[1], он же шед взял три городы: Вязму, Белую, Дорогобуж, и пришед ста под Смоленьским и много ратовася около Смоленьска и за рубежем Литовским.

В лета 7123-го году [1615 г.] прииде турьский царь Савдовлей с великим войским своим на литовского короля войною за лжывую его похвалу на Московское государство. И повоевал многие литовские села и жилища, и Дунай-реку великую перевезся на Литовскую страну, и Годоньскую землю[2] возле Дунай-реку повоевал, и много литовских людей побили и посекли, и семь городов в Годоньской земле литовских взял. И гонца своего турской царь к Москве послал, а велел московскому царю с литовским королем розмирится, и приитти московскому войску от Москвы с своей стороны на литовского короля войною: и Литву потесним, и отольем кровь християньскую, и лжывую похвалу литовского короля на Московское государьство и ему, королю, отомстим. И государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии турскаго посла того отпустил с Москвы честно з дары великими честными и писал к турьскому царю честно, хотя с ним совет держати; а на

литовскаго короля войска своего московского не послал, что еще батюшко его великий государь Филарет Никитич[3] в Литве полонен, и чтобы король смерти его злой не предал, и хотя государь батюшка своего из Литвы к Москве здрава выручить. А король литовский тогда и с королевичем своим от турьского царя устрашилпся велми, и хотя король бежати в немцы, а королевичь заперся в Смоленьске-граде. И в то время пригонили гонцы из Турьские земли к турскому царю, что де в Турской земле промежу собою учинилося смятение великое, бысть промеж собою сеча и война великая. И турьской царь со всем своим воиньством поиде во свою землю, и литовские городы, кои взяты были в Годоньской земли, все покипул, и литовской король со своим королевичем опять в Литве в своей укрепился.

В лето 7124-го году [1616 г.] сходилися под Смоленьским государевы послы, боярин князь Иван Михайлович Воротыньской, да боярин князь Алексей Юрьевич Ситцкой, да околничей Артемей Васильевич Измайлов, да с ними дпяк Иван Болотников, с литовскими послы о мирном поставлении и, несоставивше мире, разыдошася.

О свобожении великого Новаграда

В лето 7125-го [1617 г.] государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Росии свобожает свою отчину, богоспасаемый Великий Новград и с пригороды, от немец посольством околничего князя Данила Ивановича Мезецкого с товарыщи; и с немцы мирное поставление учиниша; а Иваньгород, Яму, Копорию, Орешек немцом повеле замирити. Того же году, марта в 13 день, пришли послы в Новгород, князь Данило Иванович Мезецкой, да Алексей Иванович Зюзин, да дияки Никулай Новокщенов, да Добрыня Семенов, в четверток вторыя недели Великого поста, в десятый час дни; а немцы вышли из города того же дни в вечере. А послов встречали Исидор митрополит со всем освященным собором, со кресты; образ пречистые богородицы списан с Тихвиньские чюдотворные иконы Одигитрея, которой на посольстве был.

Того же лета приходил королевичь литовской Владислав, и взял Дорогобуж и потом Вязму, и стоял зиму всю в Вязме.

В лето 7126-го [1618 г.] приходил королевичь под Бори-

сов и стоял немного, и приходил под Можаеск, и ничто же успе.

В лето 7127-го [1618 г.], сентября в 25 день, приходил королевичь под Москву и стоял от Москвы 16 верст в Повшиньских лугах. А ис Коломеньского приходили под Москву 12 000 черкасов запорожских сентября в 27 день, и с ними бой был у пречистой Донской. Того же дни другой бой с ними был за Москвою-рекою под Дорогомиловым. Сентября в 30 день, с среды на четверг, на Покров пресвятей богородицы приступ был королевичю к Москве ко Арбацким воротам, и божиею милостию и молитвами пречистые богородицы в тот приступ много литовских людей побиенно бысть. Октября в 11 день пришла Литва о миру к Москве, и сходилися государевы бояре трижды и розошлися ни на чем. Того же месяца в 26 день отъиде королевичь от Москвы и шед стал по Переславской дороге за Троицею, в селе Рогачеве. Ноября в 1 день государевы бояре ходили с Москвы и составиша с Литвою мир в Троецком селе в Девулине на 14 лет и поиде королевичь со всеми литовскими людми в Польшу.

Того же лета принесен бысть из Литвы в Можаеск образ великого чюдотворца Николы, иже на вратех.

Того же лета, апреля в 10 день, преставися Великого Новаграда митрополит Исидор на Москве.

О свобожении государева отца, преосвященнаго Филарета Никитича, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго

Того же году государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии послал послов своих, боярина Федора Ивановича Шереметева с товарыщи, на Вяземский рубеж, на договор с литовским королем, прошати отца своего великого государя преосвященного Филарета Никитича, митрополита Ростовского и Ярославского. И милостию божиею и его государьским счастием отца своего ис польских и из литовских рук свободи и прият во царьствующий град Москву честие июня в 14 день. А литовских людей, полковника Струса, и рохмистров, и иных многих людей, которые взяты в Москве в осаде, повеле государь царь отдати в Литву. Да с Филаретом же Никитичем выехали московских бояр: князь Иван Иванович Шуйской, да Михайло Борисович Шеин с сыном, да дияк Томило Луговской; да с ними же выехали московские многие дво-

ряне, и дети боярские, и всяких людей многое множество. А князя Василья Васильевича Голицына вывезли из Литвы его тело мертвое к Москве.

О пришествии Иерусалимскаго патреарха Феофана

Того же году, преже пришествия Филаретова митрополита в Москву, божиим изволением и судом прииде от господня гробу вселеньский святейший Феофан патреарх святаго града Иерусалима и всея Палестины, и соверши государева царева отца, преосвященнаго Филарета Никитича, митрополита Ростовского и Ярославскаго, на патреаршество, с Рускими митрополиты и архиепископы и епископы Московскаго государьства и всеа Росии, в царьствующем граде Москве, в соборной церкви пресвятыя владычицы нашея богородицы, честнаго и славнаго ея Успения.

Того же лета, июля в 22 день, поставлен бысть Новуграду митрополит Макарий.

О принесении Христовы срачицы

В лето 7133-го [1625 г.], февраля в 25 день, пришел во царьствующий град Москву к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии и ко отцу его государеву, великому господину и государю святейшему Филарету Никитичю, патриарху царствующаго града Москвы и всеа Росии, кизилбашской посол от перьсидского Абас-шаха, грузинец Русакбек; от шаха государю царю и отцу его, святейшему патриарху, поднес ковчег золот с камением, с лалы и с бирюзы и рек: «Государь мой Абасшахово величество прислал к тебе, великому святителю, ковчег золот, а в нем великого и славнаго Исуса Христа срачица, а взята в Грузех». Патриарх же тот ковчег приял честне, и дозря в том ковчежце с митрополитом Крутицким Киприяном, и с Нектарием архиепископом греческим, и со архимариты, и игумены, и протопопы, тое святыню свидетельствовал и сыскивал. И повеле святейший патриарх всему освященному собору и в монастырех иноком поститися неделю и молитися богу, чтобы господь бог о той святыни проявил святую свою волю; а святыню ту повеле носити, и пети молебны, и воду святити на недужных и болящих. И быша от той святыни многая и неизреченная чюдеса. И великий государь святейший патри-

арх Филарет Никитич Московский и всеа Росии возвести о том сыну своему великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Росии, и о чюдесех неизреченных свидетелствованно писание прочтоша, о неизреченнем человеколюбии божии по премногу воздаша хвалу богу, сподобльшему их таковую преславную благодать видети во благочестивом царствии их. И приговорили о том быти собору в царьских полатах марта в 26 день, в суботу, и тое святыню, божия и преславная чюдеса, действуемая спасителем нашим Исус Христом, объявити царьскому сигклиту и всему народу. И потом в радости духовной повелеша в соборной церкви всемогущему богу принести молебная песния и совершити празднество со всенощным пением марта в 27 день, в неделю. И уложили той святыни быти в соборной церкви пречистые богородицы Успения, у живоноснаго гроба господня, и устроили во златом ковчежце и пети молебны, и воду святити, и всем болящим с чистою совестию приходити и исцеления просити невозбранно. И ныне с верою приходящим неоскудно от тоя святыни источает многочисленная исцеления в честь и славу господу нашему Исус Христу, пострадавшему нашего ради спасения и воскресшу в третий день, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

В лето 7133-го [1624 г.], сентября во 2 день, государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии сочтася законным браком, понял князь Володимерову дщерь Долгорукого Марию.

Того же году, генваря в 6 день, преставилася царица и великая княгиня Мария Володимеровна.

В лето 7134-го [1626 г.], февраля в 3 день, женися государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Росии вторым браком, поят за себя Лукиянову дщерь Степановича Евдокею Стрешнева.

Того же лета, маия в 3 день, за умножение нашего согрешения в царьствующем граде Москве бысть пожар велик зело и страшен. В городе в Кремле церкви божии со всяким церковным украшением, и государев двор, и патриархов, и дворцы з запасы, и приказы каменные, в них же многая государева казна и дела всякие, и Житнишной государев двор, и конюшны, и боярские дворы,— все выгорело. И в Китае-городе по тому же церкви божии каменные и древяные, и монастыри, и торги все, каменные и древяные, лавки, и всяких жилецких людей дворы выго-

рели все без остатку; и от жару храму каменные и полаты многие не устояли.

В лето 7135-го [1626 г.], сентября в 12 день, преставися Великого Новаграда митрополит Макарий.

Того же году [1627 г.], октября в « »* день, поставлен бысть в Великий Новгород Киприян митрополит, а взят с Крутиц.

Того же лета, апреля в « » день, родилася государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии дщерь, царевна Ирина Михайловна от благоверной царицы и великой княгини Евдокеи Лукияновны.

В лето 7136-го [1628 г.], апреля в « » день, родися государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии другая дщерь, Пелагея Михайловна, от царицы и великой княгини Евдокеи Лукияновны.

В лето 7137-го [1629 г.], февраля в « » день, преставися царевна Пелагея Михайловна.

Того же лета, марта в 10 день, родися государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии сын, царевич Алексей Михайлович, от царицы и великой княгини Евдокеи Лукияновны.

Тое же весны в водополье в Великом Новегороде река Волхов иде вспять 10 дней.

Тоя же весны, апреля в « » день, бысть на Москве пожар велик.

В лето 7137-го [1629 г.] прииде к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии от Густава, короля свитского, посол Александр Рубец, а бывал он руской человек, смольянин посадцкой человек, а свитьской король взял его в Литве, как поимал городы литовския; а прислал с ним к государю полонеников турьских и крымских людей, которые поиманы в Литве ис полону. Государь же его и патриярх пожаловали и отпустиша его х королю, а тех полонеников пожаловал государь и отпустил по своим землям.

Того же году приидоша к государю царю свитские послы от короля Густава Адолфа с тем, чтобы государь с ним стоял на литовского короля. Государь же им повеле отказати, что с королем литовским в миру, а во християньском государьстве того не повелося, что нарушить крестное целование; а как премирные лета выйдут, и государь не потерпит своему недругу.

---

* Здесь и дальше в рукописи даты не проставлены.

Премилостивый же и прещедрый человеколюбивый господь бог наш, не хотя создания своего до конца погубити, видя человеческое поползение ко греху и того ради всячески отращая нас, соотводя от всяких неподобных дел, и многоразличными образы и грозными знаменми яростно устрашая нас, и воспрещая с милостивым наказанием, наставляя нас на путь заповедей святых его. Бысть убо того же 137-го году [1629 г.], в пяток Светлыя недели, на Москве загорелося в Чертолье[4] и выгорело по самую Тверскую улицу, и за Белым городом погореша слободы. По мале же времени загореся на другой стране Неглинной на Покровке у Николы у Столпа[5], и в иных многих местех быша пожары великия. Паки того же лета бысть вихорь велик, и дождь презелен, и гром престрашен, и молния преужасна; и со многих церквей главы и кресты буря срывала и храмины многи разломa и с места на место принесе.

В лето 7138-го [1630 г.], месяца июля в 14 день, родися у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии дщи, царевна и великая княжна Анна Михайловна.

В лето 7141-го [1633 г.], июня в 2 день, родися государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии сын царевич Иван Михайлович.

В лето 7142-го [1633 г.] октября в « » день, преставися государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Росии, был на престоле патриаршестем 14 лет и 3 месяца и 9 дней. Того же году поставлен бысть святейший Иоасаф, патриарх Московский и всеа Росии.

Во 143-м году [1634 г.], декабря в 17 день, преставися Киприян, митрополит Великого Новаграда; был на митрополии 8 лет пол 2 месяца. Того же году поставлен бысть святейшим патриархом Иоасафом Московским и всеа Росии Новуграду митрополит Авфоний.

Во 147-м году [1639 г.], генваря в « » день, преставися царевичь князь Иван Михайлович.

Во 149-м году [1640 г.], ноября к 29-му числу, с суботы к воскресению во 8 час нощи, преставися святейший Иоасаф патриарх Московский и всеа Росии; был на патриаршеском престоле 6 лет и « » месяц.

В лето 7150-го [1642 г.], марта в 27 день, в 5-ю неделю поста, поставлен бысть святейший Иосиф, патриарх Мос-

ковский и всеа Росии, преже был Симонова монастыря архимарит.

Во 152-м году [1644 г.], генваря в «   » день, пришел к Москве Датьские земли королевичь Вольдемар Христианусович[6].

Преставление государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии

В лето 7153-го [1645 г.], июля с 12 числа, вместо празднственнаго торжества, дни ради царьскаго рожества, незапная скорбь, вместо светлаго пирования царьское погребение, вместо красного ликования и сладкия вечери наиде на ны нощ велия плача и рыдания. Божиими неизреченными судбами преставися тоя нощи государь царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Росии самодержец, со своих имянин, с суботы на воскресение, в первой четверти четвертаго часа. И бысть в царьстве Московском во всем християньском народе о нем, государе царе, скорбь и печаль велия зело. Царьствова государь царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Росии на Московском государьстве 32 лета. В те же неделю и погребен бысть со слезами и воплем многим, с великою честию, в церкви святаго архангела Михаила, идеже цари Иван Васильевич и сын его Феодор Иванович и чада его.

Царьство государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии самодержца

И абие по той скорби бысть и радость велия: господь бог дарова нам на Московское государьство царя сына его, государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Росии самодержца. На утрии в неделю, июля в 13 день, крест ему государю целовали бояре и дворяне и всяких чинов люди Московского государьства.

Того же лета, августа к 18 числу в нощи, преставися благоверная царица и великая княгиня Евдокея Лукияновна. По смерти государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии точию пожыве 5 недель; и погребена бысть честно в монастыре.

В лето 7154-го [1645 г.], сентебря в 28 день, венчан бысть царьскою диадимою на царство Московского государьства государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии самодержец, святейшим Иосифом, пат-

риархом Московским и всеа Росии, в соборней велицей церкви пресвятыя владычицы нашея богородицы и присно девы Марии, честнаго и славнаго ея Успения, в царствующем и преименитом граде Москве.

По царе Алексее Михайловиче воцарися сын ево Феодор Алексеевич всеа Русии...

По нем, царе, воцарился брат ево Иоан Алексеевич всеа Русии. И брат ево воцарился Петр Алексеевич всеа Русии.

Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина

Отнеле же рече бог: «Да будет свет, небо, и земля, и солнечное течение, и лунное умножение и умаление. И егда быша звезды, восхвалиша мя гласом велием вси ангели мои», и сотворенна прочая тварь вся и человецы уселишася, изочтоша времена, индикты и по-еврейски, и по-гречески, и по-латынски, понеже по разводцам расчитают времена и лета; по русскому же языку в лета 7118 [1610 г.] престивися благоверный и благородный и благочестивый прирожденнаго благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича всея Русии Шуйского,— понеже от единаго корени владеющаго вселенную Августа кесаря римского и от единыя православныя веры християнския началника, князя Владимера киевского и всеа Руския земли, и от единоя отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго разделения ветви государств,— боярин, воин и воевода, и ближней советник, и правитель, и прироженению нетих, сиречь племянник князь Михайло Васильевич Шуйской именуемый, понеже от единаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, яко же преди рекохом, родишася князь Андрей владимерский и суждальский и князь Данило московский и прочия братия. И от сего князя Ондрея Александровича князи суздальские и шуйские родишася, а от князя Данила Александровича московские князи и цари родишася. Но о сем умолчим, на предреченныя да поидем о преставлении князя Михаила Васильевича Шуйского.

Егда той воин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской послушав царя и приехал в царствующий град

Москву из слободы Александровы, и напрасно грех ради наших и родися боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому сын княжевич Алексей. И не дошед дву месяц по четыредесять дней рожения, бысть князь Михайло крестный кум, кума же княгиня жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского Марья, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников своих и советников мысляше во уме своем злую мысль изменную уловити, аки в лесе птицу подобну, аки рысь изжарити, змия лютая злым взором, аки зверь лютый: дияволу потеха бесится, сатане невеста готовится. И как будет после честного стола пир на весело, и диявольским омрачением злодеянница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха, а не ведает, что злое питие лютое смертное. И не в долг час у князя Михаила во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного, и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как всходит в свои хоромы княжецкие, и усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутилися, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая и во слезах говорит ему слово жалостно: «Чадо мое сын, князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъехал? Любо тобе богоданый крестный сын принял крещение не в радости? Любо тобе в пиру место было не по отечеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспатися. И сколько я тебе, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом змеиным изменничьим».

И паде князь Михайло на ложи своем, и нача у него утроба люто терзатися от того пития смертнаго. Он же на ложе в тосках мечущеся, и биющеся, и стонуще, и кричаще люте зело, аки зверь под землею, и желая отца духовнаго. Мати же да жена его княгиня Александра Васильевна и весь двор его слез и горкаго вопля и кричания исполнися. И доиде в слух сия болезнь его страшная до войска его и подручия, до немецково воеводы, до Якова Пунтусова[1]. И многи дохтуры немецкие со многими лечебными пригодами не можаше никако болезни тоя возвратити. Из

двора дохтуры немецкия от князя идяху и слезы испущаху, аки о государе своем.

И от того же дни в настатьи всенощных, яко же в житии Великаго Василия, солнце к солнцем зайде по исходе дьневных часов месяца апреля в 23 день со дьни великаго воина и страстотерпца Георгия ко дьни воеводы Савы Стратилата, понеже и сей воин, и воевода, и стратилат. Но тогда бо по Московскому государству не слышанно бысть настоящия ради нощи. На утрие же, святающуся вторнику и восходящу солнцу, слышано бысть по всему царствующему граду Москве: отшед от сего света, преставися князь Михайло Васильевич. Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго и множества народа по писанному: «Юноша с девы, и старцы со юнотами, и матери со младенцы, и всяк возраст человечь со слезами и с великим рыданием». От войска же его и дружины хоробрыя князя Михайла Васильевича ближние его подручники, воеводы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и атаманы прихождаху во двор его и ко одру его припадая со слезами и со многим воплем и стонанием. И жалостно во слезах глаголаше и причитаху: «О господине не токмо, не токмо, но и государь наш, князь Михайло Васильевич! Отшел еси от сего света, возлюбил еси небесному царю воинствовати, а нас еси кому ты оставил? И хто у нас грозно и предивно и хоробро полки урядит? И кому нас приказал служити, и у ково нам жалованья просити, и за кем нам радошно и весело на враги ехати ко брани? Не токмо, государь наш, подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию помыслишь на врагов, на литовских и польских людей, и оне от мысли твоея дале бегут, со страхом емлются. А ныне мы, аки скоти, безсловеснии, овцы, не имуще пастыря крепкаго. У тебя, государя нашего, в полцех войска нашего и без казни страшно и грозно, а радошны и веселы. И как ты, государь наш, в полцех у нас поедешь, и мы, аки на небесное солнце, назретися не можем». Но бо все вкратце пишем, а недоумеем убо много и жалостнаго плача и причитания их исписати. Но возвратимся убо ко прежнему. Тако убо ко двору его стекаются и держащеи власти, и строящеи, и правящеи царския и народная; таже и нищии и убогии вдовицы, и слепии, и хромии, всяк со слезами и горким воплем, кричаще и воплюще, таже и богатии велможи.

Таже прииде немецкий воевода Яков Пунтусов со двенатцетьми своими воеводы и с своими дворяны. Москов-

ские же велможи не хотяху ево во двор ко князю пустити, неверствия ради, к мертвому телу. Яков же з грубными словесы во слезах изглагола: «Како мя не пустите не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мне видети? Что ся таково содеяся?» И пустиша его во двор. Шед Яков и виде мертвое его тело, и восплакася горко, и целова его тело; простяся и пошед со двора, плакася горце и захлебаяся, глаголаше во слезах: «Московскии народи! Да уже мне не будет не токмо на Руси вашей, но и в своей Немецкой земли, но и от королевских величеств государя такова мне».

Таже прииде и сам царь и з братьи своими, таже и патриарх,— тогда держа святительский престол великия Росии Ермоген,— и митрополиты, и епископы, и архимариты, игумены, и протопопы, и весь священный собор и иноческий чин, черноризцы и черноризицы. И не бе места вместитеся от народнаго множества. Тогда убо посылают во вся торги Московского государства изыскати колоду дубовую, еже есть гроб, в ню же положат тело его. И, меру вземше, во вся торги ходивше, избравше величайшее всех и никако возможе вместити телеси его; и тогда пристрогавши в концех колоды тоя, и тако с нужею пологают в колоду тело его, да изнесут тело его ко церкви. И тогда привезоша гроб каменен велик, но ни той довляше вместити тело его, понеже велик бе возрастом телес своих, по Давиду пророку рече: «Паче сынов человеческих». И тако устроивше в древяном гробе, понесше, хотяху положити в Чудов монастырь архистратига Михаила[2] до времени бо и вины ради сицевыя, яко да тело во граде Суздале положено будет и ко гробом прородительским и родительским присовокупят и он предреченный каменный гроб устроят. Но в Суздале-граде в то время нестроение велико суще, понеже осилели воры и литовские люди, паны с войским своим; да егда си отступят, тогды его отвезут в Суздаль-град. И слышавше народное множество, что хотят тело его в Чудов монастырь положить, и возопиша всенародное множество, яко единеми усты: «Подобает убо таковаго мужа, воина и воеводу и на сопротивныя одолителя, яко да в соборной церкви у архангела Михаила[3] положен будет и гробом причтен царским и великих князей, великие ради его храбрости и одоления на враги, и понеже он от их же рода и колена»,— яко же напреди рекохом.

И тогда царь велегласно к народу рече: «Достойно и праведно сице сотворити». И тако на главах понесоша в

соборную церковь архангела Михаила, последствующу патриарху, и митрополитам, и всему священному собору; таже по нем царь, и весь царский синглит, и всенародное множество предидущеи и последствующеи поющих надгробное пение священных собор. От народа же кричания и вопля тяшка гласа поющих надгробное покрываху, и не бе слышати гласа поюших и се бе дивно, яко толику бесчислено народу суще, предидуще и последствующи, яко звезд небесных или, по писанию рещи, яко песок морский, и не бе видети ни единаго человека не плачущеся, но велми слезны, кричь, и плач, и рыдание велико всякого человека. Богатии, и убозии, и нищии, хромии и слепии, а безногие ползуще, главами своими о землю бьющеся, плачющеся и жалостно причитаху. И яко же и самому царю и патриарху плачуще со стенанием, и воплем, и рыданием горце всему народу, но и аще у ково и каменно сердце, но и той на жалость розлиется, зря своего народа плачущеся.

И тако с великою нуждею утеснения ради несяху тело его во гробе ко церкви; и от народнаго теснения, яко же некогда Алексея человека божия[4], не донесоша и положиша среди церкви у архангела Михаила. И певше надгробное подобное пение, и разыдошася яко да предиреченный каменный гроб устроят и могилу на вмещение гроба ископают. Но убо маломощнии и нищии, такожде вдовицы и черноризцы день той председяху, плачуще и скорбяще. Давыдовы же псалмы над ним непрестанно глаголаху, пременяяся день и нощь.

На утрие же свитающе дни, утреннему славословию кончану, солнцу паки возсиявшу и второму часу наставшу, и паки стекается всенародное множество со всего Московского царства, понеже во вчерашний день не всем в слухи внидоша и не ведомо, где погребен будет. Ныне обое слышат, и сего ради безчисленное множество отовсюду стекаются мужие, и жены, и, по предреченному, старцы со юнотами, нищии, слепии и хромии; иже есть хто неведаше его во плоти, но слышавше его храбрость и на враги одоление, и поне погребанию его сподобятся причетницы быти. И тако торжыща истощишася и купилища быша порозни оставьше, а раби — господей своих службы, и домы порозни быша житей своих: всяк возраст стекается на погребение его. Таже по времени царь, и патриарх, и прочий синглит, и освященный собор во церковь ону собрася, и уставному пению погребению наченшуся, и гласу от по-

ющих превозносящуся зелне, понеже в строках роспеваху. От бояр же и от служилых людей, иже с ним в великой оной службе в победе и во одолении бывших, паче же и от всенародного множества люди, по предреченному, яко звезд небесных или песка морскаго, вдов же, оставльшихся от муж своих, и черноризиц, и нищих, и сирот, вопиющих с плачем и кричанием. И не бе гласа поющих слышат и мнетися, аки во иступлении ума сушу, ако и воздуху потутнути, и земли стонати, и камению колебатися, не токмо церкви стенам, но и граду; и по пророку рещи, яко взятися покрову храма от гласа вопиющих. И не бе слышати гласа поющих, а ереи все во церкви просвещашеся множеством свещей, и мост же церковный наводняшеся пролитием слез от народа.

И не бе изрещи и исписати; по апостолу глаголюще «на сердце человеку не взыде», иже народи плачуще и жалостно причитаху. Овии убо столпа его Русские земли глаголаху, инии же тверда и велика града именоваху. Инии же яко новаго Исуса Навина нарицаху его, инии же яко Гедеона и Варака или Самсона, победителя иноплеменником, зваху его, отъехавше в мале и роспространшеся и приехавше во мнозе. Овие же, яко Давида, отомстителя врагом, зваху или яко Июду Маккавейского, в толикое нужное время добре храбровавшего. И, по апостолу рещи, «возмогоша от немощи», и быша крепцы во бранех, обративше же в бегство полки чуждих. Ин же некто, стоя от народа, велегласно вопияху со слезами во храме архангела Михаила: «Взял еси у нас, господи, таковаго воеводу князя Михаила Васильевича, но ты ныне сам заступай нас, яко же при Езекеи на Сенахирима, царя невгицкаго». А ин же от служащих его глаголя: «Не подобает убо таковому телеси ево в земли разсыпатися: вем бо его телесну чистоту, купно же и духовную». Да что убо много глаголати: не вместят ушеса жалостнаго причитания плача их. И мнетися, яко сон видети или в недоумение быти, яко же Петру апостолу, егда ангел изведе его из темницы. Не токмо же Русские земли народом и всему миру плакати, но и иноземцем, и немецким людем, и самому свицкому воеводе Якову Пунтусову плачуще, и к рускому народу во слезах от жалости глаголет: «Уже де нашего кормилца и вашего доброхота Русския земли столпа и забрала, крепкаго воеводы не стало». Прочии же от народа,— умолчим бо о сем немецкого воеводы его умилных и жалостных глаголаний,— и возопиша русский народ: «Воистинно бысть

тако». И понеже, по Евангелию глаголюще, «не вместити пишемых» плача их «книг».

И тако отпевше надгробное пение, и полагают его в предреченной каменной гроб и относят его в соборной церкви в придел за олтарем на южной стороне в церковь. Обретение честные главы пророка и крестителя Иоанна. И тамо полагают его в «новоископанном гробе, иже никто же», по Евангелию, «прежде сего положен бысть», тамо за олтарем придела же святыя живоначалныя троицы, идеже положени быша благочестивыи блаженныи памяти цари и великии князи: царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, во иноцех Иона, и сын его, благодатный, благородный и благочестивый царевич Иван, и второй сын его, царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси, в соборной церкви, яко же преди рекохом. Мало же о сем побеседуем от древних повестей, коим приложим. Яко же плакашеся прежде по патриархе Иякове Иосиф и прочая братия его и с ним египтяне, или, рещи, во исходе израилеве из Египта в пустыни горы Синайския плакася весь Израиль при Моисеи пророце, или, паки рещи, плакася по Самоиле пророце весь Израиль великим плачем. Не мал же плачь сотвориша людие по цари Иосее, та же плакася уничиженный и расточенный Израиль по роде Маккавеи и по братье его. Зде же не меньши того плачь бысть всенародному множеству, новому Израилю, христианскому народу государьства Московского. А о матери его, княгине Елене Петровне, и о жене его, княгине Александре Васильевне, что изглаголати или исписати? Сами весте матерне сетование и рыдание и по своим детем разумейте, как у коей матери и последнее дитя, а не токмо единочадное, смерти предасться и како убо матерню сердцу по своим детяти. И то, како княгина Елена и княгина Александра горько плачюще, и кричаще, и вопиюще, и бьющеся о гробницу белу каменну князя Михаила, и жалостно во слезах причитая. Мати же причиташе от жалости: «О чадо мое, милый князь Михайло! Для моих слез на сесь свет из утробы моея родися! И како еси во утробе моей зародися? И како утроба моя тобою не просядеся излияти тебя на землю?» А жена его причиташе: «Государю мой, князь Михайло Васильевич! Жена ли тебе не в любве яз грешница? Того ли еси ради смерти предался? И почто ми еси не поведал? И ныне возьми меня под свой каменной гроб, и под гробом смерти предамся! И готова есми за тобя во аде мучитися, нежели мне от тобя на сем свете

живой остатися!» И разумейте их жалостное причитание и плача горького исписати.

Но буди вам известно, яко и сам царь Василей, егда от погребения возвратися, и пришед в полату свою, и на злат стол свой царский ниц пад, и плачася, захлебаяся горко, смоча слезами стол, слезы на пол с стола каплющи. Матерь же его, княгину Елену, и жену его, княгину Александру, ближнии их верный слузе едва с нужею от гробницы отволочаше в дом свой. Черноризицы же, иноки и вдовицы во слезах же утешаше их: «Да не плачитеся, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна, по богу убо так извольшу, краткой век жити ему; вам бо от многаго плача и туги великия во иступлении ума не быти». И те же княгины, мати его и жена, пришедше же в дом свой и падше на стол свой ниц, плакахуся горце и захлебающе, стонуще и слезами своими стол уливая и слезные быстрины, аки речныя струя, на пол с стола пролияшеся и до утра без пищи пребывая, яко же Давид иногда плакал по Анафане, сыне Саулове. Но и старицы же, яко галицы-вдовицы же, яко ластовицы, на утрие около церкви оноя председяху весь день, яко же и матери со младенцы и мнози боярские жены, овдовевше, своею печалию стекаху в место ко оной церкви.

И бе в мире шатание, и колебание, и смущение много болезни ради смертной, и глаголаху друг ко другу: «Откуду бо нашедшу на такова мужа такое смертное посечение: бысть бо таковый воин и воевода. Аще ли божие попущение, то воля господня будет». И вси ту в сетовании бяху. Не подобает же сего молчанием покрыти по реченному ангелом к Товиту: «Еже дела божия проповедати, таити же царевы тайны».

Сице же зде случися некто житель града, быв прежде в службе царской в писателех дворцова приказу, сказа нам по тонку глаголя: «Прежде,— рече,— представления его княжа,— о нем же ныне повесть глаголем,— за 15 день с праздника Воскресения Христова к понедельнику в ночь видех видение. Мняхся, стою на площаде государеве меж Пречистою соборною и Архангелом. И позрех на царские полаты. И се вицит ми ся, яко един столп розвалися и потече из нево вода, но велми черна, что смола или деготь. Таже полстолпа отломився, паде и по сем не вдолзе и другая полстолпа сокрушися, и обое ни во что бысть. И падение оно помнихо ми ся страшно. Аз от страха возбнувся от сна и размышляя видение се. И после заутрени таити

сна не могох и поведах ту мужу некоторому, стару деньми, яко 90 лет ему сущу от рожения, и у царей в приказех велику ему бывшу и многу в разумех, и для старости оставлься царския службы, но во смирении пребывая, кормяся от своих вотчин. Он же, слышав от меня таковая и размышляя во уме своем, речи ми: «Мнит ми ся, яко некоторому великому мужу от полаты церевы смертное посечение приближается. И аз сие видение и оного мужа речей размышлях и никому не глаголах до сего, донележе сбышася в сие настоящее время». Прочее же о сем умолчим, да не постигнет нас, по Апостолу, закоснение, но мало побеседуем о мимошедшем.

Сказание известно о воображении книг печатнаго дела

Сказание известно о воображении книг печатнаго дела, и о его пресечении, и от котораго царя первее повеленно бысть в царьствующем граде Москве печатному делу быти и строитися, и печатним книгам быти, и которыя мастеры прежде начаша ся быти и ины по тех даже и до сего написания, и которыя книги первыя начаты быша печатати. И по том, како было некоим приключьшимся злым временем, таковое благое дело разрушися и изгибло. И при котором царе паки составися по прежнему и в первое устроение прииде, скажем сице.

В лета убо осмыя тысящи в первом сте [XVI век], царствующу над всею Росиею царю и великому князю Иоанну Василиевичю всея Русии, иже от самого Августа, римскаго кесаря корене изшедшу, и яко по некоим степенем по прародителеи своих рождения своего дошедшу и лет своих доспевшу нача скипетры держати сего великаго Росиискаго государства: благоразумен убо бысть во всем земном строении и храбр в ратех, паче к богу имея велию любовь, и веру, и прилежание к святым божиим церквам и ко всякому божественому писанию крепкии рачитель, и повеле святыя церкви божия назидати и святыми иконами и книгами украшати, и монастыри составляти, и своим жалованием обогащавати, дабы православная християнская вера от всех неверных вер, яко солнце, сияла на вселенную. По том же еще вложи ему бог благую мысль во ум его царскии, во еже бы ему что изряднее в Росиистеи земли сотворити и вечная память по себе учинити: произвести бы ему повелети от писменых книг печатныя книги, неискусных ради и не наученых в разуме человек, и тако бы во всеи Росии царствующем граде Москве учинити, яко же в Грецех, в Винициии и во Фригии и в прочих языцех, да бы и впредь изложилися святыи книги праведно и несмутно и без сомнения всякому православному прочитающему и глаголющему по них и яко бы реки и потоки сладкия испустити во всю Русскую землю к святым божиим церквам на прославление божественного имени и пречистыя его богоматере и всех святых. И тогда убо пастырьскии жезл держащу над всею Росиею Макарию митропо-

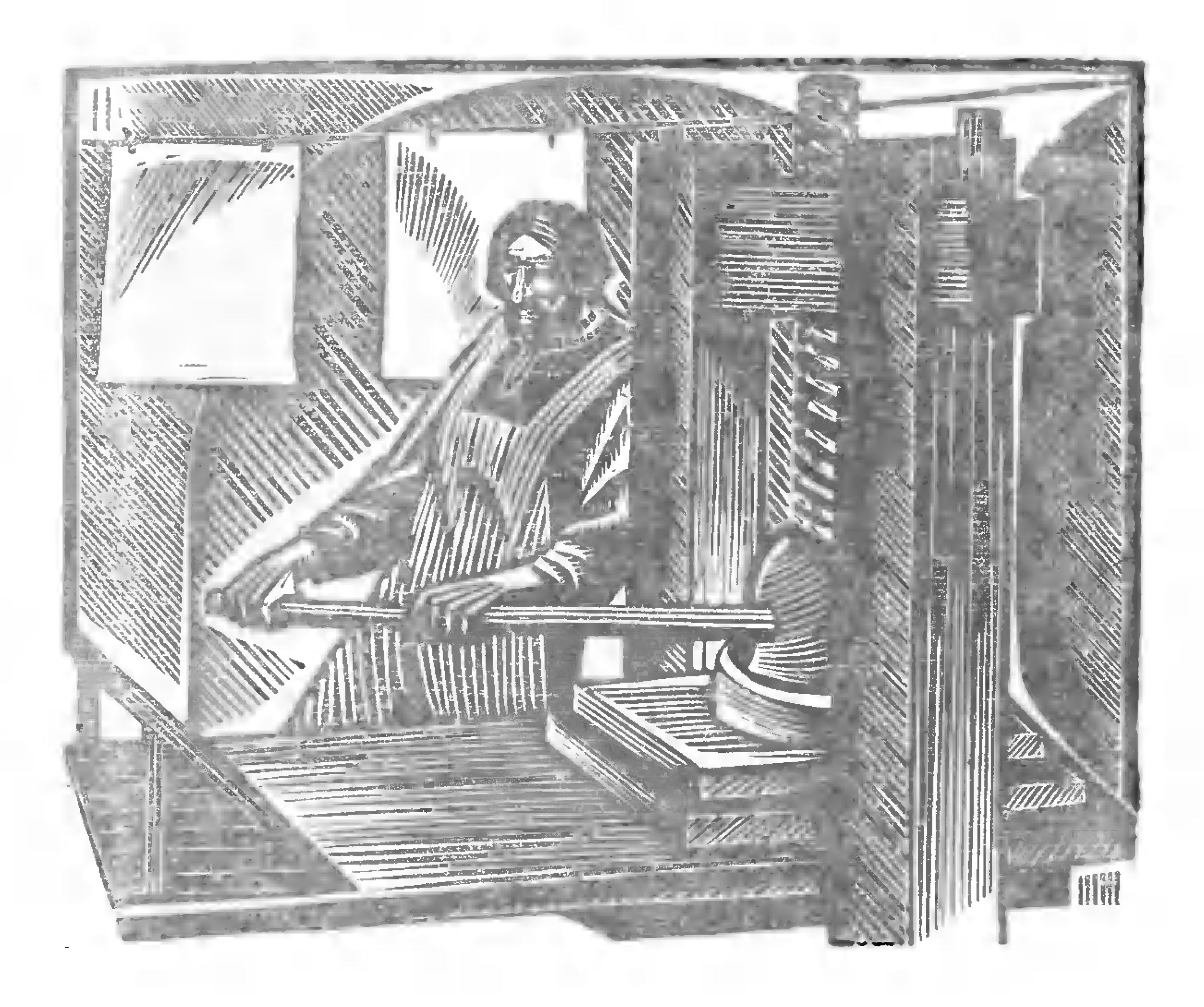
литу всея Росии, возвещает же царь таковую мысль свою своему отцу богомольцу и святителю Макарию. Святитель же слышав сие слово, зело возрадовася и рече царю: «Яко от бога извещение приял еси, о царю».

И тако по повелению его, царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Росии, и благословением отца его и богомольца пресвященнаго Макария митрополита начаша изысковати мастерства печатных книг, кто бы смыслен

и разумен к таковому делу обрелъся. И обретеся некто смыслен и хитр к таковому орудию, Николы чюдотворца Гостунскаго, иже и ныне зрится тои храм близ двора царева, внутрь самого Кремля града. И у тоя убо церкви дияконом был, званием Иоанн Федоров сын, да другии клеврет его Петр Тимофеев сын Мстиславец, искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу; глаголют же нецыи о них, яко от самех фряг то учение прияста; повествует же ся от неких яко преже их нецыи, или будет и они сами, малыми некими и неискусными начертании печатываху книги, последи же совершенне тои Иоанн да Петр искус

прияста от тех прежереченных фряг. Сего ради повеленно бысть им от царя таковое дело составляти, и повеле им царь даяти упокоения многа зело, дондеже на совершение дело изыдет и потом изооброчи их доволно[1].

И в лета убо 61-го осмыя тысящи, в 30-е лето государства его[2], царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Русии, повеле он благочестивыи царь устроити дом от своея царския казны, иде же печатному делу устроитися, яко



же и ныне зрится. И нещадно повеле даяти от своея царския казны на соделание вышереченным тем мастером Иоанну и Петру и прочим клевретом их даяти покои немал и уроки доволны.

И первие начаша печатати книги апостольская деяния и послания соборная и святаго апостола Павла послания в лета 7071-е [1563 г.], апреля в 19 день, на память преподобнаго отца нашего Иоанна Палеврета, сиреч ветхия лавры. И совершена бысть та книга в славу всемогущия и животворящия троицы, отца и сына и святаго духа.

По том же, последи тех мастеров Иоанна и Петра, уче-

ник их Андроник Тимофеев сын, прозвище Невежа, с товарыщи, начася мастер быти и царским тем же повелением повелено ему книги печатати печатным воображением в царствующем граде Москве и раздавати по всем градовом во всеи Росии часовники и псалтыри, апостолы и евангелия, триоди и октаи и прочия божественыя книги, ими же церкви божия красуются и бог по них славится и спрославляется и пречистая его богомати и вси святии.

И по тех мастерох иныя мастеры быша, и от того убо времене иде таковое дело твердо и непреткновенно и паки крепце, аки вервь непроторжена, и влечашеся даже до лета осмыя тысящи втораго ста девятаго на десять года [1611 г.]. Аще и в вечныя обители, блаженныя памяти царю Иоанну Васильевичю всея Русии отшедшу, но благое то дело его и начатие и по нем доволно время влечашеся при сыне его царе Феодоре Иоанновиче всея Русии и при царе Борисе, аще прежде и раб бе, послежде и царь бысть и тако же благочестив быв и разумен сыи, и при царе Василии, иже по царе Иоанне царствоваху и даже и до воли господни.

Зде же хощеть написатися яко же и прежде рехом, како было некоим злым временом и како уставилося по прежнему деянию и тамо убо сему благому делу первое начало при деде бысть, зде же второе усердие и начатие при внуке обновися и составися.

Воспомяну же вкратце общее наше согрешение тогда к богу, многое разорение всея Русския земли от польских и литовских людеи, и от своих злых же и наветных человек изменников, и от всея своея межиусобныя брани. Не подобает бо никому божияго наказания в забвение положити, но пристоит его всякому православному християнину в себе воспоминати, и ему творцу своему и богу молитися и злых дел не творити, да не приидет на нас от него всякии гнев и ярость и да не насиловани будем от иноплеменных, еще же воспомяну его божие к нам милосердие и щедроты.

В то же убо второе сто лет на осмую тысящу в 19 год [1611 г.] вселишася тии злии сопостати литва и поляки со изменники русскими, в самыи сеи царствующий град Москву и хотеша всею Русскою землею обладати, но всемилостивыи бог не восхоте тому быти и свои жребии врагом предати, иже впреди о сем речется. Внидоша же во граде лестию, и ухищрением, и изменничьим умышлением, и преданием всея земли, а не враждою, ни ратоборст-

вом, и держима бысть ими годище и пол [полтора года]; и таковое доброе дело, печатныи дом и вся штамба того печатного дела от тех врагов и супостать разорися, и огнем пожжена бысть, и погибе до конца, и не остася ничто же таковаго орудия; хитрии же на то людие мали осташася и во ины русския грады отбегоша, насилования ради и туги от тех неверных и злых человек и супостат.

Праведное же солнце Христос бог наш, не хотя видети матере своея дому в поругании, и осквернении, и в неверии и святых великих московских чюдотворцов Петра, и Алексея, и Ионы, и прочих чюдотворцов царствующаго града Москвы, и иных русских градов святых и преподобных отец и чюдотворцов же, и всея православныя християнския веры в поругании же и в попрании и всех православных християн в порабощении, и еще не предаде своего жребия до конца, якоже и преже, и не остави щедрот своих до християнского рода, аще гневом своим и наказует, но обаче милость свою к нам показует. Яко же некии чадолюбивыи отец, прежде убо наказует сына своего страшными и грозными словесы и раны дает ему, последи же милосердует и жалует о нем. Тако и господь наш Исус Христос, аще и наказует нас многими своими наказаньми и учить ны во святом своем еуангелии притчами и гаданми, приводя нас ко истинному пути и спасенному, дабы мы от злоб своих обратилися и творили волю его во всем, того ради милуя нас наказует, яко же и приточник глаголет: его же любит господь, наказует, биет же всякого сына отец, его же приемлет, в правду убо наказа нас, последи же и помилова ны своим милосердием и щедротами.

Тоя же убо осмыя тысящи лет втораго ста, 21-го году [1613 г.], его же божиею помощию и молением к нему пречистыя его богоматере, непобедимыя воеводы, и святых великих московских чюдотворцов Петра, и Алексея, и Ионы, и прочих московских же чюдотворцов и всея Русския земли чюдодейственников же и преподобных отец иже выну предстоят ему, творцу нашему и содетелю, и моление творят за царя и за вся православныя люди. И тако, молитвами их и молением, взять бысть вспять у них, у врагов и сопостат наших, и у своих изменников, царствующии град Москва руками сынов руских и яко из уст лвовых исхитиша, и из рук их, и самех их, яко злых и гладных волков во ограде затворенных, с ними же и своих изменников и злодеев взяша, Фетку Андронова с клевреты его[3], и тузе и печали предаша и держаша я, яко же довлеша.

И бысть радость велия во всеи Руссітеи земли, яко очистися и свободися от сопостат и от изменников мати градовом, царствующии град Москва, и вся Русская земля возвеселися и обрадовася божественней благодати, яко не предаде бог врагом своего жребия. Последи же тии злии сопостаты, литва и поляки бедне отпущены быша и изгнани из всея Русския земли во свою им землю, паки, аки волцы от стада Христова, от всея православныя християнския веры отгнаны суть. Свои же те злии изменницы, по царскому велению и по совету всех людеи, смерти преданы быша, иниии же в Литву отбегоша и тамо себе злую же погибель прияша.

По том же, в той же 121 год на осмую тысящу лет [1613 г.], божиим же изволением и всея Русския земли излюблением, вкупе же прошением и умолением, избран бысть на росиискии высокодержавныи царскии престол царь и великии князь Михаил Феодорович всея Русии и племянник дяди своего царя Феодора Ивановича всея Русии и посажен бысть царем на сю деднюю свою отчину. И такое же держа веру крепку и любовь к богу и последуя тому деду своему и дяде и паки любя благочестие, аки новыи тои царь Константин и другии со Ириною, и Михаил, и Феодора, и великии князь Владимир, и сын его Ярослав, и прочии благочествии велиции князи русстии самодержьцы. И повеле собрати тех хитрых людеи, иже разбегошася от тех сопостат, искусни быша к тому печатному делу, Никиту Федорова сына, по реклому Фофанова, с товарыщи; и того убо повеле взяти из Нижняго Новаграда вспять в царствующии град Москву, тамо бо ему в Нижнии Новъград от насилия и страха тех сопостат отбегшу и тамо же в ново печатное то дело заведши, и начат книги печатати псалтыри и часовники и прочая, яко же и преже рехом, мужу убо смышленну и разумну бывшу к таковому хитрому делу. И повеле царь дом печатныи в ново состроити в царствующем сем граде Москве на древнем сем месте, иже и ныне зрится. И повеле тому мастеру Никите в ново же штанбу составити со всеми ея орудии, тако же, не щадя своея царския казни, повелел даяти ему, и повеле книги печатати в царствующем сем граде.

И его царским повелением и рождьшия его матере, великия иноки Маръфы советом и благословением, еще бо еи живе сущи тогда бывши, великой господарыне, и вся быша тако. И начася таковое благое дело добре творитися,

яко же и прежде при деде его царе Иоанне Василиевиче всея Росии, и при отце его Макарии митрополите, и при дяде его царе Феодоре Иоанновиче всея Русии, и при благоговеином мужи, первом в Руси Иове патриархе, и при прежепомянутом царе Борисе, и при Иове же патриархе, и при благоверном царе Василии, иже Шуиской нарековашеся егда в болярех бяше, иже крепце пострада за православную веру от поганых поляков в Литовстеи земли, и при Ермогене патриархе, иже крепце же способъствова во благочестии царю Василию на тех сопостатов и на своих изменников.

Име же у себе царь и великии князь, блаженныя памяти, Михаил Феодорович всея Русии самодержец, отца по плотьскому рождению еще жива суща тогда, последи же в духовном чину, бывша, отца и богомольца, святешаго патриарха Филарета Московского и всея Русии, мужа праведна и благоговеина и добролепными сединами украшена и божественному писанию искусна. И не бывшу ему тогда в Русстей земли и в царствующем граде Москве, но в Литовстей земли, некоея ради настоящия вины, о ней же не у время ныне изрещи. И во свое убо время прииде из Литвы во свою Русскую землю и в царствующии град Москву, и виде сына своего на престоле царстем седяша, багряницею и виссом оболчена и толикою славою сияюща и всею Росиею владущу и иными государьствы обладающу, и возрадовася радостию великою зело, яко сподобися видети сына своего в таковеи славе и величестве. И нача пастырьскии жезл держати над всею Росиею и благослови и похвали сына своего за таковое благое дело, за книжное то исправление и за печатное сие воображение, вкупе же и за радение, яко усердне к нему прилежаща и вкупе паки нача с ним строити духовная и земная.

Потом и сам зелною ревностию одержим быв к божественным книгам, вкупе же сыном своим повеле таковому делу строитися безпрестани. Сам же много сведетельствовав божественных книгах изъявляти и изъясняти якоже подобает. И тако же печатным воображением начертовати и предавати по всему же царствующему граду Москве и по всеи своеи Русстеи земли святым божиим церквам на прославление же божественаго имени и пречистыя его богоматери и всех святых, на спасение душам всего православнаго христианъства.

Повесть книги сея от прежних лет

О начале царствующаго града Москвы, и о корени великих князей Московскых, и о пресечении корени царскаго от Августа царя, и о начале инаго корени царей, и о настатье царя Бориса, и о приходе богомерскаго еретика Гришки Отрепьева розтриги на царствующий град, и о начале его и о убиении его, и о мятежи, и о настатье царя Василия Шуйского на царство, и о начале мятежи во царствующем граде, и о пришествии Литвы, и о разорении царствующаго града Москвы от безбожных ляхов, и о взятии царствующаго града Москвы собранием и попечением всего православнаго росийскаго християнства, и о избрании на царствующий град Москву и на все Росийские государства царя Михаила Федоровича; и о возрасте, и о мужестве, и о правех прежних царей царствующего града Москвы написана бысть сия книга в лето 7134-го <1626 г.>, июля в 28 день.

Царство Московское, его же именуют от давных век Великая Росия, той же град Москву постави великый князь Данил[1] и царствова в нем сам, и дети его, и внучата, и вся степень его досде, даже и до великого князя Василия Ивановича всеа Русии. Той же князь великий Василей царствова в том граде Москве[2] с супругою своею, Еленою нарицаемою; от их супружества изыде же муж толико славен, толико честен, толико многоразсуден, имя ему Иван.

И в лето 7042-го году [1533 г.], декабря в 4 день, преставися великий князь Василей Иванович, а по нем остася сын его, сей многославный царевичь Иван Васильевич, и восприемлет великое княжение вместо отца своего, а остася после отца своего трех лет и трех месяц и десети дней. И достиже совершена мужеска возрасту, и нача владетелно держати скифетро Росийскаго государства, и рати воздвиг, и многие окрестные государства великие под свою державу, высокую руку, поручил: царство Казанское и иные многие бусурманския государства. И потом царь Росийскаго государства прозвася, и возвеличи его бог паче сродник своих, первоначалствующих царей и великих князей в превеликой именитой Москве, и разширися державство его пространством велиим.

И за умножение грех всего православнаго крестьянства супротивен обретеся и наполнися гнева и ярости, наченше подовластных своих сущих раб зле и немилостивно го-

нити и кровь их пролияти. И царство свое, порученное ему от бога, раздели на две части: часть ему собе отдели, другую же часть царю Семиону Казанскому[3] поручи; и устрои его на Москве царем, сам же отъиде от единых малых градов Старицу[4] зовомый и тамо жителствуя много время. И свою же часть людей и градов прозва опришнина, а другую часть царя Семиона именова земщина[5]; и заповеда своей части оную часть людей насиловати и смерти предавати, домы их разграбляти, и воевод, данных от бога ему, без вины убивати, и грады краснейшия разрушати, а в них православных крестьян немилостиво убивати, даже и до сущих младенец. Не усрами же ся и святительскаго чину овых убивая, овых заточению предавая. И тако многия лета во дни живота своего провожая, уже и на конец старости пришед, нрава же своего никако пременися.

И разгневася нань бог, попусти на Росийское государство кроля полского, Стефан имя ему, прозванный Оботур[6]; и пришед со множеством воин, попленил окрестные многие грады Московского государства, и подо Псковом много время продолжи свое стояние, и уклони мысль свою на крестьянское убиение, и простре десницу свою на несытное грабление. И сего же царь Иван устрашися зело и посла к полскому королю под царствующий град Псков послов своих с умилением, дабы ярость гнева своего прекратил и дал бы крестьянскому народу покой и тишину. И кроль полский послов царя и великого князя приял честно и время подал благоутишно: от царствующаго града отступи и мирное поставление на двадесят лет утверди.

В третие лето перемирные годины царь и великий князь отъиде к богу. Бысть же ему сынов три: царевичь Иван, и царевичь Федор, и царевичь Дмитрей; два от первые его царицы Настасеи, Иван да Федор, а царевичь Дмитрей от седмыя ему жены, царицы Марфы. И царевичь Иван преставися в царствующем граде Москве при животе отца своего, за два лета кончины живота его, а в наследие остася ему царевичь Федор и возведен бысть на царский престол вместо отца своего. И умилосердися господь на люди своя, и время благополучно подаде, и возвеличи царя и люди, и повеле ему державствовати тихо и безмятежно, во благонравии живуще. Началницы же Московскаго государства, князи, и боляре, и воеводы, вкупе и все православное християнство, начаша от скорби бывшия утешатися и тихо и безмятежно жити, хваля всещедраго бога за

благодеяние его. Благочестивый же царь Феодор юнейшаго своего брата, царевича Дмитрия, посла на уделное княжение на Углечь с матерію его с Марфою.

И по мале времени, от боляр некто, ему же имя Борис Федорович Годунов, и единокровным союзом царю близочен, и вся держава Росийскаго государствия порученна бысть ему, понеже не меншею честию пред царем от людей почтен. Бысть же той Борис образом своим и делы множество людей превозшед; нихто бе ему от царских синклит подобен во благолепие лица его и в разсужение ума его; милостив и благочестив, паче во многом разсужении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое дивное о собе творяще во дни власти своея. Но токмо едино неисправление имяше пред богом и всеми людми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаше и оболганых людей без рассужения напрасно мучителем предаваше. И властолюбив велми бываше, и началников всего Росийскаго государства и воевод, вкупе же и всех людей московского народу, подручны себе учини, якоже и самому царю во всем послушну ему быти и повелеиное им творити. Помале же бо превознесеся мыслию своею и похоте властолюбец быти и на царскый престол безстудно воскочити, прелщен бысть от самого боганенавидимаго диявола, простре руку свою на царская убиения и послал таибников своих Микиту Качалова да Михаила Битяговского на Углечь к царевичю Дмитрею и заповеда им, да оболстят и предадут царевича смерти. Они же, окаяннии, послушав властолюбиваго повеления, оболстив отрочя и матерь его, и отведоша его, якобы на утешение некое, и заклаша, яко незлобиваго агнеца.

Оле страшнаго падения и убивственнаго помысла! В каковыя убо пагубы поревает боголюбивых душь властолюбию хотение. Яко древле треокаянный Каин дерзнувый на праведнаго брата своего Авеля убивственными делы, его же богу не оставившу без опитемьи,— зде же горша сих: раб на владыку, помысли и по мысли дело бысть. Оле братонена-видения! Како не вострепета убийца от праведнаго и грознаго мздовоздателя бога, еже не оставляет без испытания помысл человеческых? Ниже усрамился или паче убоялся скифетродержавнаго владычества и множественнаго народа, благочестивую сию отрасль от животнаго света отторже, ему же поручен от бога служити паче, нежели убивати!

Доиде же слух той до царствующаго града Москвы, и

оскорбеша вси людие зело. И благочестивый царь Федор о том не мало поскорбе и втайне пролия многие слезы, а взыскания учинити не возможе, понеже благоюродив бысть от чрева матере своея и ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении. Народи же московстии наипаче ужасошася страхом велиим и печални быша о царевичеве убиении. Той же Борис, видя народ возмущен о царевичеве убиении, и посылает советникы своя и повеле им многие славныя домы в царствующем граде запалити, дабы люди о своих напастех попечение имели. И тако сим ухищрением преста мирное волнение о царевичеве убиении, и ничто же ино помышляюще людие, токмо о домашних находящих на ны скорбех. И посем утвердися рука Борисова на всем народе Росийскаго царства, и нихто супротивен ему бысть.

Царствова же благоверный царь Федор Иванович на Москве 14 лет мирно и безметежно, и умре безчаден, и погребен бысть со отцы своими в пречестнем храме архистратига Михаила. И бысть плачь и рыдание велие в людех, и колебашася людие семо и овамо, аки овца не имеюще пастыря. Благочестивая же царица Ирина нача скифетр Росийскаго царства держати под правителством единороднаго брата своего Бориса Федоровича Годунова. Бог убо творит, елико хощет; идеже бо хощет, побеждаютца естества чинове: и восхоте скифетродержавство отдати единому от синклит царских, сему многославному Борису, единородному брату царицы Ирины. И народи же купно и единомышленно воздвигоша гласы свои, да царствует на Москве Борис; и возсташа святителский, мнишеский чин со пречестными и чюдотворными иконами и молиша его, дабы царский венец возложил на главу свою и царствовал над ними. Он же испусти слезы пред народом лестию, якобы не хотяше такыя власти, а от прежних лет, от давнаго сего дела со усердием желание и во крови праведнаго руце свои обагри таковаго ради хотения своего. Народи же наипаче кричаху, ови от препростаго ума своего, овии же научени бывше от самого, ови же боязни ради, да и вси единогласно вопияху: да царствует над нами! И по многи дни бысть народное кричание. Той же Борис, провидя народ, яко непременно умоляют его по многи дни, юже никотораго прекословия ему несть ниотколе от мала даже и до велика, и повеле народ собрати и обеща им: яко годе вам, тако и будет. И возрадовашеся людие радостию великою зело и начеише хвалу богу воздавати, и в канба-

ны тяжкия бити, и молебныя гласы приносити в возблагодарение его.

Нареченный же царь Борис Федорович сел на царствующем граде Москве, и притече к нему весник от восточныя страны из городов украинных, яко хощет крымский царь быти на крестиянские грады со множеством воин. Нареченный же царь Борис о своей державе многоразсудно попечение имея и повеле во грады писание посылати, дабы воинские люди стекалися в сонм едину во царствующий град Москву, а иным повеле итти противу крымскаго царя по украйным городом, где кому подобно. А сам царь Борис, собрався со князи, и з боляры, и с воеводы, и с началники всего Московского государства, со множеством воин поиде противу своего врага, крымского царя, во град в Серпухов и ту утвердися обозами и всякими твержайшими крепостьми. И всемилостивый бог умилосердися на люди своя и не восхоте пролития крови, вместо брани бысть мир: прииде посланец от царя просити миру, и бысть тако. Утверди перемирия, и оттоле возвратися царь Борис во царствующий град честно, и, пришед, возложи на ся царскый венец, и помазаша его миром, да царствует над людми.

И потом утвердися рука его на всем Московском царстве, и нападе страх и трепет велий на вся люди, и начаша ему верно служити от мала даже и до велика. И подаде ему бог время тихо и безмятежно от всех окрестных государств, мнози же ему подручны быша, и возвыси руку его бог, яко и прежних великих государей, и наипаче. Той же царь Борис помрачися умом, отлошши велемудрый свой и многоразсудный разум и восприемши горделивое безумие, сииречь ненависть и проклятое мнение, якоже и выше о сем рехом: не усрами же ся и славна роду, но и паче в завещателном союзе дружбы имеху их, и сих не помилова, напрасно оболгати повеле, и безчестне влечаху по улицам грацким, и мучителем предает, и в заточение посылает, и смерти горкия сподобляет. От сего же ужасни быша людие царствующаго града и оскорбеша зело.

И бысть в лето седмое царства его: вниде слух во уши его, яко проявися в литовских градех царевичь Дмитрей, его же он убити повеле. И промчеся то слово во всю Росию, яко жив есть царевичь Дмитрей, его же Борис заклати повеле, уже и к некоему городку с воинскими людми приде, зовомый Монастырища, и ту людие поклонищася ему и воевод ему царевых отдаша. Уже скора солники

приходят от всех градов царю Борису и поведают ему вся бывшая, якоже прозванный царевичь Дмитрей со множеством воин на Северныя грады[7] приде и тамо ему вси людие подручны хотят быть. Царь же Борис о сем немало втайне болезнует и в скорем часе мысль свою пременяет, исправления своего настоящаго дела отрешает и грамоты во грады посылает, дабы вси воинстии людие стекалися в Северскую землю и там бы были подо властию воевод, которым царь повелит быти. В мале же времени собрашася все воинство в сонм един и начепше брани чинити подо властию воевод своих. Бысть же всего воинства началный властелин боярин и воевода князь Федор Иванович Мстисловской, и иные многые началницы и воеводы по повелению цареву мужески ополчахуся против врага царева.

Повесть сказуема о том прозванном царевиче Дмитрее

Бысть некоторый сын боярской Галеческия веси, имя ему Гришка Отрепьев, от юности восхоте мнишеский образ носити. Пострижение бе его во единой ото убогых пустыней в Галической стране, Борки зовомы; а отец бо и мати его близ того монастыря жителство имеху. По мале времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо доиде пречестныя обители архистратига Михаила и великого чюдотворца Алексея и принят бысть архимаритом и всею братиею в пречестную обитель в крылоскый чин; в той же обители поставляетца во дьяконы от патриярха Иева. Посем прелщен бысть от диявола, нача в сердцы своем помышляти, какобы ему достигнути царсково престола. Богу попущающу за многия грехи наша, а дьяволу действующу, понеже бо он обычей име от сложения миру,— над всеми же теми праведнаго и без вины закланнаго царевича Дмитрея от неблагодарнаго Бориса возопияла кровь ко господу, яко праведнаго Авеля,— и вниде же в того священного мниха сатана и обеща ему царствующий град поручити. Той же чернец, по научению дьяволю, отщетив свою душю и оставя пречестную обитель, отъиде во страну Сиверских градов, и оттоле дошед Литовские земли до града Киева, и нача умышляти, какобы ему желаемая получити. И разболев же лестию, якобы и до смерти уже пришед и призвав к себе священника греческия веры, исповедает ему лестию вся своя согрешения и на конец исповедания речет ему слово едино под клятвою, да покажет его, яко он есть ца-

ревич Дмитрей, сын великого князя Ивана Московского. И по мале времени востает от одра своего; священник же той не восхоте таковаго дела утаити, но и паче прослави и поведа о нем Вешневецкому князю пану Адаму. Той же князь посла слуги своя и повеле ево привести в дом свой и нача ево вопрошати о таковей вещи. Он же, злохищный чернец, напреди о сем умолча, а потом за клятвою сказует ему вся, яко он есть хощет быти царевичь Дмитрей, изгнан от Бориса Годунова и сим мнишеским образом крыся по земли. Предреченный же князь Вешневецкий, слышав таковое дело о нем, совлече с нево мнишеское одеяние, и облече его во светлые ризы, и светлыцы ему во своем доме устрои, и слуги подаде, но кратким словом рещи: яко есть достойно царскому величеству,— и вся сия ему устрои. Вниде же сия во уши великому пану Юрью, воеводе Сендомирскому, яко сын великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича Московского и всеа Русии царевичь Дмитрей изгнан от отечества своего и в доме князя Адама Вешневецково пребывает,— и пошлет слуг своих ко князю Адаму, да просит царевича, дабы ехал в дом его; и по прошению же его тако бысть. Той же воевода Сендомирской воспроси его подробну о всем бывающем на нем; он же лукавый сказует ему вся, якоже и вначале поведал Вешневецкому князю, но и паче слово простирает и слог ко слогу прилагает по научению дьяволю, како Борис повеле ево убити, и како его ото убивства соблюденно, и како крыяся по всем странам окрестным, и како достиже Киива. Воевода же Сендомирский, слышав об нем таковая, почте ево честию зело и в дому своем его удержа. И поведано бысть об нем скифетродержателю, и повеле его кроль привести во царствующий град Краков, видети его восхоте. Приведенну же ему бывшу в дом кролевской, и входит в полаты его; кроль же противу его востание учиняет и, почте его царским достоянием и одарив его, отпусти: аможе хощет, тамо пребывает. Той же предреченный воевода Сендомирской, имея у себя дщерь единородну, и помысли за него дщерь свою дати и с ним о том завещание полагает: како достижет своего царскаго престола, царствующаго града Москвы, и да поимет дщерь ево, и посем собирает ему воинство не мало и отпускает досегати царства отеческаго.

Той же ростривга, названный царевичь, приходит к единому порубежному городку от Северских городов, Монастыревской зовомый, и посылает писание свое во град, яко он есть царевичь Дмитрей, его же Борис Годунов повеле убити, и милостию же божиею избавлен бысть отс убиения, идет доступати отеческаго своего престола. Людие же городка того радуютца о том радостию великою зело и принмают его с честию. И оттоле посылает от себя грамоты во град в Чернигов и во град Путивль, во все грады Северскыя страны, яко он есть царевичь Дмитрей, сохранен от смерти, идет на царскый престол. Воеводы же черниговские, яко крепкые поборницы, князь Иван Ондреевич Татев и князь Петр Михайлович Шеховской, и путивлские воеводы, Михайло Михайлович Салтыков до князь Василей Михайлович Мосалской, никако того восхотеша прияти и поведают о нем народу, дабы не сумневалися о том, яко ложь есть, а не истинна: той есть существенной ростривга Гришка Отрепьев, а не царевичь Дмитрей и идет на разорение християнския веры. Народи же градов тех возопиша гласом велиим, да поиманы будут воеводы, яко изменницы суть и единогласникы Бориса Годунова: не хотя видети прироженнаго государя на Московском царствии, поведают нам сия пустошная словеса! И поиманных воевод и связанных ведут безчестие до нареченнаго царевича и предают ему грады в руце ево, Путимль и Чернигов и ины грады страны Северския. И ту собирает воинство великое литовского народу и тамо жителствующих северских людей, и грядет под Северский Новгородок, и тамо ево облягает и утвержаетца обозами, и начинает по городу стреляти и всяческими домышленьми досегати, какобы ему град той одолети. В том же граде бысть воеводы от царя Бориса князь Никита Романович Трубецкой да Петр Федорович Басманов; той же Петр Басманов многое дивное о собе творяше и град ополчением своим мужески защищаше.

Предреченный же бояре и воеводы к царю Борису, князь Федор Иванович Мстисловской и князь Дмитрей Иванович Шуйской с товарыщи своими, со многою ратию приидоша под он Новгородок на избавление его и сопоставиша брань велию зело с ростригою и с воинством его. И брань плит жесточайшая на обе страны, падают трупие мертвых семо и овамо; на конец же той брани, греха ради православнаго християнства, побежденно быша московское воинство, уже давшеся бегству. Поляцы же усты меча

гонят, в крови християнской руце свои обагриша, и началника всего московского воинства князя Федора Ивановича Мстисловского поранивше зело, и с коня его низверголиа, и отвезен бысть з бою ранен. И тако плит брань жесточайшая чрез день; уже солнцу уклоншуся на запад, и покрыся земля ношною тмою, и тако преста брань. Рострига с воинством поиде на свои станы, а воеводы царя Бориса, отшед от городка якобы едину 10 верст, и тамо шатры поставиша и почиша сном. И от тое брани рострига возвратися во град Путимль, и нача к собе войско литовское призывати, и, собрав войско велие зело, устремися поити на воевод московского воинства; началницы же и воеводы всего московского воинства никако сего ужасошася и повеленное царем Борисом вся исполняют. Поидоша противу ростриги, и сошедшимся има в месте, глаголемом Чемлиге, и ту составиша брань жесточайшую; блистают сабельные лучи, аки солнце, падают трупия мертвых семо и овамо, и тако бысть брань велия. Ростригино же войско помалу оскудеваше и вдашася бегству; московстии же народи поля обретают и усты меча гонят, овых же убивают, овых уязвляют, овых низлагают; тако побеждени быша поляцы. Рострига же той едва сам от поимания избы и прибежав до града Путимля, и тамо утвердися с тамо жительствующими народы; а войско же его все разыдошася от тоя брани восвояси. Царевы же воеводы и началпицы поидоша со всем воинством под городок Кромы[8] и тамо его облегоша, понеже седоша казацы в нем ростригины и много пакости творяше царевым людем. Царевы же воеводы стояше под городком три месяца, и брани безчисленны творяше, и ис пушек из великих и из огненных непрестанно стреляху, и городок той запалиша; людие же городка того никако о сем ужасошася, но и паче укрепляхуся и людей царевых безчисленно побиваху.

В то же время, егда стояху людие царевы под Кромами, ополчахуся противу врага царева, случися царю Борису в царствующем граде сидети за столом в царском своем доме, обеднее кушание творяше по обычею царскому; и по отшествии стола того мало времени минувшю, царю же в постелной своей храмине седящу, и внезапу случися ему смерть, и пад издше [бездыханно]. Поведана бысть смерть царева царице и чадом его; царица же с чады нача вопити жалобными гласы: бысть плачь и рыдание велие, яко быти им вполы живым сущим. Людие же вси, князи, и бояре, и весь синклит царский, стекошася во град

купно и в недоумении быша о смерти цареве. Царица же Мария с сыном своим царевичем Федором, мало отдохнув от скорби бывшия, и призва к себе патриярха Иева, и весь собор, и боляр великих, и молиша их, да были не отступили сына их, царевича Федора, и дали бы ему царствовати вместо отца своего. Боляре же и началницы Московского царства, вкупе же и весь народ, обещание даша царице, да служат ей и сыну ея и возведут его на царский престол вместо отца его; и тако утвердиша быти и разыдошася в домы своя. Царь же Борис погребен бысть честно в пречестным храме архистратига Михаила с прочими первоначалствующими цари и князи. Царевичь же Федор державства приемлет вместо отца своего и во все грады писание посылает, яко он царь хощет быти Московскому государству вместо отца своего.

И слышенна бысть смерть царева воеводам, и началником, и всему воинству, которые пребывают во обступлении града Кром и в защищении от врага царева Гришки ростриги, и начаша воинстии людие умы своими колебатися семо и овамо и сотвориша совет, да престанут бранная ополчения противу ростриги, прозваннаго царевича. Лукавый же бес вложи мысль сию в сердца всем человеком, да мнят вси людие существенно быти царевича Дмитрея оного ростригу, и восхотеша ему служити, а Борисова сына суща отвергошася. И согласишася все воинство купно, и оружия своя воздвигоша, и на воевод царевых напрасно нападоша, и поимав, во град в Путимль связанных поведоша до оного мнимаго царевича, и завещанием общаго совета между собою вси людие утвердишася, да во единой мысли вси пребудут. И дошед Путимля-града, и, пад, поклонишася ростриге, его же мнят царевичем Дмитреем быти, и предашася в руце его волею, да царствует над ними и надо всею Росиею во веки; и вины своя на ся во всем возлагаша, а от него же милости просиша; а на царя Бориса, и на царицу, и на чад его укоры и поносы срамныя и безчестныя поношаху пред лицем ростригиным. Той же рострига, видев московское воинство покоренно пред собою и воевод и началников преданных в руце его, радостен зело и седе на уготованном месте своем и повеле воевод московского воинства привести пред лице свое. И излия словеса многия пред ними, и укоры и поносы им глаголаше, понеже противу его ополчахуся, а потом оболстив их словом ласкосердия и повеле служити себе такожде, яко же и царю Борису верно послужиша.

Бысть же к нему приведенных воевод царевых во град Путимль, единокровной царев боярин Иван Иванович Годунов,— сего же Ивана заточению преда; а иные же воеводы Петр Басманов и Михайло Салтыков,— сих же помилова. А болшие бояре и воеводы царствующаго града Москвы,— помня правды своя и крестное целование, известно ведая, яко ложь есть, а не царевичь Дмитрей,— боярин роду Ростовского и первой полком началник и воевода князь Михайло Петрович Катырев, да роду Тверскаго боярин князь Ондрей Ондреевич Телятевской, да роду Оболенсково воевода князь Михайло Федорович Кашин с товарыщи, не приступиша к такому злому начинанию и ко лживому ухищрению и богомерскому делу, и иные многие вои царствующаго града Москвы, кои не восхотеша на такое злое начинание и на крестопреступление и на начало кровопролития християнскаго, бився со изменницы и со крестопреступникы крепце, отъидоша ко царствующему граду Москве,— понеже убо той болярин и первополконачалник и воевода, предреченный князь Михайло Петрович, известно ведаше про сего богомерскаго еретика ростригу Гришку, что лжа есть и начаток лжи и кровопролития, а не царевичь. А друзии же боляре и воеводы, изменницы, и крестопреступники, и кровоначалники царствующаго града Москвы, болярин князь Василей Васильевич з братом и с товарыщи своими и с воинством в прежебывшем месте своем, ждуще повеления его: где восхощет рострига, да повелит им быти, они же готови повеленное им творити; рострига же той повеле всему воинству сниматися в сонм едину и до царствующаго града до Москвы поидоша с ними.

Слышанно бысть сия во царствующем граде, яко войско все предадеся в руце мнимаго царевича и воевод царевых связанных к нему отведоша, а другия до царствующаго града утекоша. В то же время прииде вестник от ростриги во царствующий град Москву, дворянин некый, Гаврило Пушкин имя ему, и дошед до Лобново места и собра народ весь и проповеда всему миру повеленное ростригою: яко существенной царевичь Дмитрей избавлен от смерти и от Борисова гонения и идет на царский свой престол мирно. Слышавше то вси людие, и поколебашася умы своими, и сотвориша пустошная и злая, и воздвигоша оружия, приидоша на царский двор и пограбиша царские сокровища; царицу же Марию и сына ее, царевича Федора, и дщерь ея, царевну Ксению, ис царсково их до-

му отведоша безчестне в прежебывшия их жилища, идеже оне пребывали до царсково степени, и тамо их заточиша. Царица же и с чады своими в заточении зле живот свой скончевая в тузе и в печали, царсково ради своего лишения, и ожидающе безчестныя смерти и томления. Боляре же и началницы, вкупе и весь народ царствующаго града подручны быша ростриге, его же мнят царевичем быти, и поидоша во стретение его и царство ему в руце его предаша. Той же рострига от града Тулы посла пред собою на Москву бояр и воевод, князя Василия Голицына да князя Василия Мосалсково, и повеле им устроити вся на пришествие его; а царицу Марию и царевича повеле предати смерти, а царевну же Ксенью повеле от смерти соблюсти и в дому князя Василия Мосалсково повеле ей пребывати. И по повелению же его вся сотворишася, и царствующий град уже готов ему бысть; а царя же Бориса извергоша ис пречестново храму архангела Михаила и погребоша его во едином от убогих монастырей, Варсунофьивской имя ему.

Рострига же той приде во царствующий град, и стретоша его вси людие от мала и до велика и с пречестными и с чюдотворными иконами и со многими дражайшими дары; и радостны бысть вси людие, мняху его суща царевича Дмитрея быти. И седе рострига на царствующем граде и возложи на ся царский венец, и помазаша его миром в пречестнем храме Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Успения, и вся грады Росийскаго царствия подручны бысть ему, яко и прежним великим государем. И нача владетелно держати Росийское царство и возведе на святительский престол единогласника своего, богомерскаго еретика Греченина Игнатья[9]; а прежебывшаго великаго патриарха Иева заточению предаде и мнихов многых пречестныя обители архангела Михаила в заточения розосла, понеже знаем ими бываше и самим патриархом Иевом понеже поставлен бысть во дияконский чин. Царевну же Ксению, дщедь царя Борисову, девицу сущу, срамотне учиниша над нею и девство ея блудом осквернища, а потом пострищи ее повеле, и отослаша ея в далнюю пустыню, в горы, на Белоозеро, близ пречестныя обители Кирилова монастыря.

Укоры и поносы сему проклятому ростриге о царевнине срамоте и о пострижении

О волче хищенный, ненасытимый! Не насытился еси сластолюбием кроме сия благородныя девицы! Множество честнейших жен и множество благолепых девиц во царствующем граде ненасытным своим блудным хотением осквернил еси,— почто сию благородную девицу, дщерь цареву сущу, не пощадел еси, девственный чертог ея опорочил, ея же благородию во царствующем граде никто подобен, понеже во царском доме воспитана бысть по обычею своему? Благолепие же лица ея никто от синклит мог видети, мнози же благороднии юноши царского роду, от великаго Августа кесаря влекоми суть, сын великого короля Датцкие земли, юноша зело чюден образом и делы, и иныя мнози благороднии юноши, сея ради благородныя девицы, оставя свое отеческое царство и грады, приидоша рабски служити царю Борису, отцу ея, понеже превеликия Росия царя дщерь во благородстве своем, яко цвет дивный, сияя,— ты же сию блудом осквернил, и царское ея благородие обесчестил, и законному браку не сподоби, и облекл еси ея во мнишеский образ, и заточению предаде! Матерь же ея и единороднаго брата ея, юношу пресветлаго, горкой смерти предал еси,— за сию бывшую скорбь почто девицы сия не помилова? О проклятый богомерский еретику! почто не усрамися таковаго дела сотворити? Понеже на царский дом недостоин еси зрети,— ты же, безстудный, яко пес, на царский престол воскочи, и седящаго на нем царева сына и с материю его опроверже и горкия смерти сподоби, сию же девицу осквернив блудом, и убогу учини, и в пустыню заточи, ея же николиже могла видети!

Сия же словеса прекратим, а на царя Бориса укоры возложим.

О преславный царю Борисе, паче же неблагодарпый! Почто душепагубнаго таковаго дела поискал еси и властолюбию восхотел еси? Почто беззлобиваго младенца, сына царева суща, смерти горкия предал еси и царский род на Росийском государстве пресекл еси? Понеже влечении быша от великаго самодержца Августа кесаря, обладающаго всею вселенною,— ты же сих прекрати и царскый престол себе поручи, ему же недостоин был еси! Почто благородие свое погуби, жену свою и чад горкыя смерти безчестне сподоби от худаго и убогово своего раба, надо всеми же теми и царство Великия Росия возмути, от сего же и запусте-

ния восприят? Понеже зол грех пред богом сотворил еси, царский корень своим душепагубным желанием прекрати,— от сего же и возмездие восприял еси! Оставим же сия и возвратимся на первая.

Помалу же той окаянный рострига восхоте православную и, яко солнце, сияющую веру християнскую попрати и церкви греческия веры разорити, папежскую веру во царствующем граде утвердити. И нача окаянный умышляти и посла до полсково народу, и многих панов великых, и началников, и воевод полскые коруны во царствующий град призва со множеством воин. И оного предреченнаго воеводу Сендомирсково Юрья со дщерию его, оболстив, приведе и оженився ею во царствующем граде, в пречестнем храме пресвятыя Богородица; единогласник же его патриярх Игнатей благослови их безо всяково прекословия.

В десятый же день пагубнаго его веселия собрався множество народу со оружием и дреколми, и нападоша на дом его, и воздвигоша гласы своя, яко есть враг и богоотступник, рострига Гришка Отрепьев, а не царевичь Дмитрей: ныне вемы воистинну, яко ложь есть окаянный, а не истинна и хочет попрати християнскую веру! И приидоша на него весь народ царствующаго града, и предаша его смерти, и обнажиша тело его, и за смрадныя уды влечаху его ис царских хором безчестне, и всего народу очи зряху на сия бывшая позорища. И положиша его пред враты грацкими на площади, нага суща, в знак ничем прикровенна; под ногами же его положиша болярина Петра Басманова: с ним за едино дело убиен бысть от народу. И тако лежаху трупия их пред враты грацкыми на площади три дни; на четвертый же день повеленно бысть боляры труп его зжещи на всполии града во аде, его же сам при животе своем сотвори. В то же время, когда убиша сего проклатого ростригу, бысть во царствующем граде трус велий и пролития крови: полсково народу безчисленно побиша и богатество их пограбиша; и едва укротися мирское волнение во царствующем граде даже и до третьяго дни. Единогласника же ростригина, патриарха Игнатия, со святителскаго престола испровергоша, понеже недостоин бысть святительскаго чина.

В четвертый же день убиения ростригина приидоша на Лобное место болярин князь Василей Иванович Шуйской и со иными многими и собра весь народ о патриаршеском избрании; народи же вопияху: наперед патриярха да из-

беретца царь на царство, и потом патриаршеское избрание произволно будет! От того же болярина князя Василия многия друзи и советницы посланы в народ и заповеданно им бысть, да изберут на царство его, князя Василия. Те же людие наустеша народы, да изберетца царь Василей на царский степень; народи же воздвигоша гласы своя, да будет над ними надо всеми царь Василей Шуйской. И на том утвердиша слово, якоже избран бысть царь Василей; и посем народи разыдошася в домы своя. Царь же, наименованный Василей, поеде во град, и прииде в соборную церков пресвятыя богородица честнаго и славнаго ея Успения, и молебне пение творяше, и от радости многия слезы пролия пред чюдотворною иконою пресвятыя богородица Владимерскыя. И посем поиде во царскии покои и тамо пребываше; боляре же и началницы, вкупе и весь народ, почитаху его по царскому достоянию, яко и прежних великих государей. И по мале времени возложи на ся царскый венец и помазася миром, и бысть царь Московскому государству и всей Великой Росии. А на святительскый престол возведен бысть митрополит Ермоген Казанскый, муж чюден зело и многово разсужения, в московское же разорение многое дивное о себе творяше, о нем же после история описует. Сей же патриарх Ермоген от ростриги в заточении бысть, понеже не последствова делом его и о женидбе запрещение ему подавая на соборех, пред всеми людми безстрашна словеса своя изливая, яко недостоит православному християнину от иноплеменных жену себе поняти. И много ему бысть от оного ростриги прещения смертнаго и жестоких словес; он же, яко крепкый поборник, никако сего ужасеся, непрестанно его божественным писанием укаряя,— и за сия заточен бысть.

В то же время, егда убиен бысть богомерскый рострига еретик, и венчан бысть царскым венцем на Москве царь Василей, и посла на Углечь болярина князя Ивана Михайловича Воротынсково, да преосвещеннаго митрополита Филарета Ростовскаго, и иных многых мужей духовных и от божественных писаний многоразсудных, и повеле им привести гроб царевича Дмитрея во царствующий град на уверение людем и на обличение ростригину ложному ухищрению. И приидоша посланницы царевы на Углечь и повеленное царем сотвориша, роскопаша гроб царевичев и обретоша тело его нетленно. Всещедрый же славимый бог прославляет угодники своя и, содевая преславная чудеса, сего же новаго страстотерпца царевича Дмитрея

прослави и прояви, яко есть угодник божий: без вины от раба заклан бысть, и за сие страдание бог чюдесы его одари и тело его нетленно обретоша. И принесен бысть во царствующий град Москву, и положены быша мощи его в пречестнем храме архистратига Михайла; и многие недуги в человецех исцели в тыя дни, даже и доныне притекающим с верою исцеления преславшая подает.

Седе же царь Василей на Москве, и в лето первое царства его юноша некый от худаго роду прозвася на Дону царевичем, сыном царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Русии, Петр имя себе нарече[10]. И прилепися к нему все казацкое воинство, и поидоша на Северские грады, до града Путимля, и тамо прият бысть тамо жителствующими людми; и предашася ему Северскыя грады в руце его и ради ему быша. Посем же промчеся слово в Северскыя грады, яко и царь Дмитрей избавлен от смерти, его же на Москве убити восхотеша, вместо же его убиен бысть литвин, а он избавлен и крыяся в литовскых градех. И тако возмущены быша Северскыя грады и не вероваша бывшему чюдеси во царствующем граде от царевича Дмитреева телеси; не восхотеша царю Василию служити, иже бе на Москве помазан от народу, и поидоша вослед ложнаго царевича Петра. И собрашася вси людие Северскых градов, и препоясашася оружием, и поидоша под царствующий град Москву, и положася обозами за семь верст от царствующаго града,— бысть же в них началник в воинстве Иван Болотников[11],— поидоша во ополчении своем под стены града. Царь же Василей повеле воеводам и воинству препоясатися на брань и повеле им брань спущати. Воеводы же и началницы московскаго воинства по повелению цареву на кони своя восходят, и врата граду отворяют, и поидоша противу северскых людей, и спустиша брань велию, и во ополчении своем мужескы побораша, овых убивая, овых уязвляя, овых связанных во град отсылая. И тако побеждени быша северскыя людие.

Воеводы же царевы с воинством возвратишася во град радостны зело, яко победницы суть; а северские же людие доидоша до града Колуги и ту утвердишася с тамо жительствующими народы. Царь же Василей собра воинство и повеле итти под Колугу; и тамо облегоша его воеводы царевы, и ополчахуся противу их по вся дни, и брани многие безчисленные творяху; и гору древяну ко граду дивным домышлением поведоша, уже и до стены града сим домышлением достигоша. Людие же града того никако о

том ужасошася, из града мужескы вытекоша, и на войско царево нападоша, и гору сию древяную запалиша, людей же царевых бесчисленно побиша; и посем многы пакости чиниша царевым людем, по всяк день ополчение творяще; никогда же от них покою царевым людем бываше. В то же время, егда ополчахуся царевы воеводы под Колугою, той же предреченный ложный царевичь прииде ис Путимля-града во град Тулу со множеством вой и посла воевод своих со многим воинством на воевод царевых, да составят брань с ними и град Колугу учинят свободну. Царевы же воеводы и началницы, слышавше сия, разделиша воинство на 2 части: часть едину под градом утвердиша, другую же часть воинства противу врагов царевых послаша. И шедшимася има, и ополчашася обе страны, и ту составиша брань; людие же царевы помалу оскудеваше и побеждени быша, а сии же людие гнаша людей царевых вослед и воевод побиша, а другия же поимаша. От сего же ужасни быша царевы воеводы и началницы и отбегоша от града Колуги; людие же града того на воевод царевых нападоша и станы их пограбиша. И тако побежденно бысть московское воинство.

Слышанно бысть сия царю Василию, яко войско его отступиша от Колуги, бранным своим ополчением не возмогоша стояти противу врагов его,— собрав войско велие зело царь Василей, и поиде с воинством сам противу сего прозваннаго царевича ко граду Туле, и тамо облегоша во множестве бранных. Той же прозванный царевичь повеле войску своему препоясатися на брань и повеле врата граду отворити, и тако спустиша брань велию зело. Царевы же воеводы мужески ополчахуся противу врагов царевых; и тако брань плит велия, падут трупие мертвых семо и овамо. Царевы же воеводы силу восхищают и усты меча гонят, людие же града того, хотят ли, не хотят ли, поля оставляют, и во град входят и врата граду затворяют; и тако от них мнози на празе врат градных умираху, и велие падение бысть им. Царь же Василей повеле шатры ставити, и утвердися обозами, и облягоша град; людие же града того по вся дни ополчение творяху противу царя Василия, людей царевых множество побиваху; мнози же юноши от славна роду умираху пред лицем царевым во крови меча их. И сожалися царю Василию сего и повеле мастера хитра изыскати, дабы хто могл граду сему пагубу учинити. По повелению же цареву обретеся такый хитрец и даст обещание царю, да потопит град той водою; царь же

радостен бысть о том зело, и одари его, и повеле ему обещанное исполняти. Сей же хитрец возврати реку вспять, на ней же град той создан бяше, и утверди ея древяными заплоты и землею засыпа, но кратким словом рещи: яко есть достойно на утверждение воде, тако и устрои. И помалу накопися речныя быстрины, и не проидоша во своя стогны, и возвратися вспять, и обыдоша весь град, юже ниоткуду ему бысть сух путь. Людие же града того ужасни быша о сем и помалу оскудеша от брашна, и нападе на них глад велик; даже и до того доиде, яко уже и всяко скверно и нечисто ядяху: кошки, и мыши, и иная не подобная сим. И видя собя людие в толице беде положенных, предаша град царю Василию и опого лживаго царевича предаша в руце его. Царь же Василей победи враги своя и возвратися во царствующий град; сего же лживаго смерти предаде, повеле его обесити пред народом.

Малу же времени минувшу, якобы едину три месяцы, проявися в Северскых градех мятежник некый, прозвася царевичем Дмитреем, его же на Москве убиша, и поведа о себе всем людем Северских градов: яко аз есм царь Дмитрей, избавлен от смерти: в место же мое убиша ляха, а я избавлен. И последоваша ему людие вси страны Северские. Слышано бысть сия царю Василию, и повеле собрати воинство и поставляет им воеводу и началника единороднаго своего брата, князя Дмитрея Ивановича Шуйского. Той же князь Дмитрей повеление царево радостно восприемлет и путному шествию касаетца; воинстии же людие повелению цареву повинуютца и вослед воеводы своего грядут. И дошед до града Болхова, и ту положися обозами, и тако стояше чрез всю зимнюю годину.

Юже зиме прошедши, время же бе приходит, яко солнце творяше под кругом зодейным течение свое, в зодею же входит Овен, в ней же нощь со днем уровняется и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздусе светлостию блистаяся. Растаявшу снегу и тиху веюшу ветру, и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую бразду прочертает, и плододателя бога на помощь призывает; растут желды, и зеленеютца поля, и новым листвием облачаютца древеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, иже по смотрению божию и по ево человеколюбию всякое упокоение человеком спеет на услаждение. В сие же время красовидные годины прежереченный хищный волк собрася со множеством

воин полсково народу и с казацы Северские страны, и поидоша на воевод московскых и на все воинство. Воевода же и началник московского воинства, князь Дмитрей Иванович Шуйской, никако сего ужасеся, и повеле воинству препоясатися на брань, и раздели все воинство на пять полков, и воевод постави по повелению цареву. И поидоша во стретение его, и сшедшимся има со обою страну, и составиша брань велию зело; и тако бысть брань по двою дне непременно, много падение бысть и убийство велие московскому воинству. Поляцы же ополчением жестоким нападоша на москвичь; помалу же войско московское оскудеваше, понеже поражений смертоносных понесть не возмогоша и вдашася бегству. Поляцы же поля обретают, и усты меча гонят, и безчисленно людей царевых побивают. Людие же вдашася невозвратному бегству и оружия своя от себя меташа, овии же сами под коньскими ногами напрасно умираху; и возмутися воздух от коньскаго ристания, и друг друга не знающе, помрачиша бо ся лица их от пыли, веемыя по воздуху. И тако гнаша поляцы 20 верст и возвратишася вспять, а богатество же их все пограбиша. Друзии же людии московскаго воинства, часть едина, вбегоша во град в Болхов и затворишася; и тако пребыша во граде два дни и предашася в руце его и град отвориша. Той же злохищный прелестник, названный царь Дмитрей, ничем их вреди и постави над ними воеводу, и поидоша до царствующаго града; и пришедшу ему на реку на Угру, и оттоле отбегоша от него вси тии людие московстии и до царя Василия поидоша.

Той же названный царь Дмитрей никако сего ужасеся, поиде с своим собранным воинством под царствующий град, даже и доиде. И обыдоша весь град, и дошед села Тонинска, и ту начаша шатры ставити; гетман же всего воинства, князь Роман Руженскый, разсмотрив места, и оглядав семо и овамо, и видев, яко неугодно место то на пребывание войску, и оттоле возвратися вспять. Поведанно же бысть сия царю Василию, яко блудят поляцы около града и ужасаютца зело, царь же Василей, слышав сия, и повеле воинству препоясатися на брань. И раздели воинство на три полкы: первому полку воеводу постави единокровнаго своего болярина князя Михаила Васильевича Шуйского, другому же полку воеводу постави князя Ивана Михайловича Воротынсково, третьему полку воеводу постави князя Ивана Борисовича Черкаскаго; и иные началники и воеводы постави над воинством и наказал их до-

волно, отпусти с миром. Воеводы же и началницы московскаго воинства поидоша с полки своими за стены града и отъидоша от града 12 верст на взыскание сего волка с подручными его. И сошедшимся им в селе Тушине, и начаша брань велию спущати, и тако бысть брань чрез весь день велия; уже солнцу уклоншуся на запад и нощней тме пришедши, и тако брань преста. Царевы же воеводы поидоша во град, а поляцы начаша шатры ставити и почиша сном, токмо стражие не спят. Наутрее же гетман всего воинства, князь Роман Ружевской, яко крепкый разсмотрителный воевода, разъездив и оглядав места и видев, яко угодно бе место то на стояние воинству, и повеле обозами утвердити и рвы копати, да яко достойно быти на утвержение людем и в защищение врагов их. Царь же Василей воинству своему повеле стати близ полков литовскых на речке Ходыне, яко бысть шесть верст между собою воинство посредство имеют; и ту царевы воеводы шатры поставиша и тако стояша две недели, а брани не бысть ни единые.

И посем оболстив словом поляцы мирном воевод царевых, яко быти им мирным и брани не искати; и промчеся то слово воинство во все, яко наутрее хощет с поляцы мир быти, и почиша сном людие в сию нощь. Поляцы же в нощи той нападоша на полкы царевы, яко неистовственно дыхая на пролитие крови и на восхищение корыстем: скачют по полком семо и овамо, и людей московских бесчисленно побивают, и в шатрех богатество велие грабят. И тако взыде вопль велий до града вопимых; царь же Василей, слышав сия, повеле своему полку приити на брань и пешцем многим. И тако плит брань жесточайшая, летают стрелы по аеру, яко молния, и блистаютца сабелныя лучи, аки лунная светила, и со обою страну бысть падение много, и падают трупие мертвых семо и овамо. Помалу же москвичи поля преобретают и усты меча гонят; поляцы, хотят ли, не хотят ли, хребет дают и вдашася бегству; москвичи же женуша [гонят] вослед их даже и до шатров, и тако преста брань. Поляцы же поидоша во своя станы, а москвичи поидоша во град; и бысть во граде плачь и рыдание велие: матери плачющеся чад своих, видя их разсекаемых пред собою, жены же плачющеся мужей своих, вдовство приемлюще; и тако погребоша во граде мертвыя трупы. Посем же царь Василей повеле воеводам и началником положитися обозами под забралом града, дабы еще не учинили пакости людем; и утвердишася

обозом, и тако стояху полки царевы долго время, и брани бесчисленны творяху чрез всю летнюю годину.

Помалу же войско царево нача оскудевати, и разыдошася кождо восвояси. Царь же Василей виде войско свое умаленно и повеле внити во град воеводам и врата граду затворити. Юже никоторые ему надежи несть ниоткуды, и нача в себе помышляти, да пошлет послов своих в Свицкую землю просити помощи. И призвав к себе единокровнаго своего болярина и разсмотрителнаго воеводу князя Михаила Васильевича Шуйскаго, и поведает ему мысль свою; той же князь Михайло совет царев хвалит и наипаче сему подтвержает быти. Царь же Василей в кратком часе повелевает сему князю Михаилу препоясатися на путь, и повеле ему итти в Великий Новгород, и оттоле повеле посылати послов до Свицкые земли просити помощи. Той же князь Михайла повеление царево веселым лицем восприемлет и путному шествию касаетца; богу же поспешествующу, путное шествие мирно проиде. Людие же Новаграда сретоша его и восприяша с честию. Той же князь Михайло, яко крепкий расмотрителный воевода, о своем деле непрестанно попечение имея, грамоты от собя во грады розсылает, и войско собирает, и посланников до Свицкие земли посылает просити помощи. И оттоле прииде к нему воевода и властель свицкому воинству, волный Делегард Яков Пунтусов, со множеством воин; князь же Михайла сего Якова срете и радостен о сем бысть. Помалу же, видев войско собранно, и зимная уже година проиде,— время бысть весне, студень уже совлечеся своих иньев, и мразу от своей жестости ослабевшу и ростаявшу снегу, и солнце уже на концы зодеи Рыб текуще,— егда последние дни февраля месяца преходят и наставаше месяц март, в то же время подвижеся воевода московскаго воинства и поиде до великаго царствующаго града Москвы.

Слышано же бысть сия оному названному царю Дмитрею, яко войско велие собрашеся и грядут на ня, и призывает к себе гетмана и с ним советует, какобы ему противу сего воинства ополчение творити. Той же гетман повеле в трубу трубити и повеле снитися всем людем на уреченное место. И сошедшу же ся всему воинству в сонм един, сам же гетман стояше посреди их, помаав рукою, и повеле им молчати, и излия словеса своя пред ними: «О друзи и братия, полковницы и ротмистры славнаго рыцерства и вси велможи в крузе настоящаго сего собрания!

Поведаю и совет даю вам, да идет из Новагорода воевода московский со множеством воин, свицких немец[12] и московских людей; з другую же страну поведают нам шествие крымцов, помогающе царю Василию. Да подадите ми совет свой: возможете ли стояти противу ополчаемых на ся со обою страну в силе крепости своея? Весте сами толико множество в прежебывшем собрании московскаго народу, ныне же немцы и крымцы пособие им дают, вооружишася на ны. Вы же весте и о сем, яко и нашего собрания не мала часть предлежит: мнози славнии полковницы и ротмистры во множестве бранных приидоша к нам в пособие на отомщение обид наших. Вы же, друзи и братия, подайте ми совет благ, да яко угодно будет воли вашей!» И о сем умолча. Людие же, слышавше сия словеса и помышляюще на долг час с молчанием, и посем отверзают уста своя, глаголюще: «Ведомо ти да есть, пане гетмане, яко непрестанно дванадесят лет немецкие людие ополчахуся противу нас в земли нашей, и в силе крепости меча нашего не возмогоша подняти, и тако всегда от нас побеждени бываху. Да не ужасаетца сердце твое, великий гетмане! Повели войску препоясатися на брань, и тамо, шед, творят ополчения противу собраннаго московскаго воинства!»

По сему же совету гетман воинство урежает, и воеводу им, пана Зборовского, поставляет, и путному шествию касатися повелевает. Пан Зборовский повелению гетманскому повинуетца, и путь радостно воприемлет, и дошед до городка Зубцова. И оттоле поидоша нощию под городок Старицу, в нем же бе седят царевы люди, и на городок той нападоша напрасно, и со все страны поидоша на стены града. Седящие же в нем людие ужасни быша велми и бранным своим ополчением не возмогоша стояти противу врагов своих, зане мало их во граде том бяше; и сего литовскаго множества подняти не возмогоша, устремившеся бежати по церквам и в них затворишася и тамо уповаху убежати смерти; и тако мечем погибоша, жестокою смертию живота гонзнуша. И тако городку сему от поляков взяту бывшю, и елико в нем обретают людей, всех мечем погубляют, никого не щадя и разсужения возрасту не имея; и сокровища градцкия испытают и все, елико обретают угодное, похищением грабят и во своя станы относят. Последи же городок той запалиша, и тако огненым подкладением, пламеню снедающу, высокий городок Старица низу изменяетца [сравнивается с землей]. Тогда же пан Зборовский о своем управлении попечение прилежно

творяше и, не замедлив, поидоша во стретение московскаго воинства. Сошедшимася има под Торшком-градом, и ту составиша брань, и бысть падение много со обою страну от немец с поляцы. Немцы же не возмогоша подняти острея меча их, поля оставляют и во град в Торжок входят, понеже не вси купно тогда немцы приидоша на брань. Поляцы же оттоле возвратишася во град Тверь и оттоле посылают до великого обозу, дабы к ним притекли на помощь.

Предреченный же болярин и воевода московского воинства, князь Михайла Васильевич Шуйской, о своем деле попечение им, желаемое свое хотение все исполняя, поидоша с воинством под Тфер [Тверь] и ополчишася на всполии града. Сей же пан Зборовский повеле войску своему вступити на брань; воини же повеленное исполняют и мужески на полки немецкие нападают. И тако брань плит жестокая; от стреляния же пищалнаго смутися воздух и отемне облак, и не видяше друг друга и не знающе, хто бе от кою страну; и бысть падение многое, падают трупие мертвых ото обою страну. Посем поляцы на полки немецкие и на руские нападоша и женуша их трудом велиим; и бысть сеча зла, и гнаша поляцы вослед их не мало время и посем возвратишася во град и почиша; а московсгии людие шатры поставиша и почиша сном, токмо стражие не спят. Поляцы же восприемше надежу, яко победницы суть, и не имеяху попечения о своем спасении и не ведаху о московском воинстве, где суть шествие имеют. Сей же князь Михайло Шуйской никако о сей бывшей победе ужасеся, и много подвижеся на гнев, и разъярися зело о убийстве своих, отомщение уповая наследити, и повеле войску препоясатися бранным своим оружием; и град в нощи мужескы нападоша. Поляцем же спящем безо всякаго опасенья, они же востро входят и литовское воинство посекают; нагих по улицам влечаху, и трупие их мечи разсекаху, и богатство их грабят. Поляцы же побегоша семо и овамо: ови за стены града утекоша, ови же до внутреннево городка убегоша и тамо от посечения меча избыша. Аще не бы был той случай, яко болшая часть поляков во град вбегоша и в нем затворишася, воистинну бы все воинство побежденно было от москвич: неложно живота своего последняго невзгодия плакати бы ся быша поляцы же, аще не бы затворилися во граде. Уже просиявшу солнцу, свитающу дневи, просветися облак светлым блистанием,— воевода же московскаго воинства, князь

Михайло Шуйской, повеле в рог трубити и на град мужески наступати. Людие же к городку восходят и хоругви простирают; поляцы же противу нашедших нань жестоко и тяжко защищение предлагают, копейным поражением и острыми стрелами смертне уязвляют и смерти предают. Воевода же и властель московскаго воинства, видя людей уязвляемых, повеле от града отступити и повеле шатры ставити; и тако преста ополчение бранное. Той же пан Зборовский, началник поляком, со иными многими поляцы отбегоша от града якобы 30 верст и сообщишася со всеми бегущими поляки; купно поидоша до великого обозу, понеже не возмогоша братися противо собранново московскаго воинства и крепости меча их не возмогоша подняти.

Князь же Шуйскый, гетман московскый, оставя город Тферь и седящих в нем учини свободных, поидоша до Москвы-града; и дошед до Колязина монастыря, еже есть на реки Волге, и ту пождав мало время, и поидоша до места, глаголемаго Александровы слободы, и ту утвердися острогами. Гетман же великого обозу, князь Ружевскый, повеле войску снитися в сонм един и повеле хоругви простирати, тако поидоша со многим воинством сам противу сего князя Михайла, и доидоша до полков его, и нача составляти брань. Князь Михайла же Шуйской, всего московского воинства воевода, повеле полком своим приити на брань; и тако бысть великое ополчение со обою страну. Поляцы же жестоким поражением наступаху, москвичи же от них мужески защищахуся, смело и небоязнено ратовахуся с ними; и тако бысть со обою страну ополчение равное чрез весь день; уже солнце преклонися на запад, и земля нощию покрыся, и тако преста бранное ополчение. Поляцы же поидоша во своя станы, а москвичи поидоша во своя остроги и почиша сном, токмо стражие стрежаху. Видев же сия гетман полсково народу, князь Ружевский, яко бранным своим ополчением преодолети московскаго воинства не возможе, возвратися вспять до великаго обозу.

В то же время настоящия сея годины прииде король полский Жигимонт[13] под славный град Смоленск со множеством воин бранных, и в силе мощи своея облягоша весь град, и начаша по граду ис пушек бити, и разсыпа стены грацкия, и стрелницы высокия низу опроверже. Бысть же в том граде воевода царя Василия, болярин Михайла Борисович Шеин, той же Михайла, яко крепкый поборник

и разсмотрителный воевода, нашествия иноплеменных никако ужасеся и град ополчением своим мужески защищаше, и тако много время противу сего королевскаго воинства град той опасно удержаше; даже и до того доиде, яко и вси людие града того изомроша, он же небоязненым сердцем драхуся с поляцы по всяк день, и прещения королевскаго и воин его множества не бояхуся, и не предадеся в руце его даже и до взятия града того. О сей же победе градцкой оставим написати. Той же король полскый, егда стояше во обступлении града Смоленска, и посла послов своих под царствующий град до великаго обозу и до гетмана всего воинства, и писание к ним посылает, да поимают сего мятежника, прозваннаго царя Дмитрея, и предатут в руце его, а на царствующий град возведут мощию своею сына его, королевича Владислава. Послы же королевскые до обозу доидоша и посолство свое исправиша; той же названный царь Дмитрей, видя войско возмущенно, и побеже тайно от них до града Колуги и тамо утвердися с тамо жителствующими людми.

Предиреченный же князь Михайло Шуйской, всево московского воинства властель, о своем деле попечение имея, поидоша на поляцы, которые пребывают во обступлении Сергиева монастыря[14] и на восхищение его желают, и мужески на них нападоша; они же силы их не возмогоша подняти и вдавшеся бегству до городка Дмитрова. Москвичи же вослед же их женуша даже и до городка того, и на стены грацкие восходят, и хоругви простирают, и елико в нем обретают людей, и тако мечем всех погубляют. Поляцы же московскаго воинства терпети не могоша, городок той оставляют и вдашася бегству и доидоша до великого обозу. И возмутися все полское воинство, и ужасни быша зело, и великий обоз оставляют, и отступиша от царствующаго града, и поидоша в сообщение королевским воином; а другия же полковницы и ротмистры поидоша до сего названнаго царя Дмитрея во град Колугу.

Князь же Шуйский с воинством поидоша в Москву радостни зело, яко победницы суть, во крепости меча своего победиша врагов своих. И стретоша сего воеводу вси людие царствующаго града и почтиша его честию велиею зело. Царь же Василей наполнися зависти и не возлюби его за сию бывшую победу. Малу же времени минувшу, разболеся сей храбрый и разсмотрителный воевода князь Михайло и умре. И тако погребен бысть честно в пречестнем храме Архистратига Михаила, в пределе его, и рыда-

ху по нем вси людие царствующаго града, мужеск пол и женеск, от мала даже и до велика.

Вниде же сия во уши королю полскому, яко вожь и наставник московскаго воинства умре,— повеле в скором часе корунному [королевскому] гетману пану Желтовскому поити с воинством к Москве и заповеда ему, да творит жестокое ополчение противу москвич. Царь же Василей воинство урежает, и воеводу над ними поставляет единороднаго своего брата, князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго, и все воинство ему поручает; той же князь Дмитрей повелением царевым на конь восходит и путное шествие радостно восприемлет. И сошедшимся има в селе в Клушине от Можайския веси, и ту брань смертную спущают. Первый полк приходит на брань свицкий воевода Ивелгор, а под ним 3000 воин; другий началный воевода и волный Велегард Яков Пунтусов с своим полком приходит на брань; третей воевода князь Андрей Голицын со множеством воин московских приходит на брань; и тако полки со обою страну снидошася. Поляцы же воздвигоша оружия своя и нападоша на полки немецкие, крепце сих поражаху; Немцы же в силе крепости своея мужески сих восприемлют, жестоко защищение предлагают и пищалным стрелянием смертне поляков уязвляют и смерти предают. Поляцы же помалу гинут, но паче свежими людми пременяютца и небоязнено устремляютца, смертным борением жестоким на полки нападают и спицы железныя ломают, в них же немцы спасения имеют надежю. И тако плит брань велия и много падения бысть, на обе страны падают трупия мертвых. Посем же поляцы силу восхищают, и шеломы разсекают, и усты меча гонят; скачют по полком всюду и на великий обоз началнаго воеводы князя Дмитрея Шуйскаго нападают, и тамо бысть велие низлагание. Московское же воинство даша хребет пособием бегства, и побеждени быша людие; даже и до Москвы ополчения не сотвориша; друзии же людие затворенны быша в острогех, и тии помалу предашася в руце их, видя себе в толице беде положенных и ниоткуду чающе помощи.

И тако поидоша гетман Желтовский повелением королевским до царствующего града и, шед, положися обозами за 12 верст града. В то же время з другую страну Москвы прежереченный названный царь Дмитрей прииде ис Колуги, а с ним велие собрание поляков и руских людей и положися обозами за семь верст града, в селе в Коломенском, и творяше на всяк день ополчения на град, мос-

ковстии же народи в недоумении быша, видя со обою страну врагов, вооружаемых на ся. И собрася множество народу царствующаго града, и приидоша на царский двор и воздвигоша гласы своя, да отоиметца царская держава от царя Василия, понеже мужь крове еси, и вси людие мечем погибоша за него, и грады раскопаны суть, и вся росийская держава запустение прия. И тако вземше его из царского покоя, и отведоша в прежебывшая его жилища, и посем возложиша на него мнишеский образ. Сами же предашася в руце королевские и целоваша крест сыну его Владиславу, да восприимет Руский скифетр и царствует над ними. И тако с началным властелином полсково воинства, сииречь з гетманом, утвертиша слово, яко быти уже им мирным. Слышав же сия названный царь Дмитрей, яко москвичи сложилися з гетманом и с поляцы и королевичю обещали, да возведут его на царство, и отступи от Москвы скоро и поиде в Колугу и тамо утвердися пребывати.

Боляре же московстии и весь синклит царский совет сотвориша с патриярхом Ермогеном, да пошлютца послы до короля под Смоленск просити сына ево, королевича Владислава, на Росийское царство. И на том совет утвержают и послов х королю посылают: болярина князя Василия Васильевича Голицына, мужа великаго разсужения, изящна в посолственных уставех и искусна, да преосвященнаго митрополита Ростовскаго Филарета, мужа духовна и многоразсудна, и с ними дворян много. Послы же московские от патриярха Ермогена благословение приемлют; той же патриарх Ермоген по заповеди божии о стаде своем непрестанно попечение имея, и послов молбами нудит — по совету всего народу взяти посолства бремя и дело толикие вещи собе охотно. Послы же к совершению таковаго дела благоговейне уклоняютца, и путному шествию радостно касаютца, и преидоша путь здорово и весело, и дошед Смоленска града х королю Жигиманту.

Приятым же им бывшим от короля честно, и потом испытает вины пришествия их. Болярин же той, князь Василей, сими словесы нача посолство глаголати: «Послани есмя к тебе, великому государю! Сия словеса патриярх московский, и боляре, и весь дом царский, по совету всеа Росийския державы, нами послами приказывают и твоего благородия просят и молят, да сотворши полезная нам, и дашь сына своего на Московское государство, и отоимеши кровавой мечь, со обою страну посекающе православных християн немилостиво. Да весть твое благородие, яко

царский корень ото Августа кесаря на Московском царстве пресекаем, и мнози волцы и хищницы восташа на ны и на царствующий град напрасно, и жестоким ополчением нападают, и грады разрушают, и людей бесчисленно мечем посекают, и домы их и жены и дети восхищают; нам же ниотколе помощи бысть, токмо в сохранении всещедраго бога и в заступлении пречистые богоматере. Зане убо многово разсужения ты еси, королю, молим тя и воспоминаем посем: бранная лютость и будущая соблазны да проидут, якоже мерска имеют быти, да подаси руку помощи и возведеши сына своего на царство мирно, а сам, великий королю, отступи от Смоленска-града и не твориши ополчения!» Сия вся словеса король слышав, яко повелевают ему послы отступити от Смоленска-града, скоро разжегся яростию и устремления гневу его невоздержанну, гордыми словесы наскакаше на послов, без благочестия ума их поносит и претительными обидами. Слышавше сия, послы московстии скоро от лица королевскаго исходят и в станех своих пребывают; и тако замедленну бывшу посолству их, королевския ради неправды и злаго ухищрения, и ничто же успеваше, наипаче развращение бываше. И посем и заточению их предаша, и в таковой беде послы московстии много время пребыша, даже и до великого избраннаго государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, еже по разорении московском возведен бысть на царский престол; о сем бо после описуем.

В то же время, егда послы посолства своего время творяху, московстии же народи не разумеша бывшаго лаетелства сего, оскудеша умы своими и сотвориша пустошная и злая, помрачиша бо ся очеса их не видети суеты: восприяша гетмана со всем воинеством во град и предашася в руце его, от сего же посечени быша. Той же гетман, вшед во град, и войско свое по славным домом постави в нутренем граде и в превысоком Кремле, и наказа их доволне, какобы им от московских людей быти во опасении и постави над ними воеводу и властелина, пана королевские думы, Александр Гасевский имя ему; сам же гетман Желтовский поиде к своему королевичю под Смоленск. И тако стояху поляцы во граде Москве много время, и начаша людей насиловати, и всякую власть во граде восприемлют. И изменницы суть Росийскаго царства, яко змия ехидна, огнем дыхая на царствующий град и велие пламя возжигая, сим же проклятым богомерским римля-

ном непрестанно московский народ облыгая и на царствующий град всячески их подвизая.

В то же время, егда житие свое творяху поляцы во царствующем граде, князь некый тотарскаго роду, имя ему Петр, служил в Колуге оному прежереченному названному царем Дмитрею[15], помысли себе, да како предаст сего мятежника смерти, а сам отбежит до своего отечества. Во единый же день случися ему, названному царю, ехати в поле за стены на утешение свое; сей же князь Петр о своем деле непрестанно попечение имея и желателне сего подобша часа искаше, и видев, яко угодно бе время то, и воздвигши мышцу свою, яко неистовствен, на него нападает, и мечем голым сего доставает, и раз к разу прилагает, и тако разделяет тело его на две части. И, пад, издше сей проклятый мятежник; гражане же, веземше труп его, погребоша во граде честно.

Слышана же бысть сия во царствующем граде, началницы же и воеводы полсково воинства радовахуся о том радостию велиею зело, понеже боязнь велию от него в сердцы своем имеху. Посем же начаша поляцы небоязненно ухищрение на царствующий град предлагати; видевше же сия московстии людие в толице беде предложенных, и начаша сетовати и болезненно воздыхати, яко уже кончина приходит и посекаемый мечь уже готов есть. Великий же патриарх, новый исповедник, узрев сию настоящую беду, и тако созывает народ и повелевает мужески противу поляков за крестьянскую веру стояти и братися; и посылает писание во все грады Росийские державы на подтвержение людем, а наипаче посылает до страны Резанские, во град Переславль, к воеводе и властелю Резанскых предел, к Прокофию Ляпунову[16], и молит его, дабы не дал в расхищение и в вечное падение царствующаго града Москвы. Полковницы же и воеводы Литовские земли и московские изменницы много о сем патриярху смертию претиша и злозавещателныя словеса на него излияша; он же сего прещения не ужасеся, но и паче подкрепля народ.

Поляцы же конец желаемаго своего дела восхотеша учинити. Время же бе наста, яко последняя неделя Великого поста приходит, в ней же воспоминаютца Христа бога нашего спасеныя страсти,— посреди тоя последния седмицы, сииречь во фторник, свитающу дневи, восходящу солнцу, юже повсюду свету излияну бывшу, людие же градцкие по обычаю своему изшедше из домов своих на

церковное правило, овии же на куплю свою. Поляцы же, яко неистовственно дыхая на пролитие крови и на восхищение великаго сокровища, и скоро оружие препоясуют, и на кони своя восходят, и на великий царствующий град Москву нападают, и подкладением огненым пламень великий возжигают; и елико людей обретают, и тако мечем погубляют, и богатество велие грабят, церковная здания раскопывают; отроковицы краснорастущия из домов изводят и поимают в жены себе не в завещателном соузе законнаго брака, повинующе их вечной срамоте и работе. И тако пламенем восхищаемым отовсюду зажгоша, тем же вся великая Москва дымитца, от сего же великии полаты сокрушаютца; вопль убо великий избыточествует повсюду от гласов убиваемых, и никоея надежди мощно имети животу своему защищения, и бегают во храмы и плачютца людие всех своих падений. Поляцы же во провожении изменников Михаила Салтыкова и Федки Андронова, явных израдцев своево отечества, крепце на великую Москву нападают и никоего защищения обретают, сего ради всех смерти предают и разсужения возраста не имеют. И тако бысть сие пленение два дни непременно.

Оле, великое падение бысть и убивство! И тако бысть велие низлагание: пред отцы сынове, убиваеми, живота гонзнуша [лишены], отроковицы же от матерей отторгаеми и блудному растлению предлагаеми! Преславная, но и паче превеликая Москва! Коль немилостивно раскопанна и тяжкими пореваема падении, и стрелницы [укрепления, башни] твоя высокыя низу опровержеся! О бедныя матери! коликою болезнию сердец ваших внутренняя разсекаете, зане чад ваших чресла зрите исторгаеми и по удом раздробляемы, и толико возможете изнести слез в разорении чад ваших, их же разсекают немилостивно кровавыя мечи! О роде слепый и жестокий, смерти неведуще! почто доныне насилованные руки не разуместе и ухищрения неправеднаго короля не познасте, прежде даже не ускорил мечь сей острый и в вашей крови не воскепел, и мнили есте, яко нашествие иноплеменных без тяшкия казни и жестоково отомщения возможет проити? Почто убо, бедные гражане, не отринули есте немилостиваго трупа от домов своих, от них же ныне зрите конечное разорение и домом своим вечное падение?

И тако разрушенна быша превеликая Москва и пограбленну всему сокровищу, и седоша поляцы в нутреннем граде, в превысоком Кремле, и ту разделиша грабление

по всему войску, и начаша веселитися, яко победницы суть, и многими изообилными богатествы наполнишася. Москвичи же оставшеися, яко победоносцы, бегут всюду по дорогам и по стогнам и не весть, камо бежати, и не имуще, где главы подклонити. Слышанна же сия бывшая победа во всех градех московских, яко превеликая Москва разрушенна и раскопанна, и плакашася о таковой победе вси людие. Воевода же и властель Резанские страны Прокофей Ляпунов от града своего востает, и множество воин собирает, и разжегся гневом велиим, и разъярися зело о разорении московском, многия слезы пролия втайне, уповая отомстити наносимыя от них тяжкия обиды; и поидоша на неправедных римлян и тамо им жестоко и немилостиво отомщение покушаяся воздати. Друзии же воинстии людие востают от града Колуги под воеводством князя Дмитрея Тимофеевича Трубецково; и тако инии воини под воеводством мужа не без великия храбрости, Ивана Заруцково, и посем иныя мнози воеводы и началницы от всех градов востают и скорят под царствующий град на отомщение врагом своим.

И снидошася людие купно под стены града победимыя Москвы. Поляцы же, видевше московское многое собрание и изрядное их ополчение, страхом ужасаеми и начаша в себе помышляти, како могут творити ополчение противу сего многово воинства. И тако мысль свою отрешают, и на кони своя восходят, и оружия своя восприемлют, и врата граду отворяют, и вдаютца на брань, и тако брань смертную спускают. Московстии же воини мужески сих восприемлют, и ополчение дивное против врагов своих сотворяют, и рыстанием конским смело на поляцы наскакают, и в силе крепости своея мощне их погнетают, и шеломы их разсекают, и трупы их на две части разделяют. Той же бодренный и разсмотрительный воевода, всего московского воинства властель, скачет по полком всюду, акы лев рыкая, направляющи воинство и вооружающи крепце, победу на врагов своих восприяти хощет. Тако же и иные воеводы и началницы московского воинества о своеме деле попечение непрестанно имея, и на полки литовскыя нападают, и силу восхищают, и усты меча гонят. Поляцы же хребет дают, и поражений смертоносных подняти не могут, и тако в крепости меча московского умирают; хотят ли, не хотят ли, поля оставляют, и во град входят, и врата граду затворяют. Воевода же и началник московского воинства Прокофей Ляпунов возопи гласом вели-

им на своих, да не оскудеет бранное ополчение, и повеле с коней сходити и на град мужески наступати. И тако воини повеленное исполняют, и на стены градцкие мужески нападают, и в силе крепости своея на стены восходят градцкия, и тако взяту бывшю великому Царю-граду. Поляцы же до внутренняго града бегут, и врата утвержают крепкими запоры, и посем тово дни преста бранное ополчение. Воеводы же московского воинства, розъездив и оглядав подобно место, и повеле воинству шатры ставити и лачюги и конем стаи; и тако уставишася вся воинства близ стены градцкие и почиша от трудов своих, токмо стражие стрежаху.

Наутрие же, свитающу дневи и излиянну повсюду свету, воевода же и началник московского собрания Прокофей Ляпунов, о своем деле попечение имея, и повеле туры землею насыпати и пушки поставити и повеле по граду беспрестанно стреляти; и тако во ополчении своем град мужески облягоша всюду. От сего же поляцы ужасни быша и пребывающе в заключении врат, сиречь в осаде, и на конех своих к тому не творят ополчения; и тако поляцы выходят из града пеши, уповая московское воинство от стены градцкие отбити, и тако на них нападают и смертную брань спускают. Москвичи же веселым лицем сих восприемлют и толь крепце на них наступают, да яко поляцы поражения их, смертоносных, подъяти не могут и хребет дают, и воспять итти понуждаются, и во граде утвержаютца, и многи от них убиваеми; и тако преста брань в той час. Началницы же московского собрания наипаче силу восхищают, и оружие свое на враги мощне напрягают, и тако безчисленные брани творят на всяк день. Поляцы же болезнуют и плачютца своих падений, но токмо уповают на стены града оного, понеже крепостию многою вооружен град той, превысокий Кремль, и никоим бе домышлением мощно его досягнути.

Малу же времени минувшу, якобы едину три месяцы проиде летние годины, позавиде диявол сему настоящему делу и изрядному ополчителю, наустиша народы, и наполнишася людие гнева и ярости на сего изряднаго властеля и воеводу Прокофия Ляпунова, не воспоминая его изряднаго и мужественнаго ополчения, и восхоте его предати смерти. И собрася все воинства на уреченное место и до сего воеводы и властелина посылают посланников, дабы ехал на уреченное место, в круг собрания их. Он же злаго их ухищрения не ведаше и о смерти своей не помыш-

ляше, востает от места своего, и в круг настоящаго собрания приходит по обычею своему, и испытует вещи позвания их. Они же в разгорении мысли своея начашя его обличати виновными делы и изменою, и посем яростне на него нападают и в скорем часе смерти горкой предают. И тако паде мертв на землю славный сей бодренный воевода Прокофей; народи же начинаемое дело свое совершиша и разыдошася в домы своя.

Слышавше же сия во граде поляцы, яко началный воевода московского воинства, изрядный властель, предан от своих смерти, и о том радовахуся радостию велиею зело, и повелиша врата граду отворити и исходят на брань. Московстии же началницы и воеводы, князь Дмитрей Трубецкой и Иван Заруцкой, и иные воеводы и властели с полки своими исходят на брань и тамо брань смертную спускают. Москвичи же силу восприяша над поляки, творяше жестоко устремление, мужески их поборают, и тако кипит брань жесточайшая. Поляцы же силою оскудевают и московского устремления понести не могут, и паки во граде затворяютца, отложше надежю спасения своего. И помалу оскудеша брашны, и отрежают воинство и посылают до града Суздаля, до пана Сапеги, и до иных градов московских о собрании брашен; и тако войску отпущену, и тамо шествие творяху, и собирают брашны, и во осаду отсылают, и тако град великий в осаде утоляют. И посем людей свежих преновляют, а преже бывших ту воин изводят. И тако преновившуся людем, брани велия и безчисленныя спускают, и тако пребыша много время. Посем же воста от земли своея гетман литовский пан Хаткеевич со множеством воин и положися обозами на некоем селе, Рогачево имя ему, якобы семдесят верст от царствующего града отстояху. И ту нача сей гетман брашно во осаду многое готовити, и тако наполнися велиими брашны, и поидоша до града Москвы, и таковыми делы пакы глад людем утоляют, и на долго время брашны наполняет, сам же отходит восвояси. Поляцы же во граде надежпо уповают спасены быти от москвичь, понеже наполнихся брашны.

В то же время человек некый в Нижнем Новеграде убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требование людем, имя ему Козма,— той же Козма[17] отложше своей вещи дело, и восприемлет велемудрое разумение и смысл, ино и во всех людех страны тоя силу и власть восприемлет, и уроки многие собирает, изыскует

во граде людей воинских, которые избыша от посечения иноплеменных, и сих изыскует, и жаждущая сердца их утоляет, и наготу их прикрывает, и сими делы собирает воинство не мало. В то же время случися князю Дмитрею Пожарскому быти на селе своем, от разорения Московского избежавшу, понеже ранен бысть и от тое раны закосневшу ему на селе своем; той же Козма, слышав о нем, посылает послов своих и молит его, дабы ехал в великий Новград Нижней, и поручает ему все собранное воинство. Той же князь Дмитрей прошения их радостно восприемлет и делу толикия вещи направляет собя охотно; прииде во град и прият бысть тамо честно, и посем воинство пространнее собирает, и поидоша с ними во град Ярославль, и ту стояху время не мало; и умножися воинство велие зело. Той же Козма, о своем зеле непрестанно попечение имея, во все грады Росийскаго царства посылает, и сребра множество собирает, и раздает воинству в требование им. И тако поидоша с воинством под царствующий град и положися обозами з другую страну града, за Орбацкими враты [Арбатскими воротами].

В то же время паки приходит прежереченный гетман Хаткеевич со множеством воин от земли своея и разъярися зело, уповая отженути московское воинество от стен грацких мощию своею, своих же свободных учинити покушается; скачет по полком всюду, аки лев рыкая на своих, повелевает крепце напрязати оружие на враги своя. Московского же воинства воевода и началник, князь Дмитрей Михайлович Пожарской, со всеми полки своими приходит на брань; и так брань смертную спускают. Тамо убивство велие, тамо же велие низлагание! Со обою страну бысть ополчение жестокое: друг на друга направляюще кони своя, и поражением смертоносным уязвляютца; свищут стрелы по аеру, сокрушаютца копия, падают трупия мертвых семо и овамо. Помалу же поляцы силу восхищают и усты меча гонят, москвичи же поля оставляют и вспять итти понуждаютца. В то же время началный воевода и властель, князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой, от свою страну с полки своими и с казацы приходит на брань, и тако преновляетца брань: бысть гром велий от стреляния пищалнаго, и молния яко с небес блистаяся, и тако брань плит жесточайшая. Московстии же воини пришествием их преновляютца, и аки свежи быша, и велемощно оружия своя напрягают, и смертне врагов своих уязвляют, силу восхищают и усты меча гонят. Поляцы же, хотят

ли, не хотят ли, хребет дают и давшеся бегству; москвичи же вослед женуша немало, даже и до шатров; нашедши нощи преста брань. Наутрие же гетман и началный воевода полсково народу пан Хоткеевич, видев московсково народу собрание велие и изрядное их ополчение, помышляше на долг час и поидоша воспят, граду же помощи учинити не возмогоша.

Плачютца во граде поляцы всех своих падений и ниоткуду надежею уповати имеху; и оскудевшу брашны, даже и до того доиде, яко всяко скверно и нечисто вкушаху и сами себя татебно побиваху и друг друга снедаху; и посем ослабевшу от глада и изомроша мнози. Пленныи же сущии московстии, вкупе же и всех людей, мужие, и жен, и отроковиц чюдных, последняго ради невзгодия своего, от насилованныя рукы своея учиниша, и врата градцкия им отвориша; они же, яко пленницы, до станов московскаго воинства приходят, и ту койждо со своими познаваетца и в домех их обитают. Воеводы же и началницы московского собрания, видев враги своя оскудеваемы, повелевают в рог трубити и на град Китай мужески нападают, и хоругви по стенам градцким простирают, и по лестницам войска входят, и тако взяту бывшу тому граду Китаю; и елико в нем людей обретают, и тако мечем погубляют и сокровища их грабят. Поляцы же устремления москвичь подняти не могут, бегут до внутренняго града, превысоково Кремля, и тамо врата утвержают жестокими запоры; московстии же воини, яко лвы рыкая, скорят ко вратом градцким превысоково Кремля, уповая отомщения врагом своим немедленно воздати.

И тако ужасни быша поляцы и не возмогоша оружия своя подняти, стены градцкия оставляют и бегают семо и овамо, и недоумеваяся, какобы от посекаемаго меча могли избыти. И тако снидошася вкупе на уреченное место на площади все воинство; посреди же их стоит началный воевода и властель пан Струс, муж великие храбрости и многово разсуждения. Сей же Струс, помаав рукою, и повеле им молчати, и отверз уста своя, глаголаша: «Мужие полсково народу, полковницы и ротмистры славново рыцерства в крузе настоящаго сего собрания! Весте сами настоящую сию беду нашу, яко сопротивным нам московского собрания преодолети не возмогохом, множества ради храбрых: мнози полковницы и ротмистры со множеством

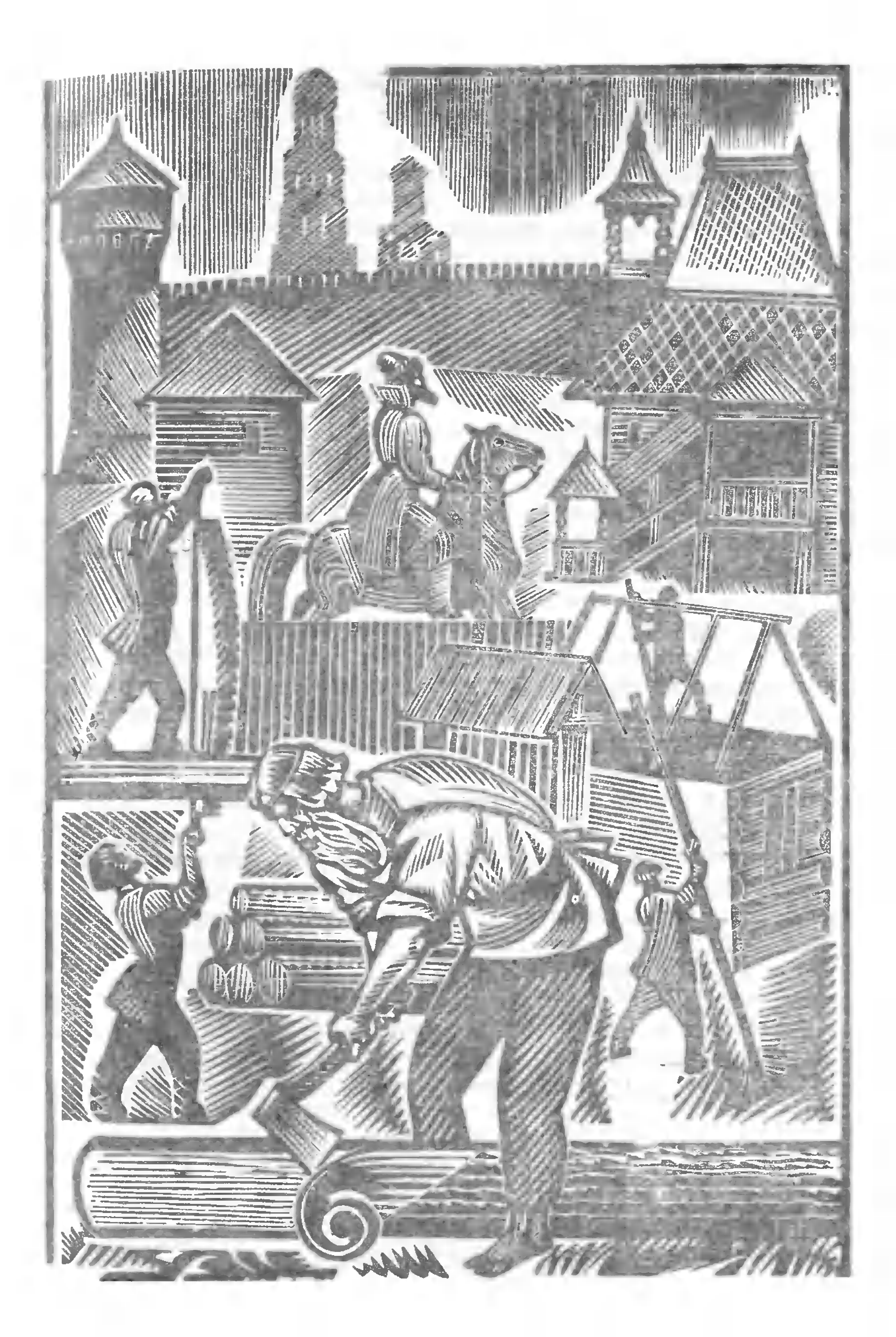
вопн и сам великий гетман пан Хоткеевич пособие нам подаваху,— они же сего никако ужасахуся, мужески противу нас ополчение творяху и в силе крепости меча своего всегда собрание наше посечаху. Ныне же последнее невзгодие видим и плачемся своих падений, яко враги наша у врат градцких предстоят и уповая отомстити вскоре наносимыя от нас тяжкия им беды; нам же от глада ослабевшим, и ни от коею страну помощи чаем имети. Уже кончина приходит, и посекаемый мечь уже готов бысть! Подайте ми совет благ, да како избыти можем от немилостиваго сего кровава меча враг наших, понеже даже не воскипел во крови нашей?» Поляцы же вси единодушно воздвигоша гласы своя, да пошлютца послы к воеводам и властелям московского воинства просити от них милости, да не предадут их горкия смерти; и на том утвердиша слово. И посылают послов за стены града до воевод московских просити милости от них. Воеводы же и началницы московского воинства послов грацких восприемлют и пришествия их испытуют; они же посолства своего дело возвещают и, к ногам властелинским припадая, молят, дабы гнев свой превратили на милость и не свели бы душь их с кровию во ад. Воеводы же и началницы московского собрания на милость уклоняютца и обещание им дают, да в сохранении живота своего вси пребудут от меча их; и на сем утвердиша слово. Поляцы же радостны во град возвращаютца и поведают вся бывшая; они же возрадовашася радостию велиею зело, врата граду отворяют.

Началницы же и воеводы московскаго воинства во град входят, и к соборной апостольской церкви пресвятые Богородицы приступают, и пред чюдотворною иконою Владимерскою припадают, и от радости многи слезы проливают. Посем приходят во царския полаты, и созывают к себе началников полских и московских изменников, и испытуют их о царьских многолетных сокровищах; они же им вся поведают, оставшая сокровища от похищения вся собирают. Посем началницы московстии повелевают воеводу и властелина полсково народу пана Струса утвердити за крепкими стражи; и иных началников и воевод полсково народу, вкупе же и все воинство, за приставы утвердиша, овых же во окрестныя грады розослаша; смерти же их по обещанию не предаша. По совершении же дела сего воеводы и властели, вкупе же и весь народ царствующего града Москвы, воздаша хвалу богу и пречистей его мате-

ри, пред чюдотворною иконою молебное пение воспеша и уставиша праздник торжественный празновати о таковой дивной победе; даже и доныне празднують людие, да незабвенна будет милость божия в преходящия роды.

Посем же повелевают началницы и властели во все грады московского царства посылати писание, дабы людие снималися во царствующий град Москву о избрании царском. В мале же времени собрашася людие от всех градов во царствующий град Москву и ту советуют, да изберетца царь на царство; и тако бысть по многие дни собрание людем, дела же толикия вещи утвердити не возмогут. Во единый же день снидошася вси людие в сонм едину по обычею своему, и начаша сетовати, и завещание пологают, да не отступят от места сего, преже даже не изберетца царь Московскому царству. И помышляше на долг час, и посем отверзают уста своя, единогласно вси народи вопияху, да помажут на царство царя Михаила, сына прежебывшаго великаго боярина Федора Никитича Романова. Той же великий болярин Федор единокровен бысть прежебывшему великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, по успении его много пострада от царя Бориса и заточен бысть, тамо же и облечен во мнишеский образ; по смерти же царя Бориса возведен бысть на святительский престол во граде Ростове. От сего же Федора изыде сей богоизбранный царь Михаил, юноша зело млад бысть; и в тыя дни, когда же избран бысть на царский престол, богом направляем, царский скифетр приемлет и венец державный на главу свою возлагает; и помазуют его миром во царствующем граде, во пречестным храме пресвятыя богородица честнаго и славнаго ея Успения. И тако возрадовахуся вси людие радостию велиею зело и от скорби бывшия уповаху утешитися о нем, хваля всещедраго бога, иже не херувимех седяй и на смиренныя призирая и на боящихся его велия щедроты своя изливая.

Сему писанию конец предлагаем,
Дела толикие вещи во веки не забываем,
Настояшаго изыскуем,
В пространную сию историю сия напнсуем.
Словеса писанию превосходят в конец,
Ум человечь нихто же може́ть исповесть.



Написание вкратце о царех Московских, о образех их, и о возрасте, и о нравех

Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты; муж чюднаго разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данныя ему, жестосерд велми, и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени, и многия святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жен и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван многая блага сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше. Таков бо бе царь Иван.

Царь же Федор возрастом мал бе, образ постничества нося, смирением обложен, о душевней вещи попечение имея, на молитве всегда предстоя и нищим требующая подая; о мирских ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении. От младенства даже и до конца живота своего тако пребысть, за сие же спасение дело его бог царство его миром огради, и враги под нозе его покори, и время благоутешно подаде. Таков бе царь Федор.

Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея; муж зело чюден, в разсужении ума доволен и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив, и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяше. Едино же имея неисправление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание; и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие восприят.

Царевичь Федор, сын царя Бориса, отроча зело чюдно, благолепием цветуще, яко цвет дивный на селе, от бога преукрашен, яко крин в поли цветущи; очи имея великы черны, лице же ему бело, млечною белостию блистаяся, возрастом среду имея, телом изообилен. Научен же бе от отца своего книжному почитанию, и во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда

же изо уст его исхождаше; о вере же и поучении книжном со усердием прилежа.

Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица сущи, отроковица чюднаго домышления, зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зелною; бровми союзна, телом изообилна, млечною белостию облиянна; возрастом ни высока, ни ниска; власы имея черны, велики, аки трубы, по плещам лежаху. Во всех женах благочиннийша и писанию книжному навычна, многим цветяше благоречием, воистинну во всех своих делех чредима; гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне желаше.

Ростригa же возрастом мал, груди имея широкы, мышцы толсты; лице же свое имея не царсково достояния, препростое обличие имея, и все тело его велми помраченно. Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское рыстание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше.

Царь Василей возрастом мал, образом же нелепым, очи подслепы имея; книжному поучению доволен и в разсужении ума зело смыслен; скуп велми и неподатлив; ко единым же к тем тщание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицем восприимаше и в сладость их послушати желаше; и к волхвованию прилежаше, а о всех своих не радяше.

Начало виршем,
Мятежным вещем,
Их же разумно прочитаем
И слагателя книги сей потом уразумеваем.
Изложенна бысть сия летописная книга
О похожении чюдовского мниха.
Понеже бо он бысть убогий черпец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие Росии возмутил
И диядиму царскую на плещах своих носил.
Есть бо то во очию нашею дивно,
Предложим писанием, чтобы во веки незабытно,
И наши приклады в книги сей имаем.
И того в забытии не оставляем.
Тогда бо мятежные времена были,
И славные роды отечества своего отступили.
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем
И предъидущий род воспоминанием удивляем.

Посем предние строки углядаем
И трудолюбца дела сего познаваем:
Есть же книги сей слагатай,
Сын предиреченнаго князя Михаила,
роду Ростовского сходатай,
Понеже бо он сам сие существенно видел.
И иные бо вещи от изыщных без прикладно слышел;
Елико чего изыскал,
Толико сего и написал.
Всяк бо чтый да разумевает
И дела толикие вещи не забывает.
Сие писание в конец приети едва возмогох.
И в труде своем никоея же ползы обретох.

Повесть о начале царствующего града Москвы

Лето 6889-го [1380 г.], октября в 29 день во Володимере-граде по державе князя Владимера державствовал князь Андрей Александрович Невский, а во граде Суздале державствовал князь Данил Александрович Невский.

Почему было государству Московскому царству быти и кто то знает, что Москве государством слыти?

Были на сем месте по Москве-реке села красныя, хорошия, болярина Кучка Стефана Ивановича. И были у Кучки два сына красны зело; не бысть таких красных юношей во всей Российской земли. И сведа про них князь Данил Суздальский и проси у Кучки болярина князь Данил сынов его к себе во двор с великим прением. И глагола ему: «Аще не дашь мне сынов своих во двор мой, и аз на тя прииду с воинством и тебя велю мечю предати, а села твоя красныя огню предам». И болярин Кучко Стефан Иванович, убояся страха князя Данила Александровича, и отдаде сынов своих обоих князю Данилу Суздальскому. И те два брата князю Данилу полюбилися, и нача их князь Данил любить и жаловати, единого пожаловал в стольники, а другаго пожаловал в чашники. Теже два брата полюбилися князя Данила жене его княгине Улите Юрьевне, и уязви ю враг на тех юнош блудною страстию, возлюби бо красоту лица их, и дияволим разжением смесися с ними любезно. И умыслиша они со княгинею, какобы им предати князя Данила смерти. И начаша звати князя Данила в поле, еже обычай бывает ездить утешения ради, смотреть зверска лова зайцев. И бысть ему на поле, и егда въехавшу в дебрии, и нача они Кучковичи

предавати его злой смерти. И князь Данил ускочив от них на коне своем в чашшу леса, часты бо леса. И бежа от них подле Оки-реки, оставя коня своего. Они же злии убийцы, аки волцы люти, напрасно хотя восхитити его. И сами быша ужаснии, много же искавше его и не обретоша, но токмо нашедше коня его.

Князь же добежав с нуждею до перевозу и не имея, что дати перевозчику, токмо бе у него на руке перстень злат; и тот перстень обещается дати за перевоз. Перевощик же глаголаше к ему: «Лихо де вы люди обманчивы, как де вас перевезешь реку, и вы де, не дав перевозку, так и уходите». А узнал его перевощик, что он князь Данил Александрович.

Он же обещался, что дасть тот перстень золотой за перевоз, аще перевезет его Оку-реку. Перевощик, приехав близь к берегу от другия страны Оки-реки, и быв против князя и протяже весло к князю и рече: «Подай мне перстень на весло, перевозного наперед, и аз тя перевезу Оку-реку». Князь же Данило мнев его правдив человеком, и мня не солжет ему, и положи ему на весло преж перевозу перстень свой златой. Перевощик же то взяв на весле от князя перстень к себе и отторжеся от берега в перевоз не за Оку-реку и не перевезе его.

Князь же Данил побеже подле Оки-реки, бояся за собою гонивших людей его. И преиде день той к вечеру темных осенних нощей. И не имею где прикрытися: пусто бе место в дебрии, и по прилучаю найде в той дебрии струбец мал стоит, под ним же прежде погребен бысть ту некоторый мертвы человек. Князь же влезе в струбец тот, закрывся в нем, забыв страх мертваго. И почи ту нощь темную осеннюю утрия.

Сынове же болярина Кучки Стефана быша в сетовании и в великой печали, что упустиша князя Данила жива от рук своих, ранена. И придоша в раскаяние и реша друг ко друга: «Лутче бы нам не мыслити и не творити над князем таковаго дела смертнаго, понеже утече от нас князь Данил ранен во град Владимир к брату своему князю Андрею Александровичю. И приидеть к нам зло князь Андрей с воинством, и будет нам от них принять злая смерть, казнь различная и лютая; а княгине Улите бысть от него повешеной на вратах и зле разстреляне; или в земли до плечи живой бытъ закопаной, что мы напрасно умыслили зло на князя неправедно».

И злая княгиня Улита, наполни ю диявол в сердце

злыя мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки лютую змию ядовитую, распали бо ю сатана на вожделение блудныя тоя похоти, возлюбив бо окаянная малодобрых наложников Кучковых детей и любовников своих; и поведа им вся тайны мужа своего по ряду, глагола: «Есть де у мужа моего пес выжлец. И как де он князь Данил ездить против врагов своих на грозныя побоища, на татар или на крымских людей, приказывает мне, поедя на брань: «Егда я от татар или от крымских людей убит буду, или иным каким случаем приидет мне смерть безвестная, или на бою в трупиях человеческих сыскати и познати меня не можно, или в полон буду взят жив от татар или от крымских людей, и которым путем, в которую землю сведут мя, и ты пошла на взыскание по мне дворян своих с тем псом и вели им пустити того тай перед собою проста [спустить собаку], и самем ехати за ним, и где буду жив сверен, и тоть пес тою дорогою дойдет до меня, или на поле буду мерьтв безвестно, или на бою убит, и во многом трупием человеческом, и образ мой от кровавых ран переменится, или не познают меня, а той пес взыщет меня неложно, и мертвому мне учнеть радоватися и тело мое начнет лизати радостно».

И на утрия та окаянная княгиня Улита, того тай дав тем своим любовником и твердо им приказывает, где вы его с сим псом ни обрящете, и там его скоро смерти и передайте без милости. Они же зли убийцы злаго ума тоя злоядницы княгини Улиты наполнившеся, взявше вскоре того пса, приехавше на место, где князя Даниила ранили, и от того места пустиша наперед себя того пса. Той же пес беже пред ними. Они же за ним скоро ехавше, и бежал той пес по брегу Оки-реки скоро, и набежал он струп, где ухоронился князь Даниил, увидев князя Даниила и нача опашию своею махати, радуяся ему. Те же искали его убийцы, увидевше то пса радующеся и хвостом машуща, скоро скочивше, скрывают покров срупца того и обретоша тут князя Данила Александровича, и скоро князю смерть лютую, мечи и копии прободоша ребра его и ссекоша главу ему, и паки в том же струбец покрыша тела его.

Сей благоверный князь Данил бысть четвертый новый мученик, прият мученическую смерть от прелюбодеев жены своея. В первии мученицы Борис и Глеб убиены быша от брата своего окоянного Святополка, рекомаго Поганополка. Кучковый же дети приехавшие во град Суздаль,

привезоша ризу кровавую великаго князя Даниила Александровича и отдаше ю княгини Улите, жене его князя Даниила, и живяху с нею те убойцы в том же беззаконии любодейном по прежнему.

Не скоро же убо доходит весть во Владимир-град ко князю Андрею Александровичю, что сотворися таковое убийство над братом его князем Даниилом Александровичем. Сыну же его Иоанну Даниловичю, внуку Александрову, оставшемуся младу сущу токмо пяти лет и трех месяцев от рождения его, храняще его и соблюдяше верный раб отца его Давыд Тярдемив.

По смерти же Даниилове пришедшу уже два месяца, и сжалися тот верный слуга Давыд о князеве сыне Иоанне Даниловиче, и взяв его отай нощию, и паде на коня, и гнав с ним скоро ко граду Владимиру, ко князю Андрею Александровичю, к стрыю [дяде] его. И сказав все слуга его тот Давыд по ряду, что сотворилося во граде Суздале над великим князем Даниилом злое таковое убийство под братом его князем Даниилом.

Князь же Андрей сжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимерович по братии своей Борисе и Глебе, на окаянного злаго убийцу Святополка, рекомого Поганополка. И собрав войска себе Ярослав новъгородцов, и бога себе в помощь призвав ратию отмстити кровь праведных братий своих Бориса и Глеба, победи окаянного Святополка. Такоже и сей новый Ярослав, великий князь Андрей Александрович прослезися горце по брате своем князе Даниле Суздальском, и воздесь руце свои на небо, и рече со слезами: «Господи, владыко и творче всех, создателю наш, отмсти кровь праведных Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка, тако, господи и владыко, отмсти кровь сию неповинную брата моего князя Даниила на злых сих блудников и наложников тоя блудницы несытых плотцких блудных скверн кальных похотей, бесовских угодных дел связанных сатанина закона. Святополк бо окаянный братоубийство сотвори, очи его злы прельстишася несытии сребра и злата имения многого, власти и царства сего света на един час насладитися, а небесного царствия во веки отпаде и во дне адове во веки мучение воспринять. Тако же и сия скверная несытая блудница княгиня Улита блуднаго сквернения похоти несытствовала. На един час насладися скверный и не токмо небесного царствия лишися, но и сего света власти, и злато, и сребро, и ризи драгие и многоценныя отринув и

возлюби скверность злую похоть блудную и готовися диявола невеста быти».

И собра князь Андрей во граде Владимере своего войска пять тысящ и поиде ко граду Суздалю, и слышаху во граде Суздале Кучка болярина Стефана дети его, что идет на них из Владимера-града князь Андрей Александрович с воинством своим на отмщение неповинные крови великого князя Даниила Александровича брата своего, и прият тех убийц страх и ужас, что напрасно пролили кровь неповинную, убили господина своего князя Даниила. И не возмогоша стояти оне против князя Андрея ратоватися, и побежаша ко отцу своему болярину Кучку Стефану. Князь Андрей с воинством своим пришел в Суздаль-град. Граждане же суздальцы князю Андрею не воспротивяста ни в чем ему, и покоришася, и глаголюща ему, государю: «Князь Андрей Александрович! Мы тем убийцам не советницы были на смерть брата твоего, а нашего государя великого князя Даниила Александровича, и не приложихомся совету их, но мы веми, яко же на его злую тое смерть ему умыслила с любовники своими Кучковичи, и мы тебе, государь, будем собствовати на тех злых изменников на отмщение великаго государя князя Даниила».

Князь же Андрей повеле княгиню Улиту взять и умучити розными муками и лютыми и предаша злой смерти, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудное дело сотворила, а не устрашилася бога и создателя всех, вельможей и великих людей и не устрамилася, а добрых жен укору и посмеху не постыдилась, мужа своего великого князя Даниила злой смерти предала, и сама окаянная княгиня тую же лютую смерть прияла.

И собрашася суздальского воинства граждане в помощь к великому князю Андрею числом 3000, и поиде князь со всем своим войском на болярина Кучку Стефана и на убийц. И не было у Кучки Стефана боярина круг красных его сел ограды каменныя, ни острога деревянаго, и не возможе Кучко болярин против князя Андрея боем битися. И вскоре князь Андрей всею своею силою емлет приступом села и слободы красныя, а самого Кучку болярина Стефана и сь его детьми в полон взял, и повеле их князь Андрей оковати в железа крепкими, и потом повеле его болярина Стефана казнити, а сынов его лютыми муками умучити разными. И тут Кучко болярин и з детьми своими злейшую кончину восприяша.

В лето 6890 [1382 г.], месяца марта в 17 день князь же

Андрей Александрович отмсти кровь неповинную брата своего великого князя Даниила Александровича Суздальского, победи Кучка болярина Стефана и злых убийц, детей его Стефановых, умучил розным муками и все имение их, злато, и сребро, и богатство разграбив, отослал к себе, а сел и слобод красных не веле разорить. И о том воздал хвалу Христу богу, и богородицы, и всем святым, что дал бог помощь победити и отмстити кровь брата своего Кучка болярина и детей его убийцы и блудников и препочи тут. И на утрии востав и посмотрев по тем красным селам и слободам, и вложи ему бог в сердце, князю Андрею, и те красныя села и слободы ему, князю Андрею, вельми полюбилися, разсмотрев и помышляше во уме своем, како бы ему бог подал помощь еще в том месте граду быти. И воздохнув из глубины сердца своего, воздев руце на небо, моляшеся богу со слезами, и рече: «Боже вседержитель, творче всем и создателю! Прослави, господи, место сие и подаждь помощь, исполни хотение желания моего, еже устроить град на сем месте и возградити святыя церкви». И оттоле князь Андрей сяде в тех красных селах и слободах жительствовати, а во граде Суздале и в Владимире посадил державствовать сына своего Георгия Андреевича, а племянника своего, Иоанна Даниловича, братня сына, к себе взял и воспитал его до возраста его в добром наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович воздвиже церковь Пречистыя богородицы честнаго и славного ея благовещения невелику сущу древяну и бога на помощь себе призывал и пречистую его богоматерь владычицу богородицу. Таже повеле и град основати около тех красных сел по Москве-реке, с ним же пособствовавше суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и окрестныя веси. И тако соверши град божию помощью и богородицы и всех святых устроиша все градное дело в лето 6891-го [1383 г.], июля в 7 день. И оттоле нача именоватися новосозданный град Москва.

Поживе же той благоверный князь Андрей во граде Москве и устрои в нем многия церкви и преставися в лето 6892-го [1384 г.], во граде Москве державствовати благословил племянника своего Иоанна Даниловича. Сыну же его Андрееву Георгию, наричему Юрию Андреевичу, суздальскому и владимирскому, преставлшемуся прежде смерти отца своего Андрея Александровича московского единем летом, но токмо остася у него Георгия наследник по

нем, сын его Димитрий Георгиевич, еще бо малу сущу ему, яко 4 лет и дву месяцев. Той же князь Иоанн Данилович доиде полнаго возраста своего, и дарова ему бог добр разум и премудрость, и бысть благодарствен, и верен, и благочестив, и нищелюбив, аки златы сосуд наполнен добраго и чистаго бисера. И взял к себе Димитрия Юрьевича суздальского и владимерского, сродича своего, и воспита его в добром наказании, а град Суздаль и Владимер под сию же область московскую державствовати прием.

В та же времена при сем владыце верном и благочестивом князе Иоанне Даниловиче московском в лето 813-го марта в 22 день прииде из Киева-града к Москве по божию благоволению преосвященный Петр митрополит, и благослови князя, и нарече его великим князем московским и всея Росии, и пророчествова Петр митрополит о сем граде Москве сице: «Яко по божию благоволению будет град сей царьствующим, велма распространится, и устроится в нем дом всемогущия и живоначальныя святыя троицы и пречистыя его матере пресвятыя богородицы, и церквей божиих буде множество, и монастырей святых безчисленно многое множество, и наричется сей град вторый Иерусалим, и многим державством обладатель, не токмо всею Росиею, но и всеми странами прославится, восточною, и южною, и северною, и пообладает многими ордами до теплого моря и от студеного окияна, и вознесется рука высока богом дарованная отныне и до скончания миру». Князь же великий Иоанн Данилович даде Петру митрополиту пасти церковь божию, престол господа бога спаса нашего Иисуса Христа, дом всемогущия и живоначальныя святыя троицы и пречистыя его богоматере, и поставляется митрополитом московским и всея Росии.

И прославиша вси жители господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистую его богоматерь владычицу богородицу и всех святых, и воздаша хвалу богу в троицы славимому, сотворше молебное пение, и оттоле назвася и прославися имя твое отца и сына и святаго духа, ныне и во вся вещи. Аминь.

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы

И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве государством слыть?

Были тут по Москве-реке села красные, хорошы, боярина Кучка Стефана Ивановича. И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хороших во всей Руской земле. Изведав про них князь Данило Суздальский и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сынов к собе во двор с великим прением. И глагола: «Аще не дашь сынов своих ко мне во двор, и яз де на тобя с войной приду, и тобя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убояся грозы князя Данила Суздальского и отдав сынов обоих своих князю Данилу Суздальскому. И князю же Данилу Суздальскому полюбилися оба сынови Кучковы, почал их любити, и пожалова их — одного в стольники и другаго в чашники[1].

И приглянулись оне Данилове княгине Улите Юрьевне, и уязви дьявол ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольским вожделением зжилися любезно. И здумали извести князя Данила. И мысля Кучка боярина дети со княгинею, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца лову. И поехав князь Данило с ними на поле, и отъехав в дебрии, и нача Кучковы дети предавати злой смерти князя Данила. Князь ускоче на коне своем в рощу, частоте леса, и бежав зле Оку-реку, остав конь свой. Оне же злии, аки волцы лютии, направно хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужасте иска его, и не могоша надти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав зле Оку-реку до перевоза и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Перевозщик глаголаше: «Лихи де вы люди оманчивы, како перевези за реку вас, и удете, не заплатя перевознаго». А не познав его, что князь есть.

Перевозчик же приехавше блиско ко брегу и протянув весло: подай де перстень на весло перевознаго. Князь же возложыв на весло свой перстень злат, перевозщык взяв перстень к собе и отпехнувся в перевозне за Оку-реку и не перевез его.

Князь побеже зле Оку-реку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенних ночей. И не весть, где прикрытися: пусто место в дебрии. И нашед струбец, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влезе в струбец той, закрывся, забыв страсть от мертвого. И почии нощь темну осенную до утрия.

Сынове же боярина Кучка Ивановича быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жыва с побоища ранена: «Лутче было нам не мыслити и не деяти над князем злого дела смертнаго. Ушел де князь Данило ранен от нас в Володимер-град ко брату своему, ко князю Андрею Александровичю, и будеть князь Андрей к нам за то с войским, и принят будет от них злая казнь розноличная и смерть лютая, а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ространой, или в землю по плечь жывой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно».

Злая же та княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрех и наложников и сказа им, Кучковым детям, своим любовником, все по ряду: «Есть де у нас пес выжлец. И как князь Данило поежжает на грозные побоища против тотаровей и крымских людей, и заказывает мне поедучи: «Либо де я от тотаровей или от крымских людей убит буду, или на поле случитце мне смерть безвестная и в трупу человечье меня сыскать или опознать будет немошно, или и в полон возмут жыва меня тотаровя, и которой дорогой в кою страну свезут меня жыва в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем псом выжлетом, и вели им пусти пса того наперед проста и за ним самим ехати, и где будет я жыв свезен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертв без висти, или на побоище убит

в трупу многаго человечья, и образ у меня у мертваго от кровавых ран переиначитце, не познать меня, и тот пес сыщет без оманки меня и мертвому мне почнет радоватися, а мертвое мое тело почнет лизать на радосте».

И на утрии княгиня Улита того пса выжлеца дав им, своим любовником, и твердо им наказывала: «Где вы его, князя, со псом сыщете жыва, и тут ему скоро и смерти предайте без милости». Они же, злии, злаго ума от тоя злоядницы княгины Улиты наполнились, взяв пса того, и доехав того места, где князя Данила вчера ранили, и с того места пустиша напред себя пса выжлеца. И пес побеже, а они за ним скоро ехаша. И побежав пес зле Окуреку, и добежав до того струпца упокойнаго, где ухоронися князь, и забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоватись ласково. Теже искомыи его увидевше пса радующеся и хвостом машуще и, скоро скоча, скрывают покров струбца того, и нашли тут князя Данила Александровича. И скоро ту князю смерть дают лютую, мечи и копьи прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша тело его.

Той же благоверный князь Данило Александрович бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодеяний жены своие. Первыи мученики, Борис, и Глеб, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганогополка. Кучковы же дети приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгини его, и немного жыша со княгиной той в бесовском вожделением, сотониным законом связавшися, удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодевствии.

Но скоро доходит весть в Володимер-град ко князю Андрею Александровичю, что здеяся таковое злоубивствие над братом его Данилом. Сыне же его, Ивану Даниловичю, внуку Александрову, остася младу сушу, но токмо пяти лет и трех месяц, и храняше его и соблюде его верный слуга бысть князю Данилу, именем Давыд Тярдемив, хранявше его втаи два месяца. И зжалися той верный слуга Давыд о княже сыне Иване, и взяв его отай нощию, и паде на конь, и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрею Александровичю, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той Давыд князю Андрею все

по ряду бывшое, что во граде Суздале содеяся злоубивствие над братом его Данилом.

Князь же Андрей зжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимерович по братьи своей, по Борисе, и Глебе, и по Святославе, на окаяннаго злаго братоубийца Святополка, нарекомого Поганогополка. И собра Ярослав новгородцев войска, и бога собе в помощь призывая, и шед ратию, и отмстив кровь праведну братьи своей, Бориса, и Глеба, и Святослава, победив окаянного Святополка Поганогополка. Такоже сий новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезився горце по брате своей, князе Даниле Суздальском, и воздев руце на небо, и рече со слезами: «Господи, владыко, творце и всему создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Такоже, господи, владыко, мсти кровь сию неповинную, мне, грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложников тоя... Улитки, несытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дел, связанья их сотонина закона. Святополк окаянный братоубивство сотворив, очи его злыи прельстися несытии сребра, и злата, и имения многаго, власть царствати сего света на един час восхотев, а небеснаго царства во веки отринух, а во дне адове вовеки мучение возлюбив. Тако же и та... Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти несытовство всласть на един час в бескорывство приим, не токмо небеснаго царьства отринувся, но и сего света власть, и злато, и сребро, и ризы многоценныя отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, несытость, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева, похоть скверную вылья, невеста готовитце окаянному Святополку во дне адове, от сотаны дьявола закон приемлют вовеки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволя».

И собра князь Андрей в Володимере-граде своего войска пять тысящь и поиде ко граду Суздалю. И слышав во граде Суздале Кучка боярина Стефана Ивановича дети, что идет на них из Володимера-града князь Андрей с войским, и обыде их страх и ужасть, что напрасно пролия кровь неповинную. И не возмогоша стати противо князя Андрея ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичю. Князь же Андрей своим воинством пришед в Суздаль-град. Суздальцы же не противи-

шася ему, но токмо покоришася ему, глаголюще: «Государю князь Андрей Александрович, мы бо не советники государю своему убоица князю Данилу, но не вемыи, что жена его злую смерть ему в кий час получи, и можем тобе, князю Андрею, пособьствовати на злых тех изменников». И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предаде ея смерти лютое, что она, злая, таковаго безпутства, детеля бога не убояшася и вельможь, всяких людей не усрамишась, а от добрых жен укору и посмеху не постыдешася, мужа своего злой смерти предала и сама ту же злую смерть прия.

И собрався суздальцев три тысячи войска ко князю Андрею пособъствовати, и поидоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменныя, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его. Кучка боярина и с его детми в полон емлет. И куют их в железа крепкие, и казнят его и з детми его всякими казнями розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злую смерть приять в лето 6797 [1289 г.], месяца марта в 17 день.

Князь же Андрей Александрович отмстив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а детей Кучка боярина и все именье богатства его розграбиша, а сел и слобод красных еще не позжгоша огнем. И воздаде славу богу на радосте, и почии ту до утрия. И на утрии востав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложы бог в сердце князю Андрею мысль: те села и слободы добре ему красны полюбилися, и мысли во уме своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився богу со слезами, и возрев на небо, и рече: «Боже вседержителю, творче и всему создатель, просвяти, господи, место сие, уподобися граду быти и церквам божиим, подаж ми, господи, помощь хотения мысли моея устроити». И оттоле князь Андрей седе в тех красных селах и слободах жительствовати, во граде же Суздале и в Володимере посажая державъствовати сына своего Георгия, а племника своего, брату сына, Ивана Даниловича, к собе взяв и воспитав его до возраста в добре наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович созижде церковь святыя богородицы честнаго и славнаго ея

Благовещенья, но невелику сущи, древянную, и бога в помощь собе призывающи и пречистую его богоматерь. Таже нача и град основати около тех красных сел по Москве-реке, бога собе в помощь призывая, с ним же пособствова суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрастные. Ту и соверши град божию помощию, и устрои, и башни здела, и все градное устрои в лета 6799 [1291 г.], месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона. И оттоле нача именоватися и прославися град той Москва.

Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия

Глава 1

О царех, и царицах, и о царевичах, и о царевнах, и о женитбе царской, каким обычаем бывает веселие

1. Великий князь Иван Васильевич Московскии Гордыи, со многими своими князи и з боляры ходил войною со многими войски под Казаьское, и Астраханское, и Сибирское царствы, божиим изволением пленил тех царств царей, с их государствы и з землями, и поселил в тех государствах и землях многих людей християн, для укрепления. И с того времяни учинился он, великии князь, над Московским государством, и над теми взятыми царствы и над прежними княжствы, царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии; и таковым обычаем в Российской земле началося царствование.

Княжествовавше же той великий князь, и потом царствова, правивше государство свое в ярости и во злобе силне, тиранским обычаем, и имеяй со окрестными государствы войну и розвратие. Когда ж ему не случися быти со окрестными государствы в розвратии, и тогда пленил подданных своих, единоверных християн, и многи мучителства над князи, и боляры своими, и простыми людми показа; понеже и сына своего смири на оный свет, пробиша его осном своим, и единаго митрополита повеле задушити подушкою. Царствова ж той царь, преставися.

2. По смерти же того царя на Московском царстве учинился царем сын его царевич Феодор Иванович; а другому сыну его, царевичю Димитрию, с материю его дан был в удел город Углеч с уездом. Бысть же той царь и великии князь Феодор Иванович всея Русии на Московском государстве зело тих и боголюбив, не таков, яко отец его, и некоторого велможу, зовомаго Борис Годунов, перваго

конюшего боярина, учинил над государством своим во всяких делах правителем, а сам предался смирению и на молитву... Той же боярин правивше государство неединолетно, обогатися зело. Проклятый же и лукавыи сотана, искони ненавидяй рода человеча, возмути его разум, всем бо имением, богатством и честию исполнен, но еще несовершенно удоволен, понеж житие и власть имеяй царскую, славою ж несть. И дияволим научением мыслил той боярин учинитись царем, и чрез какой бы обычай; и с единомышленными своими умыслили послати некоторых людей во град Углеч, обещая им великую честь и богатство, чтоб они царского брата царевича Димитриа убили. Те же посланные люди, по повелению его, то и сотворили, пререзали тому царевичю гортань: и того ж времяни и самих их забойцов гражане побили. И как ему, боярину, ведомо учинилось, что по его мысли все совершилось, велми радостен бысть: и скоро о смерти его царю объявил, что тот его брат, играя с младенцами своими, убился сам. Царь же, уведав о том, велми опечалился, и очей своих ни на един час от слез не осушил, и умыслил ехать тело брата своего погребсти и проведать, каким обычаем ему смерть учинилась. Той же Борис Годунов послал во град Углеч многих людей, и по дорогам поставил заставы под смертною казнию, чтоб никто о том убиении подлинные ведомости не сказал, но чтоб сказывали все по его приказу, как он об нем сказал царю. Так же которые писма от матери его царской будет писаны к царю, приносили б к нему. Царю ж на погребение брата своего с Москвы ехавшу, и бывшу у Троицы, в первом Московском монастыре, от Москвы 60 верст, и тот злоумышленный болярин велел на Москве дворы зажигати и грабити и людей побивати; и от того учинилося великое смятение, и кроворазлитие, и пожар по всей Москве. Он же, боярин, прииде к царю и поведа, что на Москве учинилося великое смятение и пожар, чтоб он возвратился к Москве, а брата своего приказал погребсти без себя; понеже, его приездом, оживления ему не будет. Царь же, послушав его, то и сотворил. И которые люди посланы были от него, боярина, по городом, и на заставы, и к Москве дворов зажигати, дворы их всех погорели; той же боярин, страшась тех людей, чтобы на него чего не объявили и его чего не учинили, давал им из своей и из царской казны множество имения и богатства. Царствова же той царь по смерти брата своего в печали немнога лета, преставися.

3. По смерти же того царя на Московском царстве учинился царем той боярин Борис Годунов, и царства его было немнога лета. И после того в Росииском царстве начало быть в людях смятение и неприятелское нахождение свыше прежнего. И в те смутные времена, из некоторого монастыря черной дьякон покиня свое черное платье, был в Полше у Сердомирского за челядника и назвался царевичем, Димитрием, царя Ивана Васильевича сыном; и в скором времяни, чрез многой свой умысл и через допоможение полских войск, достал Московское государство под свое владенье и был царем; а того Сендомирского дочь взял за себя. И в то время его многие люди узнали, что он не прямой царевич Димитрии, вор Гришка Отрепьев, который был черньцем; однако не смели против него ничего говорить. А как начал царствовать, и в Росииском государстве учал было заводить вновь веру папижскую, и греческия церкви переделывать в костелы лятцкие, и многие пакости чинил,— и ему того не потерпели бояре и всякого чину люди, умышляли, чем бы такого воровского царя искоренить. И по их замыслу скоро то и совершилось: каковым обычаем достал он себе царство вскоре и царствовал неистинно, и такова ему скоро смерть учинилась. Поляков же и Литву, которые были при том лживом царе и в городех, начали их побивати и из Московского государства выбили в свое государство; и от того с короною полскою и с Литвою ноипаче была война. А по том царе и иные такие ж воры, пролыгався, называлися царевичем Димитрием; и таким людем по замыслам их и конец им был таков же.

4. По смерти же того вора, лживого царя на Московском царстве был некто из боляр, роду великого Шуйских, царь и великии князь Василей Иванович; и при царстве его с поляки и с Литвою потомуж бысть война. И царствова той царь, преставися.

5. По смерти же того царя учинился царем, племене царского по роду Романовых, царь и великии князь Михайло Феодорович, всеа Русии самодержец. Присвоение ж имея к царю Ивану Васильевичю такое: понеже роду их, Романовых, за царем Иваном Васильевичем была Настасея Романовна, а у ней был брат родной боярин Никита Романович, и от того се брата родилися два сына, Федор да Иван, и от Федора родился Михайло Феодорович, который был царем. С начала ж царствования его еще с поляцы войне от кроворазлития престати не минуша.

И бысть при царе Василии Ивановиче и при царе Михаиле Феодоровиче война с поляки велия, мало государству не опустети. Царю ж и великому князю Михайлу Феодоровичю от кроворазлития християнского успокоившуся, правивше государство свое тихо и благополучне. Отец же его Феодор, во иноческом чину Филарет, при его царстве бысть в Московском государстве патриархом. Бысть же у того царя два сына: царевич Алексей Михайлович, и той бе зело тих был в возрасте своем, как и отец; вторый же Димитрии[1], с младенческих лет велми был жесток, уродился нравом прадеда своего, первого московского царя. Людие же роду великого и среднего, которые блиски приходити к царю и к царевичам, мысляше о нем, что еще в младых суще летех зла творит много, понеже по смерти отца своего наипаче болше зла творити начнет, усмотривше времяни час, упоиша его отравами; и от того скончася, никто же о том домыслися, якобы пришел ему час смерти. И царствова той царь во успокоении, преставися.

6. По смерти же его осталися: сын его царевич Алексеи Михайлович да три тщери царевны. И мало время минувше, патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь духовный чин соборовали, и бояре, и околничие, и думные люди, и дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые и всяких чинов люди, и чернь, после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешняго царя, и учинили коронование в соборной болшой первой церкве и молили бога. А когда царя коронуют, и в то время бывает ему помазание елеом, и потому имянуется помазанник. И после того власти, и бояре, и ближние, и всяких чинов люди на государстве его поздравляли. И по поздравлению патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и иныя власти царя благословляли образами и подносили хлебы, и бархаты, и объяри, и отласы, и камки золотые и простые, и соболи, и серебряныя сосуды; а бояре, и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жилцы, и полковники, и дворяне, и дети боярские городовые, и гости, и служилые люди дарили против тогож, что и власти; а сотенные, и торговые, и из городов посадцкие люди подносили хлебы с солью и дарили против такого ж обычая, у кого что прилучилося; а было тех дворян, и детей боярских, и посадцких людей для того обрания человека по два из города. И потом у царя на властей, и на бояр, и на всяких чинов людей были пиры. И после того времяни

царь с патриархом советовал и со властми, и з бояры, и з думными людми говорил, чтоб ему сочетатися законным браком: и патриарх и власти на такое доброе дело к сочетанию законныя любви благословили, а бояре и думные люди приговорили. И сведав царь у некоторого своего ближнего человека дочь[2], девицу добру ростом и красотою и разумом исполнену, велел взяти к себе на двор, и отдати в бережение к сестрам своим царевнам, и честь над нею велел держати, яко и над сестрами своими царевнами, доколе збудется веселие и радость. И искони в Росииской земле лукавыи дьявол всеял плевелы свои: аще человек хотя мало приидет в славу, и честь, и в богатство, возненавидети не могут. У некоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об них к женидбе ни об единой мысль не пришла. И тех девиц матери и сестры, которые жили у царевен, завидуя о том, умыслили учинить над тою обранною царевною чтоб извести, для того: надеялися, что по ней возмет царь дочь за себя которого иного великого боярина или ближнего человека; и скоро то и сотворили, упоиша ея отравами. Царь же о том велми печален был и многа дни лишен был яди; и потом не мыслил ни о каких высокородных девицах, понеже познал о том, что то учинилося по ненависти и зависти. И после того времяни случися ему быти в церкве, где коронован, и узре некоторого московского дворянина Ильи Милославского две дочери[3] в церкве стоят на молитве, послал по некоторых девиц к себе на двор, велел им того дворянина едину мнейшую дочь взяти к себе в Верх; а как пение совершилось, и в то время царь, пришед в свои хоромы, тое девицы смотрил и возлюбил, и нарек царевною, и в соблюдение предаде ея сестрам своим, и возложиша на нее царское одеяние, и поставил к ней для оберегания жен верных и богобоязливых, дондеже приспеет час женидбы.

7. Царю ж, отложивше всякие государственные и земские дела правити и росправу чинити, почал с своими князи, и бояры, и околничими, и думными людми мыслити о женидбе своей, кого из бояр, и из думных, и из ближних людей, и из их жен обрати в какой свадебной чин, во отцово и в матерно место, и в сидячие бояре и в боярыни, и в поезжаня, в тысецкие, и в бояре, и в дружки, и в свахи, и в свещники, и в коровайники, и в конюшенной чин, и в дворецкие. Так же и с царевнину сторону сидячих бояр, и бояронь, и дружек, и свах. И мысля о том многие дни, указал для такия своея царския радости думным дья-

ком росписати на роспись: кому в каком в том свадебном чину бояром, и околничим, и думным, и ближним людем и их женам в чинех же быти, по своему обранию, кого в какой чин излюбил, не по родом и не по чином и не по местом и где кому в каком чину указано быти, и тому по тому и быти, а написав тое роспись, закрепити им же, дьяком, и поднести себе. А свой царской указ бояром, и околничим, и думным, и ближним людем велел сказати при многих людех, чтоб они к тому дни, в которой день у него будет радость, в том чину, кому где указано быть, были готовы без мест, не по роду и не по чином. А как у него будет радость, и в те дни будет кто из них, бояр, и околничих, и думных, и ближних людей, учинят в свадебном деле, породою своею или местами или чином, какую смуту, и в том свадебном деле учинится помешка, и того, за его ослушание и смуту, казнити смертию, безо всякого милосердия, а поместья его и вотчины взяти на царя. Так же и после свадбы никому никого никакими словами о свадебных чинех не поносити и в случай не ставити, кто кого в чину выше не был; а кто кого учнет поносити, а себя высити, и про то сыщется, и тому от царя быти в великой опале в наказании.

8. А бывают свадебные чиновые люди таковы: с царскую сторону, первой чин отец, мать, сидячие, которые бывают за царского отца и мать. 2-й чин поезжаня, протопоп с крестом, тысецкой, и тот тысецкой в поезду болшим человеком; потом царь, 8 человек бояр. И тех поезжан чин таков: бывают с царем и с царицею у венчания в церкве, и за столами сидят выше всех людей. Дружка, подружье, чин их таков: на свадбу созывают гостей, и в свадбе от тысецкого и от царя говорят речи и розсылаются з дарами. Свахи, дружковы жены, чин их таков: царицу укручивают и оберегают и платье надевают и снимают. Свечник: как царицу укручивают перед венчанием, и он в то время держит свечю. Коровайники, которые носят к церкве и от церкви хлеб на носилках, а бывают те носилки обиты бархатом золотным и покрыты пеленою шитою да соболми. Конюшей с своим чином. Третей чин сидячие бояре и боярыни, по 12 человек мужского полу и женского, которые сидят гостми за столами, с царским отцом и с матерью вместе, а в церковь с царем не ходят. Четвертой чин дворецкой, с своим чином, у поставца у ествы и у питья. С царицыну сторону, первой чин: отец и мать родные; другой чин сидячие бояре и боярыни; 3-й чин

дружка, свахи,— дружкины жены; свечник, коровайники, против такого ж обычая.

Да на свадбе ж кому носити еству и питье, столником пред царя и царицу и во все столы перед чиновных людей, кому где велено быти по росписи: и те б были потомуж без спору.

9. А как приспеет день женидбе царской, и в навечерии того дня бывает у царя стол на бояр и на бояронь и на отца и мать невестиных; и сидят царь с невестою своею за столом, а бояре и боярыни за розными особыми столами. И пред котвою царской духовник протопоп, царя и царевну благословляет крестом и велит им меж себя учинить целование; и потом бояре и боярыни царя и царевну поздравляют обручався. И евши и пив, царь царевну отпустит к сестрам своим, по прежнему; а бояре и их жены розъедутся по домом.

10. И наутрее того дни, в которой быть женитбе, бывает царь в первой соборной церкве и молебствует; и по молебствовании патриарх благословляет царя крестом и кропит водою святою, и царь прикладывается к образом и святых к мощем; а потом благословляетца у патриарха о женидбе своей, и патриарх его благословляет словом. И пойдет царь из церкви в другую соборную ж церковь, где погребены прежние цари, и в то время отправит по мертвых пение, и, учиня у гробов прощение, пойдет к себе.

О чину, как устраивают свадебной чин

11. Первое, полату нарядят, объют бархаты и постелют ковры турские и персицкие болшие; учинят поставят царское место, где сидеть царю и его царевне, и перед ними стол да столы ж, за которыми сидеть бояром и бояроням, и на тех столех положат скатерти да хлеб с солью. А царь в то время устраиваетца во все свое царское одеяние, так же как и при короновании; а новую царевну прикажет нарядити во все царственное ж одеяние, опричь короны, а положат на нее венец девичей; и в то ж время и бояре, и все свадебные чины, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и полковники, и головы, и гости устроятся в золотое одеяние. А как то все устроится, и о том известят царю. И мало время минувше, укажет царь царевнину отцу и матере и всему чину ея половины итти с нею в тое полату войдут, и в то время царевну по-

садят на ее устроенное место, а сами ожидают царского пришествия у своих мест, где устроено им сидеть. И как о том царю ведомо объявится, что они со всем чином в полату пришли и устроилися, и царь скажет духовнику своему протопопу, что ему итти час, и духовник начнет говорить молитву, а царь и чин свадебной молятся образам. И по молитве духовник свадебной чин и царя благословляет крестом, и дружки и свадебной чин благословляются у отца и у матери, которые устроены за царского отца и мать, ехать по новобрачную невесту; и потом и царь благословляется ж, и отец и мать дают благословение словом: «Благослови бог!» И потом пойдут протопоп, и чин, и царь; а перед ними идут коровайники, несут хлеб. А как приходят к той полате, где устроено, и протопоп учнет свадебной чин и царя благословляти крестом, и входит наперед в полату протопоп, и чин, и царь; а царевна в то время и ее чин стоят. А вшед, протопоп, и чин, и царь молятся образом, и потом дружки и поддружья у отца и у матери невестины благословляются новобрачному, и дщери их садитися на место; и они их благословляют словом же. А как царь и царевна сядут на место, на одной подушке, и потом сядут и бояре и весь свадебной чин по своим местом за столы и учнут пред царя и пред царевну, и пред свадебной чин носити есть столники и ставити ествы по одному блюду на стол, а не все вдруг; и в том столе, где сидят бояре и боярыни, ставитца одной ествы блюд по пяти, потому что иные сидят от первых людей один от другого вдали; а как еству испоставят, и в то время, встав, духовник начнет перед ествою говорити молитву «Отче наш», а соверша молитву, садятся по местом; и потом дружки и поддружья учнут благословлятися у отца ж и у матери, новобрачной косу чесати, а протопоп и свадебной чин начнут ести и пити, не для того чтоб досыта наестся, но для чину такого; а пред царя есть ставят и разрезывают и отдают с стола, а он не есть; и в то ж время как у новобрачной косу расчешут, дружки благословляются у отца и у матери новобрачную крутити, и они потомуж благословляют словом. А как начнут косу чесати и укручивати, и в то время царя и царевну закроют покровом, и держат покров свещники; а косу розчесывают свахи и укручивают; да в то ж время пред царем стоит на столе, на болшом блюде, хлеб да сыр, и тот хлеб и сыр начнут резать и класть на торелки, да сверх того хлеба и сыра на те ж торелки кладут дары, ширинки от новобрачной, по

росписи, и подносят напеpeд священнику да отцу и матере невестиным да тысецкому, потом царю, и поезжаням, и сидячим бояром и бояроням, и дружки себе, и свахам, и конюшему, и дворецкому, и чином их, по росписям же. А укрутя, новобрачную покроют покровом тем же, которым были закрыты, а на том покрове вышит крест, а венец девичей бывает снят и отдан в сохранение. Так же и к царскому отцу и матере, и к царевнам, и к сидячим бояром и бояроням, хлеб, и сыр, и дары посылают с невестиным дружкою, а к патриарху белого полотна, сколко доведется; а бывают те дары ширинки тафтяные белые, шиты кругом золотом и серебром, около кисти золото с серебром, а иные золото и серебро с шолком. И после того окручения, из-за третьие討 ествы, протопоп, встав из-за стола, учнет говорити по обеде молитву, и потом дружки у отца и у матери учнут благословлятися, царю с царевню и с поездом итти к венчанью, и они их благословляют; и потом отец и мать царя и новобрачную благословляют образами окладными, обложены золотом с каменьем и з жемчюгом, и потом отец и мать, дочь свою взяв за руку, отдают царю в руки и прощаются. А как пойдут в церковь, и в то время в полате протопоп благословляет коровайников, и священиков, и свадебных людей, и царя, и царевну крестом. А пойдут к венчанию к той церкве, где служит духовник, и где мимо той церкви ходят в Верх к царю, через сени, всех государств послы. И приходя к церкве, також протопоп благословляет крестом всех и потом входит в церковь; а ис полаты царь к церкве идет с царевною вместе и ведет ее за правую руку; и в то время учнут во все колокола звонити, и во всех церквах бога молити о здоровье его царском и о царевнине и о сочетании законного браку. И вшед в церковь, царь и царевна станут среди церкви, блиско олтаря, и постелют под них, на чом стояти, объяри золотной, сколько доведется; и с одну сторону царя держат под руку дружка, а царевну сваха; и протопоп, устрояся во одеяние церковное, начнет их венчати по чину, и в то время царевну открывают; и возлагают на них протопоп венцы церковные, а по венчании подносит им из единаго сосуда пити вина французского красного и снимет с них церковные венцы, и взложат на царя корону. И потом протопоп поучает их, как им жити: жене у мужа быти в послушестве и друг на друга не гневатися, разве некия ради вины, мужу поучити ея слехка жезлом, занеже муж жене, яко глава на церкве, и жили бы в чистоте и в

богобоязни неделю, и среду, и пяток, и все посты постпли, и господьския празникии в которые дни прилучится празновати апостолом и евангалистом иным нарочитым святым, греха не сотворили, и к церкве б божии приходили, и подаяние давали, и со отцем духовным спрашивались почасту, той бо на вся блага научит. А соверша протопоп поучение, царицу возмет за руку и вдает ю мужеви и велит им меж себя учинити целование, и по целовании царицу покроют; и потом протопоп и свадебной чин царя и царицу поздравляют венчався. А по поздравлении протопоп, развлачась, идет ис церкви вон и весь свадебной чин и царь и царица; и в сенях у дверей протопоп против прежняго ж начнет всех благословляти крестом, и идут в царския полаты; и тысецкой дружку посылает, наперед их приходу, к царскому и к царицыну отцем и матерем и к сидячим бояром и боярыням сказати, что царь с царицею венчались в добром здоровье и идут к ним,— и они отвещают, что они пришествия их ожидают; а сказав, дружка воротится и скажет их речи тысецкому. А как царь идет ис церкви в хоромы, и в то время бывает звон во все колокола. Да в то ж время, как царь с царицею венчаются, царской отец и мать и бояре и боярыни сойдутца все вместе, в тое полату, где окручение было. А как царь и свадебной чин входят в полату, и у полаты протопоп благословляет крестом всех, по прежнему ж,— и в то ж время отец и мать царские царя и царицу благословляют образами окладными, и потом отцы и матери и бояре и боярыни царя и царицу поздравляют венчався; и садятца за столы царь с царицею, а бояре и чин свадебной за своими столами, и начнут носити есть, и едят и пьют до тех мест, как принесут еству третьюю лебедя, и поставят на стол. И в то время дружка у отца, и у матери, и у тысецкого, благословляются новобрачному с новобрачною итти опочивать, и они их благословляют словом же. И царь и царица, и отец и мать, и иные немногие люди и жены провожают их до той полаты, где им опочивать, и, проводя, пойдут все прочь, по прежнему, за стол и едят и пьют до тех мест, как от царя ведомо будет.

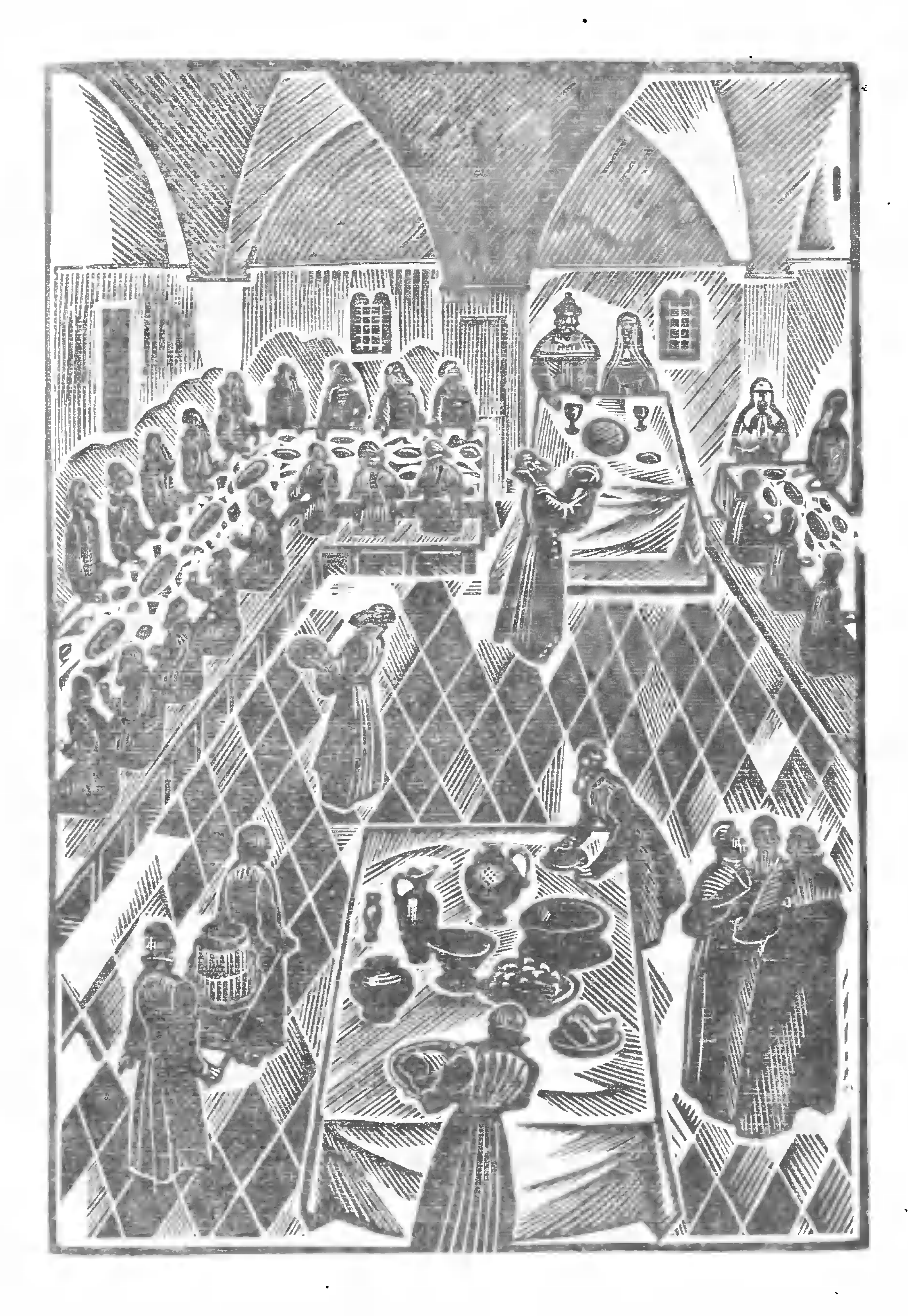
12. А как начнет царь с царицею опочивать, и в то время конюшей ездит около той полаты на коне, выня мечь наголо, и блиско к тому месту никто не проходит; и ездит конюшей во всю ночь до света.

13. И испустя час боевой, отец, и мать, и тысецкой посылают к царю и царице спрашивати о здоровье. И как

дружка, приходя, спрашивает о здоровье, и в то время царь отвещает, что в добром здоровье, будет доброе меж ими совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказывает приходить в другой ряд или и в третие; и дружка потому приходит и спрашивает. И будет доброе меж ими учинилось, скажет царь, что в добром здоровье, и велит к себе быти всему свадебному чину и отцем и матерем, а протопоп не бывает; а когда доброго ничего не учинится, тогда все бояре и свадебной чин розъедутца в печали, не быв у царя.

14. А как свадебной чин приходит к царю, и отцы и матери и весь чин царя и царицу поздравляют сочетався законным браком, и царь жалует, подает им кубками и ковшами питья, и потом и царица подает же; и потом царь велит принесть себе и царице есть лехкое, потому что тот день весь постили, и едят с царицею вместе. А как откушают, и в то время сказывает царь свадебному чину, чтоб они ехали к себе, ина утрее были к обеду, и съезжались бы все преж обеда, а сам с царицею, по прежнему, начнет опочивать.

15. И наутрее того дни царю и царице готовят мылни разные, и ходит царь в мылню, а с ним дружка да постелничей; а как царь выходит из мылни, и в то время возлагают на него срачицу, и порты, и платье иное, а прежнюю срачицу велит сохранити постелничему; а после того слушает царь заутрени, доколе царица в мылни; и как ее в одеяние нарядят, и в то ж время и бояре съезжаются к царю. А как царица пойдет в мылню, и с нею мать и иныя ближния жены и сваха и осматривают ее сорочки; а осмотря сорочки, покажут царской матере и иным сродственным женам немногим, для того, что ее девство в целости совершилось; и те сорочки, царскую и царицину, и простыни, собрав в место, сохранят в тайное место, доколе веселие минется; и потом из мылни выходит в свои полаты. А как царю о том ведомо учинитца, что уж из мылни вышла и по чину изготовилнсь, и в то время царь со всем своим поездом ходит к царице; а царица в то время бывает во всем своем одеянии, и в венце царском; и чиновные люди царя и царицу поздравляют. А потом царица подносит мылные дары царю, и бояром, и всему свадебному чину, сорочки и порты; а бывают те сорочки и порты тяфтяные и полотняные, шиты золотом и серебром. И потом царь с поезжаны ходит к патриарху, и патриарх его благословляет и поздравляет; и от патриарха ходит царь



по церквам своим и молебствует, а по молебствовании прикладывается к образом.

16. А как приспеет обед, и в то время царь и с царицею едят в той же полате, где сперва чин начался, а словет тот стол княжей; и садитца царь с царицею за своим столом на маестатех, а чиновные люди и боярыни в прежних своих местех; и по обеде стагят на стол овощи всякие, сахары, и ягоды, и иные диковинки; и в то время царь и царица и все чины стоят; и сперва царя и царицу отец и мать посаженые, и царевны, и сидячие бояре и боярыни, и тысецкой начнут благословляти образами окладными, и потом царя дарят бархатами, и отласами, и камками, и объярми золотными и серебряными, и соболми, и серебряными кубками; так же и царицу дарят бархатами ж, и отласами, и камками, и объярми, и соболми, и перстми золотыми с каменьем, и сосуды серебряными, у кого что прилучилось; и етчи и пив за здоровья их государские, того дни бояре и все чины розъедутца по домом. Таким же обычаем и на третей день у царя потомуж бывает стол от новобрачной царицы, на бояр же и на свадебной чин, а называетца тот стол княгинин, и обедают противо прежнего ж; а после стола, за овощами, начнут царя и царицу образами благословлять, царицын отец и мать и ее сродичи, и сидячие бояре и боярыни, и дарят против того ж, как и царские чиновные люди; и етчи и пив, потомуж все чины розъедутца по домом.

17. А как то веселие бывает, и на его царском дворе и по сеням играют в трубки и в суренки и бьют в литавры; а на дворех чрез все ночи для светлости зжгут дрова на устроеных местех; а иных игр, и музик, и танцов на царском веселии не бывает никогда.

18. В четвертый же день у царя бывают патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и келари на обеде; и по обеде патриарх и власти царя и царицу благословляют образами и потом дарят против того ж, как и бояре, и те образы и дары у патриарха и у болших властей царь и царица приимают сами, а у иных властей велят принимать. А потом царь и царица подносят им кубками и ковшами питья, и власти, пив за их государское здоровье, розъедутца по домом; и потом к патриарху и ко властем бывают от царя и от царицы милостыня денгами, и подарки полтняные, и подачи ества и питье.

19. Таким же обычаем в иные дни бывают столы на

столников, на стряпчих, на дворян московских, и на гостей, и на сотенных людей старост, и на городовых, выборных посадцких людей; и те люди царю и царице дары подносят против того ж у кого что прилучилося; и те дары царь принимает сам, а царицы в то время не бывает.

20. Попов, и дьяконов, и служебников соборных церквей, и иных кормят на царском дворе не по один день, а иным есть и пить дают в домы; да им же дают денги, что они за их государское здоровье молили бога, по 10 и по 5 рублев и менши, а меншое самое по полтине, смотря по церквам, как кому годовое царские грамоты; соборных и иных церквей попом и дьяконом велят давать молебные денги, против московских вполы, из городцких доходов. Да с Москвы же в городы по монастырем посылаются столники, стряпчие, жилцы с милостыною и с молебными денгами, и кормить чернцов — и дают денги по 5 рублев, и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю, и по полтине и менши человеку чернцу, смотря по человеку, да по полотенцу и по 2 платка; а они против того тех людей благословляют образами и из монастырской казны, чем прилучилось.

21. А по веселии его царском пойдет царь с царицею по Московским монастырем и молебствуют, и кормят чернцов, и дают милостыню: архимаритом, и игуменом, и келарем по 20, и по 15, и по 10 рублев человеку, соборным и рядовым по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю человеку, да по полотенцу, и по два платка. А как царь и царица с монастыря пойдут, и в то время власти з братьею царя и царицу благословляют образами окладными и подносят хлебы. И потом царь и царица ходят по богаделням и по тюрмам и дают милостыню ж; так же и нищим и убогим людем дают по рублю, и по полтине, и менши человеку. И тех денег росходится множество тысечь.

22. Да в то ж время, как царя коронуют и веселие бывает, на Москве и в городех всех воров свобождают на волю, кроме самых великих убийственных дел.

23. А по всей его царской радости жалует царь по царице своей отца ее, а своего тестя, и род их: с ниские степени возведет на высокую, и кто тем не достатен, сподобляет своею царскою казною, а иных розсылает для покормления по воеводствам в городы и на Москве в приказы и дает поместья и вотчины; и они теми поместьями, и вотчинами, и воеводствами, и приказным сиденьем побогатеют.

О покоех царских

24. У царя и у царицы покои свои особые; и видают царицу бояре и ближние люди времянем, а простые люди мало когда видают. И на праздники господския, и в воскресные дни, и в посты царь и царица опочивают в своих покоех порознь; а когда случитца быти опочивать им вместе, и в то время царь по царицу посылает, велит быть к себе спать, или сам к ней похочет быть. А которую нощь опочивают вместе, и наутрее ходят в мылню порознь или водою измыются; а не быв в мылне или не измывся водою, в церковь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех, и не токмо царю и царице, но и простым людем запрещено.

25. Сестры ж царские или тщери царевны имеяй свои особые ж покои разные и живуще, яко пустынницы, мало зряху людей и их люди; но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удоволство имеяй царственное, не имеяй бо себе удоволства такова, как от всемогущаго бога ведано человеком совокуплятися и плод творити. А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояре их есть холопи и в челобитье своем пишутца холопьми, и то поставлено в вечной позор, ежели за раба выдать госпожа; а иных государств за королевичей и за князей давати не повелось для того, что не одной веры, и веры своей отменити не учинят, ставят своей вере в поругание, да и для того, что иных государств языка и политики не знают, и от того б им было в стыд[4].

О рождении царских детей

26. Как приспеет время родитися царевичю, и тогда царица бывает в мылне, а с нею бабка и иные немногие жены, а как родится, и в то время царю учинится ведомо, и посылают по духовника, чтоб дал родилнице, и младенцу, и бабке, и иные при том будучим женам молитву и нарек тому новорожденному младенцу имя; и как духовник даст молитву, и потом в мылню входит царь смотрити новорожденнаго, а не дав молитвы, в мылню не входят и не выходят никто. А даетца новорожденному младенцу имя от того времени, как родитца, счотчи вперед в восмой день, которого святаго день, и ему тож ими и будет. И пошлет царь к патриарху с ведомостью, что подаровал ему

бог царевича, и патриарх скоро идет в церковь, а потом и царь, и молебствуют; а по иным по всем церквам и в монастыри пошлют молебствовать же, и роздают милостыню же нищим и убогим людем; а потом ходит царь по монастырем, и кормит чернцов и дает милостыню ж; так же и в тюрмы и в богаделни посылают милостыню болшую, да ис тюрем же виноватых свобождают, кроме самых великих дел. Да того ж дни, как родится царевич, бывает у царя на патриарха, и на властей, и на бояр родилной стол, а потом на попов и на дьяконов; а стрелцов и иных чинов людей жалует царь, велит поить на погребе питьем. А в городы, к митрополитом, и к архиепископом, и к епископом и к воеводам, и по монастырем посылают столников, и стряпчих, и жильцов с царскими грамотами, чтоб они бога молили за государские здоровья и за новорожденнаго царевича. А как те люди, приехав в городы, чин свой исполнят и грамоты отдадут, и после моления у властей, и у воевод, и в монастырех обедают, а по обеде власти благословляют их образами и дарят, и воеводы дарят же чем прилучитца, и тех даров от властей, и от монастырей, и от воевод бывает им немало: а как приедут они к Москве, и их спрашивают, кто чем дарил, и будет кто подарил скудно, а место или человек богатые, и о том царь бывает гневен, понеже бутто тот человек не рад рождению того царевича. И после того бывают у царя крестины, в которой день ни прилучится, смотря по младенцову здоровью; а крестит того младенца патриарх, а восприемник бывает первого Троицы Сергиева монастыря келарь старец, а кума царевна сестра или свойственная царю и царице. И после крещения бывает на патриарха, и на властей, и на бояр, и на иные чины стол: а после обеда благословляют власти царевича образами, и потом власти, и бояре, и иные чины подносят царевичю дары, и царь у патриарха, и у болших властей, и у бояр образы и дары принимает сам, а у иных менших властей и у менших чинов людей образы и дары велит принимать ближним людем: а царевича в то время не бывает; и пив заздравные чаши, розъедутца по домом. Так же и попом, и дьяконом столы, и стрелцом, и всяких чинов людем питье бывает против того ж, как в рождении. А дается стрелцом, и салдатом, и иным чином питье не по мере; толко когда прилучатся такие дни или празники, и им середи царского двора испоставят ведер по 100 и по 200 в кадях да пива и меду против того вшестеро и всемеро, и кто хочет пить и окроме

стрелцов, и ему пить волно; а з двора к себе никому домов носити не дадут.

27. А как родится царевна, и в рождении ея, и в крещении, и в молебстве бывает против царевича ж; а в ыных домовых статьях и в роздаче денег перед царевичем бывает с убавкою.

28. А на воспитание царевича или царевны выбирают всяких чинов из жон,— жену добрую, и чистую, и млеком сладостну, и здорову, и живет та жена у царицы в Верху на воспитание год; а как год отойдет, или ежели та жена дворянска роду, мужа ее пожалует царь на воеводство в город или вотчину даст; а подъяческая или иного служивого чину, прибавят чести и дадут жалованья немало; а посадцкого человека, и таким потомуж дано будет жалованье немалое, а тягла и податей на царя с мужа ее не емлют по их живот. Да у того ж царевича или у царевны бывают приставлена, для досмотру, мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянка и иные послужницы. А как царевич будет лет пяти и к нему приставят, для бережения и научения, боярина, честью великого, тиха и разумна, а к нему придадут товарыща околничего или думного человека: так же из боярских детей выбирают в слуги и в столники таких же младых, что и царевич. А как приспеет время учити того царевича грамоте, и в учители выбирают учителных людей, тихих и не бражников; а писать учить выбирают ис посолских подьячих; а иным языком, латинскому, греческого, неметцкого и никоторых, кроме руского, научения в Росииском государстве не бывает[5]. И бывают царевичам и царевнам всякому свои хоромы и люди, кому их оберегати, особые. А до 15 лет и болши царевича, окроме тех людей, которые к нему уставлены, и окроме бояр и ближних людей, видети никто не может, таковыи бо есть обычай; а по 15 летех укажу его всем людем, как ходит со отцем своим в церковь и на потехи; а как уведают люди, что уж его объявили, и изо многих городов люди на дивовище ездят смотрити его нарочно.

29. Царевичи же, во младых летех, и царевны, болшие и меншие, внегда случися им итти к церкви, и тогда около их по все стороны несут суконные полы, что люди зрети их не могут, так же как и в церкве стоят, люди видети их не могут же, кроме церковников, а бывают в церкве завешены тафтою: и в то время в церкве, кроме бояр и ближних людей, мало иные люди бывают. А как ездят мо-

литися по монастырем, и тогда каптаны и колымаги их бывают закрыты тафтами ж. А учинены бывают царице и царевнам, для зимние езды, каптаны на санях избушками, обиты бархатом или сукном красным, по обе стороны двери з затворами слюдяными и з завесами тафтяными; а для летние езды колымаги зделаны на рыдванную стать, покрыты сукном же, входят в них по лесницам, а зделаны бывают на колесах просто, как и простая телега, а не так, как бывают кореты висячие на ремнях, и те колымаги и каптаны бывают о дву оглоблях, а дышел не бывает, и лошадей в них запрягают по одной, а потом прибавливают и иные лошади в припряжь.

30. Как бывает празновати поодиножды в году день рождения царского, или царицына, или царевичей и царевен, и того дни у царя на патриарха, и на властей, и на бояр, и на думных людей бывают столы; и после стола патриарх, моля бога, говорит речь заздравную, и пьет чашу наперед сам, потом подает царю и митрополитом и бояром; и пив за царское здоровье, так же и царицыно, и царевичей, царевен, розъедутся по домом.

А до стола, как придет царь к себе, от себя, и от царицы, и от царевичей, и от царевен, которого бывает день, властем, и бояром, и думным, и ближним людем, так же и столником, и дьяком, и полковником, и гостем роздает имянинные калачи: а зделаны те калачи бывают дологие, аршина в два и в три, толщиною в четверть аршина; а попом, и дьяконом, и стрелцом корм и питье, и в тюрмы, и в богаделни милостыня бывает против того ж, как о том выше помянуто. Да в те ж дни, как празнуют их государские имянины, в войне и в городех большие воеводы, и митрополиты, и в монастырех власти делают столы на воинских и на иных людей, и на попов, и на чернцов; а по обеде потомуж пьют заздравные чаши. Так же, в те ж дни, на Москве и в городех всякого чину люди работы никакие не работают, и в рядех не сидят, и свадеб не играют, и мертвым погребения не бывает.

О царевичах, как будут два или три

31. После царя Ивана Васильевича осталися два сына, и един был царем, а другой с материю отделен был, как о том писано выше сего. Ныне же у царя три сына, един приходит в возраст, а другие млады; и при своем животе похочет ли которого женить или отделить. Так же ежели

случится по смерти его быти всем живым, или еще вновь прибудут, а единаго из них оберут царем, а иным таким же ли отделением жити, как сперва началось, или как об них вновь умыслят; и ежели бы им было и отделение, а от них бы розмножились дети, а тем отделением прокормитися им было б скудно и мало: и о том написати немочно, потому что такого образца не бывало. А даютца в удел городы негосударственные; а царств Казанского, и Астраханского, и Сибирского, и государств Владимерского, Новгородцкого и Псковского давати опасаются, понеже чрез великую силу достал первыи царь под свое владение и привел в совокупление; а как бы то дано было, и тогда б они брату своему царю ни в чем не послушны были, а дети б их от них разлучились и стали б жить своим государством, а не послушенством, или б похотели быть у которого иного потентата в подданстве, и от того б приходило до великой смуты.

О преставлении царей, и цариц, и царевичей, и царевен и о погребении их

32. Когда лучится царю от сего света преселитися во оный покой, и тогда пошлют ведомо учинити к патриарху и к бояром; и патриарх тогда пошлет у первыя своея церкви звонити во един колокол, изредка, чтоб все люди ведали; а потом патриарх идет в церковь и отпевает по мертвом великии канон; а бояре, и думные, и ближние люди нарядятца в чорное платье, поедут на царской двор и у царского тела прощаются; и того ж дни царя измывают теплою водою и, возложа на него срачицу, и порты, и все царское одеяние, и корону, положат во гроб: а бывает тот гроб деревяной, в середи обито бархатом вишневым, а сверху чargвчатым; и стоит его царское тело в его царской церкве, которая устроена пред покоями его, до тех мест, как будет погребение; и до 6 недель у гроба его говорят церковные дьяки денно и нощно псалтырь с молитвами. А на Москве и в городы, по всем монастырем и по церквам, прикажут чинити по царе до шти недель поминание, и поставляти кутию по вся дни, кроме воскресения и болших праздников; и посылают на Москве в монастыри и по церквам на поминание денги, а в городех в монастыри и по церквам на поминание денги дают из городцких доходов, против московских вполы. Да в городы ж к митрополитом, и к архиепископом, и к епископом, и в монастыри

к архимаритом и к игуменом посылает патриарх грамоты, велит им для погребения царского быти всем. А на Москве, в третий день, бывает у царицы или у царевичей на патриарха, и на властей, и на бояр, и на попов по царе поминалной стол и отпевают панафиду над кутиею; а бывает кутия зделана вареное пшено с сытою[6] да с сахаром и с ягоды, а в монастырех и по церквам бывает кутия пшеница вареная с сытою, таким же обычаем бывает стол на патриарха, и на властей, и на бояр, как минет три недели. А как из городов власти съедутца все к Москве, и тогда, изобрав день, в которой быть погребению, патриарх и власти, и попы, и дьяконы соберутца на царской двор и оденутся в церковныя одеяния, а царица и царевичи или и царевны, и бояре, и ближние люди, и боярыни, и многие жены устроятся в черное платье и, взяв царское тело, пойдут с царского двора, по чину: напеpед идут дьяконы, попы, певчие, дьяки и дают каноны, а позади их несут царское тело попы, а позади царского тела идут патриарх, и власти, и царевичи, и бояре, потом царица, и царевны, и боярыни, и много множества народа, мужеска полу и женска, все вместе, без чину, рыдающе и плачюще. А как придут к той церкве, где погребаются цари, блиско царского двора, именуетца та церковь Михаила Архангела, дьяконы и попы останутся у церкви, а власти, и царица и царевичи и царевны, и бояре, и иные чины идут в церковь; а вшед в церковь, царское тело поставят среди церкви, блиско олтаря, а в олтарь не вносят и учнут отпевати погребателное пение, а отпев, погребут царское тело в землю и покроют каменною цкою; и потом патриарх над кутиею учнет говорить молитву и кадить ладоном, а проговоря молитву, начнет патриарх ести кутию ложкою, трижды, потом подносят царице, и царевичам, и царевнам, и болшим властем, и бояром, и всякого чину людем; и сотворя погребение, пойдут кождый восвояси; а предики не бывает. Тогда ж, как погребают царя, всякого чину людем дают восковые свещи, витые и простые, для провождения,— и тех свещ изойдется в то время болши 10 берковеск. Да в то ж время даетца ис царские казны, за погребение, властем, и попом, и дьяконом денги: патриарху по 100 рублев, митрополитом по 80, архиепископом и епископом по 70 и по 60, архимаритом, и игуменом, и самым болшим попом по 50, и по 40, и по 30 рублев, а иным попом и дьяконом рублев по 20, и по 15, и по 10, и по 5 и менеши, смотря по человеку. Да в то ж время во

всех приказех, изготовя множество денег, завертывают в бумаги по рублю, и по полтине, и по полуполтине и вывезши на площади, подьячие роздают милостыню нищим, и убогим, и всякого чину людем, поручно; так же и по монастырем, старцом и черницам, и в богаделнях, роздают всякому человеку рублев по 5, и по 3, и по 2, и по одному, смотря по человеку; да и во всех городех чернецом, и попом, и нищим дают погребалные деньги и милостыню, против московского вполы и в третьюю долю. Так же на Москве и в городех всяких воров, для царского преставления, ис тюрем свобождают всех без наказания.

Горе тогда людем, будучим при том погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, московских и приезжих из городов и из уездов; а московских людей натура не богобоязливая, с мужеска полу и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщетца того дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарезанных болши ста человек. А как минет по смерти царской 40 дней, называются сорочины, и тогда власти, и царица и царевичи, и бояре бывают в той же церкве у обедни и отпевают по царе панафиду; и потом на властей, и на бояр, и на попов в царском дому бывает стол, а в монастырех чернцов кормят ближние люди и дают милостыню ж против погребения вполы. И изойдется на царское погребение денег на Москве и в городех блиско того, что на год придет з государства казны.

А когда царица преставится, и ее погребение и чин бывает против того ж, что и царской; а власти съзжаются не все, потому что живут многие вдали; и денгам росход против царского вполы. А когда преставится царевич, и его погребение бывает против царицына малым чем с убавкою. А как преставитца царевна, и им в погребении бывает против царского в четвертую долю. А чин тому погребению бывает ровен всем. И погребаются цари и царевичи все у той церкви Михаила Архангела; а царицы и царевны погребаются в Выше ж городе, в Вознесенском девиче монастыре, где живут черницы. А как царевич или царевна преставится, и тогда царевны на погребении их не бывают. А ходит царь по царице своей, и по царевичах, и по царевнах, и царица, и царевичи, и царевны по царе, и един по другом, как царевичи по царевнах, так и царевны по царевичах, в печалном платье, шесть недель, а болши того не бывает; так же и бояре, и думные, и ближние люди, и

их жены, и всякого чину служилые люди, ходят в печали по государех своих и по своих сродственных против такого ж все; кроме мелких людей. Да по царех же и по царицах, и по царевичах и по царевнах на Москве и в городех, по монастырем, по церквам по вся годы, по суботним дням, бывает поминание аже до веку.

Глава 2,

а в ней 20 статей

О царских чиновных людех: о боярех, и окольничих, и думных и ближних людех, о столниках, о стряпчих, о дворянех, о полковниках и головах стрелецких, о диакех, о жилцех и о всяких служилых, и дворовых людех

1. Прежние болшие роды, князей и бояр, многие без остатку миновалися. Ныне ж по тех родах роды, которые бывают в боярех, а в околничих не бывают: князей Черкаских, князей Воротынских, князей Трубетцких, князей Голицыных, князей Хованских, Морозовых, Шереметевых, князей Одоевских, князей Пронских, Шепных, Салтыковых, князей Репниных, князей Прозоровских, князей Буйносовых, князей Хилковых, князей Урусовых.

2. Роды ж менши тех, которые бывают в околничих и в боярех: князей Куракиных, князей Долгоруковых, Бутурлиных, князей Ромодановских, князей Пожарских, князей Волконских, князей Лобановых, Стрешневых, князей Борятинских, Милославских, Сукиных, Пушкиных, Измайловых, Плещеевых, Лвовых.

3. Роды ж, которые бывают в думных дворянех и в околничих, ис честных родов, и из середних, и из дворян; и те роды болши тое чести не доходят. Есть потом и иные многие добрые и высокие роды, толко еще в честь не пришли, за причиною и за недослужением.

4. **Думные дьяки.** Три или четыре, а болши четырех не бывает, и в тех думных дьяках бывают из дворян, и из гостей, и ис подьячих, и ис тех думных дьяков посолской дьяк, хотя породою бывает менши, но по Приказу и по делам выше всех: а честию и высочеством те думные дьяки будут таковы, как в Полше референдариусы.

5. **Спал ники**, — которые спят у царя в комнате, посуточно, по переменам, человека по четыре. И многие из них женатые люди, и бывают в том чину многие годы, и с царя

одеяние принимают и розувают; а бывают в тех спалниках изо всех боярских, и околничих, и думных людей дети, которым царь укажет, а иные в такой чин добиваются и не могут до того притти; и быв в спалниках, бывают пожалованы болших бояр дети в бояре, а иных менших родов дети в околничие, кого чем царь пожалует, по своему разсмотрению, и называют их компатной боярин или околничей, а в посолственных письмах пишут ближними бояры и околничими, потому что от близости пожалованы. А жалует царь в бояре, и в околничие, и в думные люди, хотя которого и на Москве не бывает, в новое лето, сентября в 1 день, на светлое Христово воскресение, на день рождения празнества его, из околничих бояри.ном, или из столников и из спалников бояриною, или околничим, или думным человеком. И как царю лучится сидети с теми бояры и думными людми в думе о иноземских и о своих государственных делех, и в то время бояре, и околничие, и думные дворяне садятца по чином, от царя поодаль, на лавках: бояре под боярами, кто кого породою ниже, а не тем, кто выше и преж в чину; околничие под боярами против того ж; под околничими думные дворяне потомуж, по породе своей, а не по службе, а думные дьяки стоят, а иным времянем царь велит им сидеть; и о чем лучитца мыслити, мыслят с царем, яко обычай и инде в государствах. А лучитца царю мысль свою о чем объявити, и он им, объявя, приказывает, чтоб они, бояре и думные люди, помысля, к тому делу дали способ: и кто ис тех бояр поболши и разумнее, или кто и из менших, и они мысль свою к способу объявливают: а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованые, однако сыщется и окроме их кому быти на ответы разумному из болших и из менших статей бояр. А на чом которое дело быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьяком пометить, и тот приговор записать. А лучится писати о чем грамоты во окрестные государства, и те грамоты прикажут готовить посолскому думному дьяку, а думной дьяк приказывает подъячему, и сам не готовит, толко чернит и прибавливает что надобно и не надобно. А как изготовят, и тех грамот слушают наперед бояре, и потом они ж, бояре, слушают вдругоряд с царем все вместе; так же и иные дела, написав, взнесут слушать всем же бояром; и слушав, бояре учнут слушать вдругоряд с царем же. А на всяких

делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни х каким делам, кроме того что послы прикладывают руки к договорным записям, руки своей не прикладывают, для того устроены они, думные дьяки; а к меншим ко всяким делам прикладывают руки простые дьяки, и приписывают подьячие свои имена.

А как царю лучится о чем мыслити тайно, и в той думе бывают те бояре и околничие, ближние, которые пожалованы из спалников, или которым приказано бывает приходити; а иные бояре, и околничие, и думные люди в тое полату, в думу, и ни для каких нибуди дел не ходят, развее царь укажет.

6. **Столники,** — боярские ж, и околничих, и думных людей, и московских дворян, и иных чинов людей дети. Служба их такова: как у царя бывают иных государств послы или власти и бояре, на бедех, и они в то время пред царя, и пред властей, и послов, и бояр носят есть и пить: а ставят на стол еству по одному блюду всякой ествы, пред царя крайчей, а к иным столам приставлены бывают ставить околничие, а с иными ествами блюда держат столники на руках, а на стол всех еств вдруг не ставят. И будет тех столников числом блиско пяти сот человек. И посылают их в посолства в послех самих и с послами в товарыщах, и по воеводствам, и для сыскных дел, и бояр спрашивать о здоровье, как они бывают по службам: а иные на Москве сидят в приказех у дел и у послов в приставех.

7. **Стряпчие.** Чин их таков: как царю бывает выход в церковь, или в поход на потехи, или в палату, в думу и для обедов, и в то время несут перед ним скифетр, а в церкве держат шапку и платок, а в походех возят панцырь, саблю, саадак. И посылают их во всякие ж посылки, кроме воеводств и посолств, чтоб сами были послы. А будет тех стряпчих с восмь сот человек. А на Москве они, стряпчие и столники, живут, для царских услуг, но полугоду, по-полам; а другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни свои до сроку.

8. **Дворяне московские.** И тех дворян посылают для всяких дел, и по воеводствам, и по посолствам в послех, и для сыскных дел, и на Москве в приказех у дел, и к служилым людем в начальные люди, в полковники и в головы стрелетцкие.

9. **Дьяки.** И те дьяки во дьяцы бывают пожалованы из дворян московских и из городовых, и из гостей, и ис подьячих. А на Москве и в городех в приказих з бояры

и околничими, и думными, и близними людми, и в посолствах с послами бывают они в товарыщах; и сидят вместе, и делают всякие дела, и суды судям и во всякие посылки посылаются.

10. **Жилцы.** Чин их таков: для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши, и посылают их во всякие посылки; а дети они дворянские ж, и дьячьи, и подьяческие. И ис того чину бывают в стряпчих, и в столниках, и в думных людех; да они ж бывают в началных людех у конницы и у пехоты, и в рейтарех, и в салдатех. А будет их числом с 2000 человек. Да и всем боярским, и околничих, и думных людей детем, первая служба бывает при царском дворе такова ж, только по породе своей одни з другими неровны.

11. **Дворяне городовые и дети боярские** бывают посыланы во всякие ж посылки, и по воеводствам, и в началные люди к рейтаром и к салдатом, и в какие чины годятца, и за службы бывают пожалованы многою честию. И тех детей боярских прозвание таково: как в прошлых давных летех у Московского государства бывала война со окрестными государствы, и в то время ратные люди збираны со всего Московского государства изо всяких чинов людей и, по покою, роспущены по домом; а иные многою своею службою и полоном свободились от рабства и от крестьянства, и у кого были поместья и вотчины и ныне попрежнему за ними; а у которых людей поместей и вотчин не было, и им за службы и за полонное терпение поместья и вотчины даваны жилые и пустые, малые, и служити им было с тех даных поместей и вотчин против прямых дворян не с чего; так же у которых дворян были поместья и вотчины, а по смерти их те их поместья и вотчины роздерелены были детем их, и от них дети потомуж размножились, а дать им было из старых их отцовских поместей и вотчин и вновь не ис чего, потомуж и царских служеб не служивали — и их написали в дети боярские, что беспоместны и малопоместны.

Есть по тех и иные чины, которые служат при царском дворе; а написаны они ниже сего в розных местех.

12. Да в царском ж чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в християнскую веру. Честию они бояр выше: а в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинилися в подданстве после воинского времени, невдавне, да и не обычай тому есть: так же и опасение имеют от них всякое. А служба их та-

кова: как на празники идет царь к церкве, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают пред царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех и мали их за себя с великими пожитками, и с поместьями, и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царской корм денежной, помесечно.

А как грузинской царевич с материю своею был на Москве или и вперед будет, и ему честь была такова, что природному сыну царскому; так же платье ему самому, и матере, и людем их и всякие наряды, и домовые заводы, и корм, и питье было все царское, доволное: и ежели вперед будет, и за него может быть, что царь выдаст дочь или сестру свою царевну, понеже он не полоненый есть, но единые с ним веры, а землею его царь не владеет, толко по его послушенству грузинским пишется в титле к християнским потентатом, а к бусурманским не пишетца.

И тех царевичей, так же и первой и другой статьи князей, и бояр, и околничих роды старые, царевичи по царствам своим, а князи по княжествам своим, а бояре по боярству своему, которые преж сего бывли в боярех у великих князей росииских, и по тех царевичах и князех, и дети их, и внучата, и правнучата называютца царевичи ж и князи, без пременения. Так же и дворяне московские и городовые, и дети боярские, многие есть старые, издавна тех родов, которые преж сего были во дворянех же при великих князих. А вновь московскии царь из бояр, и из ближних, и из иных чинов людей князем учинити не может никого, кроме боярств и иных чинов, потому что не обычай тому есть и не повелось; так же и графов и волных господ чином таковых никого не бывает, и из московских чинов людей против тех дву чинов .приверстати немочно, потому: как бы дано было кому волное господство, и о том бы размышляли, что то было б самому царю в стыд, бутто бы тот человек тем имянем от него уволнился и неподданен. А кому царь похочет вновь дати боярство, и околничество, и думное дворянство из столников и из дворян или дворянина из дворовых всяких чинов и из волных людей, и таким дает честь и службу, по своему разсмотрению, кто в какой чин и честь годен. А грамот и гербов на дворянства их и на боярства никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложити не могут — да не токмо кому боярину или иному человеку не даются гербы, но и сам царь гербом своим московским печатаетца на грамотах в

християнские государства не истинным своим прямым, а печатается своим истинным гербом к крымскому хану да х калмыкам; так же и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет,— да не токмо у князей, и бояр, и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает; а когда лучитца кому к каким писмам или послом к посолским делам прикладывать печати, и они прикладывают у кого какая печать прилучилась, а не породная; да и потому мочно признать: как бывают московские послы в посолствах и на съездех, и к письмам и х крепостям печати свои прикладывают, а лучитца тем же послом или родственником их быти в другоряд в посолстве, и к письмам печати свои прикладывать, и у тех новых писем с старыми писмами многие печати рознятца. А ис посадцких людей, и из поповых, и из крестьянских детей, и из боярских людей дворянство не даетца никому: а кто посадцкой человек, или крестьянин, или кто нибудь, отпустит сына своего на службу в салдаты и в рейтары или в приказе подьячим и иным царским человеком, а те их дети от малые чести дослужатся повыше, и за службу достапут себе поместья и вотчины, и от того пойдет дворянской род; а грамот и гербов им не даетца ж; а даютца высоким и меншим родом и дворяном грамоты на вотчины их и на поместья, и в тех грамотах имянуют их, кто каков чином и честью.

13. **Постелничей.** И того постелничего чин таков: ведает его царскую постелю, и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает, так же у того постелничого для скорых и тайных его царских дел печать. А честью тот постелничей противо околничего.

О приезде их боярском к царю

14. Бояре, и околничие, и думные, и ближние люди приезжают к царю челом ударить с утра рано, на всякой день; и приехав, в церкве, или в полате, увидев царя, кланяются перед ним в землю; а которого дни они, бояре, в приезде своем запоздают, или по них посылает, а они будут к нему не вскоре, или что малое учинят не по его мысли, и он на них гневаетца словами, или велит ис полаты выслать вон, или посылает в тюрму, и они за свои вины потомуж кланяютца в землю многажды, доколе простит: а как они и на приезде кланяются, а он в то время

стоит или сидит в шапке, и против их боярского поклонения шапки с себя не снимает никогда. А когда лучитца ему сидети в покоях своих и слушает дел или слова разговорные говорит, и бояре стоят перед ним все; а пристанут стоя, и они выходят отдыхат сидеть на двор, так же и после обеда приезжают к нему, в вечерни, по вся дни. А приезжаючи они, бояре, к царскому двору на лошадях верхами или в коретах и в санях и с лошадей слазят или ис корет и из саней выходят, не поезжая двора, и не блиско крылца; а к самому крылцу или на двор его царской не ездят никогда, и лошадей их боярских через двор не пускают, а обводят кругом двора. А ездят бояре в коретах старые, которые на лошадях сидеть не могут. А которой бы боярин или кто нибудь учинил через силу, чтоб на царской двор ехал на лошади, хотя без самого царя, а ему б о том ведомо учинилось, и его б скоро за то велел послать в тюрму, до указу своего, и честь ево отнята б была; а ежели б человек ево боярской, без ведома его, провел через двор лошадь, и тому б человеку учинено было наказание кнутом. Да не токмо бояром ездить неволно и лошади их водити заказано, но и всякого чину людей, кроме стрелцов, с ружьем и в япанчах и торговых людей с товары, и крестьян, и простых людей через царской двор не пускают же. Так же и иноземцов разных вер на двор и через двор не пускают же. А кому до кого будет какое дело до бояр и думных людей, и они ожидают у царского двора. Так же и в походех его царских в селех через дворы потомуж не пущают. А которой бы человек, кроме вахты, на Москве и в селех пошел через царской двор с ружьем с саблею или с пистолми, тайным обычаем, с простоты, а не с умыслом злым и такова б человека увидев или б кто на него указал, поимав, пытали б, для чего он через царской двор шел с ружьем не на царя ль, или на его дом, или на бояр, и на думных, и на ближних людей, и не по научению ль чьему от кого от бояр, и думных, и ближних людей или от посадцких, и от гулящих людей, и от крестьян: и будет тот человек с пытки скажет, что он шел через царской двор с ружьем умыслом своим, а ни по чьему научению, хотя его, царя, и домовых его кого, или из бояр, и из думных, и из ближних людей, за какое нибуди дело погубити, и такого вора, пытав накрепко трижды, в прямь ли он шел своим умыслом, а не по научению, казнят смертию, безо всякие пощады, кто б ни был. А будет скажет, что он шел умыслом, по научению бояр и думных людей или каких

иных людей, и по ево скаске на кого он скажет, тех людей всех велят похватати и пытати, для чего они такого человека на царское здоровье научали, не по научению ль которого иного потентата, чтоб учинитись у него в подданстве, или сами хотя государством завладети, или на бояр и думных людей, для того чтоб в государстве учинити смута для грабежу домов и животов: и будет те люди по первым речам в тех делах винятся, и их потомуж казнят всех без милосердия, а будет не повинятся, и того, кто на них сказывал, учнут пытати вдругоряд, и будет скажет с пытки, что впрямь по их научению ходил, и тех людей пытают вдругоряд, и будет не повинятся, и того человека учнут пытати втретие; и будет скажет прежние ж свои речи, и тех всех, потомуж учнут пытать втретие, и пытав трижды, хотя кто из них изо всех и не повинится, и их всех посадят в тюрму, доколе по них поруки будут, что им вперед злого не мыслити и за воровством не хотиди: а будет порук не будет, и они, сидев в тюрме лет 15 или сколко доведетца, велят их уволнить и сослать в сылку в далные городы, в Сибирь или на Терек, на вечное житье. А будет тот человек солжет, с первые пытки скажет на них напрасно, по недружбе, а они все будут пытаны и не винились, а после того тот же человек з другие пытки или с третей скажет, что он тех людей поклепал напрасно, и такова еще учнут пытати накрепко: с первой пытки на них сказывал, а опосле зговаривает не по научению ль чьему; и будет скажет, что его научили те ж люди, на которых он говорил, и тех всех и кто научал, сыскав, потомуж пытают и будет винятся, казнят всех; а будет с тех пыток учнет говорить, что впрямь на них солгал напрасно, по недружбе, и такова одного казнят смертию, а по тех по всех соберут поруки и высвободят; а по ком порук не будет, потому ж в тюрму посадят, до указу.

15. Столники менших родов, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и иноземцы, и подьячие приезжают в город и с лошадей слазят далеко царского двора, на площади.

16. А приезжаючи бояре, и думные, и ближние люди ходят к царю в Верх в переднюю полату и ожидают царского выходу ис покою: а ближние бояре, уждав время, ходят в комнату; а столники, и стряпчие, и дворяне, и полковники, и головы, и дьяки, и иные служилые чины к царю в Верх не ходят, бывают на крылце на середнем, перед полатами непокоевыми; а иным чином и до тех мест

ходити не велено, где бывают столники и иные нарочитые люди.

17. А куды лучитца царю итти в поход, и бояре, и околничие, и думные люди, и спалники бывают с ним вместе, кого похочет с собою взят; а иным велит остатца на Москве, для приказных дел. А пойдучи в поход, на войну, или по монастырем молитися, или для гулянья в далние и в ближние места, двор свой царской и Москву, для оберегания, приказывает одному человеку боярину, а с ним товарыщам околничим двум человеком, да думным дворяном двум же человеком, и думным дьяком; и лучатся какие дела не полков или из городов, и они те дела, кроме тайных, смотря посылают к царю в поход, а по иным делам указ чинят, не писав к царю, по которым мочно. Да с царем же бывают в походех столники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы и иных чинов люди, которым велено бывает; да стремянной приказ 1000 человек стрелцов, на царских лошадях.

18. Так же как пойдет царь куды в поход, на неделю и болши, или будучи и на Москве, а бояром, и думным, и ближним людем, и полковником, и дьяком для гулянья, или для какова дела понадобится ехать в деревни свои, дни на два или на неделю и на месяц: и они бьют челом царю о том, и царь их отпущает с сроком, а без отпуску из бояр, и из думных, и из ближних людей, и ис полковников, и из дьяков с Москвы съехать не смеет никто, ни на один день; да как они бывают отпущены на срок и преж сроку для какого дела царю будут надобны, и по них посылают грамоты с людми их, которые останутца на Москве, или нарочно с стряпчими, и з жилцами, и с подьячими велят быть тотчас. Да не токмо для гулянья своего отпрошиваютца, но когда прилучитца им которого дни друг у друга быти в гостях, па свадбе, или на крестинах, или на имянинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю.

19. А как придет празновати день рождения которого боярина, или думного и ближнего человека, или их детей, и они в тот день ездят к царю челом ударить, и царь их спрашивает о здоровье и поздравляет, а после того подносят царю имянинные калачи, и царь у них те калачи велит принимати; и потом пойдут к царице, и царица против того ж поздравляет, и калачи велит принимать; и потом ходят к царевичам и к царевнам, и от них потомуж бывает им поздравление и калачи принимают; а у царевен у самих не бывают, кроме свойственных бояр. И по-

том меж себя тот день друг у друга пируют. А царь, и царица, и царевичи, и царевны у них на обедех и в домех их не бывают ни у кого; и не томко на обедех и на веселиях их, и на погребениях не бывают же никогда.

О царицыных чинов людех и о бояронях

20. В чину ее бывают и живут в Верху боярские, и околничих и всяких чинов людей жены, вдовы, и дочери вдовы ж, и девицы, и мужни жены.

1) Боярыни: казначея, крайчая, постелница, судья.

2) Столники: и в те столники берут боярских, и околничих, и ближних людей детей, лет по 10 ростом; а как они будут лет пятинатцати или семинатцати, и они в том чину не бывают, а бывают в царской чин взяты, в столники же, или в спалники; а бывает их в столпиках человек с 20.

3) Мастерицы: швеи, мужни жены, и вдовы, и девицы честных и середних чинов дворовых людей, которые делают и шьют золотом, и серебром, и шолками, с каменьем и з жемчюгом.

4) Постелницы, которые постели постилают под царицу и под боярональ: а жены в том чину дворовых же всяких чинов людей; и те постелницы и мастерицы спят у царицы в Верху, посуточно, по переменам.

5) Мовницы, которые платье моют жены дворовых же людей; а когда прилучится им мыть платье, и то платье зимою и летом возят на реку в санях, в сундуке, замкнув и запечатав, покрыв красным сукном; а за тем платьем идет болярыня, для бережения.

6) Дети боярские: и тех детей боярских служба такова: посылают боярыни во всякие посылки, и ездят с царицею в поход, и спят у царицы в Верху, для сторожи и оберегания в ниских местех, посуточно, по переменам.

7) А когда царице лучитца куды ехать, и в то время с нею в коретах или в колымагах и в каптанах и с царевичами меншими и с царевнами сидят боярыни; а кореты или каптаны бывают закрыты камкою персицкою, как едут Москвою, или селами и деревнями: а мастерицы, и постелницы, и мовницы ездят верхами на иноходцах, а сидят на лошадях не против того, как в ыных государствах ездят женской пол, таким же обычаем, как и мужской пол; а будет тех мастериц, и постелниц, и мовниц со 100

человек, кроме девиц мастериц и которые живут Верху; а всех будет их блиско 300 человек.

8) Таким же обычаем у царевен болших и у менших, боярыни и иные чины против того ж, что у царицы, кроме столников; а столничают у царевен девицы.

9) А когда лучитца царице кушать в покоях его царских с ним вместе, а которому боярину, или околничему, или думному человеку, лучитца притти с каким делом на доклад, и они сами входити без указу не смеют, развее велят, или ожидают того, как откушает; так же как царь кушает у царицы, и в то время бояре и близние люди бывают немногие, человека два и в силах три; а столничают в то время у царицы царицыны столники.

10) А лучитца царю кого послати к царице и к царевичам спросить о здоровье или для какого иного дела, и они, пришед, обсылаютца через боярону, а сами не ходят без обсылки; так же как и царица посылает кого к царю из бояронь, и они потомуж обсылаютца.

11) Да в царском же чину, и у царицы, и у болших царевичей учинены истопники, которые полаты и хоромы топят, и метут, и у дверей для отворяния стоят, человек со сто, люди честные и пожалованые поместьями и вотчинами, и живут на Москве по полугоду, человек по 50.

12) О боярских женах. Бояр, и околничих, и думных, и ближних людей жены, вдовы, и мужни жены, и дочери вдовы ж, и девицы, когда лучитца по них для чего нибудь послати царице, или царевнам, или они сами для чего нибудь к царице и к царевнам ехати похотят, и они ездят зимою в каптанах, а летом в колымагах. А приезжаючи к царицыну двору, ис колымаг и ис каптан выходят у ворот, а на двор не всьезжают, а приходя к царицыным или к царевниным покоям, посылают бояронь сказати о своем приезде царице или царевнам, и будет царице и царевнам время, и они им велят быть к себе, а будет не время, и им отказывают, и они, боярские и ближних людей жены или и дочери, не быв у них, поедут к себе. А когда они бывают у царицы или у царевен, и они, пришед, царице и царевнам кланяются в землю, и царица или царевны спрашивают их о здоровье и о чем они приедут бить челом: и подают челобитные, и царица и царевны или и царевичи челобитья их выслушают и челобитные принимают, и по их челобитью бьют челом царица, или царевны, или царевичи царю — и царь те дела, о которых будет челобитье, по их прошению, делает: хотя б которой князь, или боярин,

или иным болших и менших чинов человек к какой беде ни был или б о чем ни бил челом, или б кто и к смерти был приговорен и, по их прошению, может царь все доброе учинити и чинит: и таких дел множество бывает, что царица, и царевичи, и царевны многих людей от напрасных и не от напрасных бед и смертей свобождают, а иных в честь возвышают и в богатство приводят.

13) А которого боярина или околничего и думного и ближнего человека дочь, девица или вдова понадобитца царице или царевнам для житья взяти к себе в дом, и им то волно, кроме самых болших бояр дочерей. И иных девиц и вдов, небогатых людей дочерей, царица и царевны от себя з двора выдают замуж за столников, за стряпчих, и за дворян, и за дьяков, и жильцов своим государским наделением, так же и вотчины дают многие или на вотчины денгами из царские казны, да их же отпущают по воеводствам; и те люди воеводствами побогатеют.

14) А приезжаючи бояр и ближних людей жены и дочери, и лучится им у царицы или у царевен обедать, и они обедают с ыными бояронями вместе, которые у них живут, за особым столом, а не с царицею и не с царевнами вместе: а бояре и ближние люди у царицы и у царевен никогда не обедают, и царица и царевны в дому их ни у кого не бывают и не обедают же.

15) Так же как бывает день празновати рождения жен их боярских и дочерей, и они, боярыни и их дети, к царице и к царевнам ездят потомуж с калачами сами, что и мужья их и отцы ездят к царю; и те калачи подносят, и царица и царевны велят у них принимати, и потом царица или царевны их поздравляют, а быв у них, поедут к себе.

Глава 3,

а в ней 17 статей

О титлах, как к которому потентату московский царь пишетца

1. К цесарскому величеству римскому: «Милосердие ради милости бога нашего, воеже посети нас восток свыше и направити ноги наша на путь мирен, сего убо бога нашего в троице славимаго милостию, мы, великим государь царь». Потом имянование и титла его царская болшая, а после титл его цесарское имянование и титлы; а

по титлах дело. Пишутца грамоты на самой болшой александрийской бумаге; травы золотом пишутца болшие.

2. Х королевскому величеству свейскому: «Божиею милостию, мы, великии государь царь». Потом имянованье и титлы болшие ж, а после титл царских, королевского величества имянованье и титлы большие: а по титлах дело. Грамоты пишутца на меньшой или на середней александрийской же бумаге, смотря грамоты по величине; травы золотом пишут середние ж.

3. К полскому королю: «Бога в троице славимаго милостию, мы, великии государь царь», и имянование и титлы. Потом полского короля титла: «Брату нашему любителному, неяснейшему великому государю», и имянованье и титлы. Грамоты пишутца на болшой и на середпей бумаге; травы золотом середние.

4. К аглинскому королю пишетца сам; и его описует против того ж, что и к полскому королю.

5. К датцкому королю в своей титле пишетца против того ж, как к полскому и к аглинскому королем, а в титлах его описует: «Брату нашему любителному и соседу»; на середней же и на болшой бумаге, травы золотом середние ж.

6. Х курфирстром, и х князем, и к графом, и к Галанским Статом пишетца: «Божиею милостию, от великого государя царя»; имянованье и титлы болшие ж; а потом: «От нашего царского величества имрк курфистру, князю, графу, Статом» и их титлы. Грамоты пишутца на меншой александрийской бумаге; травы золотом на верху, над писмом, а по сторонам не бывает.

7. В Любок, в Амбурк, к бурмистром и ратманом, так же и к торговым людем, которые служат в его царском промыслу факторами: «Божиею ж милостию», против того, что и х курфистром, и х князем; на меншой александрийской бумаге, трав не пишут никаких, толко начальное слово золотом.

8. А пишут его царскую титлу золотом[7] по «Московского»; а иные титлы пишут золотом: цесарскую — по «Августус», свейскую — по «Свейского», полского — по «Полского», аглинскую — по «Аглинского», датцкого—по «Датцкого»; курфистров, и князей, и графов, и Галанских Статов, против токого ж обычая, с розверстанием: а досталь титл пишетца чернилом.

9. Ко французскому, к Гишпанскому, к Португалскому королем посолств и ссылок не бывало, и грамот ни о

чем не посылывали, и написати о том непочему; а хотя преж сего со французским королем бывали ссылки, однако в московское разорение и в пожарное время письма все погорели, и тех старых ссылок ведать непочему.

10. К турскому салтану пишется болшою титлою не всею, толко по «повелителя»; а его титлу пишет против того, как он сам описуется, на болшой александрийской бумаге. Травы пишутся сверху до половины листа и по краям болшие до низу, и внизу травы ж, а вверху середи трав в трех кругах царская и турского салтана титлы пишутца золотом все; а дело пишетца с половины листа.

И таким же обычаем посылаются грамоты к индейскому шаху.

11. К персицкому шаху пишется против того ж, как к датцкому королю «братством же и соседством»; титлы — по «повелителя», а потом шахова титла, на болшом александрийском листу, татарским писмом, з золотом, без трав.

12. Х крымскому хану (царю) и к его царевичам пишется короткими титлами «братством же и соседством», а царевичей братьями не именуют; а пишетца царская, и крымского хана, и царевичей, титлы короткие ж золотом, все, татарским же писмом, потому: у крымского хана титл мало.

13. К болшому хану, что за Сибирию, так же и х калмытцким тайшам и князьям пишетца короткими ж титлами, так же и их имена и титлы золотом все, на меншой александрийской бумаге, татарским же письмом, без трав.

14. А все те грамоты, кроме крымских, печатают болшою государственною печатью. А крымские печатают печатью, вырезано: царь на коне победил змия, около подпись царская, титла самая малая по «и иных». То есть самая истинная московского княжения печать; она ж вырезана и на самой болшой печати, которую печатаетца во окрестные государства, в середи самого орла. Да тою ж печатью печатают грамоты на поместья, и на вотчины всяких чинов людем, и на гостинство гостем.

15. А пишет царь в грамотах своих ко окрестным великим потентатом титлы их по их достоинству, как они сами себя описуют без умаления; а что преже сего титлы писали королевского величества свейского негораздо со исполнением, не против того, как он себя сам описывал, и то чинилось нераденıем, и недосмотрением, и нерозтолкованием переводчиков. Зри против того в Валиэсарском

и в Кардиском договорех: чтоб обоих великих государей титлы, с обе стороны, воздаваны были по их государскому достоинству, как они сами себя описуют. Таким же обычаем и изо всех окрестных государств потентаты пишут его царскую титлу по его описанию, кроме полского короля, и Крымскаго хана, и калмыков, и князей, потому что за нынешнею войною, полской король и царь московской друг от друга грамот с полными титлами не принимали, а писались короткими титлами. А крымской хан пишет титлу царскую коротко, таким обычаем: «Брату нашему Московскому царю», имянование его и потом поздравляет, или поклон свой напишет. А калмыки и князи пишут и того короче: «Белому царю Алексею Михайловичю всеа Русии здравствовать». А иные толко напишут «Белому ж царю», а имени его и титл не пишут. А пишет крымской хан и калмыки в грамотах своих о всяких делех коротко, и не с прошением или упоминанием, для того, что у них бывает приказ словом с послами.

16. А которые грамоты посылываны преж сего во окрестные государства на какой бумаге и какие были писаны золотом травы издавна, и ныне пишут против того же, а вновь не прибавливают для того, что тою бутто бумагаю и травами золотыми, которому петентату болши чести воздают, а иному менши, разве для самой великой грамоты, что ее немочно будет написать на меншой или на середней бумаге, велят писать на болшой. А пишут те грамоты подьячие; а для крепости, вместо царские руки, подписывают подпись думные дьяки сами или товарыщи их, простые диаки.

17. **Вопрос:** Для чего царь московской пишется в християнские государства полными большими титлами (от «повелителя»), «государем Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкаских и Горских князей и иным многим государствам и землям, восточным и западным и северным, отчичем и дедичем и наследником, и государем и облаадателям; а в бусурманские государства теми титлами не пишется. Что есть тому за причина?

Ответ: Иверское, Карталинское, Грузинское государствы лежат под властию и наболшим послушенством под персидцким шахом; а в ыные государства пишется он, царь, для славы своей, нипочему, а ис тех государств обычай писатися к царю себя низити, а его высити, и называтися холопми его, яко и в ыных государствах обычай пи-

сати господину к господину, отдаючи себя слугою поволным, и они по тем их униженным писмам разумеют, бутто и правда тому есть, что они вечные подданные; а то несть правда, потому что тех государств владетели живут таким обычаем, как меж границ королевского величества и короля полского и царя московского живет курлянской князь. А восточною титлою пишетца персидцкой же шах издавна, как еще Москвы почятку не слыхивано; а на западе много есть иных государств, которые старые и честняя Московского государства. И окроме тех государств и земель, что пишетца в титле к християнским потентатом, иных государств и земель на востоке и на западе у него нет. А хотя на востоке и на западе иные государства и земли есть многие, однако ни ему не подданни, но во время против него и войну держат, и тем многим землям восточным и западным разумеетца, что не есть отчичь и дедичь и наследник, и государь, и обладатель, и негораздо тех двух сторон государства и земли поддаются ему во облаадателство и в подданство; а то есть правда, что на севере у него земель и государств сыщетца. Кабардинская земля, черкаские и горские князья под его подданством, однако ему тех титл без других титл писать к персидцкому шаху некстати. А как бы он писался теми титлами всеми, что пишетца в християнские государства, и на него б за то все бусурманские государства подняли войну. А тех бы государей, которые ис тех государств пишутца к нему холопми, ежели б проведал подлинно персидцкой шах, велел бы их и государства их разорити и погубити совсем. И от того теми титлами не пишется к ним, бусурманским государем.

Глава 4,
а в ней 38 статей

О московских послех, кто каков чином и честию посылаются во окрестные государства в послех, в посланникех, в гонцех

1. К цесарскому величеству римскому великие послы не посылываны давно потому, что далней проезд, чрез многие разные государства, и послом великим в дороге будет много школы и убытков. А посылаются к цесарю посланники роду середнего, которые бывают в думных дворянех и в околничих; а с ним товарыщ, дьяк.

2. Х королевскому величеству свейскому посылаются великие послы, околничие другой статьи родов, которые в боярех не бывают; а с ними товарыщи, думные дворяне или столники середних родов да дьяки. А на посолство на съезды, посылаются бояре из первые статьи родов, которые ниже есть писаны: а с ними товарыщи таковы, каковы посылаются в Свею.

3. К полскому королю посылаются великие послы, бояре болших родов первые статьи, которые ниже всех, или и другие ж статьи родов бояре ж, или околничие, которые бывают в боярех. И з боярами посылаются товарыщи, околничие, думные дворяне, и столники, и дьяки, а с околничими думные ж дворяне, и столники, и дьяки. А на посолство, на съезды посылаются бояре первые статьи родов, пятого или шестого роду человек; а с ним товарыщи, бояре ж таковы, каковы посылаютца в Полшу, так же и околничие, и думные дворяне, и думные и простые дьяки.

4. К аглинскому королю посылаются столники, первые статьи родов, которые из столничества бывают в боярех; а с ними товарыщи, дворяня добрых родов да дьяки.

5. К датцкому королю посылаются столники и дворяне тех родов, которые бывают в думном дворянстве и в околничестве; и с ними товарыщи, дворяня ж и дьяки.

6. Х курфистром, и х князем, и к графом, и к Галанским Статом посылаются столники ж, и дворяне, и дьяки таковы ж, что и к датцкому королю.

7. К турскому салтану посылаются послы таковы ж, что и к датцкому королю.

8. К персидцкому шаху посылаются послы таковы ж, что и в Свейское государство.

9. Х крымскому хану и х калмыким тайшам посылаются посланники середних родов дворяне, а с ними товарыщи, подьячие.

10. А посланники посылаются к християнским потентатом, столники ж, и дворяне честных и середних родов, и дьяки.

А в концех посылаются стряпчие, дьяки, жильцы, подьячие и начальные люди.

11. Да с послы ж, как посылают в государства и на съезды, и с посланники бывают для посолской чести посыланы з бояры, и околничими, и думными людми, столники, и стряпчие, и дворяне, и жильцы, дети и братья и роду их и чюжих родов, которые преж того бывали отцы их и деды со отцами их и з дедами или которые с кем быть

сами похотят. И бывает с теми послами и посланники, смотря по роду, и по чести их, и по посолству, за иным боярином по 30, и по 20, и по 15 человек; а за околничим, и думным человеком, и за столником по 15, и по 10, и по 8 человек; а за иными по пяти и по три человека; а за дьяки по 2 и по одному человеку.

Да с послы ж посылаются по переводчику, подьячих по 5 человек и болши; а людей они своих емлют с собою по своей чести, сколко кому мочно; и бывает с великими послами всех людей человек по 40, и по 50, и по 60, и по 80, и по 100 и болши, смотря по посолству и каковы есть честью послы. А с посланники посылаются подьячих два человека или три, и переводчик, и толмачи; а всех людей бывает с ними человек по 15, и по 20, и по 30. А з гонцами бывают толмачи ж, да людей человек по 8 и по 10 и болши, как кому сколко мочно для чести взяти.

12. А когда лучится царю послати кого на свою царскую службу во окрестные государства в послех и в посланникех или на посолские съезды, так же и в городы по воеводствам и на войну или на Москве в приказех сидеть у дел, боярину, или околничему, или столнику з боярином, а с околничим думному дворянину, и столнику ж, и дворянину, единому под другим в товарыщах. И будет ис тех бояр боярин, или околничей, или столник з боярином породою своею ровен, и отцы их, и деды, и прадеды с отцами их и з деды и роду их на службе и у дел и у царя за столом не бывали ни с кем; а думные дворяне, и столники, и дворяне породою своею с околничем ровны ж, и у дел ни у каких роду их никто околничего с сродственники нигде не бывали ж; а столники и дворяне з думными людми, а дворяне с столники породою будут ровны ж, и таким же обычаем с сродственными тех людей преж того роду их в посолствах и на службах нигде не бывали,— и они с ними в товарыщах быти потомуж не хотят, и ставят себе в позор и в бесчестье. И бояре, и околничие, и думные люди, и столники, и дворяне бьют челом царю и подают челобитные на тех людей в бесчестье, которые с ними по его царскому указу быти не хотят, а пишут в челобитье своем друг на друга, что им быти с ними кому с кем велят мочно, потому что отцы их, или деды, или прадеды, или кто нибудь роду их, их роду со отцы и з деды или с прадеды бывали безспорно, или кто будет со отцы их, и з деды, и с прадеды бывали на службах и в посылках без спору, и по тому роду им быти с ними мочно,—чтоб государь про то, по

их челобитью, велел сыскать и по сыску в безчестье указ учинен был. А те, которым велено с кем быти в товарыщах против того ж бьют челом царю, что они породою своею и честью тех людей неменши, с кем им велят быть, и отцы их, и деды, и прадеды с родственными их нигде в товарыщах не бывывали ни с кем. И по тому их челобитью приказывает царь в Посолском приказе и в Розряде сыскивать о чести их старыми записными книгами и писмами, и в тех приказех, сыскав, выпишут, кто есть честью, и того дела слушает царь з бояры и з думными людми. И будет кому с кем быти по сыску мочно, и тому быти велят без упорства; а будет кому быти для ровности немочно, и его отставят, а велят быти иному, кому мочно. А будет кому с кем велят быти по сыску, а он, ослушався его царского указу, быти не хочет и чинитца силен, и того за ослушание его укажет царь посадити в тюрму, на сколко доведетца. А за боярское бесчестье отсылают к бояром на двор головою тех людей, которые с ними быти не хотят. И которого дни прикажет царь кого боярина, или околничего, или столника за бесчестье отослать головою к боярину, или думного человека и столника к околничему, и того дни тот боярин или околничей у царя не бывает, а посылают к нему с вестью, которые люди с ним быть не хотели, пришлют к нему головою; и он того ожидает. А посылают к ним таких людей з дьяком или с подьячим; и взяв тех людей за руки, ведут до боярского двора приставы, а на лошади садитися не дают; а как приведут его на двор к тому, с кем он быти не хотел, поставят его на нижнем крылце, а дьяк или подьячей велит тому боярину о своем приходе сказать, что привел к нему того человека, которой с ним быти не хотел и его бесчестит; и боярин к дьяку или к подьячему выдет на крылцо; и дьяк и подьячей учнет говорить речь, что великии государь указал и бояре приговорили того человека, которой с ним быти не хотел, за его боярское бесчестье отвесть к нему, боярину, головою, и тот боярин на царском жалованье бьет челом, а того, кого приведут, велит отпустить его к себе домов, и отпустя его домов, на дворе у себя на лошади ему садитися и лошади водити на двор не велит. И тот, кого посылают к кому головою, от царского двора идучи до боярского двора и у него на дворе лает его и бесчестит всякою бранью; а тот ему за ево злые лайчивые слова ничего не чинит и не смеет, потому что того человека отсылает царь к тому человеку за его бесчестье, любячи его, а не для чего иного, чтоб тот чело-

век учинил над ним убойство или увечье; а кто б что над таким отсыланым человеком что учинил, какого злого бесчестья и увечья, и тому б человеку самому указ был против того вдвое, потому что он обесчестит не того, кого к нему отошлют, истинно бутто самого царя. А кто таких людей отводит дьяк или подьячей, и тот боярин, к которому отводят, дарит их подарками немалыми. И назавтрее того дни ездит тот боярин к царю, а приехав, бьет челом царю на его жалованье, что он к нему велел за бесчестье противника его отослать головою. И после того царь велит с тем боярином или околничим быти иному человеку, кому мочно, а прежнего отставят; и бывает царь на того человека гневен, и очей его царских не видит многое время.

13. А которые недумного чину люди не похотят быть, по указу царскому и по сыску, с теми людми, с кем им быть велено, и тем бывает за ослушание и за бесчестье наказание ж в тюрму, по царскому разсмотрению; а иным за такое их ослушание и за бесчестье того, с кем быти не хотят, учинят наказание, бьют батоги в приказех и в Верху, перед царскими полатами; а на иных за бесчестья правят денги, против жалованья, и отдают тому, кого они бесчестят; а у иных за такие ослушания бывает наказание, отоймут честь, и поместья, и вотчины и, бив кнутом или батоги, ссылают в сылку, на вечное житье в Сибирь в казаки.

14. Да у бояр же, и у думных и у ближних людей, и у иных чинов у столников, у дворян, у дьяков и у стряпчих, и у жилцов обычай таков: кого с кем царь похочет послати в товарыщах, в посолство и в ыные во всякие посылки, и те люди, кому с кем велят были, сведав о том наперед, что им с ними быти, а им быти с ними зачем будет немочно, учинятца нарочным делом болны, чтоб тою приметною болезнью тое службы избыть. И тот, с кем они быти не хотят, бьет челом царю, что тот человек прикинулся в болезнь, нарочным делом, не хотя с ним быти вместе. И по таким челобитьям болных людей осматривают думные, и простые дьяки, и подьячие: и будет такие люди бывают болны ненарочным делом, и их осмотря от службы отставливают, а посылают в их место иных; а будет у осмотру познают, что учинился болен нарочным делом, хотя избыть того, чтоб с тем человеком не быть, с кем ему велено, и такого человека с тем человеком посылают болного, доколь обможетца, а будет умрет или к самому

времяни, к которому будет надобен, не обможется, и в его место посылают иных, а ево имя запишут хотя и болен был, однако с тем человеком, с кем велено, посылан и был. И иные такие люди с серца прикинувся в болезнь умирают многие, не хотя роду своего перед другим родом обесчестить.

15. Так же как у царя бывает стол на властей и на бояр, и власти у царя садятся за столом по правой стороне в другом столе, а бояре по левой стороне, в своем особом столе. И как те бояре учнут садится за стол, по чину своему, боярин под боярином, околничей под околничим и под боярами, думной человек под думным человеком, и под околничими, и под боярами, а иные из них, ведая, с кем в породе своеи ровность, под теми людми садитися за столом не учнут, поедут по домом или у царя того дни отпрашиваются куды к кому в гости; и таких царь отпущает. А будет царь уведает, что они у него учнут проситися в гости на обманство, не хотя под которым человеком сидеть, или, не прощався у царя, поедет к себе домов: и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И они садитись не учнут, а учнут бити челом, что ему ниже того боярина, или околничего, или думного человека сидети немочно, потому что он родом с ним ровень или честняя и на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят сидеть, не бывывал; и такова царь велит посадити силно; и он посадити себя не даст, и того боярина бесчестит и лает. А как ево посадят силно, и он под ним не сидит же и выбивается из-за стола вон, и его не пущают и розговаривают, что он царя не приводил на гнев и был послушен: и он кричит: «Хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть», и спустится под стол; и царь укажет его вывесть вон и послать в тюрму или до указу к себе на очи пущати не велит. А после того за то ослушание отнимаетца у них честь, боярство или околничество и думное дворянство, и потом те люди старые своея службы дослуживаются вновь.

А кому за такие вины бывают наказания, сажают в тюрмы, и отсылают головою, и бьют батоги и кнутом: и то записывают в книги имянно, впредь для ведомости и спору.

16. А ис которых чинов ни буди бывают пожалованы в бояре, и в околничие, и в думные люди, за службы и не за службы, а лучится им сидети в думе с царем вместе: и они садятца по роду своему и по чести, кто кого честняя

породою, а не по тому, кто кого старее в чину, хотя, кто сегодни пожалован, наутрее по породе своей учнет сидети выше. Так же и за столом царским садятца потомуж. А которые бояре царю свойственные по царице, и они в думе и у царя за столом не бывают, потому что им под иными боярами сидеть стыдно, а выше не уметь, что породою не высоки; а околничие и думные люди свойственные царю по царице; и те люди в думе и у царя сидят за столом, где кому мочно. Так же они, свойственные царю, на Москве сидят в приказех или бывают в посолствах и в воеводствах, и с ними бывают товарыщи, которым было преж того точно с ними быть, как еще они царю не учинились в свойстве.

17. А бывают они, бояре, и думные люди, и власти, у царя на обеде на господския празники и на иныя нарочитые дни, и на его царские, и царицыны, и царевичей, и царевен имянины, так же и в те дни, когда которой царь или царица, и царевичи, и царевны преставилися, и творят по них погодно поминание, или как бывают иных государств послы на обеде; а кроме таких дней, они, бояре и власти, у царя не обедают никогда.

О жалованье послом, как их посылают во окрестные государства

18. Бояром, околничим, думным людем, столником, стряпчим, дворяном, дьяком, жилцом, переводчиком, подьячим, толмачом, как их посылают во окрестные государства в посолствах, и на съезды, и в посланникех, и в гонцех, дается царское жалованье денежное, по окладу их, на два года, да чем поднятца на службу, против окладу одного году; да им же для тех служеб даетца соболей: бояром по 1000, и по 800, и по 700, и по 500 рублев, околничим на 400 и на 300 рублев, думным людем и столником на 300, и на 250, и на 200 рублев, столником же, и дворяном, и дьяком на 200, и на 150 рублев, безденежно, смотря по чести их и по посолству. Да им же послом и посланником, и гонцом, и посолским дворяном, и иным чином, в дорогу даетца царское жалованье: запасы хлебные и съестные, мяса и рыба; да питья, вина, вина горячие, меды розные, пива, по указу, для чину, негораздо по болшому, по старому обычаю.

19. А которой боярин, или околничей, или думной человек, или столник и дворянин, люди новые, к посолскому

делу нарядами, платьем и конскою збруею, незаводны: и тем даютца царские лошади со всею службою, а к платью и на шапки запоны; а иные наряды и служилую рухлядь берут они на съезд и займуют у своей братьи, кто кому дружен. А как они приедут с службы, и то, что у царя возмут, отдают назад, или разве чем кого за службу царь пожалует во веки.

20. А как они, послы, взяв жалованье, к посолскому своему поезду изготовятся совсем, и посылаючи их в которые государства или на съезды, для скорости велят им ехать, не дожидаясь наказов, потому что те наказы к поезду их бывают неготовы, и вымышляют как бы им с чюжеземскими людми говорить и отговор чинить разумнее, а государю б своему к чести; а присылаются те наказы к ним в дорогу з гонцами, как они будут блиско рубежа. А которым послом с Москвы бывает поезд нескорой, и им наказы даютца на Москве.

21. А пишетца послом и посланником, и гонцом, в наказех кроме новых дел, о чем лучится говорити и что делати, таким обычаем:

1) Как они будут которого великого государя в стороне, и они б посылали к генералом губернатором и к воеводам из дворян своих посолских человека разумного, а с ним переводчика, о своем отпуске х кому они будут посланы от царя и о прис̆таве, и о корму, и о питье, и о подводах, и о провожатых чтоб их отпущено было без задержанья.

2) А будучи другово великого государя в стороне, ехали б тихо и смирно, и задору б они, послы и посолские их дворяне и люди, с чюжеземскими людми ни о чем не чинили никакого, и домов не разоряли и не грабили, и сами б насилством своим не имали ничего ни у кого, чтобы на них, послов, в проезде их не было жалобы ни от кого, так же б царскому имени не учинили к бесчестью.

3) А как они, послы, приедут к которому государю, в котором он городе живет или где в отъезде и их тот государь велит приняти и поставити на дворе, и они б, послы, на другой или на третей день приказывали к тому государю с приставом своим, которого к ним уставят, что присланы они от государя своего к тому государю для великих дел и для дружбы и любви, чтоб тот государь велел быти им у себя на дворе на приезде и посолства их выслушал.

4) А как тот государь, которого дни велит им, послом, быти у себя на дворе и им, послом, велено с приставом го-

ворить и посылать, чтоб он того государя думным людем объявил, которого дни будут они у государя их на дворе и посолство свое учнут править, чтоб иных государств послов, и посланников, и гонцов при том не было. И как тот пристав, которого будут они у государя их, иных послов, и посланников, и гонцов не будет никого, им, послом, велено ехать по чину: наперед бы их, послов, несли к тому государю от царя дары, да перед ними ж, послами, ехали посолские дворяне, а грамоту б царскую вез подьячей; а приехав на двор, шли б в полаты к тому государю, сняв с себя сабли; а людей бы своих, окром дворян, с собою в палаты не имели.

5) А как они, послы, уведают, что у того государя того дни, которого им быти у него, будут иных государств послы или посланники и им, послом, велено с приставом же приказывать говорить, что им при чюжеземских послех и посланникех быти у того государя и посолства своего правити не уметь, и в посолство к тому государю за чюжеземскими послами з двора ездить не велено. А будеть они, послы, приехав к тому государю на двор, сведают, что тут же с ними вместе будут иные послы на посолстве, и им потомуж велено отговоривать и в посолство при них не ходить.

6) А приехав к тому государю, велено к нему в полаты итти по чину: наперед нести дары, да шли б дворяне и грамоту несли, а сами послы позади. А вшед в полату и став пред тем государем, по посолскому обычаю, и держа грамоту, первому послу говорити речь такову: «Бога в троице славимаго милостию, великии государь царь»; потом имянованье его царское и титла большие, а по титлах имянованье ж и титлы того государя, к которому бывают они присланы, а по титлах: «к вашему королевскому величеству (цесарская: «к вашему цесарскому величеству»; персидцкому: «к вашему Шах-Аббасову величеству»; х крымскому: «к вашему Магметь-Гиреееву цареву величеству» или какое имя его будет; х курфистром, и х князем, и к иным: «к вашей курфистрской, или княжой честности») прислал нас, своих царского величества великих и полномочных послов с своею царскою грамотою, и велел поклонитися, и свое царского величества здоровье сказати, а ваше королевского величества здоровье видети». А кланятися им, послом, велено, по обычаю, в пояс. И потом, как спросит тот государь у послов про царское здоровье, и послы б, другой товарыщ, говорил: «как они по-

ехали от великого государя царя», имянованье царское и титла короткая, а по титле — «и великии государь наш, его царское величество, на своих преславных и великих государствах Росииского царствия, дал бог в добром здоровье». А как тое речь переводчик скажет, и третьэму человеку послу велено говорити речь такову: «Божиею милостию, великии государь царь», имянованье ж его царское и титла короткие, а потом другово государя имянованье и титла короткие, а по титлах — «к вашему королевскому величеству прислал свою царского величества любителную грамоту». А как тое речь переводчик скажет, велено поднести грамоту; и потом им же, послом, четвертому товарыщу, велено говорити речь такову, а четвертого не бывает, и тое речь говорити первому послу: «великии государь царь», имянованье и титла короткие ж, «к вам», титла того государя; по титлах: «прислал свои царского величества любителные поминки». И потом велено им, послом, дары подносити тому государю, самим, порознь; а будет у них, послов, свои дары будут, и им потомуж велено подносити с учтивостию; и тот государь, как примет у них дары и велит быти к себе послом к руке, и им велено в руке итти вежливо и учтиво; а кланятися тому государю велено потомуж, по обычаю, в пояс. А как тот государь, посолства их выслушав, отпустит к себе на подворье, и пришлет к ним с столом с ествою и с питьем и кто будет прислан с столом, велено говорити с ним речи вежливые, разумным поступком. А как придет до того, что за государские здоровья пити чаши, и послом велено пить наперед про царское здоровье, потом другово государя; а будет у них о том учинится спор, и им велено отговарить и упрашивать, чтоб пить наперед про царское здоровье. А будет тот государь велит им, послом, быти у себя на обеде, и им потомуж велено ехать и бывши у него за столом, чтобы сидели вежливо, и не упивалися, и речи разговорные говорили остерегаяся, с вымышлением. Так же и посолским своим дворяном от себя приказывали, чтоб они не упивались, и сидели вежливо ж и тихо, и слов никаких меж себя и ни с кем не говорили. А как им, послом, велят быти у думных людей в ответе, и им потомуж велено ездить в ответ учтиво, и в ответе з думными людми о делех говорить, по наказу, разумно и вежливо, чтоб царскому имяни от того было к чести и к повышению.

А как им, послом, будет отпуск, и они б на отпуск ехали ж и оговаривались, чтоб и при отпуске их иных го-

сударств послов, и посланников, и гонцов не было; и будучи на отпуске, потомуж чин свой исправили вежливо и смирно, как и на приезде, во всем против посолского обычая. А как их отпустят домов, и они б государством того государя или другово которого, ехали назад потомуж тихо и смирно, как и туды едут сперва: и даров бы, едучи туды и будучи там и назад едучи, от всяких дел кому доведется дати, давали б, не жалея, чтоб от того царскому имени было к чести к повышению, а им, послом, к проезду и отъезду их без задержания. А чем их, послов, которой государь на отпуске подарит, и те дары показывают, приехав, царю: и что ис тех даров понадобится царю, и то у них емлет, а за то из своей царской казны дает денгами, по оценке, что чего стоит.

Таким же обычаем, как посылаются во окрестные государства посланники, и им в наказех пишут и делать велят против того ж во всем, что и послом.

Так же и гонцом бывает указ против того ж, кроме речи, что говорят послы и посланники, как подносят дары: а сверх того, не бывает на них положено, чтоб от них каких дел выслушать и быть в ответех или письмами какими крепится, и кроме того, что грамоту отдать, ничего делати не указано.

22. А которые послы бывают на посолских съездех о постановлении покою християнского, и им с чюжеземскими послами велено ссылатца листами, в которых местех съехатися ближе и податнее, и о посолском их съезде велено бывает договариватца по полным их посолским мочам, через дворян, и через их дворянские записи, и крестное целование и веру, чтоб им, послом, друг з другом съехатися и розъехатся волно было, хотя и доброго ничего не учинится, и друг на друга зла никакого не мыслити, и не подъискивати и мыслити не велеть никому. А как они по таким дворянским записям съедутся, и им велено шатры царской с королевским поставити поровну, полами вместе, или избы зделав, а меж ними сени опчие; и в тех обчих полах или сенях послом с послами сходитися, и сшедся наперед бы говорили речь они, русские послы, а потом розменялись верющими громотами, а сверх того и о делех бы говорили, о чем им наказано. А как посолство учнет приходить к доброму делу, и им, по зговору, записи велят писать, по указу, и учиня б меж себя веру и крестное целованье, розъехався з другими послы, ехали к Москве, не мешкая.

23. А прямого истинного наказу и указу на посолские съезды послом своим ведати не дадут до тех мест, как они съедутся з другими послами и что с ними на съезде чюжеземские послы поговорят. И будет в чом упорно стоят, и они о том пишут к Москве, что чюжеземские послы стоят упорно, и гораздо спесивы, и неподатны, что им бес прямого подлинного указу делать непочему и к ним посылают наказ тайной, в то время как отпишут.

24. А будучи послы и посланники в посолстве своем, о делех говорят в ответех с ответными людми и на съездех, с послы, по наказом, каковы им бывают даны ис Посолского приказу и от Тайных Дел, и те их речи записывают подьячие. И кто что в посолстве своем говорил какие речи сверх наказу или которые речи не исполнят против наказу: и те все речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб доставить у царя себе честь и жалованье болшое; и не срамляются того творити, понеже царю о том, кто на них может о таком деле объявить? [...]

25. Да с послы ж, которые бывают посыланы на посолские съезды, или воеводы в войну с полками, и с ними в такие посылки посылаются образы древняго писания, обложены золотом и серебром, з жемчюгом и с каменьем: и те образы, с ыными со многими образами и со свещами, царь, и патриарх, и митрополиты, и весь священническии чин, и бояре, и всякого чину люди из Москвы провожают пеши, до тех мест, где принимают чюжеземских послов. А провожаючи те образы, молебствуют и по молебствовании патриарх, и царь, и власти, и бояре, и всякого чину люди чинят перед тем образом прощение и потом целуют того написанного образа в руку; и бывают послы или полковые воеводы в то время у царя на отпуске у руки; и прощався, царь, и патриарх, и власти, и бояре с ыными образами пойдут назад, до первыя своея соборныя церкви, и потом розыдутца по домом. Таким же обычаем, как послы приезжают ис посолств или воеводы ис полков, и царь, и патриарх, и власти, и бояре, и иные люди те образы встречают в тех же местех, где чинит прощение в провожании, с образами ж и со свещами, и чин бывает против того ж, как в провожании; а встретя те образы, поставят в церквах, где они преж того стояли. А бывают те образы, спасов или

богородицын или которого святаго, написаны на дереве, велечиною с лист, а иной в аршин и болши.

Вопрос. Для чего те образы посылаются?

Ответ. Для того, когда на войне учинится над неприятелем поиск, а в посолстве вечное докончанье, и те дела учинятца помощию божиею, а они разумеют бутто помощию, и заступлением, и молитвою богородицыною и святых которых ис тех образов, и по такому домышлению те образы почитают и не стыдятся к бездушному глаголати и о помощи просити, понеже слепы есть: замазал им диавол очи пламенем огня негасимаго.

Да с послы ж бывают на свейских посолских съездех, для опасения, стрелцов, по 200 человек и болши, да конницы з 200 ж человек.

А на полских съездех бывает с послы приказ стрелцов да конницы с 500 человек, кроме дворян, со всяким воинским запасом и с пушками.

26. А как послы, совершa свои дела по указу, ис посолств едут к Москве, и в то время на встречю в дорогу посылает к ним царь спрашивати их о здоровье, столников и жилцов, смотря по посолской чести; и те послы за то тех людей дарят.

27. А как послы или полковые воеводы приедут к Москве и царь велит им быть к себе, или как встречает образы, и они бывают у руки, и подносят посолств своих грамоты, и записи, и статейные списки, как что делалось; и царь, слушав их посолского дела, будет служба их будет в выслугу, жалует за выслугу честью, как о том выше написано. Да им же, послом и полковым воеводам, бояром, околничим, думным людем, столником, дворяном и дьяком, даются шубы собольи, покрыты золотым бархатом или отласом, рублев в 200, и в 300, и в 400, и в 500 шуба, смотря по службе и по чести человека. Да им же даются вотчины или на вотчины денги, тысечь по десяти, и по семи, и по шти, и по пяти, и по 3, и по две ефимков любских, смотря по службе ж и по чести человека; да к годовому денежному жалованью и к поместному окладу придача.

А столником же, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и переводчиком, и подьячим и толмачем, которые бывают посыланы с послами, а не сами собою, за службы дается жалованье: сукна, камки, тафты, смотря на человеку, да к годовому денежному жалованью и поместному окладу придача.

Таким же обычаем посланником и гонцом, которые бывают во окрестных государствех, и им за службу их потомуж бывает честь, и к годовому жалованью и к поместному окладу придача.

28. А иным послом, и посланником, и гонцом или и полковым воеводам за их службы о жалованье бывает указ: на площади, перед Посолским приказом, бьют кнутьем, а иных казнят смертию, а у иных отымается честь, и поместья, и вотчины и ссылают в ссылку в Сибирь, на вечное житье, з женою и з детми, в дети боярские, или в казаки, или в какую службу годятся. А кому за какие вины бояром, и околничим, и думным, и ближним людем, и столником, и иным чином о наказании бывает указ, и о тех людех жены их, и дети, и сродичи бьют челом царице или царевичам и царевнам — и они по их челобитью о прощении упрашивают царя, и царь, по их прошению, тех людей в винах их прощает, и наказания им не бывает; так же и ис тюрем и из ссылок свобождают, и поместья их и вотчины отдаются им назад, а чести дослуживаются вновь.

О дарех, каковы к которому потентату с послы посылаются, и по скольку числом

29. К цесарскому величеству с посланники посылается поминков на 1000 рублев; да на роздачю от царских дел на 300 и на 400 рублев и болши, соболми, сороками и парами.

30. К королевскому величеству свейскому с великими послы на 2000 рублев; да на роздачю от дел на 1000 рублев.

31. К полскому королю с великими послы на 3000 и на 5000 рублев; да на роздачю от дел на 2000 рублев.

32. К аглинскому королю преж того посылывано против полского короля на 3000 ж рублев, да от дел против того в полы.

А прошлого 1663 году к аглинскому королю и х королеве послано от царя, от царицы и от царевичей всяких даров, с великими послы с Прозоровским, соболей, и лисиц черных, и мехов собольих, и горностаев живых, и птиц кречетов, соколов и ястребов, болши 20 000 рублев: а посланы такие великие дары для подкрепления старые их государские братцкие дружбы и любви и чтоб у города Архангелского учинити торговлю поволную противо прежнего, как при прежних королех и царех бывало. Так же и

для того такие дары посланы, что в то время король аглинской женился; и те московские послы, приехав к аглинскому королю, веселия его не застали, а были у него и у королевы и посолство свое отправливали и дары им от царя, и от царицы, и от царевичей подносили, по чину, после его королевского веселия; так же и они, послы, короля и королеву дарили своими дарами, соболми и собольими и горностаевыми мехами; и воздав им, московским послом, аглинской король честь и подарки немалые, так же и за их дары подарки ж отпустил с честию домов. И после того вскоре аглинской король к московскому царю послал посла своего, з женою и з детми, а с ним дары великие, сметя против московских даров; и велел посолство править царю, и царице, и царевичам от себя и от королевы и дары подносить против такого ж обычая, что и к ним было. А как аглинского короля посол приехал к Москве, и о приниманье его, и о посолстве и о всем деле, разумеется, что таким же обычаем было, как ниже сего написано про полских послов.

Как полского Владислава короля не стало, а по смерти его обрали на Полское королевство брата его нынешняго полского Яна Казимира короля, и в то время посланы были с Москвы послы, для подтвержения старые братцкие дружбы и любви, роду Стрешневых: а полской король в то время женился брата своего на королеве. И будучи те московские послы у полского короля на свадбе, от царя и от царицы королю и королеве правили посолство и подносили дары; и против того и полской король посылал к царю послов своих, и велел посолство править, и дары подносить от себя и от королевы царю и царице, против такого ж обычая. И те послы, будучи у царя, посолство свое правили и дары подносили, а отговорилися тем, назвали царицу болною, а она в то время была здорова; и слушал у послов посолства, и дары за царицу принимал царь сам.

Вопрос. Для чего так творят?

Ответ. Для того: Московского государства женской пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, а породным разумом простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и опричь самых ближних родственных, чюжие люди никто их и они людей видети не могут — и потому мочно дознатца, от чего б им быти гораздо разумным и смелым; так же как и замуж выдут, и их потомуж люди видают мало. И толко б царь

в то время учинил так, что полским послом велел бы быть у царицы своей на посолстве, а она б, выслушав посолства, собою ответу не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд[8].

33. К датцкому королю преже того посылано с послы по 2000 рублев; да на роздачю от дел на 1000 рублев.

А прошлого 1663 году к датцкому королю послано было с послы всяких даров: соболей, и лисиц черных, и мехов собольих и горностаевых, и соблей же, и куниц, и горностаев живых, и птиц кречетов, и соколов, и ястребов, и иных, с 15 000 рублев; да от Архангелского города, в два пойма, хлеба по 5000 четвертей, безденежно. А посланы такие великие дары для того: как у московского царя учинилося с королевским величеством свейским нелюбье и война, и в то время царь писал к датцкому королю, чтоб он против королевского величества помогал, стоял с ним за одно, и по тому его писму датцкой король то и чинил; а когда всемогущий бог королевскому величеству допомог, над датцким королем учинился поиск, и тогда царь московской датцкому королю не помогал и ничил в то время с королевским величеством о покое в Валиэсаре трактаты, и чрез такое его царское писмо датцкой король стал обманут, и видя царь московской свою неправду, для утешения послал к нему такие подарки, чтоб он на него не имел злости, а все то, что ни было, забыл.

34. Х курфистром, и х князем, и к графом, и к Галанским Статом посылается с послы по 1000 рублев; да на роздачю на 500 рублев.

35. К турскому салтану посылывано с послы на 5000 рублев и болши; да на роздачю от дел тысечь на десять и болши, для далнего проезду и для высовобождения руских полонеников.

36. К перситцкому шаху посылается о послы, что посолство то болши, по 50 000 и по 100 000 рублев и болши, всякими зверми, битыми и живыми, и птицами, для того, что персидцкой король присылает к Москве в дарех сам много, многие узоровья с каменьи и всякие товары. А в прошлом 1663 году послано в Персию с послы болши 200 000 рублев даров: две кореты серебряных, одна позолочена, а к ним по 12 лошадей с прибавошными лошадми, соболи, куницы и всякая мяхкая рухлядь, птицы и звери всякие живые, сосуды серебряные, деревяные, костяные. А посылаютца к нему птицы и звери живые, многие, с прибавкою, потому что за далнею дорогою и за поветри-

ем птицы и звери помирают и в то число прибавливают иные. А возвращаются московские послы от турского салтана и от Перситцкого шаха назад, к Москве, в четвертое лето: понеже проезд гораздо жесток, и от воздуху многие люди помирают.

37. Х крымскому хану, и к его цареце, и к царевичам, и к их женам, и к детем их, и к пашам, и к князям, и к мурзам, и к ближним людем посылают с посланники шубы собольи, куньи, бельи, покрыты золотом, да шубы ж лисьи, песцовые, заечьи, покрыты камкою цветною, однарядки суконные, кафтаны камчатые, шапки, сапоги, соболи, куницы, лисицы, ежегодь, а что год перед годом с прибавкою, для того: которые им дары не полюбятся, и они переменивают или к тому прибавливают, а чего кому не достанет по росписи, и они тех посланников мучат, и бьют, и в тюрме держат. А посылают к ним те поминки для того, чтоб они на украинные городы войною не ходили и городов и мест не разоряли; однако они, такие дары беручи, на то не смотрят, чинят, что хотят. А будет тех поминков на год болши 20 000 рублев. А уложил те поминки давать Алексей, митрополит Московскии, после того времяни, как он был в Крыму в полону, тому много лет назад. Так же он, митрополит, заклял Московское государство, чтоб они сами на крымских людей войною не ходили, а утешали б нечестиваго дарами; а ежели они через его заклинание учнут на Крым ходить войною, и им в войне не даст бог поиску, а в земле плоду. Разве они, крымские люди, сами учнут войною приходити — и против них стояти повелел. И по тому его заклинанию московскии царь то и чинит: сам войною на Крым не наступает, а окупаетца такими дарами ежегодь; а когда и войска свои против крымских людей посылает, и тогда московские войска на крымские войска поиску сыскати не могут никакого, потому что московские войска никоторых людей так не страшны, как крымских.

А как они, крымские люди, ходят войною на украинные городы, и разоряют, и людей рубят, и в полон берут, и тех полнеников привозят они на границу, по зговору, на розмену: и которыми полонениками с обе стороны розменяютца, а другие останутся, и за тех московские люди платят денгами, по зговору, по 100 рублев и болши, и по 50, и по 30, и по 20, и по 15 за человека, смотря по человеку, кроме тех даров.

38. Так же как лучитца куды послати московскому ца-

рю посланников, и с ними посылаетца даров на 1000 рублев, смотря по чести потентата; а к иным на 500 рублев.

Глава 5,

а в ней 18 статей

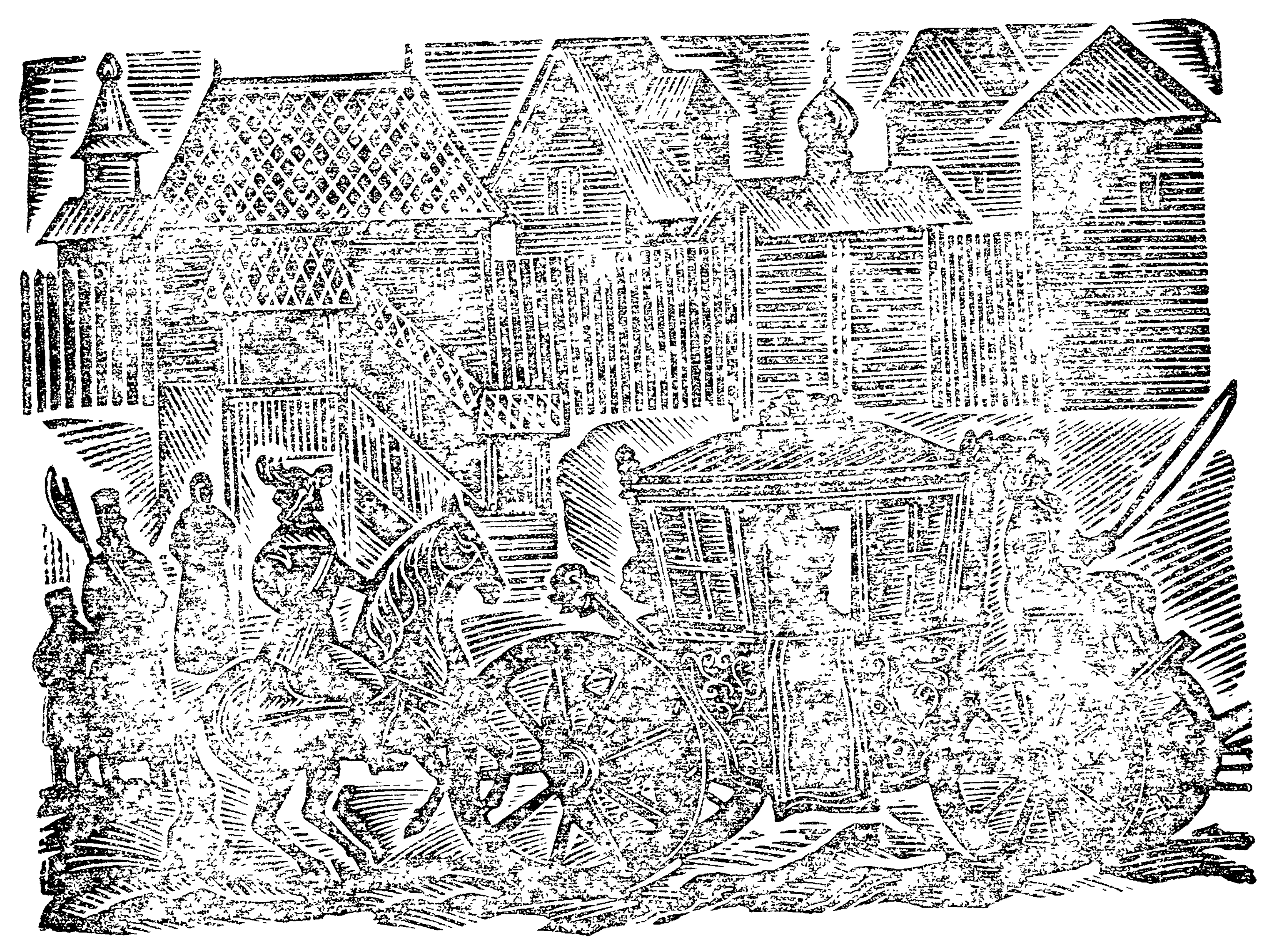
Иных государств о послех, и о посланникех, и гонцех и какова кому честь бывает

1. Королевского величества свейского послы, как они приедут на границу, и их посылают принимать ис порубежных городов бояре и воеводы дворянина, человека старого и роду честного, и велят принять послов с честию, и корм и питье пошлют к ним с ним на встречю; а приняв послов, едет с ними до города. А как они будут блиско которого города, и посылает тот дворянин с вестью к воеводам, что они будут в город того числа, которое прилучится: и бояре и воеводы для тех послов учинят встречю, а на встрече бывают дворяне, и дети боярские, и служилые всяких чинов, и посадцкие люди: и с теми послами дворянин едет в город и на двор, где устроено послом стоять. А проводя его, скажет боярину, и боярин посылает к послом с почестным столом, с ествою и с питьем, его ж, дворянина, или кого иного, и на первой день ествы и питья с поденным вдвое, и велит ему у него быть в приставех до Москвы. А изготовя им, послом, в дорогу корм, и питье, и подводы, отпустят их к Москве без задержанья.

А как послы приедут блиско Москвы, и дворянину велено бывает с теми послами остановитися, не доезжая Москвы за 20 верст, и о посолском приезде отписать; и по ево писму велят ему с теми послами итти к Москве, на подхожей стан, верст за 60, и ожидати указу, как ему велят быт с ними к Москве. А на Москве того дни, в которой будет встреча, на царской конюшне готовят лошади, на чем их, послов, принимать; да на дворе, где им стоять, готовят полаты или избы, и корм, и питье послом, и их посолским дворяном, и всякого чину людем, и конской корм и дрова к их посолскому приезду все было готово. Да того ж дни, как послы будут в Москве, велят быти на встрече спалником, столником, стряпчим, дворяном московским, дьяком, жилцом, гостем, подьячим, стремянным, задворным, стряпчим конюхом, дворовым людем, торговым людем посотенно, нарядясь по посолскому обычаю, у

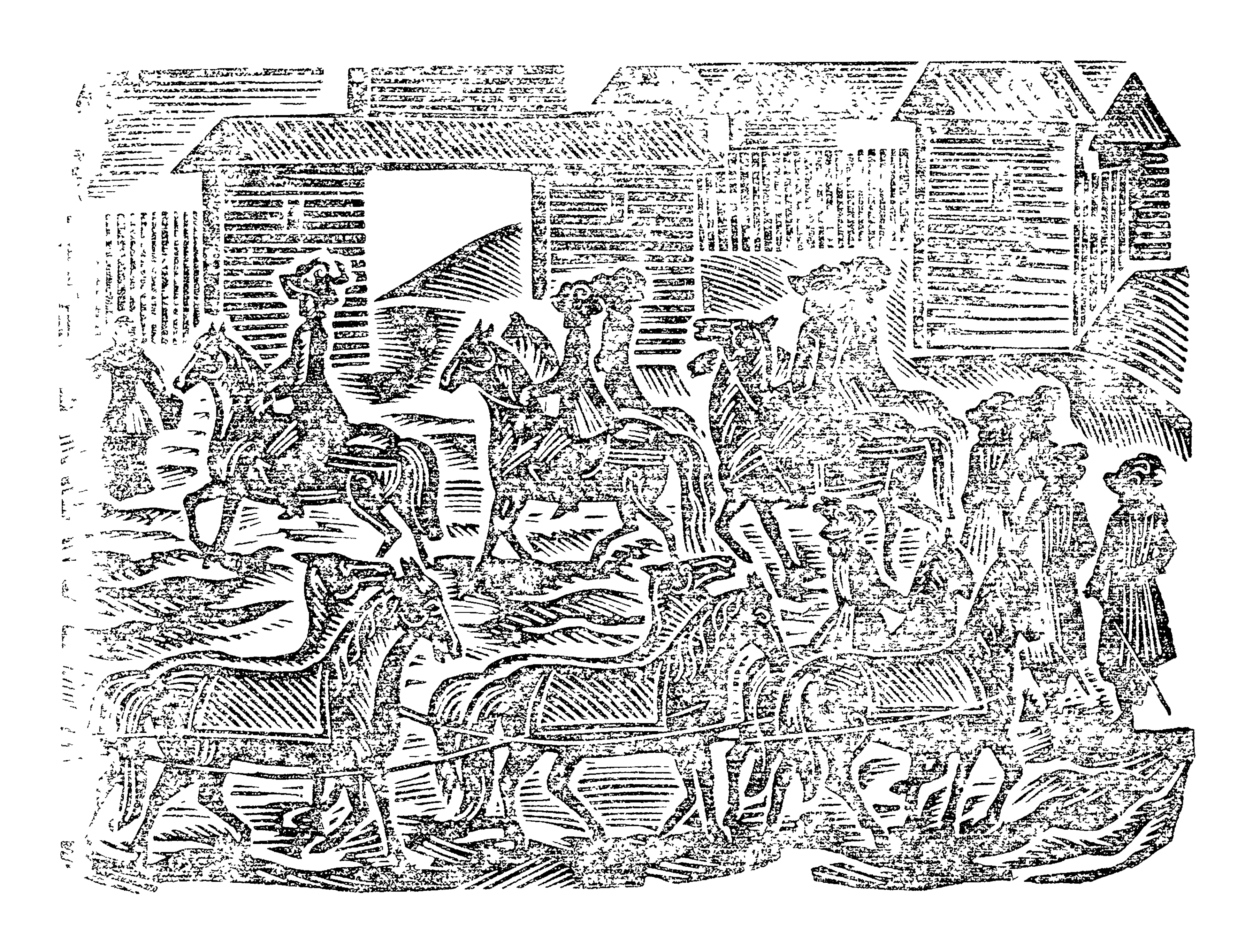
кого каких нарядов прилучилось; а в городе и на площади и до посолского двора испоставлены бывают стрелцы, по служивому обычаю.

А встретить послов и принять посылаетца столник, середнего роду, которые бывают в околничих, а с ним дьяк; и встречают послов за Земляным городом, на поле. А в наказех столнику и дьяку пишется: как они съедутца с великими послы, и они б говорили речь, по наказу, напе-



ред послов, а шапок бы наперед послов не снимали и с лошадей не ссадились. И как столник и дьяк послов встретят, и речь по наказу изговорят, и скажут что присланы под них, послов, царские лошади, на чем им ехать, с седлы и с наряды, и у послов с столником и из дьяком бывает спор: как московские послы бывают у государя их, и их принимают в коретах, а не верхами; и столник и дьяк отговариваютца, что изо всех окрестных государств, так же и их свейские послы прежь того бывали, и их принимали верхами и ехали в город без спору, и в государстве их чюжеземских послов в коретах принимати не обычай. И

споровався много, садятца послы на царские лошади, и, сев на лошади, у послов с столником бывают споры великие о правой руке; и споровався много, едет столник с послами в город, у послов по правую руку, а дьяк по левую сторону. А проводя их, послов, до посолского двора, где им стоять, поедут столник и дьяк к царю; а объявя о том царю, что послов приняли и проводили на посолской двор, и царь посылает спрашивать послов о здоровье их же,

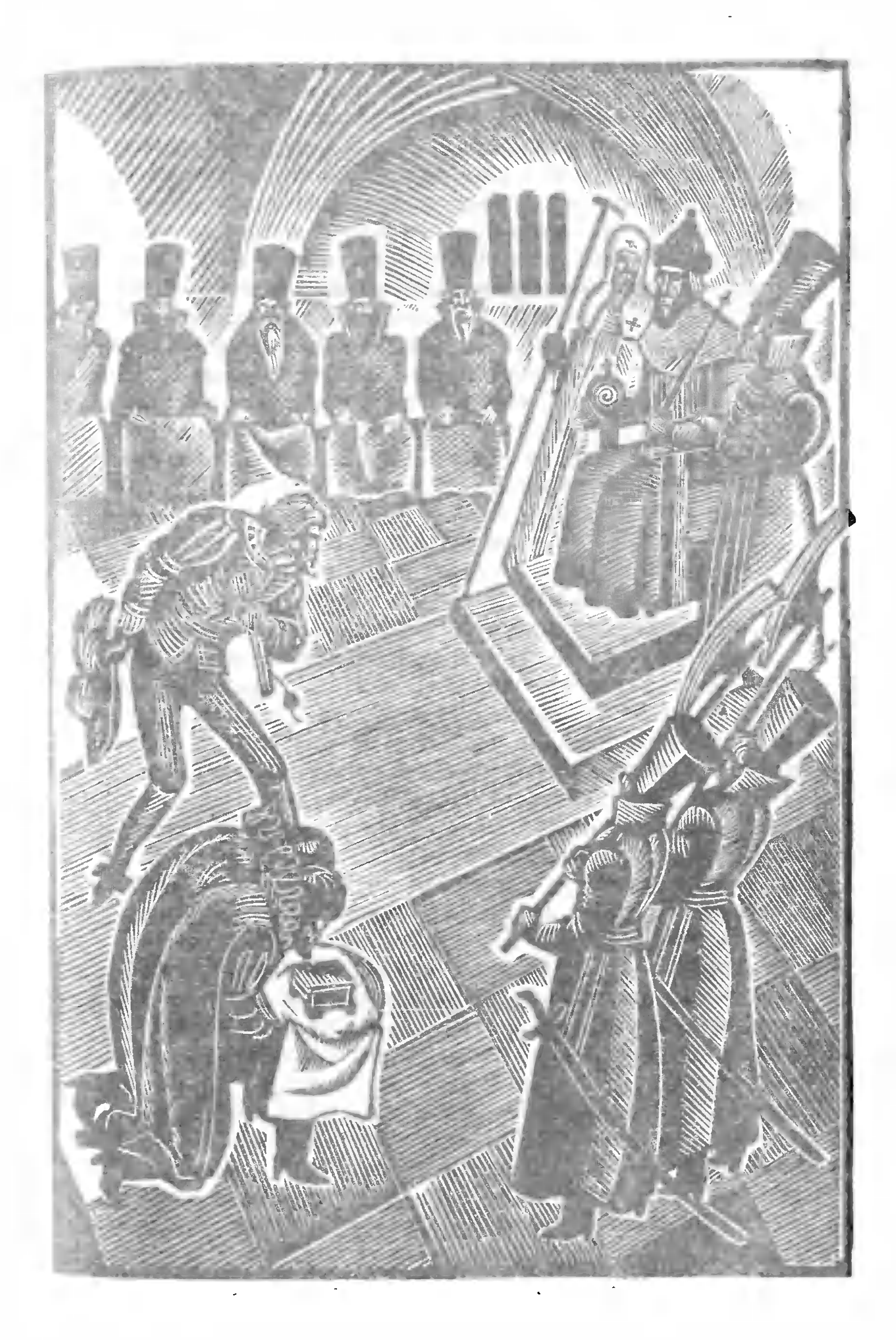


столника и дьяка, и велит сказати послом, что им велено быти у них, послов в приставех.

2. А которого дни царь послом велит быти у себя на приезде, и в то время в городе, у царского двора, и на площади, и в другом городе на площади ж, у рядов, до посолского двора, по обе стороны улицы, где ехать послом, поставлены стрелцы з знамены и с ружьем: и посылают под послов и под дворян с царские конюшни лошади, да стрелцов, которым нести королевские и посолские дары, да встречников, подьячих и конюхов, с которыми ехать послам в город. И как царь будет в полате, и к приставом по-

сылают, что им к царю с послы ехать время: и они едут с посолского двора, столник у послов по правую ж руку, а перед послы несут наперед королевские и их посолские дары стрелцы, да перед послы ж наперед едут в город встречники и их посолские дворяне. А как послы приезжают блиско царского двора, и, не доезжая двора, слазят с лошадей; и слезши с лошадей, послы и их дворяне шпаги с себя снимут и идут к царю в Верх без шпаг, а наперед послов идут з дарами стрелцы и посолские дворяне, мимо церкви, сенми, на крыльцо к той полате, где им быть у царя, и в полату входят потомуж; а перед полатою встречают послов думной дьяк да дьяк, и спрашивает послов о здоровье, и идут в полату с послами вместе. А царь в то время сидит на своем месте, во всем своем царском одеянии; а про правую руку царя, на окне, поставлен на блюде стоянец, а по левую сторону сидят бояре, поодаль; а царя в то время держат под руки сибирские царевичи или бояре. Да подле царя ж, по обе стороны, стоят рынды, четыре человека, наряжены в белое платье камчатое на горностаях, в шапках белых же, высоких и в сапогах, а в руках держат по топору нарядному з золотом и с серебром; а бывает на тех рындах платье и топоры царское; а люди они первой, и другой, и третей статьи родов, боярские дети. И как им царь велит быти в рындах, одному под другим и пластье свое с себя снять и взложить царское платье, и они промеж себя потомуж споруются и друг з другом быти не хотят, а быти ему мочно под тем, под кем царь велит, а он не хочет и пластья своего с себя не снимет, а царскаго не взложит: и на таком ослушнике платье царь велит изодрать все и взложит свое платье; а как послов отпустят, и с него сняв царское платье, или до послов, бьют перед царским окном, при всех людех, батогами: не ослушивайся царского указу.

А вшед послы в полату, начнут по наказу своего говорити речь, и царя поздравляют, и правят поклон; и царь в то время встанет, и шапку сымет, и спрашивает послов о королевском здоровье сам, стоя; а говорит ево речи послом вдругоряд околничей; и потом царь садитца на место. И послы, сказав про здоровье государя своего, говорят речь, что прислана с ними к нему королевского величества грамота; а изговоря речь, подают царю королевскую грамоту; и царь тое грамоту у послов принимает сам, стоя, сняв шапку; и потом послы говорят речь, что присланы с ними к нему от королевского величества подарки, и объявя те подар-



ки, подносят, и Царь у послов подарки принимает сам. А снимает при послех с царя шапку тесть ево или иной первой боярин. И, приняв подарки, велит послом быти к своей царской руке, и говорит к послом речь думной диак; и после послов бывают у руки посолские дворяне. И потом царь велит сказати послом свое жалованье, стол с ествою и с питьем, а говорит: речь думной же диак и послы на царском жалованье бьют челом. А сказав им стол, отпущают их к себе на подворье, а провожают послов ис полаты думной диак да дьяк; и послы у царского двора садятца на лошади и едут до посолского двора, где поставлены, а перед ними встречники и их посолские дворяне. А людей их посолских в тое полату, где царь сидит, кроме дворян, не пущают никого. А дары бывают присыланы: сосуды серебряные, позолоченые, разные, и что прилучитца заморских диковинок.

3. И того ж дни укажет царь послати к послом с столом, с ествою и с питьем столника; а породою тот столник, которые бывают в околничих; а в наказе столнику напишут, как он будет у послов, и он бы сам за столом сидел у послов по правую руку, и пил чаши наперед за царское здоровье, а потом за королевское. И как столник приедет к послом на двор и у крылца ссадитца с лошади, а за ним идут дворовые люди с ествою и с питьем; и столника встречают посолские дворяне. А как он войдет к послом в хоромы, и начнет речь говорить от царя, по наказу, и явит, что прислан он к ним послом с столом, с ествою и с питьем, и послы на царском жалованье бьют челом; и велит столник на стол настилати скатерть и ставити еству. И потом послы, и столник, и приставы, и посолские дворяне садятца за стол, и начнут ести по обычаю. И в скором времени, встав столник из-за стола, начнет говорити речь и пить чашу наперед за здоровье царское, потом королевское; и у послов с столником о чашах бывают споры многие, и споровався много, пьют послы наперед чашу за царское здоровье, потом за королевское. А пив здоровья и етчи, столник, витався и пращався с послы, поедет с посолского двора в Посолской приказ и объявит думному дьяку, что он у послов с столом был и по наказу исполнил, и послы ево за то дарили, и покажет дары; а иные послы в дарех отговорилися, что будут они дарить вперед; и о том думной дьяк объявит царю; а что он, столник, с послом поговорит, и то ему велят в Приказ дати на писме.

4. И потом, на другой или на третей день или неделю спустя, укажет царь послом быти у себя на дворе и у бояр в ответе. И того ж дни, в которой послом быти у царя, пошлют под послов и под дворян с царские конюшни лошади и встречников конюхов; и в городех от царского и до посолского двора испоставлены стрелцы; и послы, и с ними приставы, и их посолские дворяне, и встречники едут в город, и у царского двора с лошадей слазят, и, сняв шпаги, идут к царю в полату, противо первого приезду. А пришед в полату, бьют челом царю за стол, что к ним было прислано, и царь послов спрашивает о здоровье, а говорит речь думной дьяк, и потом велит послом объявить, что они, послы, присланы от королевского величества и о приезде своем подали королевского величества грамоту, и тое грамоты слушав, он, царь, любително указал им, послом, быти в ответе, и дел выслушать бояром своим (имяна их боярские кто будет), и они б, послы, о чем они присланы дела свои им, бояром, объявили: и потом пойдут послы от царя ис полаты в другую, ответную, полату. И в той полате, где сидеть бояром и послом, и перед тою полатою, где сидет, дворяном, на лавках посланы полавошники камчатые и суконные, и устроено по посолскому обычаю. А как бояре придут в ответную полату и витався с послами, садятца бояре за стол, вдоль против стола, а послы садятца по левой руке против стола ж, поперег; а дворяне посолские бывают в другой полате. И учнут бояре говорить послом, для чего они присланы, чтоб им, бояром, объявили; и послы начнут им о делех говорить, и те их речи, с обе стороны, толмачат переводчики, а для записки речей с обе стороны стоят секретари и подьячие; а окроме тех людей никто в полате не бывает. И у бояр и у послов о делех бывают розговоры и споры многие. И говоря бояре с послами, скажут послом, что они посолство их выслушали, и они о тех делех объявят царю, а что на те дела будет его царской указ и они им объявят. И пойдут бояре к царю, а послом скажут, чтоб они, послы, доколе они, бояре, для объявления тех дел сходят к царю, подождали в ответной полате; и послы ответу дожидают в ответной полате. А как бояре о том царю объявят, и царь посылает к послом из них же, ответных бояр, думного дьяка, а велит сказати, о которых делех они, послы, бояром и ближним людем говорили, и они о тех делех царю доносили, и царское величество велел им сказать, что на те их дела ответ учинен будет им в ответе завтро или в ыный день или

пришлют к ним ответ на писме; а ныне б они, послы, ехали к себе на двор. И послы, з думным дьяком прощався, поедут к себе, противо прежнего ж.

5. А бывают с теми послами в ответех бояре: один бояриц, пс первые статьи родов третей или четвертой человек; другой, менши того, той же статьи родов или другой; да околничей или два да думной посолской диак.

6. А когда лучится послом быти в ыных ответех, и они бывают против такого ж обычая, как и сперва. А ежели они, послы, для некоторых дел похотят быти в ответе, поговорити з бояры и з думными людми, и учнут проситися в ответ, и о том царю будет донесено: и царь послом у бояр своих и думных людей в ответе потомуж быти велит.

7. Да послы ж, как бывают у царя и у бояр в ответе или когда видают царя в процесыах или в ыных местах, и к ним посылаетца того дни корм и питье, с поденным вдвое; и сверх того, посылает их царь спрашивати о здоровье, кого прилучится.

8. А как послы по указу государя своего дела и посолство исправят, и бывает им отпуск, и они на отпуске у царя бывают против того ж, как на приезде: и царь приказывает с ними, послы, к королевскому величеству свой любителной поклон и поздравление, стоя, сняв шапку, и подает послом свою царскую грамоту, а говорит за царя речь околничей; и потом думному дьяку велит сказати послом, что они шли к его царской руке. И быв послы и их посолские дворяне у руки, велит царь сказати им свое жалованье, стол, ество и питье; и послы, бив челом царю, поедут к себе на двор, попрежнемуж.

И того ж дни к послом посылают с столом столника прежнего ж или иного такого ж, и они бывают у послов и подчивают против прежнего ж. А чем послы столника подарят, и они то объявят думному дьяку, а думной дьяк — царю.

9. Да послом же к отпуску их с Москвы готовят в дорогу корм, и питье, и подводы; и в городы, которою ехать дорогою, посылают грамоты, чтоб послом, и их посолским дворяном, и людем их корм, и питье, и подводы было готово и нигде б ни за чем в их посолском проезде мешкоты не было; и в приставех до рубежа велят быти прежнему ж дворянину или иному, будет того за чем не лучитца. А как будет в дорогу корм и питье изготовлено, и послы ехать готовы, и их, послов, провожают с Москвы до тех же мест,

где их принимают приставы да встречники те ж, которые ездили с ними в город к царю; и едут послы из города на царских лошадях. А что они на отъезде с приставы поговорят и чем их подарят, и о том они, приставы, объявливают думному диаку.

10. А как бывают королевского величества послы к Москве, летом или зимою, и их принимают летом, и к царю ездят и провожают на лошадях верхами, а зимою в санях.

11. Да как послы бывают у царя на приезде и на отпуске, и в то время полата бывает устроена по посолскому обычаю; а пол бывает выслан перситцкими коврами; а бояре, и думные, и ближние люди, и столники, и дворяне, и дьяки, и гости, бывают в платье в золотом.

12. Да на отпуске ж к послом посылаются царского жалованья, соболей: первому послу на 1000 рублев, сороками и парами; другому товарыщу на 700 рублев; третьему на 500 рублев; четвертому, ежели бывает, и ему на 400 рублев, сороками ж и парами. А бывают сороки ценою, по прямой царской указной цене, по 300, по 250, по 200, по 150, по 160, по 80 рублев сорок; пары по 20, по 15, по 10 рублев пара. Посолских их дворян и людей верстают на три статьи: первой статье дворяном по 50 рублев сорок; второй статье по 40 рублев сорок; третьей статье по 30 рублев сорок или пары. Людем: первой статье по 10 рублев пара; второй статье по 7 рублев пара; третьей статье по 5 рублев пара, а досталным по 3 рубли пара. А относят те соболи подьячие, и подносят послом по росписи. А за их посолские дары, что они от себя подносят царю, посылают соболми ж против оценки. А ценях королевские и их посолские дары тою ценою, чего стоит весом; а дела не щитают.

О посланникех

13. Как бывают от королевского величества посланники, и на рубеже принимает их дворянин или началной человек, капитан или сотник стрелетцкой; а как он приедет к которому порубежному городу, и из города встреча бывает против посолской вполы, и едут они в город и до двора, где посланнику стоять; и того города боярин и воевода посылает к посланнику с столом, с ествою, и с питьем, и поденной корм, и в приставех у него велит быть тому ж, кто его принимал; а к отпуску того посланника в дорогу,

корм, и питье, и подводы изготовя, отпустят к Москве, без задержанья.

А как посланник с приставом приедут блиско Москвы, и к приставу с Москвы посылают с вестью, чтоб он с тем посланником ехал в город; и как посланник приедет под Москву, и его за Земляным городом встречает голова стрелецкой или полуголова, до подьячей, и речь говорят, и чин той встрече и лошади бывают посыланы против того ж, что и послом; а на встрече бывают дворовые люди, и подьячие, и конюхи, многие люди; а приняв посланника, едут с ним до посолского двора, где ему стоять, и в приставех велят быти им же; а где тому посланнику стоять, двор, и корм, и питье изготовят наперед его приезду. А бывает посланником в дороге и на Москве корм и питье, против послов другово или третьяго человека; а дворяном посланичьим и людем против посолских дворян и людей с убавкою.

А как тому посланнику велит быти царь у себя на приезде, и по него с царские конюшни лошади и встречники посылаются конюхи, и в город они едут, и у царя бывают, и посолство правят во всем против того ж, что и послы; а ежели у них бывают от королевского величества дары, и они подносят же. А как они бывают у царя, и царь в то время бывает в платье в нарядном, в празничном, и в шапке в простой, а не так, как при послех, а бояре и иные чины бывают в платье в нарядном же, а рынды в то время бывают четыре ж человека. Так же и с столом посылают к нему столника середнего, и чин столник правит по наказу же, что и при послех: а стрелцы стоят толко в одном городе, где царь живет.

А в ответех они, посланники, бывают у околничих и у думных людей в Посолском приказе: а на отпуске бывают против приезду своего и против посолского отпуску; и с столом посылают столника прежнего ж или иного такого.

А жалованье царское на отпуске бывает тому посланнику против третьяго человека посла, а дворяном ево и людем против посолских дворян и людей вполы: и отпуск им с Москвы бывает против того ж, что и послом, и приставы провожают до того ж места, где послов, а встречники провождают стряпчие конюхи; а дорожной пристав бывает тот же или иной и провожает его до границы, по достоинству и обычаю.

14. **О гонцех.** Гонцом приниманье бывает так же, что и посланником, а принимает их на рубеже и до Москвы

едет сотник стрелецкой; а корм, и питье в дороге, и встреча бывает по середнему; а у царя они бывают на приезде и на отпуске перед посланником вровне; а с столом посылают перед посланником с убавкою, а подчюют за столом приставы, а столник не посылается; и бывают у них приставы подьячие или началные люди, а поденной корм и питье бывает против посолского секретариуса; а на отпуске царского жалованья бывает им на сто рублев соболей, а людем потомуж по разсмотрению; и отпущают их с Москвы с приставом с тем же, кто его на рубеже принимал; а провождают их с Москвы приставы до тех же мест, что и посланников, с неболшими людми.

15. А где бывают послы, и посланники, и гонцы поставлены на посолских дворех, и на тех дворех, для посолской чести и оберегания, поставлена бывает вахта: у послов сотник, а с ним стрелцов по 100, по 200 человек или по 50, смотря по послом, сколко у кого людей; у посланников по 30 и по 20 человек, так же смотря по людям; у гонцов по 12 и по 10 человек.

А лучитца посолским дворяном и их людем в рядех чего купить, послом и себе, или пойдут для гулянья: и с ними, для обережения от русских людей, ходят стрелцы, чтоб им кто не учинил какого бесчестья и задору.

16. А как бывают на Москве цесаря римского послы, так же полского, и аглинского, и датцкого королей, и турские, и перситцкие: и им бывает приниманье и честь во всем против того ж, что и свейским послом; толко цесарским послом, и полским, и аглинским бывает перед свийскими послами прибавка в естве и в питье, да рынд бывает по 6 человек, а посланником и гонцом всех тех вышеписанных государств, и курфистров, и князей, и графов бывает против того, как писано выше сего во всем.

17. А как приезжают крымского хана, и нагайские, и калмытцкие послы, и им встречи не бывает; а едут крымские послы с приставы, кто их принимает на рубеже, на свой крымской двор, а калмытцкие и нагайские, где их поставят: и на Москве приставят к ним дворянина. А сколко их послов будет и с ними людей, и на тех послов и на людей их, в чем им быти у царя на приезде и на отпусте, готовят платье: на послов шубы отласные золотые на куницах и на белках, да однарядки суконные красные, с круживы, кафтаны камчатые, шапки лисьи высокие, сапоги; людем их однарядки суконные красные ж,

с круживы, кафтаны камчатые исподние, шапки, сапоги. А которого они укажет царь быти тем послом у себя, и по тех послов пошлют с царские конюшни лошади, да пошлют к ним платье однорядки, и кафтаны, и шапки, и сапоги, и велят им быти в город, к Посолскому приказу; и послы, нарядясь в царское платье, приедут с приставом в приказ, и в приказе думной дьяк их роспрашивает, для чего опи присланы, и, говоря с ними о делех, осматривает грамоты, и пойдет сказати царю; и царь пошлет по тех послов, велит им быти к себе, и пристав с ними ис Посолского приказу идет до царского двора, пеши, и к царю в Верх. А царь в то время бывает в полате, во одеянии повсядневном. А как послы войдут в полату и увидев царя, кланяются в землю и правят посолство свое; и царь спрашивает послов о здоровье крымского хана (или князя), сидя в шапке; а говорит речь от царя думной дьяк; и правя посолство, подают послы грамоту, и царь тое грамоту велит приняти думному дьяку, а бывает та грамота в мешке золотном, незапечатана; и приняв грамоту, велит царь с послов однарядки снять, а взложить на них золотные шубы при себе, а однорядки их отошлют к ним на двор; и потом царь велит послом итти к своей руке, и как они к руке придут, и царь кладет руку свою на их головы, а целовать не дает, и потом царь дает послом пити кубками романеи да по ковшю меду вишневого; и потом отпущают их к себе на двор. И иные ис тех послов, выпив романею и мед, суды берут к себе и кладут за пазуху; а говорят они послы: когда де царь пожаловал их платьем и питьем, и тем судам годитца быти у них же; и у них тех судов царь отнимати не велит, потому что спороваться з бусурманом в стыд; и для таких безстыдных послов деланы нарочно в Аглинской земле сосуды медные, посеребряные и позолочены.

А для каких розговоров те послы будут надобны, и они на розговорех бывают в Посолском приказе и у думных дьяков на дворех или посылают к ним дьяков и подьячих роспрашивать; и на отпуске те послы бывают у царя против того ж, как на приезде, и питье им царь подает же. А корм и питье, поденное, идет им не против иных государств послов и гонцов, с убавкою, обычное,

18. Да королевского же величества свейского, так же и полского, великие послы, как бывают на Москве, для подкрепления и докончания покою християнского: и они бывают у царя на приезде и на отпуске, по всем против

того ж, как писано выше сего. А которого дни лучитца им быти у царя на докончании, и того дни они, послы, бывают у царя, потом у бояр в ответе; а будучи бояре с послы о чем поговорят, ходят объявливать царю, а послы в то время останутца в ответной полате. А царь в то время велит протопопу, своему духовному отцу, да дьяконом нарядитися в церковное одеяние и принесть к себе в полату евангелие да крест и положить на высоком месте, на стуле, а перед них поставити свещу; и изготовя, пошлет послов думного дьяка, велит им быть к себе. А как послы придут, и им царь велит к евангелию, и ко кресту, и к себе притти поблиску; и протопоп начинает пение, и говорит о вере заклинателное писмо о содержании вечного покою, и с ним вместе и царь говорит же, а грамота докончалная в то время лежит под евангпием[9]; а проговоря заклинателное писмо, чинит царь веру, прикладываетца ко кресту лицем и целует распятаго на кресте, в подножие; потом взяв царь докончалную грамоту, отдает послом и говорит речь, а изговоря речь, отпущает послов к себе на подворье. А с ыными християнскими государствы ни с которыми докончания не бывает, потому что границ не пришло; а с Перситцким государством войны не бывает; а с Крымскими и с Турскими война хотя и бывает, а трактатов и постановления не бывает, чинитца успокоение через пересылочные грамоты.

Глава 6,

а в ней 6 статей

О дворех царских: Казенном, Сытенном, Кормовом, Хлебенном, Житенном, Конюшенном

1. Казенной двор. А в нем приказ, а сидит в том приказе казначей, а с ним два дьяка: и тот казначей думной же человек и сидит в думе выше думных дворян.

А на том дворе царская казна: золотая, серебряная, сосуды, и бархаты, и объяри, и отласы, и камки, и тафты, и ковры золотные и серебряные, и бархаты ж, и сукна, и объяри, и отласы, и камки, и тафты, и дороги, и киндяки, и шолки, и всякая домовая казна; и ис тое казны берут к царю, и к царице, и к царевичам, и к царевнам, что понадобитца на что, с царского повеления и роздают всякого чину людем в жалованье.

Да в том же приказе скорнячников и портных мастеров с 100 человек. А денежной приход в тот приказ неболшой, толко с 3000 рублев, с посацких торговых людей, которые в том приказе ведомы, а будет их с 500 человек; и те денги роздают на жалованье подьячим и ремесленным людем.

А что лучится купити про царское надобье, кроме того, что у Архангелского города покупают: и для покупки товаров продают ис тое казны серебряные сосуды всякого чину людем, которые сосуды присылаются в дарех из окрестных государств; так же и бояре, и власти, и монастыри, и гости, и иные чины подносят царю на день рождения детей его царских, так же и на иные многие дни, и те сосуды, покупаючи в рядех, вновь подносят царю на празники же и на иные дни. А иные заморские всякие товары покупают у города Архангелского на пошлинные денги, которые собирают у города с продавцов, с приезжих всяких чинов людей; так же и на товарные денги, которые товары продают у Архангелского ж города.

А кому что дается из его царские казны жалованья, и то росписано ниже сего по статьям:

Бояром, околничим, и думным людем, и столником, и дворяном, и дьяком за службы шубы бархатные золотные и отласные золотные ж, на соболях.

Дворяном, и стряпчим, и жилцом, и переводчиком, и подьячим, сукна и камки к тафты, по портищю.

Греческим властем: патриархом, митрополитом, архиепископом, епископом, архимаритом, и игуменом, и келарем, и простым чернцом, которые приезжают для милостыни, дается на церковное строение, которые церкви бывают розорены от неприятелского нахождения и от поганского наругания, или и вновь церковное платье, и пелены, и покровы, и сосуды серебряные; так же и им, властем, и старцом их, и служкам платье.

Так же всего Московского государства и в монастыри, в церкви, и в царские соборные, и простые церкви, или где монастырь и церковь згорит, а построить нечем, церковное платье ж, и пелены, и покровы, и сосуды серебряные и оловяные, и паникадила.

А приезжают греческие власти для милостыни, в указные годы, в три, и в четыре, и в пять лет, и болши, порознь, погодно, в котором году кому приехать указано.

Да московских и городовых соборных и простых царских церквей попом, и дьяконом, и дьячкам, и пономарем царское жалованье, на платье сукна — ежегодь, а иным

в два, и в три годы, и в пять лет. А будет на Москве соборных церквей блиско сорока, а в городех во всяком городе по церкве соборной; да на Москве ж, и в городех, и в селех царских церквей будет блиско полуторы тысечи, а называютца соборные церкви потому, что они есть изо всех церквей головные церкви. И у тех у всех церквеи будет всякого чину служебников болши 18 000 человек.

Стремянным конюхом, соколником, певчим дьяком сукна, и отласы, и камки даетца ежегодь, по портищю, да на шапки бархатные вершки и соболи, так же на подкладку киндяки, а на сапоги сафьяны; других статей конюхом сукна ежегодь или в два года.

Царским, и царицыным, и царевичевым истопником и царицыным и царевниным мастерицам, швеям, и постелницам, и иным женам, и вдовам, и девицам на платье сукна, и отласы и камки, золотые, и серебряные, и простые, и тафты, и дороги, ежегодь, по портищу ж.

Московским стрелцом всех приказов и салдатом, надворной пехоте на платье сукна ежегодь.

А городовым новгородцким, псковским, астараханским, терским и иных городов стрелцом на платье посылаются сукна в три или в четыре года.

Да как приезжают з Дону Донские казаки, для всяких дел, человек по 20 и по 30, во всяком году по трижды и по четырежды: и им даютца сукна, и соболи, и отласы, и камки, и тафты за их службу, по разсмотрению; да с ним же на Дон, всем казаком, посылаются на платье сукна в пятой год. А будет тех казаков на Дону, для остерегания границы, блиско 20 000 человек.

Крымским, и калмытцким, и нагайским послом делаетца платье, как они бывают у царя на приезде и на отпуске.

Так же ежегодь делаетца платье и посылается в Крым, с московскими послы, к царю, и к его царице, и царевичам, и царевнам, и к их женам, и к детем их, и к иным людем, как о том писано выше сего.

2. **Сытенной двор** имянуется потому, где питие держать: а в нем чиновные люди.

Степенной ключник да 4 человека путных, честию будут они против дворян. А ведает тот степенной ключник царские погребы с питьями, и тем питьям приход и росход, так же и казну судовую, серебряную, и медную, и олованую, и учинен у него для записки приходу и росходу питья, и для сыску, и росправы дворовых людей Приказ,

и повинен он на всякой день досматривать двора и питья и погребов; и как царь или царица, и царевичи, и царевны начнут ести, входит в то время с поставцом и питье пред царя, и царицу, и царевичей, и царевен, и бояр, и ближних людей, и бояронь, и кому доведетца велит относит в обед и в вечеру, по чину. А путные ключники тот же чин ведают в походех, против того ж во всем, да они ж, путные ключники, бывают в походех и по приказом по селам, по переменам.

Чарошники, чин их таков: как царь ест в обеде и в вечеру, и они носят пред него питье, а у них принимают столники и спалники: а будет тех чарошников с 12 человек, и посылаются по приказом в дворцовые ж села; а честию они будут против дворян меншой статьи.

Стряпчие, чин их таков: как путной или степенной ключники входят с поставцом или и без них, бывают они у поставца и отпущают всякое питье по чину ж; да они ж посуточно начюют на дворе, по переменам, и сидят у погребов для роздачи питья всякого чину людем, кому давать указано; да у них же ведомы суды серебряные, и олованые, и медные, и деревяные, и принимают и роздают з запискою; а будет тех стряпчих с 40 человек.

Сытники, чин их таков: на Москве и в походех царских носят суды с питьем, и куды царю лучитца итти или ехати вечеровою порою, и они ездят и ходят со свечами; а будет их с пятдесят человек. И все те вышеписанные чины люди честные и пожалованы денежным жалованьем и поместьями.

Винокуры, пивовары, сторожи, бочкари, которые вина курят, и пива варят, и меды ставят, и делают суды, и ходят по погребом, и цедят, и роздают питье; а будет их с 200 человек.

А куды то питье исходит и тому роздача писана ниже сего: послом, посланником, и гонцом, и посолским людем, поденно, по указу: греченом, и греческим властем, и кизылбашским купчинам: царским, царицыным, царевичевым и царевниным верховым людем, которые живут при дворе; царским ремесляным всяких чинов людем, поденно; донским и черкаским запорожским казаком, поденно ж. Так же как бывают празники и у царя столы на властей и на бояр, и кого кормят за столом; да на празники ж попом и дьяконом соборных и простых царских церквей, и стрелцом, по указу.

А дается то питье всякого чину людем по книгам, и в

книги записывают, и дают по то питье с книг памятцы, сколко кому чего доведется дати, поденно, и понедельно, и помесечно; и с теми памятцами берут они питье по погребом у стряпчих, а стряпчие собирают те памятцы и справливаютца с книгами, чтоб воровских не было.

А исходит того питья на всякой день, кроме того, что носят про царя, и царицу, и царевичей, и царевен, вина простого, и с махом, и двойного, и тройного, блиско 100 ведер; пива и меду по 400 и по 500 ведр; а в которое время меду не доставает, и за мед дается вином, по розчету. А на иной день, когда бывают празники и иные имянинные и родилные дни, исходит вина с 400 и с 500 ведр: пива и меду тысячи по две и по три ведр и болши. Да пива ж подделные и малиновые и иные, и меды сыченые и красные, ягодные и яблочные, и романея и ренское и француское, и иные заморские питья исходят, кому указано, поденно и понедельно. И что про царской росход исходит, и того описати немочно.

А будет на том дворе всех питейных погребов болши 30, кроме погреба, что з заморскими питьями. И во всех тех погребах питья всякие стоят во лду, и бывает тот лед из году в год, от марта месяца до такова же времяни, бес пременения.

А как делают и ставят меды, и от тех медов оставаетца воск, и тот воск исходит на свечи по царским, церквам и в его царские полаты; и изойдет того воску в год болши 100 берковеск. А привозят тот мед ис понизовых городов к волостей, которые ведомы в Приказе Болшаго Дворца.

А на пиво солод емлют из царских житниц, з Житенного двора; а хмель покупают ис царские казны в рядех; и в городех и в деревнях ягоды на пива и на мед, малину, смородину, костяницу, землянику, черемху емлют з дворцовых сел с крестьян, которые живут блиско Москвы; а яблока, и вишни, и груши, и сливы собирают ис царских садов на Москве и по селам.

А вино подряжаются поставить уговорщики на дворце, торговые люди и кабатцкие откупщики, на год по 30 000 рублев и болши, и дают им из дворца на покупку и на завод денги, кто на сколко рублев подрядитца поставить; а по них собирают поручные записи в том, что им поставить на срок, против уговору, все сполна, вином добрым, пенным, а не пригорелым. А кто по договору своему не поставит, и те денги, что даются им на покупку и на завод ис казны, доправят на порутчиках; а за вину уговорщика,

которой уговоритца поставить, а не поставит, и у него возмут на царя дом и животы, да ему ж учинят наказание, бьют кнутом, чтоб иным неповадно было обманство чинить. А подряжаются всякое ведро поставить на царском дворе на Москве по 8 алтын, и против здешнего счотом канна будет в два алтына; а когда бывает хлебу недород и дорогов, и тогда ведро бывает в 10 алтын.

3. **Кормовой дворец.** А в нем степенной, да путных 2 ключника, стряпчих с 20 человек, подключников с 15 человек; и тех ключников, и стряпчих, и подключников чин таков же, что и Сытного дворца ключников, и стряпчих, и сытников. А на которой день что доведется роздать, готовить, варить, каких еств про царя, и про царицу, и про царевичей, и про царевен, и которые люди в его царском дому живут и днюют и начюют, и как бывают столы на властей и на бояр, и кого кормят, так же и про бояр и думных и ближних людей подачи повсядневно, что посылаются от царского, и от царицына, и от царевичевых, и от царевниных столов, от обеда и от ужины, и что в росход дворовым людем, и попом, и дьяконом, и стрелцом, и мастеровым людем, так же и греческим властем и иным чином, рыбою и рыбными ествами, и мясами живыми, и битыми, и вареными: и то роздают по книгам и по росписям годовым, что в которой день варивано и в роздачю давано, и ныне потомуж бес пременения; и тех еств и всяких съестных запасов надсматривают и роздают они, ключники и стряпчие, против того ж, что и на Сытенном дворе питье. Да у них же ведомы суды серебряные, оловяные, медные, и деревяные, и железные. И учинен на том дворе, для роздачи еств, и для роздачи ж и приему съестных всяких запасов, и меж дворовыми людми для сыску и росправы приказ.

Да на том же дворе поваров, мастеров и полумастеров, и учеников, и судомоѐв, и водовозов, и сторожей будет болши полутораста человек.

А готовят всякие ествы царю, и царицы, и царевичам, и царевнам и в роздачю и взносят в Верх порознь, про кого что готовлено. И как царь садится есть в обед и в вечеру или когда бывают власти и бояре на обеде: и у поставца садитца дворецкой, или околничей и думной человек, или дьяк дворцовой и отпущают еству к царю, и к царице, и к царевичам, и к царевнам, накушивая; и роздают ествы в роздачи по росписям; и кушав царь, которые ествы прикажет послать к которому боярину, или околни-

чему и думному и ближнему, или иному человеку в подачю. Да в то ж время, как царь кушает, роздается всем бояром, и думным людем, и спалником, посылают к ним на дворы от обеду и от ужины поденные подачи с ыстопниками, по росписи, по блюду; и наутрее или того дни ввечеру, приехав бояре, за подачю царю бьют челом. А будет которого дни к которому боярину и ближнему человеку подачи, которые им, бояром, уставлены, того дни не принесет: и они сказывают дворецкому или бранят дьяков и путных ключников, что к ним не прислано, а царского гневу они не ведают никакого, зачто б не прислать перед иными своею братьею; и ставят себе в бесчестье и бьют челом о том царю, что он вины на себя не ведает никакой, а в подаче его перед своею братьею обесчестили. И царь или дворетцкой велят про то сыскати росписми и записными книгами, что послана ль та к нему подача и с кем имянем; и будет сыщут, что послана, а тот человек, с кем послана, не отнес, для себя или ненарочным делом, идучи, уронит в грязь или прольет, тому человеку, кто так учинит, бывает наказание — бьют перед царскими полатами батоги; а будет сыщут, что не послано забвением, и те люди, которые розсылают подачи, перед тем боярином и думным и ближним человеком добивают челом на дворецкого или на околничего, бывает царь гнивен, а дьяков и путных ключников посылают на день в тюрму. Так же бывают подачи от царицы, и от царевичей, и от царевен к бояром, и думным и ближним людем, и к их женам, и детем, и к иным людем, кого походят пожаловать или по свойству.

А розойдется про царя, и царицу, и царевичей, и царевен, и бояром в подача, на всякой день, еств болши 3000, кроме иных вышеписанных расходов, и родилных и праздничных дней.

А всякие съестные запасы про царской обиход и в роздачю, мяса живые и битые всякие животины, и птицы живые ж и битые всякие, и сыры, и яица, и масло коровье, и лняное, и конопляное, и ореховое, и крупы грешневые и просяные, и иные запасы, которые годятца, уговариваются ставить уговорщики во Дворце ж, против того ж, что и винные, тысечь на 30 и 40 рублев и болши, кроме того, что приходит з дворцовых волостей с крестьян. И тех запасов котораго году на царском дворе не доставает, и такие запасы покупают ис царские казны в рядех.

А для сметаны, и молока, и сыров устроен под Москвою коровей двор, коров с 200; так же и в ближних селех

устроены коровьи ж дворы; и что от тех коров будет сделано сыров и масла, и то отдают на царской же расход.

А иные всякие съестные приправы покупаются у города Архангелского, и на Москве у немец, и в рядех. А рыбные запасы привозят, зимою и летом, ис Понизовых городов, из Нижнего Новагорода, и ис Казани, и из Астарахани, и ис Терка, с царских рыболовных промыслов; и что остается за царским росходом всяких рыбных запасов, и то продают. А бывают ис Понизовых городов рыбные запасы привезены: белуги и осетры просолные, болшие, и середние, и малые, да белуги ж и осетры розсечены по звенам в росоле в бочках, да белужьи же и осетрьи спины и черева сухие и валые, да в бочках же просолные стерляди, ксени, максы белужьи и осетрьи, да белужья ж и осетрья икра зернистая и паюсная стулами, вязига, белая рыбица вялая прутьем. Да из Великого Новагорода и из Ладоги рыбных же запасов, сигов, и лодоги, и сиговые икры, с 400 бочек на год. Да с Вологды, и от Архангелского города, и ис Колского острогу лососи, семги просолной с 20 000 берковеск. И по смете тех рыбных запасов изойдет в год, про царской обиход, числом против продажные торговые цены болши ста тысечь рублев. А живую рыбу про царской обиход держат на Москве, в садех, в реках и в прудах: а бывает та живая рыба осетры, белая рыбица, стерляди, лососи, щуки, лещи, судоки, окуни, иная добрая всякая, которая годитца ставить пред царя. А ловят самую добрую рыбу в Волге-реке, а иную в реках и в озерах дворцовые рыбники и тяглые люди. А принимаючи те всякие сьестные запасы, мяса и рыбу свежую и соленую, ставят в погребы на лед; и на том дворе будет с 15 погребов; а иные запасы, мяса и рыбу, вешают в сушилах.

4. **Хлебенной двор.** А в нем степенной же ключник, да два путных стряпчих, и подключников с 20 человек, хлебников, и калачников, и пирожных мастеров и сторожей с 50 человек, и чин у них таков же, что и у Кормового двора людей. И учинен у того ключника для записки приему и расходу хлебных запасов, и для сыску, и росправы приказ же; и роздача бывает против такого ж обычая всякого чину людем, как о том писано выше сего о Сытном дворе.

А дается царское жалованье дворовым всяких чинов людем и подьячим погодно, ис Приказу Болшаго Дворца, ис судных пошлин. Да всех дворцов винокуром, и сторо-

жем, и поваром, и хлебником, и иным чином, царское ж жалованье даетца хлебное, четвертей по 20 и по 15 человеку ржи и овса.

А готовят на царском дворе хлебы и колачи в роздачю всяким людем без соли, не для жаления соли, но для чину такого.

А берут про царской обиход рожь и пшеницу с царского ж Житенного двора и отдают молоть по царским мелницам, на Москве и по селам.

А готовятся про царской обиход и в роздачю мясные ествы в неделю, во вторник, в четверг, в суботу. А в постные дни, в понедельник, и в среду, и в пяток, и в посты готовят про царской обиход ествы рыбные и пирожные, с маслом з деревяным, и с ореховым, и со лняным, и с конопляным; в Великой и в Успениев посты готовятца ествы, капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые, сырые и гретые, и ягодные ествы, без масла, кроме Благовещеньева дни, и есть царь в те посты в неделю, во вторник, в четверг, в суботу, поодиножды на день, а пьет квас; а в понеделник, и в середу, и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих, и царицыных, и царевичевых, и царевниных имянин. А как власти и бояре у царя бывают на празники за столом, и им в те постные дни ествы ставят на стол таковы ж, что и царю. Так же как бывают у царя иных государств послы, и посланники, и гонцы на приезде или на отпуске в постные ж дни или в посты, и к ним посылаетца с царским столом ествы постные ж, рыбные и пирожные с маслом: а поденпой корм дается им в посты и в постные дни не против постов, мясом и рыбою, по указу. Таким же обычаем и про царицу, и царевичей, и про царевен болших в посты и в постные дни ествы готовят против того ж, что и царю: а меншим царевичам и царевнам в посты и в постные дни готовятца ествы рыбные и пирожные с маслом для того, что им еще во младых летех посту содержати немочно. Да в те ж два посты, кроме воскресных и суботних дней, когда царь и царица не едят, к бояром и к ближним людем подачь не посылаетца ни х кому. Да не токмо у царя в посты и в постные дни постити и не ести ничего и не пити, окроме квасу, но и у патриарха, и у властей, и в монастырех, и у бояр, и у всяких чинов людей, и у крестьян таков же обычай: хто хочет воздержателен быти, постит потомуж и есть у кого что прилучилося постное; а кто не хочет постити, и ест рыбу и упиваетца вином и иным питьем, и таких от того не

унять, а иных унимают, смиряют, и отлучают власти и попы от церкви божии, и возлагают епитимию.

А дрова на царские дворы, на всякие росходы, секут в царских лесах дворцовые крестьяне, и приганяют к Москве Москвою-рекою; а изойдет тех дров на год блиско 8000 рублев.

5. **Житенной двор.** Ведает его и принимает всякой хлеб и роздает дворянин да подьячей, и будет на том дворе для хлебного приему с 300 житниц. А приход бывает тому хлебу ис царских дворцовых сел, и ис Понизовых городов, и с поль, что съется на царя; а росход тому хлебу на всякой царской обиход, и в жалованье соборных и простых царских церквей попом, и дьяконом, и церковным причетником, и дворовым и иным чинов людем, и стрелцом.

Все те дворы, Сытенной, Кормовой, Хлебенной, Житенной, ведомы всякими приходы и росходы, и людми в Приказе Болшаго Дворца, как о том писано ниже сего.

6. **Конюшенной двор;** а в нем приказ. При прежних царех сидели и ведали тот приказ и двор конюшей боярин, а с ним товарыщи: яселничей, да дворянин, да два дьяка. А кто бывает конюшим, и тот первой боярин чином и честию; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем, кроме того конюшего иному царем быти некому, учинили б его царем и без обирания. А при царе Василии Ивановиче и при царе Михаиле Федоровиче конюших не было, и при нынешнем нет, потому, как о том написано выше сего, что преж сего конюшей Борис Годунов, что был царем, умыслил себе достать царство чрез убиение царевича Димитрия; и ныне в такой чин допускати опасаются. И ведают ныне Конюшенной приказ, и двор, и казну всякую яселничей, да дворянин, да дьяки, и тот яселничей честию выше думных дворян и в думе сидит с царем и з бояры вместе. Да в том же приказе ведомы чиновные люди:

Столповые приказщики; чин их таков: приказано им смотрить, по человеку, седелную, санную, коретную, колымажную казны, и принимать, и роздавать овес и сено, и надсматривать лошадей, и погодно посылаются они, по переменам, по приказом, в городы и в села, на конские площадки; а куды царь поедет в поход, и они ездят перед царскими лошадми, для бережения. А будет их с 15 человек.

Стремянные конюхи; чин их таков: как царь ходит в поход или ездит по монастырем и по церквам, и они ездят

и ходят за ним с плетью, и принимают ис- под царя и держат лошади, и подводят и ходят подле стремяни и около саней и корет; да они ж надсматривают лошадей и посылаются по приказом же, по конским площадкам. А будет их с 50 человек, и живут на Москве по полугоду, надвое разверстаны; а днюют и начюют на конюшие, по 4 и по 5 человек в сутки.

Задворные конюхи; чин их таков: в товарыщах бывают у столповых приказщиков, и принимают и роздают всякую казну, и овес, и сено с ними вместе и без них, и ходят за царем в походы, и посылаются по приказом же на конские площадки, и надсматривать лугов и сена царского и лошадей, и носят на Москве, как ездит царь по монастырем и по церквам, покровец, чем лошади покрывают, и приступ деревяной обит бархатом, с чего царь садитца на лошадь и сходит с лошади. А будет их в том чину человек с 40.

Стряпчие конюхи; чин их таков: на Москве, на конюшне, и в походех чистят, и кормят, и поят, и устраивают лошадей, и лошади под царя седлают, и кореты и сани наряжают. А будет тех стряпчих конюхов с 200 человек; да из них же бывают возницы.

Все те вышеписанные чины — люди честные и пожалованые годовым денежным жалованьем, и поместьями, и вотчинами.

Стадные конюхи, которые на Москве, и в городех, и по селам пасут лошади; а будет их блиско 200 человек.

Ремесленные люди: коретники, шлейники, седелники, коновалы, кузнецы, сыромятники, колесники: будет их со 100 человек.

А будет на Москве, на царских дворех лошадей, на которых сам ездит, верховых, и санных, и коретных с 150 лошадей; да лошадей же, которые годятца быти в колымагах и в каптанах у царицы и у царевен, с 50 лошадей; да лошадей же добрых, которые бывают под послы и даются на съезды и на свадбы бояром и на чом ездят приказные люди конюшенные, с 100 лошадей; да добрых же береженых лошадей с 3000; да середних и всяких лошадей, на которых ездят за царем в походех дворовые и конюшенного чину люди, и соколники, и стрелцы и которые ходят во всякой работе на Москве, и в городех, и в селах, будет болши 40 000 лошадей.

А корм тем всем лошадям, овес и сено, собирают с конюшенных и дворцовых сел с крестьян, и с царских лу-

гов, и с Подмосковных с монастырских вотчин овсом и денгами; а чего не достанет в котором году, и овес берут з Житенного двора, а сено закупают в городех и по деревням на царские денги, а берут те денги ис Приказу Болшие Казны. А в том приказе денежные доходы собираются толко с одной слободы, с торговых людей, которые в том приказе; а будет их с 500 дворов, и соберется с них в год тягла блиско 3000 рублев. Да в том же приказе ведомы московские бани и в городех; и с них бывают откупы и збирают денги на веру, и соберется с тех бань с 2000 рублев.

Да на Москве ж, и по городом, и по селам учинены конские площадки, и берут пошлину з записки с лошади, с лет и с шерсти, по чему уложена, и с рубля по 3 денги. А уложена та пошлина для того: будет кто у кого купит лошадь, а другой с стороны поимается за тое лошадь, назовет своею и станет искать по той лошади на том, у кого поимается, розбою и грабежу или чего нибудь, а тот себя не очистит, и того не поставит, у кого купил, и в книгах не запишет, и в таких делех бывает много кроворазлития и пыток: и они б, кто хочет у кого купити лошадь, и для очистки записывали на Москве и в городех в книги; а кто не запишет, и на том бывает пени по рублю с человека, с продавца и с купца, и ис тех денег дают конюшенного чину людем и подъячим жалованье. А соберется тех пошлинных денег с 10 000 рублев в год.

А для всякого царского выходу и походу, в которой день бывает выход и выезд, лошади, и сани, и кореты, и колымаги, и каптаны про царицу и царевен готовят и наряжают по росписи, в котором году и в которой день что было какого наряду, или и вновь что прикажут.

Да в том же приказе ведомо царская зимняя и летняя потеха на звери: лосинная, оленья, медвежья, волчья, лисья, заечья, тянеты и псами; и устроены для той потехи под Москвою лесные рощи, а в них дворы, от Москвы по 7, и по 10, и по 15, и по 20 верст и болши. А для ловли тех зверей и для потехи устроены потешники и ловцы, псари, со 100 человек, да псов со 100 ж. А ловят тех зверей тенеты ночною порою; и от Москвы, верст по 30 на все стороны, никому в своих лесах и угодьях таких зверей ловити и бити не велено и заказано под жестоким наказанием и пенею; а будет кто в тех заповедных лесах учнет про свой обиход сечь лес, и такому, поимав, бывает жестокое ж наказание и пеня.

Глава 7,

а в ней 48 статей

О приказех

1. **Приказ Тайных дел.** А в нем сидит диак да подьячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того приказу подьячие с послами в государства, и на посолские съезды, и в войну с воеводами для того, что послы в своих посолствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в розговорных речах, как о том писано выше сего, в посолской статье, а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми, и те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают: и которые послы или воеводы ведая в делах неисправление свое и страшаясь царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили. А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтоб его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали.

Да в том же приказе ведомы гранатного дела мастеры, и всякое гранатное дело и заводы и на строение того гранатного дела и на заводы денги, на покупку и на жалованье мастеровым людем емлют из розных приказов, откуды царь велит. Да в том же приказе ведомо царская летняя потеха, птицы, кречеты, соколы, ястребы, челики и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли и на иные птицы и на зайцы, и учинен для тое потехи под Москвою Потешной двор, да для тое ж потехи и для учения учинены соколники со 100 человек, и на том дворе летом и зимою бывают у птиц беспрестанно, и днюют и начюют, по переменам, человек по 20, а честию те соколники против жилцов и стремянных конюхов — люди пожалованные денежным жалованьем и платьем, погодно, и поместьями и вотчинами, и будучи у тех птиц, пьют и едят царское; а будет у царя всяких потешных птиц болши 3000, и корм, мясо говяжье и боранье, идет тем птицам с царского двора; да для ловли и для учения тех же птиц на Москве, и в городех, и в Сибири учинены кречетники и помощники, болши 100 человек,— люди пожалованные ж; а ловят тех птиц под Москвою, и

в городех, и в Сибири, над озерами и над болшими реками на берегах по пескам, голубми и ветми; и наловя, тех птиц привозят к Москве болши 200 на год; и посылаются те птицы в Персию с послы и куды лучится, и перситцкой шах те птицы от царя принимает за великие подарки, и ставит ценью те птицы рублев по 100, и по 200, и по 500, и по 1000 и болши, смотря по птице; да на корм тем птицам и для ловли емлют они, кречетники и помощники, голуби во всем Московском государстве, у кого б ни были, и, имав, привозят к Москве ж, а на Москве тем голубям устроен двор же, и будет тех голубей болши 1 000 000 гнезд, а корм, ржаные и пшеничные высевки, идут з Житенного двора.

2. **Посолской приказ.** А в нем сидит думной дьяк да два дьяка, подьячих 14 человек. А ведомы в том приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских принимают, и отпуск им бывает; так же и руских, послов, и посланников, и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает ис того ж приказу; да для переводу и толмачества переводчиков латинского, свейского, немецкого, греческого, полского, татарского и иных языков с 50 человек, толмачей с 70 человек. А бывает тем переводчиком на Москве работа по вся дни, когда прилучатца из окрестных государств всякие дела: так же старые писма и книги для испытания велят им переводити, кто каков к переводу добр, и по тому и жалованье им даетца: а переводят сидячи в приказе, а на дворы им самых великих дел переводити не дают, потому что опасаются всякие порухи от пожарного времяни и иные причины.

И дается им царское жалованье годовое: переводчиком рублев по 100, и по 80, и по 60, и по 50, смотря по человеку; толмачем рублев по 40, и по 30, и по 20, и по 15 и менши, смотря по человеку; да поденного корму: переводчиком по полтине и по 15 алтын, и по четыре гривны и по 10 алтын, и по 2 гривны на день, смотря по человеку; толмачам по 2 гривны и по 5 алтын, и по 4, и по 3, и по 2 алтына, и по 10 денег на день человеку, смотря по человеку ж, помесечно ис Приказу Болшого Приходу. Да они ж, толмачи, днюют и начюют в приказе, человек по 10 в судки, и за делами ходят, и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывают окрестных государств послы, бывают приставлены для толмачества и кормового и питейного збору.

Да в том же приказе ведомы московские и приезжие

иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди; и судят торговых иноземцов и расправу им чинят с рускими людми в одном в том Приказе.

Да в том же приказе ведомы 5 городов, и для приказного строения, и на всякие покупки на росход, и на жалованье подьячим и сторожем собирают денги с тех городов, которые в том приказе ведомы, с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а соберетца тех денег в год болши полу 3000 рублев. Да в тот же приказ со всего Московского государства, з царских дворцовых и черных волостей и с помещиковых и вотчинниковых, крестьян и бобылей собираются денги пленным на окуп, которые бывают в Крыму и в Турецкой земле, погодно, по указу, а указная статья збору написана подлинно в Уложенной книге; и соберется тех полоненичных денег с полтораста тысечь рублев в год, и окроме выкупу, тех денег не дают ни в какие росходы.

Да в том же приказе ведомы печати: болшая государственная, которою печатают грамоты, что посылают во окрестные государства; другая, что печатают грамоты жаловалные на вотчины всяких чинов людем; тою ж печатью печатают грамоты х крымскому хану и х калмыкам, как о том писано выше сего.

Да в том же приказе ведомы донские казаки, татаровя крещеные и некрещеные, которые в прошлых годех взяты в полон ис Казанского и Астараханского и Сибирского и Касимовского царств и даны им вотчины и поместья в Подмосковных ближних городех. Греческие власти и греченя, как приэжают для милостыни и для торговли, ведомы в том же приказе.

3. **Разрядной приказ.** И в том приказе сидят околничей, да думной дьяк, да два дьяка. А ведомы в том приказе всякие воинские дела, и городы строением и крепостми, и починкою, и ружьем, и служивыми людми; так же ведомы бояре, околничие, и думные, и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские, и казаки, и салдаты, всякою службою и кого куды лучится послати на службы, в войну и в воеводства в городы и во всякие посылки, и за службы о жалованье, и о чести, и о прибавке денежного жалованья указ в том же приказе; так же и о сыску чести, и о бесчестии, и о наказании, как о том писано выше сего. А кого царь куды посылает на службы и что кому за службы бывает чести и жалованья и бесчестия, и

то записывают в книги. А доходов в тот приказ с неболших городов и с судных дел пошлин соберется в год мало болши 1000 рублев.

4. **Приказ Болшаго Дворца.** А в нем бывает и сидит боярин, и дворецкой, да околничей, да думной человек, да два или три диака, и тот боярин честию бывает другой человек, под конюшим первой, а когда дворецкого не бывает, и тогда ведает околничей. А ведомы в том приказе дворы: Сытенной, Кормовой, Хлебенной, Житенной, и дворовые люди: и указ и досмотр тем дворам чинят во всем они.

Да в том же приказе ведомы болши 40 городов посадцкие люди, тяглом и податми, да с кабаков, и с таможень, и с вод, с мелниц и с рыбных ловель откупы и верной збор, ежегодь: дворцовые села и черные волости, и рыбные угодья, и бобровые гоны, и бортные ухожьи[10], и сенные покосы в царских угодьях, и тех сел и с волостей дворцовые подати, хлебом, и денгами, и всякими податми, и сеном, а с рыбных и с ыных угодей откупы, и с перевозов и с мостовщины откупы ж, денгами; да московские слободы, восмь слобод, торговые и ремесленые люди: котелники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшешники, и печники, и кирпишники, и с них подати берут против того ж, что и с ыных посадцких людей, да они ж повинние работать всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно. И соберется з городов, и с сел, и с волостей, и слобод, и со всяких угодьев и промыслов денежных доходов, окромь иных податей, со сто з дватцать тысечь рублев в год.

Да в том же приказе ведома печать, и собирают печатные пошлины з грамот и с ыных дел, которые посылаются, по челобитью всяких чинов людей, в городы и в дворцовые села и волости, против того ж, что и в Печатном приказе; а соберется тех пошлин в год с 2000 рублев; а вырезано на той печати инърог зверь[11].

Да ис того ж приказу на Москве откупают на Москвереке и на Яузе зимою лед, и пролубное платяное мытье, и весною перевоз; а будет с того откупу денег в год с 3000 рублев.

А росход тем денгам бывает: на церковные строения, и как царь по монастырем, и по церквам, и в тюрмы, и в богаделни, и нищим и убогим людем на милостыню, и на погребения, и на дворцовые на всякие расходы, и на покупки дворцовых запасов, и на жалованье подьячим и

трубником, и работником. А будет трубников, и литаврщиков, и суреншиков в царском дому всех человек со 100: и в приказе они бывают, и днюют и начюют, для розсылки всяких дел человек по 10, и посылаются по службам в полки и в посолства с послы; а прямых истинных добрых трубачеев выберется в царском дому человек с шесть или мало болши.

А как царь ходит в походы, и по монастырем, и по церквам, и для его выездов и выходов, наготавливают денги в бумаги по 2 гривны, и по полуполтине, и по полтине, и по рублю, и по два, и по 5, и по 10, и по 20, и по 30, кому сколко прикажет дати чтоб было готово. Так же как и царица ходит и ездит, и за нею денги возят и носят против такого ж обычая, и роздача бывает всяким людем, кому что прикажет дати.

5. **Стрелецкой приказ.** А в нем сидит боярин да два дьяка. А в том приказе ведомы стрелетцкие приказы, московские и городовые; и собирают тем стрелцом жалованье со всего Московского государства, с вотчинниковых крестьян, кроме царских дворцовых сел и волостей крестьян, и Новгородцкого и Псковского государства, и Казани, и Астарахани и Сибири, против того, как и Крымской окуп. Да с крестьян же емлют стрелецкие хлебные запасы, по указу, и велят им те запасы на всякой год ставити на Москве, а как бывает им, стрелцом, служба, и те стрелецкие запасы велят им ставити на службе, в котором городе доведется; а з далних мест с крестьян за запасы и за провоз берут денгами, по росчоту.

А в Казани, и в Астарахани, и в Новегороде, и во Пскове, и в Смоленске, и у Архангелского города и в ыных местех денги стрелцом собирают, так же и запасы всякие, ежегодь же, с тамошних мест, где кто под которым городом живет, против Московского ж.

А бывает на Москве стрелецких приказов, когда и войны не бывает ни с которым государством, всегда болши 20 приказов; и в тех приказех стрелцов по 1000 и по 800 человек в приказе или малым менши. И ис тех приказов один приказ выборной, первой, словет стремянной, потому что бывает всегда с царем и с царицею во всяких походех, для оберегания, а в ыные службы и в посылки ни в какие не посылается никуды, кроме вахты. И в тех приказех стрелцы люди торговые и ремесленые всякие богатые многие.

Началные люди у тех стрелцов головы, и полковники,

да полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники; а выбирают в те головы, и в полуголовы, и в сотники из дворян и из детей боярских, а в пятдесятники и в десятники из стрелцов.

А денежного жалованья идет тем началным людем: полковником рублев по 200; полуполковником рублев по сту или по 80 рублев; сотником по сороку и по 50 рублев, а за которыми есть поместья и вотчины многие, и у них из денежного жалованья бывает вычет, сметя против крестьянских дворов; десятником, и пятидесятником, и стрелцом идет жалованье по 15, и по 13, и по 12, и по 10 рублев человеку, на год. Да им же хлебного жалованья: десятником и пятидесятником по 18 и по 20 чети человеку, стрелцом по 15 четвертей человеку, на год, от малого и до великого всем ровно. Да им же соли: пятидесятником по 5 пуд, десятником по 3, стрелцом по 2 пуда, на год. Да им же всем дается на платье ис царские казны сукна, ежегодь.

А на вахту ходят те приказы посуточно; и на царском дворе и около казны з головою стрелцов на стороже бывает по 500 человек, а досталные по городом, у ворот, по 20 и по 30 человек, а в ыных местех и по 5 человек; а чего в котором приказе на вахту не достанет, и в дополнок берут из иных приказов. А в праздничные дни, которой приказ стоит на вахте, и им с царского двора идет в те дни корм и питье доволное.

А как царь или царица ходят в походы, и которые стрелцы стоят на вахте на дворе царском, провожают царя или царицу и встречают у Земляного города, без мушкетов, с прутьем; и идут подле царя или царицы, по обе стороны, для проезду и тесноты людской.

Их же, стрелцов, посылают на службы в полки з бояры и воеводы, приказа по два и по 3 и болши, по войне смотря. А как их убудет на Москве или на службе, и вновь вместо тех убылых прибирают из волных людей и бывают в стрелцах вечно, и по них дети, и внучата, и племянники, стрелецкие ж дети, бывают вечно ж.

А как бывает на Москве пожарное время, и они, стрелцы, повинни ходить все на пожар, для отниманья, с топорами, и с ведрами, и с трубами медными водопускными, и з баграми, которыми ломают избы. А после пожару бывает им смотр, чтоб кто чего пожарных животов захватя не унес; а кого на смотре не объявитца, бывает им жестокое наказание батоги.

Таким же обычаем в болших городех, где бывают бояре и воеводы з дьяки, стрелцов приказа по два и по три, а в иных местех по одному; и жалованье им идет мало менши московских, а на платье сукна посылаются в три и в четыре года.

6. **Приказ Казанского Дворца.** А в нем сидит боярин, да думной дьяк, да два диака. И в том приказе ведомо Казанское и Астараханское царствы, и к ним Понизовые городы; и в те городы воеводы и к ним указы посылаются о всяких делех ис того приказу. А денежной збор собирается с Понизовых городов, которые блиски к Москве, с русских посадцких людей и с крещеных и некрещеных. Татар, и мордвы, и черемисы, погодно, так же и с таможень и с кабаков, с откупов, на год блиско 30 000 рублев; а с медовых бортных угодей и с ловель звериных, с лисиц, и с куниц, и з горностаев, и з белки, звериною рухлядью и медом. А ис Казани, и из Астарахани, и из ыных тамощних городов доходов не присылается никаких, потому что исходит в тех городех на жалованье ратным и служилым людем, и кормовым, и ясачным и на всякие росходы, и на заводы судовые, и соляные, и рыбные. А присылается ис тех городов казна, с ясачных людей: лисицы, куницы, белка, горностаи, песцы, зайцы, волки, немалое число. Так же и рыбу и рыбные запасы всякие, как о том писано выше сего, с рыбных царских промыслов, и соль, которую ломают на царя за Астараханью. А привезши к Москве, тое рыбу отдают в Приказ Болшаго Дворца; а соль в Приказ Болшого Приходу.

Да в том же приказе ведомо войское дело и опасение от турской и от персицкой границы, и от калмыков и башкирцов. А будет в Казанском и в Астараханском царствах всех блиско 30 городов и с пригородками.

Да в том же приказе ведомо: как присыляются ис Казани и из Астарахани конские табуны, нагайские и татарские, к Москве ежегодь, лошадей тысечь по 30 000, и 40 000, и по 50 000 и болши, на год, на продажу, и будучи в Астарахани и в Казани, у тех нагайских людей и татар ис табунных лошадей выбирают воеводы про царской обиход лошадей тысечь по 5, и по 6, и по 8 и, записав и запятнав, присылают к Москве с ними ж табунными людми; а на Москве, взяв у них тех лошадей, на царском дворе ценят против их тамошней цены, и дают денги ис царские казны, а досталные лошади велят им продавать всякого чину служилым людем и иным чином, и собирают с продажи тех

лошадей и з записки у купцов записные денги в Конюшенной приказ; а покупают и продают те табунные лошади рублев по 5, и по 7, и по 10, и по 15 лошадь, и покормя месяц времяни или другой, продают те лошади руские люди своей братье, дорогою ценою. А как они, нагайцы и татары, табунные свои лошади испродадут, и на отъезде своем бывают у царя, что и калмыцкие послы, и бывает им стол на царском дворе доволной; а приезжает их с теми лошадми на год человек по 200 и болши, и платье им ис царские казны дается, смотря по человеку, что и крымским же послом. А люди они подданные царские, Казанского и Астараханского государств; и даются им от Москвы до Казани, на чем ехать водою, суда и проводники, безденежно.

7. **Сибирской приказ.** А ведает тот приказ тот же боярин, что и Казанской Дворец ведает, а с ним два дьяка. И в том приказе ведомо Сибирское царство и городы, против такого ж обычая во всем, что и Казанское и Астараханское царствы. А будет в том царстве болших и середних болши сорока городов, кроме пригородков.

А денежных доходов с тамошних городов не бывает никаких, исходят там на жалованье служилым людем, против того ж, что в Казани и в Астарахани. А началной город в Сибири зовется Тоболеск. И ис тех приказов, Казанского и Сибирского, ссылаются с Москвы и из городов на вечное житье всякого чину люди за вины; а тех ссылочных людей в тамошних городех верстают в службы, смотря по человеку, во дворяне, и в дети боярские, и в казаки, и в стрелцы.

А присылается из Сибири царская казна, ежегодь: соболи, мехи собольи, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бабры, барсы. А сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши штисот тысечь рублев.

И у той соболиной и у всякой мяхкой казны для оценки, и приему, и роздачи бывают погодно: голова гость, а с ним товарыщи, целовалники и сторожи, торговые выборные люди, погодно; а выбирают их к той казне своя братья, гости и торговые люди, за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать, так же, кому велят тое казну продавать или

за службы и за товары давать, цены лишние для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрыми; а велено им цена ставить всяким зверям по прямой московской цене, дешевле торгового малым чем, как про царя, так и в роздачю и на продажу врозне.

Так же та казна посылается во окрестные государства к потентатом и в дарех, и платят персицким и греческим купчинам и купетцким людем за товары и кому что будет от царя приказано дати. А когда бывает той казне умножение, а росход бывает малой, продают торговым и всякого чину людем и дают в долг с поруками, по указной цене, а цену на них кладут они что чего стоит; а которой год лову и привозу тем зверям зачем бывает иных годов менши, и тогда соболей не продают и цену накладывают свыше прежнего, с царского повеления.

Да что присылается в Казанской Дворец мяхкие рухляди, и то отдают в Сибирской же приказ; а что той казны будет продано, и те денги выдают на всякие росходы и на жалованье подьячим и сторожем.

А ловят тех зверей тянеты и бьют из луков и ис пищалей и иным обычаем ясачные люди татаровя, и чюваша, и вотяки, и иные; а окроме тех людей, ловити и бити никому не велено. Таким же обычаем, которые соболи добрые самые, а годятца они в царскую казну, купити воеводам и служивым и торговым людем и ис того государства вывозити и продавати не велено ж, и поставлены для того заставы; и у кого объявятся добрые соболи, пара свыше 20 рублев, а сорок свыше трехсот рублев, по московской цене, и у таких людей емлют те соболи на царя, безденежно. А кто такие соболи дорогие похочет вывесть и переделает в платье, и в платье им про себя вывозити волно; а кто хочет утаить и солгать, что будет болши указные цены, и у них то вынимают, и бывает за то середним людем наказание и пеня жестокая.

И ныне самых добрых соболей от Москвы в ближних городех звериной лов помешался, а ловят соболи середние и плохие, потому что многие звери отпужаны и умалелося; а доставляют самые добрые соболи и иные звери в самых далних отстатних Сибирских городех, на Лене; и от того соболи почали быть перед старою ценою дороже.

8. **Поместной приказ.** А в нем сидит околничей, да думной дьяк, да два дьяка. А ведомо в том приказе всего Московского государства земля и что кому дано поместья и вотчин или кто у кого вотчину купит и кому вновь что

дадут, указ и записные книги в том приказе. А доход в тот приказ бывает: пошлины с продажных вотчин и с новых поместных дач, с четвертей. И того доходу придет в год негораздо по болшому: рублев тысечи по полторы и по две. И бывает тем денгам росход на приказные покупки и подьячим на жалованье.

Вопрос. Что есть поместья, и вотчины, и земли?

Ответ. Будет которой боярин, или околничей и думной и ближний человек, или столник и иные служилые чины дослужатся поместья, и поместья им по их челобитью или и без челобитья будут даны, жилые или пустые, после умерших сродичей своих, или после чюжих людей, после которых людей не останется на их поместья наследия, или ис царских земель, жилое ж и пустое, или рыбные и лесные угодья, и бортные ухожеи, и бобровые гоны, и звериные ловы, и сенные покосы или что нибудь, о чем они бьют челом, по их живот и по них женам их, и детем, и внучатом: и по смерти их дано будет, кто останетца — жена или дети, и братья, и племянники, и розделено будет, по указу, женам, вдовам и девкам на прожиток, а сыновьям вечное; и что останется за роздачею, и то отдано будет в чюжей род челобитчиком. И то поместье, кому дано будет за службу, и после его жене ж и детем или кому нибудь, никому им того поместья не продати, и не заложити, и в монастырь и к церкве по душе не отдавать. А будет кто с кем похочет меняти поместье на поместье или поместье па вотчину, и им меж себя меняти волно, жилое на пустое, и пустое на жилое, и ровное на ровное, по челобитью; и тое их мену запишут в книги впредь для ведомости и для спору. И кто выменяет поместье на вотчину, и ему то поместье в вотчину, а после того ему волно и продать и заложить; а тому, что выменяет вотчину на поместье, продати и заложити тое вотчины неволно, потому что за то его поместье, которое променяет, та вотчина будет поместная земля. А даются ис тех выморочных поместей матерем, и детем их девкам и вдовам на прожиток по их живот, по указу, как о том писано в Уложенной книге, а детем же сыновьям даются те поместья, записывают во веки, будет будут дети; а будет детей не будет, а те их жены помрут бездетны, и у них те поместья емлют назад и отдают сродственником, чьи те поместья исстари были, или иному.

Вотчинная земля. Как в прошлых давных годех земли жилая и пустая роздавана и розверстывана в поместья бояром, и околничим, и думным и близним людем, и стол-

ником, и стряпчим, и иных чинов служилым людем, и давана за службы в вотчины, и что за теми поместьи осталося жилых и пустых мест залишком, и те земли даваны за службы и продаваны в вотчину всяких чинов служивым людем; и кто те земли купил, и ему волно потомуж продати, и залижити, и в приданых за дочерми отдавати. А будет кому дано поместье, а после того он учнет бити челом, чтоб ему то поместье продано было ему ж в вотчину, и ему то поместье ис царские казны продадут в вотчину, а денги на царя возмут, по указу; и то поместье ему потомуж волно продать и заложить. И по такому описанию рознится поместье с вотчиною, а вотчина с поместьем. А у которых людей по смерти их на те купленые вотчины не останется наследия и роду, и те вотчины возмут на царя и отдадут за службы в поместье иным людем; а по смерти его дают денги за ту вотчину ис царские казны на поминание души по монастырем и по церквам, чего та вотчина стоила.

А у которых бояр, и думных людей, и у иных чинов людей будут прижиты дети от наложниц, от вдов или от девок, а после того па тех своих наложниц поженятся или и неженаты помрут, а после их смерти останутся дети, которые прижиты по закону, а другие дети в...и, или после смерти их останутся одни те в...и, и по их смерти даются поместья, и вотчины, и животы сыновьям их и дочерям тем, которые по закону прижиты; а которые прижиты до закону, и тем поместей, и вотчин, и животом никаких не делят и не дают ничего, и честными людми тех в...в не ставят, чей бы ни был, и в службу царскую ни в какую не принимают. А кому в...у дадут поместье и вотчину, не ведая что он в...к, а другие люди учнут на него бити челом, что он в...к, и ему то доведут: и то, что дано будет в...у, отдадут тому человеку, кто на него доведет; а того в...а, бив кнутом, сошлют в сылку в Сибирь, для того: не вылыгай и не стався честным человеком.

Бояром, околничим, и думным, и ближним людем, и столником, и стряпчим, и дворяном, и дьяком, и детем боярским, и дворовым людем, и стремянным конюхом, и переводчиком, и подьячим, и толмачем, и соколником, и казаком денежные и поместные оклады, первое верстанье: бояром, и околничим, и думным людем денежной оклад по 200 рублев человеку, поместного по 1000 чети; столником по 100 рублев; стряпчим по 80 рублев; дворяном московским и городовым и дьяком по 80, и по 70, и по 60, и по 50 рублев человеку; дворяном же городовым, и серед-

ней и меншой статье, и детем боярским, и иным вышеписанным чинам по 50, и по 45, и по 40, и по 35, и по 30, и по 25, и по 20, и по 15, и по 10, и по 8, и по 7, и по 6 рублев человеку на год, смотря человека по чину и по чести. А поместной оклад бывает им, всем чином, против денег с рубля по 5 четвертей в поле, а в двух потомуж, и к тем их поместному и денежному окладу за службы бывает придача, смотря по службе. И теми поместными оклады верстают их, у кого есть отцовские или сродничьи поместья, и им даются; а у кого нет и ис царских земель дать нечего, и те люди дожидаются выморочных поместей, после кого останетца за роздачею; а иные бьют челом в поместье о лесах, и о диких полях, и о рыбных ловлях, и им, по их челобитью, даются же. А денежной оклад всем тем вышеписанным чинам поставлен для того: когда кому бывает служба посолская и воинская и иные посылки, и им жалованье дается по окладом их: а когда служеб и посылок не бывает, и им жалованья годового не дается, а живут с поместей своих и с вотчин. А бояром, и думным людем, и дьяком, и дворовым людем, и подьячим, и стремянным, и иным конюхом, и царицыным детем боярским, и соколником, и истопником жалованье денежное дается ежегодь, потому что они всегда при царском дворе у служеб.

9. **Приказ Болшие Казны.** А ведает тот приказ боярин тот же, что и Стрелецкой приказ ведает, а с ним товарыщ, думной дворянин да два или три диака. И в том приказе ведомы гости, и гостиная и сукопная сотня, и серебряного дела мастеры, и многих городов торговые люди; и собирают з гостей и с торговых людей и которые городы ведомы в том приказе, и тех городов с крестьян и з бобылей тягло, и подати, и откупы, и иные поборы ежегодь, и соберется тех доходов с 300 000 рублев. А выдают те денги на всякие ж росходы, где доведетца.

Да в том же приказе ведом Денежной двор, а в нем сидит, для досмотру денежного дела, дворянин да диак. А делают денги серебряные мелкие: копейки, на одной стороне царь на коне, а на другой стороне подпись: «царь и великии князь», имя царское и титла самая коротка: денги, половина копеек, на одной стороне человек на коне с саблею, на другой подпись царская, такая ж, что и на копейках; полушки, четвертая доля копеек, денег половина, на одной стороне голубь, а на другой написано: «царь», из ефимочного серебра, ежегодь. А привозят ефимки и серебро прутовое и тянутое к Архангелскому городу из Га-

ланской земли, и из Венецыи, и из Любка, и из Амбурка; а покупают они на те ефимки всякие товары ис царские казны, или серебро ж меняют на всякие товары, а берут те ефимки у них за товары, и серебро против ефимков по четыре гривны и по 14 алтын ефимок, а товары царские ставят дорогою ценою, и ис тех ефимков или ис серебра в серебряных денгах царю бывает прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходит дешевою ценою, а в деле московских денег выходит из ефимка по дватцати по одному алтыну по две денги, и от всякого ефимка прибыли царю по 7 алтын по 2 денги и по осми алтын, так же и пошлину у Архангелского города и в ыных порубежных городех емлют с чюжеземцев ефимками ж, по такой же малой цене. А денежных мастеров для того дела берут из волных и ис торговых людей, кто похочет с поруками и заверою и крестным целованием, что им, будучи у царского дела, не воровать серебра, и денег не красть, и в серебро меди, и олова, и иного ничего не примешивать, и в домех своих воровских денег не делати никаких, и чеканов не красть, и воровски под чеканы не подрезыватися. А будет тех денежных мастеров, чеканщиков, подметчиков, резалшиков, тянулшиков, отжигалщиков, с 200 человек. А как они для денежного дела ходят на двор или з двора, и их осматривают донага, чтоб они не приносили меди, и олова, и свинцу или з двора чего не снесли. А будет сыщется, что они делали на царском дворе или у себя в домех воровством денги или под чеканы подделывались и те воровские чеканы продавали на сторону иным людем, и таким, по сыску, бывают пытки, многажды ли воровали, и кому что продавли, и с кем о том сопча умышляли, и на кого с пыток скажут, и тех всех потомуж, сыскав и пытав накрепко, будет винятся, чинят наказание, заливают оловом горло, а иным, смотря по вине, отсекают руки, и отрезывают уши, и бьют кнутьем, и отнимаются домы и животы, и ссылаются в сылку в Сибирь. Таким же обычаем бывает указ всем серебряного дела мастером, которые учнут в золото или в серебро мешати медь, и олово, и свинец. А в Московском государстве золота и серебра не родится, хотя в крониках пишут, что Руская земля на золото и на серебро урожайная, однако сыскати не могут; а когда и сыщут, и то малое, и к такому делу московские люди не промышлены; а иных государств люди те места, где родится золото и серебро, сыскали б, а не хотят к тому делу пристать для того, что много потеряют на завод денег, а как они свой

разум окажут, и потом их ни во что промысл и завод поставят и от дела отлучат[12].

Да в прошлых годех, как учинилося у московского царя с полским Яном Казимиром королем недружба и война, а потом и с королевским величеством свейским и за продолжением полские войны, и для пополнения казны и для поспешения ратным людем на жалованье деланы денги, рублевики серебряные величиною против любского, четверти рублевые, весом 5 алтын 2 денги, на ефимках любских кладены печати царские, и отдаваны те ефимки ис царские казны по полной цене, по 21 алтыну по 2 денги, а не против того, как иманы в царскую казну и как преж сего хаживали в рядех; и в царскую казну назад и в рядех за всякие товары имали те ефимки, и рублевики, и четверти по уставленной цене; а кому лучилося платить в царскую казну денги ефимками ж любскими, а царских печатей на тех ефимках не было, и у них те ефимки имали по 4 гривны.

Да в то ж время делали денги полтинники медные с ефимок, и крестьяне, увидев такие в одну пору худые деланые денги, неровные и смешаные, не почали в городы возить сена, и дров, и съестных запасов, и почала быть от тех денег на всякие товары дороговь великая. А служилым людем царское жалованье давано полное, а они покупали всякие запасы, и харчь и товары, вдвое ценою, и от того у них в году жалованья не доставало, и скудость почала быть болшая. Хотя о тех денгах был указ жестокой и казни, чтоб для них товаров и запасов никаких ценою не подвышали: однако на то не смотрили. И видя царь, что в тех денгах не учало быти прибыли, а смута почала быть болшая, велел на Москве, и в Новегороде, и во Пскове, а потом и в Куконаузе делати на дворех своих денги медные, алтынники, грошевики, копейки, против старых серебряных копеек, и от тех денег, меж крестьян потомуж была смута; и те прежние денги, и алтынники и грошевики, велел царь принимати в казну и переделывать в мелкие копейки[13]. И деланы после того денги медные ж мелкие, и ходили те мелкие денги многое время с серебряными заровно; и возлюбили те денги всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали. И в скором времени на Москве и в городех объявилися в тех медных денгах многие воровские, и тех людей хватали и пытали всячески, где они те денги имали; и они в денежном воровстве не винились, а сказывали, что от людей имали,

в денгах не знаючи. И потом начали домышлятися на денежных мастеров, и на серебреников, и на котелников, и на оловянишников, и на иных людей, потому что до того времяни, как еще медных денег не было, и в то время жили они небогатым обычаем, а при медных денгах испоставили себе дворы, каменные и деревянные, и платье себе и женам поделали з боярского обычая. Так же и в рядех всякие товары и сосуды серебряные и съестные запасы почали покупать дорогою ценою, не жалея денег, и их подсматривая, хватали, и воровские денги их дела у них вынимали; так же и в домех своих делали денги в погребах, тайным обычаем, ночью; и у них, подслушивая, те воровские денги и чеканы, чем делали, вынимали, и их, хватая, пытали ж. И с пыток те люди винилися и сказывали, что они денег своего дела выдали на всякие покупки немалое число и, чеканы делав, продавали многим людем посадцким, и попом, и чернцом, и крестьяном, и нищим, и тех людей, кому продавали, указывали, а иных не знали. И тех людей по их скаске потому ж имали и пытали, и они винилися ж; и кто до чего довелся, казнили смертною казнью, и отсекали руки, и прибивали у денежных дворов на стенах, а домы их и животы имали на царя безденежно. Однако те люди на такие великие мучения, и смерти, и разорения не смотрили, делали такие воровские денги аж до скончания тех денег; и мало кто ис таких воров не поиман и не казнен. И которые воры были люди богатые, и они от своих бед откупались, давали на Москве посулы болшие боярину, царскому тестю, Илье Даниловичю Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя царицына родная сестра, да дьяком, а в городех посулы ж воеводам и приказным людем; и они, для тех посулов, тем вором помогали и из бед избавливали.

Также на Москве и в городех на денежных дворех учинены были верные головы и целовалники, для досмотру, и приему, и росходу меди и денег, из гостей и ис торговых людей, люди честные и пожиточные. Возмутил их разум диавол, что еще не совершенно богати, покупали медь на Москве и в Свейском государстве, и привозили на денежные дворы с царскою медью вместе, и велели делать денги, и, зделав, свозили з денежного двора с царскими денгами вместе, и царские денги в казну отдавали, а свои к себе отвозили. И на них о том доводили стрелцы, и денежные мастеры, и те люди, кто видел, как к ним отвозили; и по тому их доводу тех людей всех пытали, и они ви-

нилися ж и сказывали с пыток, что со многих людей, воров, тесть ево царской боярин, да думной дворянин, и дьяки, и подьячие имали посулы болшие и от бед и от смертей избавливали, и потому надеясь и они воровали и в вине их волен государь. И тех дьяков и подьячих допрашивали у пыток, порознь; и они и не пытаны о посулех винилися, что имали з боярином и з думным человеком вместе. И на того боярина царь был долгое время гневан, а думного человека отставили прочь от приказу, а казни им не учинили никакой; а дьяком, и подьячим, и головам, и целовалником, и денежным вором учинили казни, отсекали руки, и ноги, и палцы от рук и от ног и ссылали в сылку в далние городы. И тех воров товарыщи, видя, что тому боярину и думному человеку за их воровство не учинено ничего, умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, чем бы их известь и учинить в Москве смуту для грабежу домов, как и преж сего бывало, бутто те бояре ссылаются листами с полским королем, хотя Московское государство погубить и поддать полскому королю; и те воровские листы прибили, в ночи, на многих местех по воротам и по стенам. А царь в то время был в походе, со всем своим домом, и с ним бояре и думные и ближние люди, в селе Коломенском, от Москвы 7 верст.

И наутрее всякого чину люди, идучи в город, те писма чли и взяли к себе; и пришед на площадь, к Лобному месту, у рядов, стали те писма честь вслух всем людем. И собралось к тому месту всякого чину людей множество, и умыслили итти в город к царю и просити тех бояр, чтоб им царь выдал их головою на убиение; и уведали, что царя на Москве нет, и они, скопяся все вместе, тысечь с пять, пошли к царю в поход; а с Москвы в то время бояре послали к царю с вестью, что на Москве учинилась смута и почали домы грабить. А в то время царь был в церкве, у обедни, празновали день рождения дочери его царской; и увидел царь из церкви, идут к нему в село и на двор многие люди, без ружья, с криком и с шумом; и видя царь тех людей злой умысл, которых они бояр у него спрашивали, велел им сохранитися у царицы и у царевен, а сам почал дослушивать обедни; а царица в то время, и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страху и в боязни. И как те люди пришли, и били челом царю о сыску изменников и просили у него тех бояр на убиение: и царь их уговаривал тихим обычаем, что они возвратилися и шли назад к Москве, а он, царь, кой час отслушает

обедни, будет к Москве и в том деле учинит сыск и указ; и те люди говорили царю и держали его за платье за пугвицы: чему де верить? И царь обещался им богом и дал им на своем слове руку, и один человек ис тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве все; а царь им за то не велел чинити ничего, хотя и было кем противитися.

И послал царь к Москве ближнего своего боярина князя Ивана Ондреевича Хованского и велел на Москве уговаривать, что они смуты не чинили и домов ничьих не грабили; а которые листы объявилися писаны о измене на бояр и думных людей, приедет он, царь, сам для сыску, того ж дни. И как Хованский, приехав, почал всем людем говорить, и ис тех людей многие отвещали, что де ты, Хованской человек доброй, и службы его к царю против полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят; и Хованской, говоря с ними, поехал к царю.

А на Москве в то время грабили дом одного гостя, Василья Шорина, которой собирал со всего Московского государства пятую денгу[14]; и сын того гося, лет в 15, пострашаясь убииства, скиня с себя доброе платье, вздел крестьянское, и побежал с Москвы в телеге, и те воры, которые грабили дворы, поимав его, повели в город и научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его побежал в Полшу вчерашняго дня з боярскими листами; и приведчи в город, собралося их, воров, болши 5000 человек, и пошли из Москвы с тем Шориповым сыном к царю в поход. А которые люди грабили отца его дом, послали бояре приказ стрелцов и велели их сечь, и ловить, и водить с поличным в город, и наловили тех грабелщиков болши 200 человек; и от того унялся грабеж. А как те люди с Шориновым сыном из Москвы вышли, и бояре Москву велели запереть по всем воротам кругом, чтоб никого не пустили в город и из города, и послали к царю все приказы стрелцов и салдатов надворной полк, с 3000 человек, со всею службою.

И как те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людми, которые шли к царю с Шориновым сыном, собрався вместе, пошли к царю. А пришед к царю на двор силно, и привели того Шоринова сына перед царя; а царь в то время садился на лошадь, хотел ехать к Москве и спрашивал того малого, и он ему, бояся тех людей, по приказу их, сказывал, что отец его побежал в Полшу з боярскими листами, и царь велел его отдать за вахту. И они по тем ево парневым словам почали у царя

просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам, и они учали царю говорить сердито и невежливо, з грозами: будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по свсему обычаю. Царь, видя их злой умысл, что пришли не по добро и говорят невежливо, за грозами, и проведав, что стрелцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и стрелцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как их почали бить, и сечь, и ловить, а им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего ни у кого, почали бегать и топитися в Москву-реку, и потопилося их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные розбежались.

И того ж дни около того села повесили со 150 человек, а досталным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног палцы, а иных, бив кнутьем, и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо накрасно, а поставлено на том железе «буки», то есть бунтовщик, чтоб был до веку признатен; и чиня им наказания, розослали всех в далние городы, в Казань, и в Астарахань, и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье, и после их, по скаскам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потомуж за ними разослали; а иным пущим вором того ж дни, в почи, учинен указ: завязав руки назад, посадя в болшие суды, потопили в Москве-реки. А которые люди пришли в то село для челобитья дел своих до того смутного времяни, и люди их знали, и челобитные их сыскались: и таких уволнили. А те все, которые казнены, и потоплены, и розосланы, не все были воры, а прямых воров болши не было, что с 200 человек; и те невинные люди пошли за теми ворами смотрить, что они, будучи у царя, в своем деле учинят, а ворам на такое множество людей надежно было говорить и чинить, что хотели, и от того все погинули, виноватой и правой.

А были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские и гулящие и боярские люди, а поляков и иных иноземцов, хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единаго человека, кроме руских.

И на другой день приехал царь к Москве и тех воров, которые грабили домы, велел повесить по всей Москве у ворот, человек по 5 и по 4: а досталным был указ таков же,

что и иным. А гости и добрые торговые люди к тем вором не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали, и от царя им было похваление. А столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и началным и дворовым людем, и подьячим за их службу, что они против тех воров стояли и здоровье царское оберегали, давано ис царские казны жалованье на платье камки, и атласы, и тафты, да по паре соболей, да по вершку бархатному, смотря по человеку, да к денежному и к поместному окладу придача: а стрелцом и людем боярским давано по киндяку, по вершку шапошному суконному, денег по 3, по 2 рубли. А гостя, которого дом разграбили, пожаловал царь, не велел с него имать пятые денги, а довелось было с него взять болши 15 000 рублев, и сына ево ему отдали назад, потому что был невинен; а сам отец в то время от убойства ухоронился в Вышегороде, на боярском Черкаского дворе. И после того царь велел по всей Москве и в городех у всяких людей имати писма, которые умели писать, и складывали те писма с теми воровскими писмами; и не сыскалось против того воровского писма ни одно писмо.

И видя царь, что в денгах почало быть воровство великое и много кровопролития учинилося, а те медные денги год от году подешевели, сперва ходили рубль против рубля, а потом почали ходить по 2, и по 3, и по 4, и по 5, и по 6, и по 7, и по 8, и по 15, и по 17 рублев медных денег за серебряной рубль, а с торговых людей и с крестьян десятую и пятую денгу имали в казну серебряными денгами, а ратным людем давали жалованье медными денгами, против того как преж сего давано серебряными, и в государстве серебряными денгами учала быть скудость, а на медные было все дорого, и многие помирали з голоду. И умысля царь, чтоб еще чего меж людми о денгах не учинилося, велел те медные денги отставить и не торговать и приносить те медные денги в свою царскую казну, на Москве и в городех, и за рубль медных денег положено было платить серебряными, по 10 денег.

А кто медных денег не похочет давать в царскую казну, и тем денги велено сливать и переделывать в котлы и во что кто хочет; а кто учнет те медные денги держати денгами, и им учинен был заказ под смертною казнью, потому чтоб тех денег не посеребривали, и не белили, и с серебряными денгами не мешали, и те денги убогие люди пременивали, а богатие сливали. Так же ис царские казны ратным людем почали давать жалованье годовое и кормовые

денги серебряными, и от того тем денгам учинилось в торговле скончание.

А людей за те денги, как они ходили, за их воровство, что они делали и чинили смуту, казнено в те годы смертною казнью болши 7000 человек, да которым отсекали руку и ноги, и чинено наказание, и ссыланы в сылки, и домы их и животы иманы на царя, болши 15 000 человек, московских, и городовых, и уездных всяких чинов людей; и много от того погибло честных, и знатных, и богатых людей. Да от того ж смутного времяни, как приходили воровские люди к царю и учинилася смута и кроворозлитие, царица, от великого страху испужався, лежала в болезни болши году.

Да в том же приказе ведомо железного дела завод, от Москвы 90 верств, под городом Тулою: и делают железо и пушки и ядра льют про царя. И те пушки и ядра посылаются по всем городом, а железо, которое остаетца от мушкетного и всякого царского дела, продают всяких чинов людем; и то железо в деле ставится жестоко, не таково мяхко, как свейское; а для чего понадобитца царю свейское железо, и то железо покупают у торговых людей. А у промыслу того железного дела бывают иных государств люди; а работники того города торговые люди и нанятые.

10. **Большой Приход.** А в нем сидит околничей да два дьяка. А доходы бывают в тот приказ на Москвы и с ыных городов с лавок, и з гостиных дворов, и с погребов, и с меры, чем всякие товары и питья меряют, так же и таможенные пошлины, и мыто, и перевоз, и постовщина; и соберется тое казны в год болши 500 000 рублев. А куды той казне бывает росход, и то написано ниже сего:

Как бывают окрестных государств послы на Москве, так же и греческие власти, и персидцкие, и греческие купетцкие люди, и им покупаетца всякой корм, хлеб, и мяса, и конской корм, сено, и овес, и дрова и даетца денгами; кормовым иноземцом, и их женам вдовам, и дочерям девицам, и переводчиком, и толмачем, и черкасом, запорожским казаком и донским поденной корм, по указу; московским послом, и посланником, и гонцом, как их посылают в ыные государства, жалованье в дорогу, и кому что вновь велят дати; на всякие судовые заводы, которые ходят по Москве-реке и по Волге, для хлебного, и рыбного, и соляного, и иного товарного промыслу на товарную покупку, которую покупают, и отвозят, и продают у Архангелского города; на жалованье того приказу подьячим и

работником судовым и которые на соляном царском дворе.

11. **Пушкарской приказ.** А в том приказе сидит боярин. да два дьяка. А ведомы в том приказе пушечные дворы, московские и городовые, и казна, и пушкари, и всякие пушечные запасы и зборы. А городы в том приказе ведомы неболшие, и собирается. денег в год с пол — 3000 рублев. А берут денги, на строения и на заводы ис Приказу Болшие Казны. И будет пушкарей, и затинщиков, и мастеровых всяких людей с 600 человек на Москве, кроме городовых. А на строение пушечное медь привозят от Архангелского города и из Свейского государства, а иные пушки подряжаются делать галанцы, и любченя, и амбурцы и привозят к Архангелскому городу. А для порохового строения учинены на Москве и в ыных местех дворы и мелницы; а мастеры у того дела бывают иных государств и руские люди, а работники руские ж люди.

12. **Царская Мастерская Полата.** А в ней сидит стряпчей с ключом да дьяк, а тот стряпчей честию против околничих, а в думе не сидит. А ведомо в том приказе его царское платье, и всякое одеяние, и мастеровые люди; а как царю на которой день платье и шапки всякие выдают, и в казну принимают назад осматривая, з запискою; а иных дел, окром того, не бывает; да он же надсматривает над другими стряпчими. И в тое Полату, кроме самого царя и тех людей, входити никто не смеет.

13. **Царицына Мастерская.** А в ней сидит дьяк, да тот приказ надсматривает казначея боярыни. А ведомо в том приказе царицыно, и царевичей, и царевен платье, и мастеровые люди, против того ж, что и в Царской Полате. Да в той же Полате ведомо на Москве слобода Кадашево, болши 2000 дворов, да слобода ж Брейтово, от Москвы с пол — 300 верст, болши 1000 дворов. И с тех слобод в тот приказ денежных доходов нет никаких, а идут доходы полотна, и скатерти, и убрусы, и иное, по указу, на царской обиход, и на царицын, и царевичам, и царевнам; а платят те люди в царскую казну денги с торговли своей и с лавок; а для приему полотен зделан в слободе на Москве двор, и принимает те полотна и росправу меж теми людми чинит боярыни вдова. А делают про царской обиход полотна мастеровые люди немногие, руские и поляки, а иные люди в свое место наймуют делать их же, мастеров.

14. **Иноземской приказ.** А ведает тот приказ тот же боярин, что и Стрелецкой приказ, а с ним товарыщи, дво-

рянин да два дьяка. И ведомы в том приказе иноземцы всяких чинов служилые люди. И верстают их за службы ис чину в чин, которых мочно без царского указу, — он, боярин, а иных высоких чинов без царского указу не верстают. А кормовое жалованье дают им помесечно в Болшом Приходе и в ыных приказех. А в тот приказ доходов бывает небольшое, толко на приказные росходы.

15. **Рейтарской приказ.** А ведает его боярин тот же, что и Стрелецкой и Иноземской приказ, а с ним товарыщи, дворянин да два дьяка. А бывает рейтаром збор из дворян, и из жилцов, и из детей боярских, малопоместных и беспоместных, и из недорослей, и из волных людей; а жалованье им дается из Рейтарского ж приказу. А собирают тем ратным людем на жалованье денги, как бывает збор со всего государства для войны.

16. **Приказ Новгородцкая Четверть.** А ведает тот приказ посолской думной дьяк да дьяк. А в том приказе ведомы городы: Великии Новгород, Псков, Нижней Новгород, Архангелской город, Вологда и иные поморские и пограничные городы свейскою границею. И с тех городов с торговых людей денежных доходов, и таможенных, и кабацких, и с соляных, и з железных, и с ыных промыслов соберется в год со 100 000 рублев, кроме того, что изойдет в тех городех на всякие расходы. А расход тем денгам бывает на жалованье бояром, и ближним людем, и иным чином по их окладом, так же и в ыные роздачи куды прилучится.

17. **Приказ Устюжская Четверть.** А в нем сидит боярин да два или три дьяка. А ведом в том приказе город Устюг Великии, со всякими податми с посацких людей и с волостных и уездных крестьян, и с кабаков, и с таможень, и со всяких откупов. А соберется тех доходов в год болши 20 000 рублев. А роздают те в росход на жалованье бояром и иным чином, которые посылаются на всякие службы, по окладом их, и началным людем рейтарским и салдатцким.

18. **Приказ Костромская Четверть.** А в нем сидит думной дворянин, а с ним дьяк. А ведомо в том приказе городы: Ростов, Ярославль, Кострома и иные; и доходу с тех городов, с посадцких людей, и таможенных, и кабацких, и иных будет с 30 000 рублев; а росход бывает против того ж, что и в Новгородцкой Четверти, на всякие росходы.

19. **Галицкая Четверть.** А в нем сидит боярин да два дьяка. А ведом в ней город Галичь с уездом, во всяких доходах; а бывает приходу на год блиско 12 000 рублев,

а росход бывает против того ж, что и в Костромской и в Новгородцкой Четверти.

20. **Приказ Новая Четверть.** А сидит в том приказе околничей, и оружейничей, да два дьяка. А ведомо в том приказе московской и многих городов, и волостей, и сел кружечные дворы, на вере и на откупу; и тех кабацких доходов бывает в год болши 100 000 рублев, кроме того, что в ыных приказех ведомы кабацкие доходы, и роздают те денги во всякие ж росходы, что и из ыных приказов, куды прилучится. Да в том же приказе ведомо привод, кого приведут с продажным вином, кто продавал воровски, сверх царского указу, тайно; так же и с табаком; и им за то указ и наказание бывает в том же приказе, и о том писано подлинно в Судебной книге.

21. **Оружейной приказ.** А ведает тот приказ тот же околничей, что и Новую Четверть, а с ним диак. А ведомо в том приказе двор, где делают ружье, и казенная Оружничья Полата, и стволного, и ложного, и замочного, и иного дела мастеры. А емлют к тому делу мастеров на Москве, и из городов, и из монастырей кузнецов и всяких того дела промышленных людей погодно, по переменам, и дают им за работу поденной корм ис царские казны; а уголье на то дело и на Денежной и на Кормовой дворы емлют Московского уезду с монастырских и вотчинниковых крестьян, по указу; а на завод того дела, и на всякой расход, и на жалованье мастеровым людем денги емлют из Новые Четверти; да ружье же, карабины, и пистоли с олстры, и мушкеты, и банделеры на царской обиход покупают в ыных государствах, где прилучитца.

22. **Приказ Золотого и Серебряного Дела.** А ведает тот же околничей, что и Новую Четверть, с ним дьяк. И емлют в тот приказ на Москве и из городов добрых мастеров в вечную службу и дают погодное жалованье; а делают они про царской обиход суды всякие и церковные утвари; а на завод того дела серебро и золото емлют ис приказу Болшие Казны и с Казенного двора.

23. **Аптекарской приказ.** А в нем сидит боярин, тот же, что и в Стрелецком приказе, да дьяк. А ведомо в том приказе аптека, и докторы, и лекари, иных государств люди, да для учения руских людей с 20 человек; а будет тех докторов и лекарей с 30 человек, и жалованье идет им годовое и месечное, погодно, по зговору.

24. **Монастырской приказ.** А в нем сидит околничей да два дьяка. А ведомо в том приказе всего Московского го-

сударства всякой духовной чин, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и монастыри, и попы, во всяких делах, и со властелинских и с монастырских крестьян подати к царю. И соберется тех податей в год болши 20 000 рублев; а росход тем денгам бывает против того ж, куды понадобитца, что и из ыных приказов, и куды царь раскажет.

25. **Хлебной приказ.** А в нем сидит дворянин да дьяк. А ведают в том приказе городы, и волости, и села, и кабаки, и таможни, з доходы и с податми после боярина Никиты Ивановича Романова; и соберетца с тех городов, и волостей, и сел, с торговых людей и с крестьян, и с кабаков и с таможень 20 000 рублев, кроме запасных доходов; да в тех же городех устроены пашни на царя, и для досмотру хлеба и росправы уставлены приказщики, дворяне; а что того хлеба в году ни уродитца, отдают на Москве на Житенной двор.

26. **Ямской приказ.** А в нем сидит боярин, да думной дворянин, да два дьяка. А ведомо в том приказе всего Московского государства ямщики, и дается им царское жалованье по 20 рублев и болши человеку на год, а лошадей держат они для гонбы по 3 лошади у всякого человека, указное, а у иных по 6, кто за сколко служит; да им же даетца из царские казны за всякую езду прогоны, на 10 верст по 3 денги, кто с чем ни едет и что ни везет, своего или царского; а ездят они под гонцами, и под всякими людми, и под извозом, по царским подорожным грамотам. А собираются ямщиком на жалованье денги со всего Московского государства с крестьян, что и стрелцом, по указу, по чему на кого положено; а соберется тех денег на год близко 50 000 рублев; а в городех, в Великом Новегороде, и во Пскове, и в Смоленске, и в Казани, и в Астарахани, и в ыных болших городех ямщиком денги собирают с тамошних уездных крестьян и дают жалованье против того ж, что и московским. А устроены ямские слободы дворов по 30, и по 40, и по 50, и по 80, и по 100, а слобода от слободы по 30, и по 40, и по 60, и по 90, и по 100 верст и болши.

27. **Каменной приказ.** А в нем сидит столник или дворянин да два дьяка. А ведомо в том приказе всего Московского государства каменное дело и мастеры; и для какого царского строения понадобятца те мастеры, и их собирают изо всех городов и дают им ис царские казны на поденной корм денги, чем им сытим быть мочно. Да на Москве ж ведомы в том приказе известные и кирпишные дворы и за-

воды; а где белой камень родится и делают известь, и те городы податми и доходы ведомы в том приказе. А соберется тех доходов с 5000 рублев в год; а камень белой, тесаной и неочищеной, привозят к Москве ис тех городов уездные крестьяне, на кого сколко в году положено поставить вместо иного оброку.

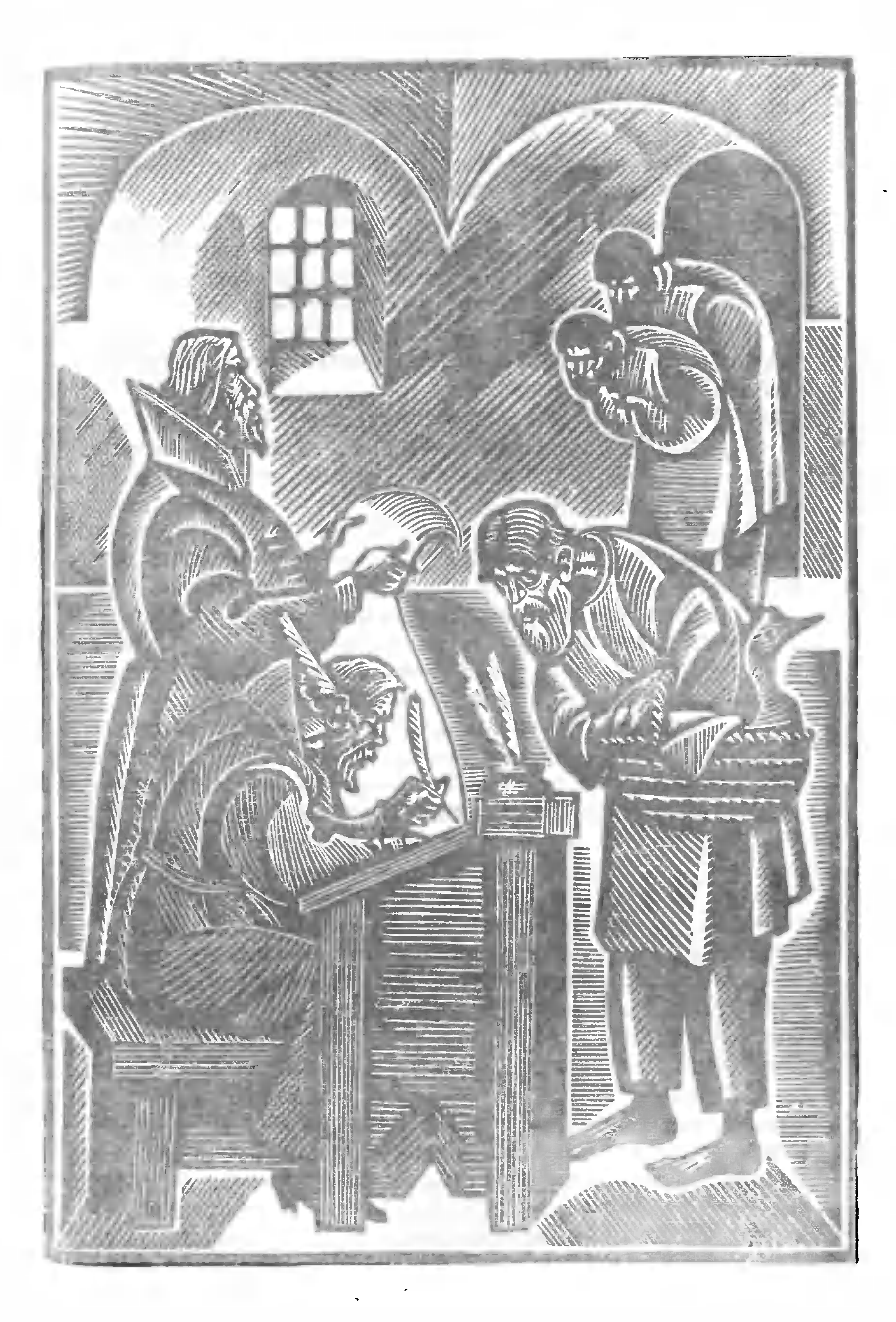
28. **Челобитенной приказ.** А в нем сидит околничей да два дьяка. А ведомы в нем челобитные, которые люди подают царю в походех и на празники, и тех челобитен царь слушает сам и бояре, и по которой челобитной доведется быти указу или отказу, и на тех челобитных подписывают думные дьяки. И слушав царь тех челобитен, отсылает в тот приказ, а ис приказу посылают те челобитные с подьячими, велят им честь их на площади перед царским двором всем людем и отдавать имянно тем людем, чья та челобитная будет. А иные люди емлют свои челобитные в приказе, и кто о чем бил челом, смотря по подписи, ходят в те приказы, куды подписано будет и где дело его. Да в том же приказе ведомы судом приказные люди, дьяки, и подьячие, и сторожи, и ходаки; и доходы денежные с судных дел неболшие.

29. **Приказ Малые Росии.** А сидит в нем тот же боярин, что и в Галицкой Четверти, а с ним дьяк. А ведомо в том Приказе Малая Росия, войско Запорожское, казаки и городы Киев и Чернигов с товарыщи, с того времяни как отлучилися они от полского короля и учинилися в подданстве под царскою рукою. А доходов с тое Малые Росии не бывает ничего, потому: как царь принимал их под свое владенье в подданство и он обещался им и чинил веру на том, что им быти под его владеньем в вечном подданстве по своим волностям и привилиям, как были они в поданстве у полского короля, ни в чем не переменяя и волностей их не отнимая. А приговорено войску быти всегда готовым против его царских неприятелей, и для оберегания городов по 60 000 человек. А собирати тому войску на жалованье денги с тамошних городцких, посадцких и уездных людей. И ис той Малой Росии для всяких дел присылаются посланцы, от гетманов — полковники, от полковников — сотники, и ясаулы, и казаки, по 20, и по 30, и по 50, и по 100 человек, и дается им на Москве корм, и питье царское, и конской корм, и дрова, поденно. А у царя они бывают у руки, и подносят листы от кого присланы, и те листы переписывают и потом указ и отпуск чинят; а на отпуске у царя бывают они у руки против того ж, что и на приезде,

и грамоты к гетманом, и к полковником, и к сотником посылаютца за болшою государственною печатью, всереди титла царская пишетца короткая чернилом. А на отпуске дается им жалованье: полковником на платье по сукну да по отласу или по камке, по 40 соболей во 100 рублев сорок, пара соболей на шапку в 20 рублев, денег 50 рублев; сотником, и атаманом, и ясаулом по сукну да по тафте, по 40 соболей в 50 рублев сорок, на шапки по царе, по 10 рублев пара, денег по 20 рублев; казаком по сукну, по паре соболей по 5 рублев пара, денег по 5 рублев; и в дороге им корм бывает против того ж, что на Москве; а бывает таких присылок в году от гетманов и от всех полковников с 20, а всех полков болши 20. Так же за службу посылается к гетманом, и к полковником подарки и к началным людем сукна, и камки, и тафты, и соболи, с столники, немалое число. Да с ними ж приезжают бити челом тех городов чернцы, и попы, и всякие люди, о вотчинах, и о мелницах, и о лугах, и о церковном строении, вновь или по старине и им дают на то жаловалные грамоты, а на церковное строение денги и церковное одеяние. Да им же идет корм и питье и даетца жалованье, смотря по человеку. А даетца им жалованье и поденной корм для того, что еще они учинились в подданстве вновь и тем бы их к вечному подданству постояннее приманить, а как в подданстве позастареют, и им такой чести и жалованья убудет.

30. **Земской приказ.** А в нем сидит думной дворянин, что и в Костромской Четверти, а с ним два диака. А в нем ведомо московские посадцкие люди и городы неболшие. Да в нем же ведомы на Москве и в городех дворовые места, белые и черные, и слободы, продажею и мерою, так же и улицы мостят и чистят, а собирают мостовщину со всякого чину жилецких людей; а как царю бывает выход или поход, и для чищенья улиц устроены земские метелщики, человек с 50. А доходов в тот приказ с московских торговых людей, и з городов, и з записки продажных дворов и мест с 15 000 рублев в год; а росход бывает во всякие статьи. Да в том же приказе ведомо московские розбойные, и татиные, и всякие воровские приводные дела.

31. **Холопей приказ.** А в нем сидит столник да дьяк. А ведают в том приказе боярских и ближних и всяких чинов людей дворовых их, кабалных, и даных, и записных служилых людей: и кто холоп кому бьет челом во двор и его запишут в книги, и дают на того холопа вечные служилые кабалы и даные, и на урочные годы записи тем лю-



дем, кому они бьют челом. И з записки тех людей емлют записные пошлины, и в год соберется тех пошлин с 500 рублев. А будет от кого боярина и всякого чину человека люди воруют, и бегают, и смуты чинят, и тем людем указ в том же приказе, по Уложению. А дают на тех кабалных людей кабалы вечные, будет бьет челом, кому во двор на ево имя самого, или жены его, или детей, по их век, а не на урочные лета: а посадцким людем, и слушкам монастырским, и попом, и холопем боярским дается на служилых людей записи на 5 лет, а болши 5 лет держати им у себя не велено. Так же кто кому должен чем, а заплатить будет нечим, и таких отдают в слуги, заслуживать за тот долг урочные лета: или кто кого окупити похочет, тому и холоп вечной, по ево живот, или жены его и детей. А какие чины велено отдавать за долги в слуги, и тому подлинно росписано в Уложенной книге.

32. **Два приказа судные: Московской, Володимерской.** А сидят в них по боярину, да по столнику, да по дьяку и по два. А ведомы в тех приказех судом во всяких делех бояре, и околничие, и думные и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне, и всякие помещики и вотчинники. А доходов нет никаких, кроме пошлин с судных дел, и того с 500 рублев в год, во всякой приказ.

33. **Печатной приказ.** А ведает тот приказ посолской думной дьяк да дьяк. А печатают в том приказе грамоты и памяти, которые посылаются всего Московского государства в городы, по указу царскому, так же и по челобитью всяких чинов людей. И собирают с челобитчиковых грамот и памятей, со всяких чинов людей, кроме иных бояр и думных людей, печатные пошлины, по указу, с челобитья, и з денег, и з животов, которые будут в грамотах и в памятях писаны, так же кому будут даны грамоты на воеводства и по приказом, и кому будут даны поместья и вотчины, с четвертей з земли, по указу ж, как о том подлинно писано в Уложенной книге, с кого что и с чего взяти пошлины. И собирая тое пошлину, записывают в книги, и тое записку закрепляют дьяки. А соберется тех пошлин на год тысечь по 60, и по 50, и по 10 рублев, каков лучится год, и роздаются те денги во всякие ж росходы. А бывает та печать у думного дьяка беспрестанно повышена на вороту и в дому; а вырезано на той печати орел двоеглавой, всереди царь на коне победил змия, около подпись царская, титла самая короткая: а величиною та печать будет немного болши ефимка любского кругом[15].

34. **Розбойной приказ.** А в нем сидит боярин или околничей, да столник или дворянин да два дьяка. И в том приказе ведомы всего Московского государства разбойные, и татиные, и приводные дела, и мастеры заплечные. А будет тех мастеров на Москве с 50 человек, и даетца им годовое жалованье. Так же и в городех для розбойных и татиных дел устроены приказные губные избы, и ведают такие дела выборные дворяне, за верою и крестным целованьем, которые, за старостью, полковых служеб служити не могут. И устроены для всяких воров тюрмы, и на Москве у тех тюрем и в приказе бывают сторожи, выбраны из московских слободцких людей, а в городех подьячие, и сторожи, и неделщики бывают выбраны из городцких и уездных людей, чей кто нибудь, за верою, и крестным целованьем, и за поруками. А в палачи на Москве и в городех ставятся всякого чину люди, кто похочет. И какова чину ни буди, князь, или боярин, или и простой человек, изыман будет на розбое, или в тадбе, или в злом деле, в смертном убийстве, и в пожоге, и в ыных воровских статьях, и приведут его на Москве в Розбойной или в Земской приказ, а в городех в приказы ж и в губную избу: и кто будет был на розбое и учинил убийство или пожог и татбу, а товарыщи их розбежались и не пойманы, и таких злочинцов в праздники и в ыные дни пытают и мучат без милосердия, для того, что вор и сам, не избирая дней, воровства свои и убииства делает, да и для того, чтоб по их скаске сыскать и товарыщев их. Так же и иных злочинцов потомуж пытают, смотря по делу, одиножды и двожды и трижды и после пыток указ чинят, до чего доведется. А на которых они людей скажут и станы свои укажут, и тех людей, сыскав всех, поставят с очей на очи, и тех воров пытают накрепко, впрямь ли те люди, на которых они говорят, с ними в том воровстве товарыщами или становщиками и оберегалщиками были и не напрасно ль на них говорят, по насертке: и будет с пыток скажут, что впрямь те люди их прямые товарыщи и становщики или оберегалщики, и тех всех потомуж начнут пытать. [...]

35. **Панафидной приказ.** А в нем сидит дьяк. А ведомо в том приказе поминание по мертвых прежних великих князех, и царех росииских, и царицах, и царевичах, и царевнах: и которого дни прилучитца по ком творити память, на Москве, и в городех, и в монастырех, по церквам указы посылаются ис того приказу.

36. **Счотной приказ.** А в нем сидят два дьяка и ведают

и делают дела всего Московского государства, приход, и росход, и остаток по книгам за многие годы. А приход в него бывает остаточные денги, которые в котором году с кого не взяты в царскую казну, так же в котором году за росходом что осталось в остатке; а собирая такие денги на Москве и из городов, в росходы ни в какие не даются, без царского указу.

И всего на Москве, кроме городовых и патриарших приказов и таможень, 42 приказа; а дьяков в тех приказех и по городом с воеводами со 100 человек, подьячих с 1000 человек. А устроены приказы на царском дворе: Тайных Дел, Приказ Болшого Дворца, Мастерские Полаты, Оптекарской, Серебряного и Золотого Дела, Оружейной, Монастырской; а досталные все приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами.

37. А кому лучитца о чем бити челом или на ком чего искати судом: и таким людем о всяких своих делех бити челом и искати всяких сыскных и кабалных и иных дел указано, кто под которым приказом в ведомости написан и судим.

38. А судити указано в приказех бояром, и околничим, и столником, и дворяном, и дьяком, кому в котором приказе ведати приказано, всем вместе и без единаго и единому без всех, в правду по святой евангелской заповеди Христове, не стыдяся лиц силных, понеже, по писанию божественному, вкупе богат и убог, и другу не дружити, а недругу не мстити ни для чего, и по посулом и по поминком не делати. А кто будет судья возмет посул и дело учнет делать по посулом, а про то сыщется, и о таких судьях о наказании подлинно писано в Уложенной книге. Однако ж, хотя на такое дело положено наказание, в чинят о тех посулах крестное целование з жестоким проклинателством, что посулов не имати и делати в правду по царскому указу и по Уложению: ни во что их есть вера и заклинательство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержати не могут, и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестснице через жену, или дочерь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, бутто про то и не ведают. Однако чрез такую их прелесть приводит душа их злоиманием в пучину огня негасимаго, и не токмо враждают своими душами, но и царскою, взяв посулы, облыгают других людей злыми словами и не стыдятца того делати потому: что может всегда блиско приходити к царю

и видети часто от простых людей? Но и сами они, судии, видают времянем и ретко когда прилучат говорити с ним о делех.

39. А будет которой ответчик учнет бити челом на кого судью, что тот судья ему недруг или с ним есть какое дело, и ему в том приказе отвечати и искати немочно: и ему велено бити челом до суда царю, и по тому его челобитью велят судити их в ыном приказе иным судьям, и по судному делу указ и вершенье что ни будет, тому так и быти; а сверх того суда в том деле, по которому будет указ учинен, иному суду нигде не быти. А кто в котором приказе учнет искати на ком чего нибудь, а ведая себе в том приказе судью или подьячего недруга, а царю о том наперед до суда не бил челом, а суд был, и дело вершено по правде, а не по недружбе и не по посулам, и после того учнет на противника своего а судью бити челом, что тот судья ему недруг и судил неправдою: и тому его челобитью верить не велено, и другому суду не быти, а быти по тому первому суду, потому: ведая себе судью недруга, а преж суда не бил челом, и тот ему суд учинится по ево доброй воле.

40. А кому на ком чего и искати, и о том пишут и подают в приказех судьям приставные памяти: и дьяки те памяти закрепляют и записывают в книги и посылают по ответчиков приставов, велят, сыскав, поставить в приказе самого ответчика, или жену его, или сына, или человека, которой ходит за делами. А как ответчика или его людей сыщут, и в приказе по исце и по ответчике соберут поручные записи; что им к суду обеим стать на указной срок, на которой судьи положат, или они меж себя, истец с ответчиком, сами изберут день. А будет по исце поручников не будет, и ему на ответчика суда в долговом деле не дадут; а будет по ответчике поручников не будет, и его держат в приказе скована, доколе поруки будут, или судное дело скончитца, или его отдадут в бережение приставом на руки. А будет истец или ответчик учнут бити челом, что им на указной срок за чем стати немочно, и им срок учинят стати к суду дале прежнего, смотря как мочно. А будет они на тот указной срок, истец или ответчик, не станут, и его тем обвинят без суда: и истец будет не станет, лишен иску своего, а ответчик не станет, виноват без суда, и исцов иск доправят весь сполна, для того, что они тот срок полюбовно сами изберут, а не станут.

А будет у кого с кем будет суд, и с суда по исце и по ответчике соберут поручные записи, что им до вершенья суд-

ного дела с Москвы не съехать: а съедут истец или ответчик, и истец иску лишен, а пошлины царские по судному делу возмут на поручниках его; а будет съедет ответчик, и за ответчика исцов иск и пошлины доправят на поручниках его, хотя б истец или ответчик прав был, однако, не дождався указу и не бив челом царю, с Москвы не съезжай. А будет по судному делу ответчик будет виноват: и на нем денги велят взять или доправить и отдать исцу, да на нем же, ответчике, возмут на царя пошлины, сверх исцова иску с рубля по 10 денег, да на нем же доправят истцовы проести, и волокиты, и убытки и отдадут исцу. А которому ответчику исцова иску заплатить будет нечем: и таких, бив на правеже, отдают тому исцу в слуги, заслуживать за те денги урочные годы, по указу, а царские пошлины возмут на самом исце; а указ тем людем, сколко кому за что заслуживать, писан подлинно в Уложенной книге. А отдаючи таких людей долги заслуживать, приказывают тем людем, чтоб они тех своих людей держали в домех своих не голодом и небезодежных и наругателства б и побой напрасно никаких не чинили, чтоб от них челобитья не было; а тем виноватым людем потомуж приказывают, чтоб они у тех своих господ за вину свою служили верно, и дурна никакого не чинили, и были во всем послушны, как годитца рабу пред господином. А будет тот отданой слуга учнет бити челом на господина своего, что он над ним много делает наругателства, и бьет без вины или напиваючись, неведомо за что, или над женою его и над детми учинит какое злое дело: и по сыску у такова господина того человека возмут назад, безденежно. А будет он, господин, тому человеку учинить наругателство, с серца переломит руку или ногу, или глаз выколет, или губы, или нос, или уши и иное что обрежет, и ему против того ж будет указ учинен самому: рука за руку, нога за ногу, глаз за глаз и иное против того ж; да на нем же возмут тому его увечному человеку за увечье из животов, по указу. А будет тот его увечной человек от его наругателства умрет: и того господина самого казнят смертью, а жене того умершаго и детем возмут того господина из животов на прожиток, по указу ж, кто б ни был. Таким же обычаем меж всяких господ и подданных их, дворовых людей и крестьян, указ во всем против того ж и ни в чем не рознитца; а в блудном деле указ на патриарше дворе или у митрополитов, и у архиепископов, и у епископов.

А которой человек учнет на господина своего бити че-

лом ложно или затеет на господина своего какое воровское государственное дело, не хотя у него служити, и по сыску такому человеку бывает наказание кнутом, и отдадут тому господину назад в слуги: не бей челом и не затевай на господина своего ложно.

А как те виноватые люди у господ своих за долги урочные лета отслужат, и тем их господам указано бывает, после выслуженых урочных лет тех людей приводити в приказ, откуда им их дадут, а крепити им тех людей за собою болши тех указных лет никому не велено; а ис приказу тех людей отпущают на волю, кто где жить похочет.

41. А будет судное дело будет о бесчестии, а не о долгах, и по такому судному делу на ответчике за бесчестье исца правят денги против жалованья, что ему идет царского жалованья на год; а будет он обесчестит чужую жену и детей, и за бесчестье жены на виноватом правят денги против мужня бесчестья вдвое, а за дочерне девкино бесчестье против отцова в четверо, а за сыновне гулящаго, которой не в службе, в полы отцова бесчестья; и доправя денги, отдадут тем людем, кого они обесчестят, а царю до тех денег дела нет. А иным людем, которые не в царской службе, о бесчестье положено потомуж с розверстанием, кто какого чину и чести. А которым людем бесчестья платить нечим, и таким, смотря по чести того человека, кого обесчестят, бывает наказание кнутом.

42. А как истец и ответчик станут которого дни к суду, и истец подаст судье челобитную, и судья, высмотря челобитные, спросит у ответчика, что он готов ли отвечать: и будет не готов, и ему дадут срок; а челобитные исцовы ему не прочтут и в руки не дадут; а будет ответчик скажет, что он отвечати готов, и ему исцову челобитную вычтут и велят против того отвечать. И как то судное дело начнетца, и то дело записывают подьячие, а как суд отойдет, и исцу и ответчику велят к судному делу, к записке речей их, приложить руки, а которые грамоте не умеют, и в их место велят приложить кому иному, кому они верят; и потом дадут их на поруки. И после того подьячей из судного дела выпишет коротко, кто что говорил, и выписав, по которому делу мочно судьям указ чинить, негораздо в великих делах, и они то дело вершат и виноватого обвинят и без царского ведома; а будет которого дела вершити им за чем немочно, и то дело взнесут пред царя и пред бояр, и что по тому делу будет царской указ, и по тому так и быти.

Так же и всякие государственные и земские дела велено им, приказным людем, делати по царскому указу и по Уложению вправду; а чего немочно им будет делать, велено спрашиватца з бояры, и з думными людми, и с самим царем.

43. А дается во всяких в денежных и в заемных, товарных, и иных делах суд по кабалам и по записям; а у кого кабал нет, или утеряются, или подерутца и иная какая нибуд шкода учинитца, и в бескабалных делах суда не даетца и верить не велено ничему, хотя б на какое дело дватцать человек свидетелей было, все то ни во что без крепостей. А велено всяким людем долгов своих всяких денежных и иных искати по кабалам, и по записям, и по иным крепостям в 15 лет; а по 15 летех, хотя один день перейдет за лишек, всякие крепости поставлены ни во что и суда не даетца.

44. А которые люди учнут искати всяких своих дел на ком нибудь, на Москве в приказех или в городех, где кто судим, и им велено во всяких делах суды давати, без задержанья; и после судного дела, не входя вон, похочет ответчик искати, на исце своем какого ни буди дела встречно, и ему, ответчику, на исца велено суд или два и три, по розным челобитным, давать, не выходя вон ис приказу; а дела судного з другими судами примешивать и сверстывать не велено.

45. А окроме царских приказов, которые выше сего написаны, и окромь городов, и царских дворцовых сел и волостей, и патриарших, и митрополичих, и архиепископлих, и епископлих приказов нигде никаким людем судов и росправы ни в чем не бывает. А бывают у патриарха и у властей судные дела, в духовных статьях, и смертях, и в ыных во всяких делах, против того ж, что и в царском суде, всякому чину мужскому полу и женскому, кроме разбойных, и татиных, и пожегных дел. А кого у них за духовные дела в воровских статьях осудят на смерть, кто какую казнь заслужит, и они, из дела выписав приговор свой, посылают с теми осуждеными людми в царской суд, и по тому их приговору ис царского суда велят казнити без задержанья, кто чего достоин; а у самих у них, властей, таких людей бес царского ведома не казнят ни за что.

46. Да в тех же приказех учинены для розсылки всяких дел и для приставных памятин и поручных записей в Посолском приказе толмачи, во Дворце — трубники, а в ыных во всех приказех дети боярские, неделщики, денщи-

ки, пушкари; и будет тех людей с 500 человек. А указано им, кроме царского жалованья, с ысца и с ответчика хоженого по 10 денег с человека да пожелезное.

47. А которых людей на Москве и в городех — воров, разбойников и татей и в ыных злых делах приводят и сажают их в тюрму: и тех людей, у кого есть отцы и матери или иные сродичи, и жена, и дети, кормят их сами, своим. А у которых нет сродичей и кормитися нечим, и ис тех воров, которые в малых винах сидят, на всякой день ис тюрем выпущают по 2 человека, скованых, с сторожами, собирати по людям, по торгом и по дворам милостыню, деньгами и хлебом; а что они которого дни соберут, мало или много, и то меж себя делят с товарыщи все вместе, и тем себя кормят.

А которые люди ищут на ком долгов своих или иного чего нибудь, и посадят их в приказех в крепи, а кормитися тем людем будет нечем, и их велят кормити приставом до тех мест, как дела тех людей вершатца; и будет кто будет виноват, истец или ответчик, за корм тех людей денги приставом возмут на виноватом, а истец его до совершенья дела своего кормити неповинен, хотя з голоду умрет.

48. А во всяком приказе, з городов и с посадов, и с волостей, и с сел, и з деревень, и с таможень, и с кабаков, и со всяких откупов денежные всякие доходы, которые городы, и слободы, и волости, и села, в котором приказе ведомы, принимают и роздают подьячие, добрые, помесечно.

И всего денежных доходов на всякой год в царскую казну приходит во все приказы со всего государства, кроме того, что исходит в городех, з десять сот с триста с одиннадцать тысечь рублев, окром сибирские казны.

Глава 8,

а в ней 11 статей

О владетелстве царств, и государств, и земель, и городов, которые под Росииским царством лежат, и тех государств о воеводах

1. Великии Новгород, царствы Казанское, Астараханское, Сибирское, государство Псковское, княжествы Смоленское, Полотцкое, и тех государств в первые городы посылаютца воеводы, бояре и околничие, а с ними товарыщи: з боярами околничие, и столники, и дьяки, а с околничими — столники и дьяки; и ведают те государства, с при-

городы и с уезды, во всяких государственных и земляных делах, против того ж, как ведают на Москве бояре и думные люди приказы. А ведают всякие государственные и земские дела и указ по них чинят, которые мочно им чинить и вершить, по наказом их, каковы им даются из Розрядного приказу и по Уложенной книге, и не описываясь к царю; а которых великих и спорных дел вершити будет за чем немочно, и о таких делех о указе пишут к Москве к царю, а без указу великих дел делати и докончати не смеют.

А вором, разбойником, и татем, и иным злочинцом указ бывает против того ж, как и на Москве. А казнити их за их воровства смертию, кто б каков ни был, без указу царского и не описався к нему не велено, и учинити нихто не смеет, кроме Сибири, и Астарахани, и Терка, потому что из тех городов к Москве к царю писма их и от царя против их писем о всяких делех указу вскоре приходити немочно, и их в таких далних городех велено казнити и без указу царского руских середних людей, и татар, и чювашу, и черемису; а дворян, и мурз, и князей, и нарочитых знатных людей без указу царского казнити не велено; а кого они казнят, и им, воеводам, для объявления велено писать к Москве, кто за что казнен и какою смертию.

2. А которые к тем государством и болшим городам належат городы всякою ведомостью, и владетелством, и податми: и в те пригороды посылаются воеводы, дворяне и дети боярские, с Москвы и тех городов от воевод. А велено им дела делать по наказом, каковы даются им тех городов от бояр и воевод, и о всяких делех спрашиватися и писати к ним, болшим воеводам, а не к Москве; а они, болшие воеводы, к тем пригородным воеводам против их писма, потому ж от себя указ посылают, которые дела могут они делать сами, и они б делали, а чего делать немочно, пишут о том к Москве, к царю.

3. Так же и в ыных болших и середних городех бывают воеводы столники, и дворяня, и дьяки, и подьячие вместо дьяков; а велено им в тех городех дела всякие делать по наказом же и по Уложению. А которых великих дел ведати и делати им не указано, и о таких делах велено им писати к Москве ж.

А в судных кабалных делех велено им суды давати, дворяном, и детем боярским, и служилым всяких чинов, и посадцким людем, и крестьяном, в болших городех, где воевода з дьяками, в долговых делех во 100, и в 500, и в

1000, и в 10 000 рублев. А в ыных городех, где воеводы одни сидят или и с подьячими, а дьяков не бывает, велено суды давати в долговых делех в 10 и в 20 рублех, а болши дватцати рублев суда давати им не велено никому; а будет кто воевода или приказной человек, болши 20 рублев суд даст, и тот суд не в суд, да на нем же, судье, возмут на царя пеню.

А велено середних и менших городов всякого чину людем в болших своих искех судитися на Москве, кто где судим и под которым приказом написан. А в самых болших городех, хотя в великих искех дают суды в 1000 и в 10 000 рублех, а обвинити они бес царского указу никого не смеют.

4. А бывает в городы к бояром, и воеводам, и приказным людем о всяких делех посылаются указы, пишутца грамоты таким обычаем: «От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, боярину нашему и воеводам князю Якову Куденетовичю Черкаскому» или: «князю Ивану Алексеевичю Воротынскому с товарищи»; а потом дело. Так же и к середним воеводам против того ж: кто князь или столник и стряпчей, и его имянуют чин, потом имя; а к простому дворянину толко имя его, и отечество, и прозвание.

А пишетца та титла «всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец», не изстари,— внове, при нынешнем царе, как учинились в вечном подданстве Малая Росия войско запорожское, гетман Богдан Хмелницкой с казаками и со всеми черкаскими городами.

Великою Росиею прозвано Московское государство; Белая Росия — белорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в ыных городех.

Вопрос. Для чего пишетца «самодержцем»?

Ответ. Как прежние цари, после царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непалчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати[16]. А нынешняго царя обрали на царство, а писма он на себя не дал никакого, что прежние цари давывали, и не спрашивали, потому что разумели его гораздо тихим, и потому наивышнее пишетца «самодержцем» и государство свое правит по своей воли. И с кем похочет учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбе отдати, или какую помочь чинити, или

и иные всякие великие и малые своего государства дела похочет по своей мысли учинити, з бояры и з думными людми спрашиваетца о том мало; в его воле что хочет, то учинити может. Однако кого из бояр и из думных и ис простых людей любит и жалует, спрашиваетца и советуют с ними о всяких делах. А отец его блаженныя памяти царь Михайло Федоровичь хотя «самодержцем» писался, однако без боярского совету не мог делати ничего.

Таким же обычаем посылаются грамоты и на посолства к послом: «От царя и великого князя имрк» и титлы; а потом «нашим великим и полномочным послом», одного имя пишут с товарыщи, или времянем всех по имяном.

Да к ним же, к бояром и воеводам, посылаются грамоты, по их писму, как они которого году учинят в податех и во всяких делах и промыслех прибыль. Так же которые бояры и воеводы бывают на войне и учинят над неприятелем поиск или послы на съездех постановят вечной договор или перемирье, и к ним посылаются грамоты, с милостивым словом за их раденье и службу, пишут таким обычаем: «Писали они, бояре и воеводы, что которого году учинили прибыли и иного раденья»; или: «Ис полков воеводы ж, что божиею помощию и заступлением Богородицыным и всех [святых], и его царскою молитвою и счастием, учинился им над неприятелем поиск»; или: «Послы учинили посолство, по его царскому изволению, и мы, великии государь, за вашу верную службу и раденье жалуем, милостиво похваляем, и во всем бы были они надежны па его царскую милость, а служба их у него, великого государя, забвенна не будет».

5. А которому боярину, и воеводе, и приказным людем или послом, и посланником, и гонцом или кто к какому делу будет уставлен, лучитца писати к царю против всяких дел отписки, и они пишут таким обычаем: «Государю царю и великому князю», имя его царское и титла против такого ж обычая, как и в грамотах царских, пишется к ним, а по титле: «холоп твой Янка Черкаской, Ивашко Воротынской» или кто нибудь «с товарыщи (или и один) челом бьют (челом бьет)»; потом дело; а княжеством ся не пишут и чину своего не поминают.

6. А кому лучитца о каких делех бити челом царю самому, и в приказех судьям, и в городех, и в войне воеводам или послом, и в челобитных своих пишут бояре, и околничие, и думные, и всякого чину служилые люди: «Царю государю и великому князю», имянованье и титла

его царская против того ж, что и в отписке, а потом «бьет челом холоп твой князь или и боярин» и простой человек полуимянем же, без княжества и без чину; а посадцкие люди и крестьяне пишутца в челобитных своих «рабами и сиротами», а не холопми. Так же и жены и дочери всяких чинов людей пишетца в челобитных своих «рабами и сиротами», полуимянем же; а отцов своих и мужей пишут в челобитных своих целыми имянами и имянуют прозвище и чин.

А кому боярон и ближним и всякого чину людем, о чем лучитца бити челом царице, и царевичам, и царевнам, и они пишутся против того ж, что и к царю, «холопми и рабами и сиротами», а их титлы пишут: «Государыне царице и великой княгине имрк»; царевнам: «Государыне царевне и великой княжне имрк», а болши того титл не бывает; а царевичам пишут: «Государю царевичю и великому князю» имя его и титла такова ж, что и царская, а «самодержца» не пишетца.

А власти, патриарх и митрополиты, и иные, и простые чернцы, и черницы, и попы пишутца к царю, и к царице, и к царевичам, и к царевнам во всяких писмах целыми своими имянами и чинами.

7. Да в тех же во всех городех царские всякие доходы и поборы с посадцких и с уездных крестьян, и таможенные, и кабацкие, и иные зборы, которые на вере и на откупу, во всех городех велено собирати по окладом, против того ж, что на Москве, по чему с которого города, и с уезду, и с таможень, и с кабаков, и с ыных откупов положен погодно оклад, и то б все собирали никому ни в чем не норовя и присылати к Москве все сполна; а кто будет воевода и приказной человек зачем у кого чего не соберет, и то велят доправить на самом воеводе. А на какие дела понадобятца денги в тех городех, и им о том велено писати к Москве и роздавати во всякие росходы з запискою.

8. А для остерегания или оберегания города в болших городех устроены стрелцы и казаки, вечным житьем, пушкари, и затинщики, и воротники, а в ыных местех салдаты, и бывают около казны, и по городу, и у ворот на стороже, и посылают их во всякие посылки. А в ыных не в порубежных городех для оберегания города устроены только одне пушкари, и затинщики, и воротники. А ключи городовые, воротние, во всех городех бывают у воевод и у приказных людей.

9. А когда лучитца быти у Московского государства

с ыными государствы войне, и для воинского времяни во всяких городех у монастырей и у дворян устроены осадные дворы: и в воинское время на те дворы со всеми своими животами, и з запасами, и з женами, и з детми живут в городех. А крестьян из сел и из деревень велят, со всеми их животы, высылать для осады в городы ж, и те крестьяне в осадное время с посадцкими и с ыными людми бывают по городу на стороже с ружьем своим или с царским.

10. А которой город попортитца или за старостью розвалится, и на строение городов, для починки и вновь казну собирают того города с торговых посадцких людей и с уездных крестьян, повытно, смотря по городовому строению; а чего не достанет в строение тое зборные казны, и на такое строение велит царь имати из своих царских доходов. А мастеров каменщиков, и плотников, и иных работников емлют в том же городе, и уезде, и из иных городов.

А пушки, и пушечные запасы, и всякое воинское и осадное оружие, посылается в те городы с Москвы, смотря по городу.

Так же в болших каменных монастырех для осадного времяни пушки, и пушечные всякие запасы, и всякое осадное оружие царское, и в ыных монастырех для оберегания городов от воинских людей устроены стрелцы и пушкари; а где стрелцов нет, и в тех монастырех устроены слободами торговые люди и крестьяне.

11. А будет в Московском государстве построенных каменных городов, кроме монастырей, с 20 городов, или мало болши, а досталные все деланы деревяные, на земляных валах и просто на земле; и для войны насыпают те городы песком и каменьем, а для крепости тех городов копаны кругом глубокие рвы и бит деревяной чеснок, а в ыных рвах пущена кругом вода.

Глава 9,

а в ней 12 статей

О воинских зборах

1. Как бывает со окрестными государствы нелюбье и война, и в то время царь советует с патриархом, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископы, и с ыными болших монастырей властми и говорит з бояры, что у него с ыным государем учинилось нелюбье и хочет он тому государю мстити недружбу войною. И власти и бояре на та-

кое дело с ним, царем, приговорят, и положат воинским людем збор со всего государства, столником, и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и дворяном, и детем боярским городовым, и казаком, и стрелцом, и салдатом, и татаром. И будет на которой войне лучится быти самому царю, и в то время смотря царь всех воинских людей, обирает себе полк изо всяких чинов людей и ис полков; потом учинит полки бояром, и околничим, и ближним людем по своему разсмотрению. А когда он, царь, своею особою в войну не пойдет, и тогда посылает бояр и ближних людей, а с ними ратных людей, их выборные полки; так же в прибавку, выбрав из своих полков, посылает по своему разсмотрению.

А бывают в царском и в боярских на службе столники, и стряпчие, и дворяня и жилцы, росписаны посотенно; и над всякою сотнею учинены головы сотенные из столников и из дворян, а у них порутчики и знаменшики ис тех же чинов, менших чинов люди. А хоругви у них болшие, камчатые и тафтяные, не таковы, как рейтарские; трубачеи и литаврщики их же голов дворовые люди. А учения у них к бою против рейтарского не бывает, и строю никакого не знают; кто под которым знаменем написан, и по тому и едет без устрою.

Да из столников же, и из стряпчих, и из дворян, и из жилцов выбирает царь из своего полку добрых людей с 1000 человек, которым быти всегда к бою и не к бою при нем самом и для оберегания знамени его царского, да для всяких дел в розсылку ясаулов с 60 человек; а бояре и воеводы потомуж выбирают из своих полков для чести своей и оберегания царского знамени, которые даютца им, воеводам, от царя, и для особых их, боярских, знамен, человек по сту, кого излюбят, да для всяких воинских розсылок ясаулов, человек по 20, молотцов добрых. А бывают царские знамена у самого в полку и у бояр болшие, шиты и писаны золотом и серебром, на камке спасов образ или какие победителные чюдеса; а боярские знамена бывают таковы, что у полской гусари, розноцветные, долгие.

Да в то ж время, как бывает у царя смотр всем ратным людем, перед войною: и в то время у столников, и у стряпчих, и у дворян московских, и у жилцов росписывают, сколко за кем крестьянских дворов, и сметя против крестьянских дворов, напишут за ними быти к бою людей их, со всею служебою, всяких чинов за человеком, человек по 5, и по 6, и по 10, и по 20, и по 30, и по 40, смотря по их

животам и по вотчинам, кроме тех людей, которые с ними бывают за возами. А как прилучится бой, и тех их людей к бою от них не отлучают, и бывают с ними вместе под одним знаменем.

2. Рейтарские полки. И в те полки в рейтары выбирают из жилцов, из дворян городовых, и из дворянских детей недорослей, и из детей боярских, которые малопоместные и беспоместные и царским жалованьем, денежным и поместным, не верстаны; так же и из волных людей прибирают, кто в той службе быти похочет; и дают им царское жалованье на год по 30 рублев денег. Да им же ис царские казны дается ружье, карабины, и пистоли, и порох, и свинец, а лошади и пластье покупают сами. А чего в котором году того жалованья у них за хлебною дороговью не достанет, и им в полки посылают жалованье с прибавкою. А у которых дворян, и жилцов, и у недорослей есть крестьянские дворы, и тем царского жалованья дают несполна; сколко за кем крестьянских дворов, и у таких из жалованья против крестьян вычитают, да им же на службе с ружьем велят быть с своим. А у кого на службе убьют лошадь или умрет, и таким для покупки лошадей жалованье дается в полкех, по разсмотрению, а у ружья, что попортитца или на бою отобьют, и в то число ружье дается иное в полкех же, по разсмотрению, а иным пожиточным людем велят купити на свои денги.

Да в рейтары ж емлют с патриарха, с митрополитов, с архиепископов, и епископов, и с монастырей, так же з бояр, и околничих, и думных людей, которые останутся на Москве, а нигде не на службе и не в посолствах, так же с столников и з дворян московских и з городовых, которые от службы отставлены за старостью, и за болезнью, и за увечье и служеб им самим служити немочно, так же и со вдов и з девок, за которыми есть крестьяне, смотря по вотчинам и по поместьям, сколко за которым вотчинником и помещиком крестьян, со 100 крестьянских дворов рейтар, монастырской служка или холоп. А посылати властем, и монастырем, и бояром, и думным людем, и столником, и дворяном отставным, и вдовам, и девкам людей своих и служек на службу, на указной срок, со всею службою и с лошадми добрыми и з сапасы с своими, смотря по службе, чтоб запасами и ничем были нескудны, и за ними за 5 человеки и за запасом по человеку, сверх тех указных людей. А кто рейтар, боярской служка или монастырской побежит с службы, и их, имая и бив кнутом, велено высылати на

службу, или, на дороге поймав, в полкех тем людем потомуж бывает наказание; а кого не сыщут, и за таких беглых людей емлют иных людей, да на них же бывает положена пеня великая, для того: отпущай на службу добрых людей верных и ничем бы был нескуден, и того для и иных неповадно будет с служеб бегать.

А прибираючи тех рейтар полные полки, отдают иноземцом и руским людем полковником, и бывает им учение. А бывают у рейтар началные люди: полковники, и полуполковники, и майоры, и ротмистры, и иные чины, розных иноземских государств люди; а руские началные люди бывают у рейтар столники, и дворяне, и жилцы, ученые люди иноземских же полков из рейтар и из началных людей.

3. Стрелецкие полки старые на Москве и в городех, как о том писано выше сего. А вновь стрелецкие полки прибирают из волных людей, и жалованье им дается против старых стрелков; и бывают в стрелцах вечно, и дети и внучата стрелцы ж по них.

4. Полки салдатцкие старые издавна устроены житьем на порубежных местех, острогами, в двух местех к границе Свейского государства, Олонец, Сомро, погостами и деревнями, со всем своим житьем и з землею: и в воинское время емлют их на службу, и учинят к ним полковников и иных началных людей. А для обирегания пограничных мест, и острожков, и домов оставливают их четвертую долю людей, и податей с них на царя не берут ничего; а когда войны не бывает, и тогда с них берут подати, что и с ыных крестьян, по указу, по чему положено. А будет тех салдатов немалое число.

Новые полки. И в те полки прибирают солдат из волных людей и из Украинных и ис Понизовых городов, детей боярских, малопоместных и беспоместных; так же и с патриарших, и с властелинских, и с монастырских, и з боярских, и всякого чину людей, с вотчинниковых и с помещиковых со ста крестьянских дворов салдат.

Да в салдаты ж емлют всего Московского государства с крестьян, кроме Сибири, и Астарахани, и Казани: у которого отца два или три сына или три брата живут вместе, а не порознь, и от трех емлют одного человека; а у кого четыре сына или четыре брата вместе, и от таких емлют двух, а у кого сыщется болши, и от таких болши и возмут; а у кого два или три сына или братья малые и службы им салдатские служить не в мочь, и от таких людей не емлют, до тех мест, доколе подростут и годятца быти в службе.

Да ис Казани и ис понизовых городов собирают татар, и черемису, и мордву, со 100 ж дворов.

А прибираючи салдатов розные полки, отдают началным людем против того ж, что и рейтар, и бывает им учение; а жалованья им даетца кормовых денег на месяц по 60 алтын человеку. Да салдатом же дается ис царские казны ружье, мушкеты, порох, фитиль, бердыши, шпаги, пики малые; а иным даетца шпаги, и мушкеты, и пики долгие; и те мушкеты, для нужного времяни, возят за ними на лошадях.

А в нынешнюю службу, от лета 1651 году, за продолжением полские войны многие люди рейтары и салдаты на боех, и на приступех, и сидячи в осадех, и стояв долгое время под многими розными городами з голоду померли: и збираны рейтары и салдаты, ежегод, со властей и с монастырей, и з бояр и со всяких чинов, с помещиков и с вотчинников, со 100 дворов крестьянских по конному человеку рейтару, с ружьем, да по салдату, да сверх того збираны рейтары и салдаты подвожды в году, не по один год, со 100 ж крестьянских дворов рейтар, а в салдаты с 20 дворов салдат.

А збирают тех рейтар и салдат со 100 дворов крестьянских; а у кого столко числом крестьян не было, и с таких двух или 5 и десяти помещиков и вотчинников иманы денги, по розчету, за рейтара по 30 рублев, за солдата по 20 рублев.

А в котором году рейтаром и салдатом на службу посылок не бывает, роспущают их по домом; а в которое время надобны будут, и их велят поставить на Москве или на службе на срок, по прежнему.

5. Драгунские полки. Старые драгуны устроены вечным житьем на Украине к татарской границе, против того ж, что и салдаты к границе Свейского государства; а вновь драгунов берут с украиных городов и с волостей, с торговых людей и с крестьян, которые живут за царем и за монастыри, против такого ж обычая, что и рейтаров и салдатов, и исполнивая полки, придают их к райтаром в полки. А служба их конная и пешая, против салдатцкого обычая, с мушкеты, и з бердыши, и с пики короткими, и з барабаны; а знамена бывают у них двои, во время пешего строю салдатцкие знамена и во время езды против салдатцких вполы; а жалованье дается им рублев по 12 человеку; а началные люди у них против того ж, что и у рейтаров.

6. Казачьи полки старые ж. А устроены те казаки для оберегания порубежных мест от полские границы; и тех казаков было до войны с 5000 человек, а ныне их немногое число; а учинены они в казаки из служилых людей, из рейтар и из салдатов, после прежних служеб, и даны им дворы и места и земля пахотная; а оброку царю и податей не платят никаких. А как они бывают на службе, и им жалованье дается погодно, против драгунов; а к бою служба их против рейтарского строю, знамена малые ж, своим образцом. Началные люди у них — голова, атаманы, сотники, ясаулы, из дворян и из рейтарских началных людей.

7. Донские казаки. И тех донских казаков з Дону емлют для промыслу воинскаго, посылать в подъезды, подсматривать и неприятелские сторожи скрадывать; и дается им жалованье, что и другим казаком. А будет их, казаков, на Дону с 20 000 человек, учинены для оберегания понизовых городов от приходу турских, и татарских, и нагайских людей, и калмыков. А люди они породою москвичи и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были х казни в разбойных, и в татиных, и в ыных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон; и быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем нибудь приехать к Москве, и до них впред дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свобождаютца. И дана им на Дону жить воля своя, и началных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство или за иные дела и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или ис пищалей розстреляют сами; так же будучи на Москве или в полкех, кто что сворует царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж. А как они к Москве приезжают, и им честь бывает такова, как чюжеземским нарочитым людем; а ежели б им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учали, и толко б не они, донские казаки, не укрепилось бы и не были б в подданстве давно за московским царем Казанское и Астараханское царствы, з городами и з землями, во владелстве. А посылается к ним на Дон царское жалованье, денежное, негораздо помногу и невсегда; а добываются те казаки на Дону на всяких воинских промыслах от турских

людей, горою и водою, так же и от персицких людей, и от татар, и от калмыков; и что кто где на воинском промыслу ни добудут, делят все меж собою по частям, хотя кто и не был. Да к ним же, донским казаком, ис Казани и из Астарахани посылается хлебное жалованье, чем им мочно сытим быть; а иные сами на себя промышляют.

8. Всем тем ратным людем денежное, годовое и месячное, жалованье собирают со всего Московского государства, с посадцких торговых и ремесленых людей, и царских сел и волостей, и со властелинских, и боярских, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян и з бобылей, по указу, против торговли и промыслу, по чему положат и по чему сами меж себя изверстают, сколко с кого что взяти с торговли и з земли.

А для нынешние полские и свейские войны збирано со всего ж Московского государства, со всяких торговых людей и с вотчинниковых и помещиковых крестьян и бобылей сперва дватцатую денгу, потом десятую денгу, не по один год; а в 1662-м и 3-м годех собирали со всякого чину людей, которые писаны выше сего, пятую денгу серебряными денгами. А чего зборных денег на жалованье ратным людем не доставает, и то дают из царских приказных и из городовых доходов.

Таким же обычаем и в прежние воинские времяна десятая денга збирана ж со всего Московского государства с таких же чинов людей. А как тое десятую денгу или 20-ю и 5-ю на них положат, и они, кто хочет быти богобоязлив и души своей повредити не похочет, скажет по святой непорочной евангелской заповеди Христове вправду, что ему доведетца от промыслов и от животов или от земли дати 20-е, или 10-е, или пятые денги столко и столко, и положит число: и ведаючи таких людей по их торговле и промыслом, что он сказал правду, и по его скаске столко с него и возмут. А которой человек, не боясь бога и указу царского, ослушався, скажет неправду, утаит многое, что ему доведетца дать столко и столко, и положит малое число не против торговли своей и промыслов, а товарыщи его торговые люди или крестьяне, ведая его торговлю и промыслы, скажут и положат на него, что доведетца с него взяти столко числом: и по тому их приговору с него и возмут; а что он неправду скажет, по душе своей утаит многое, и тому не верят.

Да для войны ж ратным людем собирают с патриарших, и властелинских, и монастырских, и з боярских,

и всяких вотчинников и помещиков, с крестьянских дворов служилые хлебные запасы, рожь, муку, сухари, толокно, крупы, против того ж, по указу, по чему с которого двора доведется. А собрав те запасы, велят вести в порубежные городы, где прилучится быти войне, тем же помещиковым и вотчинниковым крестьяном, на кого что доведется; а з самых далних мест за запасы и за провоз берут денгами, по росчоту, сметясь против иных людей, кому во что запасы и провоз станет. А мясо, и соль, и вино посылается с Москвы с царского двора на подводах.

И те хлебные запасы, рожь, и муку, и сухари, и толокно, и крупы, и мясо, и соль, и вино, будучи на службе в городех и в полкех, роздают стрелцом, и салдатом, и драгуном, помесечно, по указу, чем кому в месяц мочно прожить и кому что царь или бояре велят дати в продажу и в займы или безденежно и без займов.

9. А бояре, и воеводы, и столники, и стряпчие, и дворяне, и жилцы, и началные люди, и рейтары, и казаки запасаются на службу всякой своими домовыми запасами, у кого что прилучилось; а царских запасов им на службе никому не дают, разве когда бывает великая нужа и голод, и им ис царские казны даются небогатым людем запасы, в долг, по неболшому. А рейтаром и казаком бывает нужа и голод, и им для нужного времяни прибавливают денежного жалованья, по чему доведется.

10. А когда лучится царю итти самому в войну, и бывает с ним в его полку всякого чину людей с 30 000 человек; да в полкех же у розных бояр и воевод бывает тысечь по 20, и по 15, и по 10, и по 7 в полку.

Да для войны ж и приступов бывают с царем и з бояры в полкех пушки, проломные, и полковые, и гранатные, со всякими наряды и з запасы: в царском полку с 200 пушек всяких, в боярских — по 50 и по 80 пушек всяких, которые в стрелецких, и в салдатцких, и в драгунских полкех. А возят те пушки и всякие пушечные запасы и запасное всякое воинское ружье на царских домовых лошадях; да для приступов же, и подкопов, и осадного времяни за пехотою возят топоры, заступы, кирки и иные угодья, которые к воинским промыслам годятца.

Да в полки ж берут на Москве и из городов хлебников, пирожников, мясников, квасоваров, со всякими их запасы, для продажи и поживления войск, человек по 50 и по 70 в полк; а жалованье им не даетца никакое. А велят им, будучи на службе, те свои московские товары, и которые

купят и даром добудут в войне, продавати всякого чину служивым людем негораздо дорогою ценою, чтоб им от того было самим поживление, а воинским людем неистратно.

11. А когда от войны бывает престатие, и тогда ратным людем, рейтаром, салдатом, драгуном, казаком и атаманом, Мордве, черемисе бывает роспуск всем по домом, кто где преж сего жил. А которые люди имапы в рейтары, и в салдаты, и в драгуны, люди боярские, и слуги монастырские, и всяких чинов людей крестьяне, а служили они царскую службу и нужду всякую терпели многие годы, так же кто и одного году не служил, а взят в полон и был в полону хотя год: и тем, которые служили многие годы и которые были в полону, за многую их службу и за терпение всякому воля, где кто жить похочет, а старым бояром по холопстве и по вечности крестьянской дела до них нет, разве они сами к ним, по прежнему, итти похотят. А иных по их челобитью верстают в казаки и в драгуны, и дают им дворовые места и пашенную землю.

12. А иноземцом началным людем бывает после службы указ: будет кто похочет остатца в вечной службе, и им жалованье, месечной корм, дается до веку их; а будет похотят ехать прочь в свои государства, и им, дав жалованье на отпуске, отпущают. А которые иноземцы раненые, и впред служеб им служити немочно, и остатца похотят на Москве, так же которые иноземцы бывают побиты, а после их останутца жены и дети: и тем раненым и побитых людей женам и детем жалованье дается на прожиток, помесечно, до веку их, вполы того жалованья, как им раненым и побитым давано, что еще были здоровы; а которые жены после мужей своих или дочери после отцов своих повыдут замуж, и им кормовых денег болши того не дается.

Так же и руские, всяких чинов люди, будут ранены тяжелыми ранами, и служеб им служити будет им немочно, а прокормитися им будет нечем, и таких людей отдают и велят поить, и кормить, и одевать в монастырех, где кто сам быть похочет, до веку живота их, безденежно.

А которых людей, будучи на службе, ранят тяжелыми и лехкими ранами: и тех людей, иноземцов и руских, которым идут кормовые денги, так же и рейтар и драгунов, велят лечити доктором и лекарем царским, безденежно; да им же за раны, руским людем и иноземцом, небогатым, за рану и за службу даетца царского жалованья по 5 рублев человеку.

Глава 10,

а в ней 7 статей

О торговых людях

1. Гости; и в тех гостех бывают ис торговых людей, гостиной и суконной сотен и ис посадцких людей. А бывают они гостиным имянем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовалниках у соболиные казны, и в таможнях, и на кружечных дворех; и торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют; и волно им в домех своих, про свой росход, держати питье, и варити и курити, чрез целые год, так же волно и вотчину кутити, и держати, и под заклад имати. И будучи в гостех, потомуж бывают в царских службах, по переменам, у соболиные казны и у денежных зборов в головах и во дьяцех. А будет их блиско 30 человек; а торги своими торгуют в году всякой человек тысечь на 20 000, и на 40 000, и на 50 000, и на 100 000 рублев.

2. Гостиная, суконая сотни, устроены для того: на Москве и в городех бывают у зборов царские казны, з гостми в товарыщах, в целовалниках, и торги своими торгуют же и всякими промыслы промышляют, и питье всякое в домех своих велено им держать без заказу, а крестьян купити и держати им заказано. А будет их с 200 человек.

3. Московские торговые люди устроены сотнями и слободами, так же и во всех городех посадцкие люди устроены слободами ж: и бывают погодно выбираны в царские службы, в таможни, и на кабаки, и к иным промыслом, в верные головы и в целовалники; а иные таможни, и кабаки, и всякие поборы откупают они ис царские казны на свои денги.

4. А торгуют они, всяких чинов торговые люди, на Москве, и в городех, и в отъездех всякими торговыми промыслы. И против той их торговли и промыслов положено царское тягло, на всякой год, со всякого города, что доведется взяти, окладами; и те все вышеписанные чины, на кого что положено, сметяся сами меж собою по своим промыслом и животом, с кого что взяти, положат на себя сами меж собою; а кому чего не в мочь платить, збавливают и накладывают на иных, и выбраны у них бывают для таких дел старосты. А собрав по указу и по окладу денги,

отдают в приказех и в городех воеводам или сами привозят к Москве.

А питья им, посадцким людем, кроме гостей и гостиные и суконные сотен, в домех своих держати никому не велено. А когда лучитца им купити вина, или пива сварить, или меды ставить для своего надобья, и тогда бьют челом царю: и им поволено держати на указные дни и недели, и платят с того питья в царскую казну пошлины, по указу. А заказано им то питье держати для того, чтоб, утаясь, на сторону не продавали и в домех своих карчмы и наложства не чинили. А понадобитца им варити квас, или мед поставить, или на ежу смолоть ржи, или чего иного, или быка, или корову, и свинью, и овцу убить не на продажу: и то волно, и пошлин царских с того не платят никаких.

5. А кому гостем или торговым и посадцким людем лучитца на каких нибудь людех чего искати и отвечати: и им велено искати на Москве и в городех у бояр, и у воевод, и у приказных людей, где кто ведом и судим; а своих у них судов ни в каких делех не бывает.

6. А которой человек гость и торговой человек, будучи в головстве в таможне и у иных зборов и у продажи и у соболиные и иные казны, в котором году год перед годом казны соберет болши: и им за тое службу от царя бывает похвала, и бывает им жалованье, по купку или по ковшу серебряному, да по сукну, да по камке; а товарыщам их, целовалником, по ковшу ж серебряному да по сукну и по тафте, смотря по прибыли и по человеку.

7. А будет которой гость или иной человек, будучи у збору или у продажи перед старыми годами прибыли соберет менши прошлого году своим нераденнем, гулянием или піянством: и тое прибыль, которой было быть в котором году, счотчи против иных городов прибылей, берут на них на самих; да сверх того бывает наказание кнутом. А будет они, верные головы и целовалники, и истинны не соберут сполна, за дороговью или за иным чем нибудь, а не своим нераденнем: и таким за такие дела не бывает ничего.

Глава 11,

а в ней 6 статей

О царских, и властелинских, и помещиковых, и вотчинниковых крестьянех

1. Царских дворцовых сел и волостей крестьян судят их и росправу чинят на Москве, во Дворце, и в селех и в волостях приказщики, по грамотам во всяких делех, кроме уголовных, и розбойных, и татиных, и пожегных дел. А в ыных царских черных волостях, где приказщиков не бывает, учинены судейки, человек с 10, выборные люди, тех же волостей крестьяне; и судятца меж себя по царским грамотам и без грамот, кроме уголовных же и разбойных дел. А доходы денежные и иные собирают они сами меж себя, сколко с кого доведется, смотря по их промыслам, и животам, и по земле, сколко под кем лежит земли, и сеетца хлеба, и коситца сенных покосов.

2. Патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и монастыри ведают своих подданных крестьян против того ж, как ведают в царском дому его крестьян во всяких делах и податех, кроме разбойных и иных великих уголовных дел.

3. Бояре, и думные, и ближние, и всяких чинов люди, помещики и вотчинники ведают и судят своих крестьян во всяких их крестьянских делех, кроме розбойных же и иных воровских дел. А подати царские с крестьян своих велят собирати старостам и людям своим и отдавать в царскую казну, по указу царскому; а свои подати кладут они на крестьян своих сами, сколко с кого что взяти.

А как тем бояром и иным вышеписанным чином даются поместья и вотчины, и им пишут в жаловалных грамотах, что им крестьян своих от стороппих людей от всяких обид и палог остерегати и стояти, а подати с них имати по силе, с кого что мочно взяти, а не через силу, чтоб тем мужиков своих ис поместей и из вотчин не разогнуть и в нищие не привесть, и насилством у них скота, и животины никакой, и хлеба всякого, и животов не имати, и ис поместных деревень в вотчинные деревни на житье не переводити, чтоб одно место опустошить, а другое обогатить. А будет которой помещик и вотчинник не хотя за собою крестьян своих держати, и хочет вотчинных крестьян продати, и наперед учнет с них имати поборы великие, не против силы, чем бы привести к нуже и к бедности, а себя станет на-

палнивать для покупки иных вотчин: и будет на такого помещика и вотчинника будет челобитье, что он над ними так чинил, и сторонние люди про то ведают и скажут по сыску правду, и у таких помещиков и вотчинников поместья их и вотчины, которые даны будут от царя, возмут назад на царя; а что он с кого имал каких поборов через силу и грабежем, и то на нем велят взять и отдать тем крестьяном; а впредь тому человеку, кто так учинит, поместья и вотчины не будут даны до веку. А будет кто учнет чинить таким же обычаем над своими вотчинными куплеными мужиками: и у него тех крестьян возмут безденежно и отдадут сродственником его, добрым людем, безденежно ж, а не таким разорителям.

4. А будет которой боярин и думной и ближней человек или и всякой помещик и вотчинник учинит над крестьяны своими убойство смертное или какое наругателство, нехристиянским обычаем, и будут на него челобитчики и такому злочинцу о указе написано подлинно в Уложенной книге. Ане будут на него в смертном деле челобитчики, и таким делам за мертвых людей бывает истец сам царь.

А будет учинят над подданными своими, крестьянскими женами и дочерми, какие блудные дела, или у жонки выбьют робенка, или мученая и битая с робенком умрет, и будет, на таких злочинцов челобитье: и по их челобитью отсылают такие дела, и истцов и ответчиков, на Москве к патриарху, и в городех к митрополитом, и к архиепископом, и к епископу, и судят такие дела и указ по них чинят, до чего доведетца, у них на дворех, а в царском суде до того дела нет.

5. А будет в царских селех и в волостях и в помещиковых и вотчинниковых селех и деревнях объявятся воры, разбойники, тати, и пожегшики, и иные злочинцы, и таких, сыскивая, велено отсылати: московским к Москве, в Розбойной приказ, а городовым — в городы, к воеводам и к губным старостам; а самим вотчинником и помещиком в таких делех сыскивати и указ чинити никому не велено.

6. А будет у самого царя под Москвою и в городех, в дворцовых волостях и селех крестьян с 30 000 дворов, кроме бобылей. Да в царских же черных волостях и слободах крестьян с 20 000 дворов.

За патриархом под Москвою и в городех, в селех и в волостях будет крестьян болши 7000 дворов.

За четырмя митрополиты: за новгородцким, за казанским, за ростовским, за крутитцким под Москвою и в го-

родех, в вотчинах их домовых, в селех и в деревнях, за всеми, крестьян с 12 000 дворов.

За десятью архиепископами: за астраханским, за сибирским, за псковским, за смоленским, за тверским, за вятцким, за резанским, за полотцким, за вологотцким, за суздалским да за одним коломенским — епископом под Москвою ж и в городех, в вотчинах их домовых, за всеми, крестьян с 16 000 дворов.

За монастыри, которые писаны в Уложенной книге, в вотчинах их монастырских, в селех и в деревнях, за всеми, крестьян с 80 000 дворов. Да за монастыри ж, которые в лестнице и в Уложенной книге не написаны, крестьян с 3000 дворов.

За бояры, и околничими, и думными и ближними людми, и за столники, за стряпчими, и за дворяны, и за дьяки, и за жилцы, и за городовыми дворяны, и за детми боярскими, и за мурзами, и за татары, и за дворовыми и конюшенного чину людми, и за переводчиками, и за подьячими, и за толмачами, и за вдовами и девицами в поместьях и во всяких вотчинах крестьян: по 2, и по 3, и по 4 двора, и по 5, и по 10, и по 15, и по 20, и по 30, и по 40, и по 60, и по 80, и по 100, и по 150, и по 200, и по 300, и по 500, и по 700, и по 1000, и по 2000, и по 3000, и по 5000, и по 7000, и по 10 000, и по 12 000, и по 15 000 дворов за человеком, по чину их и по чести; и кто дослужится, за иным боярином есть блиско 17 000 крестьян, а за иным толко со 100 и с 200 дворов. Кто бывает счастлив службою своею и после сродичей своих, и за тем бывает много, а иному после сродичей своих не достанется ничего, и живет с малого: и по тем их вотчинам и поместьям таково их житье. И за всеми за теми чинами сколко будет числом крестьянских и бобылских дворов, того написати немочно.

Глава 12,

а в ней 4 статьи

О торговле царской

1. У Архангелского города торговля — хлебом, пенкою, поташью, смолчюгою, шолком сырцом, ревенем. А собирают тот хлеб в Поморских и в Понизовых городах, с уездных чорных слобод с крестьян, и закупают тот хлеб и пенку во многих городех на царские казенные денги ис При-

казу Болшого Приходу; и с приезжими иноземцы меняют на всякие товары и продают на денги.

Поташные и смолчюжные заводы; учинены буды в царских диких лесах, на Украине; так же и бояр, и околничих, и думных и ближних людей, и гостей, и торговых людей буды учинены в тех же и в ыных царских лесах на откупу; а сверх откупу на царя берут поташи и смолчюги десятую бочку. И те товары, хлеб, пенку, поташ, смолчюгу провадят к Архангелскому городу на царских ямских подводах и наймуют. Ревень присылается из Сибири, собирают с таможилцов.

2. Торговля на Низу — учюжные рыбные промыслы, что остается за дворцовым обиходом; так же и соль ламают, и варят, и возят вверх по Волге-реке до Казани, и до Нижнего, и до Москвы. И тое рыбу и соль, что остаетца за царским росходом, на Москве и в городех продают всякого чину людем.

3. С персидцкими купчинами — шелком, сырцом и вареным, и всякими тамошними товарами в Астарахани, и в Казани, и на Москве. А ценят те персицкие товары по тамошней их цене, по чему купят в Персии, а на Москве за те товары дают ис царские казны соболи и иную мяхкую рухлядь, а ценят тое мяхкую рухлядь против роздачи с прибавкою. А как те купчины бывают в Астарахани, и в Казани, и на Москве: и им даетца до поезду их царское жалованье, корм, и питье, и суды, в чем им ехать водою, и гребцы, безденежно.

4. Гречаня — приезжают к Москве ежегод и привозят с собою товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные, с каменьем с алмазы, и с яхонты, и с ызумруды, и с лалы, и золотные портища, и конские наряды, седла, и муштуки, и узды, и чапраки со всяким каменьем; и царице и царевнам венцы, и зарукавники, и серги, и перстни с розными ж каменьи, немалое число.

А приехав, те товары царю подносят они в дарех; а после того те товары ценят торговые люди, иноземцы и мастеры, по тамошней турецкой оценке; а вместо того даетца им соболями ж и рухлядью. И таких товаров на всякой год покупаетца множество, потому что бояром и иных чинов людем купити, окроме царя, никому не волно, а в царскую казну приходят они якобы даром.

А бывает тех гречан на год по 50 и по 100 человек, и живут на Москве для продажи многие годы; и даетца им корм и питье доволное. А которые товары подносят они

царю, а в царскую казну те товары не годятца, и им те товары отдаютца назад, и волно им продати всякого чину людем.

Глава 13,

а в ней 16 статей

О житии баяр, и думных, и ближних, и иных чинов людей

1. Бояре и ближние люди живут в домех своих, в каменных и в древяных, без великого устроения и призрения; и живут з женами своими и з детми своими покоями. Да у них же болших, не у многих, бояр учинены на дворех своих церкви; а у которых церквей нет, и они, болшие и середних статей бояре, которым поволено держати в домех своих попов, заутреню, и часы, и молебен, и вечерню отправливают у себя в своих хоромех, а у обедни они бывают в церквах, кто где прихож или где похочет. А в домех у них своих, окром церквей, обедни не бывает ни у кого. И дают они, бояре и ближние люди, попом своим жалованье, по зговору, погодно, и дается женатым людем попом помесечной корм, и ествы, и питье, а вдовые попы едят з боярами своими вместе за столом, у кого что прилучилось.

2. А в которые дни бывают признаки господъския или иныя нарочитыя, и имянинные, и родилные, и крестилные дни: и в те дни друг з другом пиршествуют почасту.

Ествы ж обычай готовить попросту, без приправ, без ягод, и сахару и бес перцу и инбирю и иных способов, малосолны и безуксусны. А как начнут ести, и в то время ествы ставят на стол по одному блюду, а иные ествы приносят с поварни и держат в руках люди их, и в которой естве мало уксусу, и соли, и перцу, и в те ествы прибавливают на столе; а бывает всяких еств по 50 и по 100.

Обычай же таковый есть; пред обедом велят выходити к гостем челом ударить женам своим. И как те их жены к гостем придут и станут в полате или в ызбе, где гостем обедать, в болшом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю. И потом господин дому бьет челом гостем и кланяетца в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жену господин, потом гости един по единому кланяются женам их в землю ж и, пришед, целуют, и поцеловав

отшед, потомуж кланяются в землю, а та, кого целуют, кланяетца гостем малым обычаем. И потом того господина жена учнет подносити гостем по чарке вина двойного или тройного, з зельи. Величиною та чарка бывает в четвертую долю квартаря или малым болши. И тот господин учнет бити челом гостем и кланяетца в землю ж, сколко тех гостей ни будет всякому по поклону, чтоб они изволили у жены его пити вино. И по прошению тех гостей господин прикажет пити наперед вино жене своей, потом пьет сам, и подносят гостем, и гости пред питием вина и выпив отдав чарку назад кланяютца в землю ж. А кто вина не пьет, и ему вместо вина романеи, или ренского, или иного питья по купку. И по том питии того господина жена, поклонясь гостем, пойдет в свои покои, к гостем же, к бояроням, тех гостей к женам. А жена того господина и тех гостей жены с мужским полом, кроме свадеб, не обедают никогда, разве которые гости бывают кому самые сродственные, а чюжих людей не бывает, и тогда обедают вместе. Таким же обычаем и в обед за всякою ествою господин и гости пьют вина по чарке, и романью, и ренское, и пива подделные и простые, и меды розные. И в обеде же, как приносят на стол ествы круглые пироги, и перед теми пирогами выходят того господина сыновни жены, или дочери замужние, или кого сродственных людей жены, и те гости, встав и вышед из за стола к дверям, тем женам кланяютца, и мужья тех жон потомуж кланяются и бьют челом, чтоб гости жон их целовали и вино у них пили. И гости, целовав тех жон и пив вино, садятца за стол, а те жены пойдут по прежнему, где сперва были. А дочерей они своих девиц к гостем не выводят и не указывают никому, а живут те дочери в особых далних покоях. А как стол отойдет, и по обеде господин и гости потомуж веселятца и пьют друг про друга за здоровья, розъедутца по домом. Таким же обычаем и боярыня обедают и пьют меж себя, по достоинству, в своих особых покоях; а мужскго полу, кроме жен и девиц, у них не бывает никого.

3. А лучитца которому боярину и ближнему человеку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдать замуж: и они меж себя, кто сведав у кого невесту, посылают к отцу тое невесты, или к матере, или к брату говорити друзей своих, мужеск пол или женской, что тот человек прислал к нему, велел говорити и спросити, ежели они похотят дочь свою или иного кого выдать замуж за него за самого

или за иного кого, и что будет за тою девицею приданого, платьем, и денгами, и вотчинами, и дворовыми людми. И тот человек, будет хочет дочь свою или иного кого выдать замуж, на те речи скажет ответ, что он девицу свою выдать замуж рад, толко подумает о том з женою своею и с сродичами; а подумав, учинит им отповедь, которого дни мочно; а будет дать за него не хочет, ведая его, что он пьяница, или шаленой, или иной какой дурной обычай за ним ведает, и тем людем откажет, что ему дати за такова человека немочно, или чем нибудь отговоритца и откажет.

А будет умыслит за него выдать и жена и сродичи приговорят: и он, изготовя роспись, сколко за тою девицею даст приданого, денег, и серебряные и иные посуды, и платья, и вотчин, и дворовых людей, пошлет к тем людем, которые к нему от жениха приходили, а те люди отдадут жениху; а дочере или кому нибуди о том не скажут, и не ведает до замужества своего. И будет тому жениху по тому приданому та невеста полюбитца, посылает к невестину отцу и к матере говорить прежних же людей, чтоб они ему тое невесту показали. А как те посланые люди придут и говорить о том учнут, и отец или мать тое невесты скажут, что они дочь свою показать ради, толко не ему самому, жениху, отцу, или матере, или сестре, или сродственной жене, кому он, жених, сам верит. И по тем их словам посылает жених смотрити мать свою или сестру, на которой день приговорят. И тое невесты отец и мать к тому дни готовятся, и невесту нарядят в доброе платье, и созовут гостей, сродственных людей, и посадят тое невесту за стол. А как та смотрилщица приедет, и, ей честь воздав, посадят за стол подле тое невесты: и сидячи за столом, за обедом, та смотрилщица с тою невестою переговаривает о всяких делах, изведываючи ее разуму и речи, и высматривает в лицо, и в очи, и в приметы, чтоб сказать, приехав к жениху, какова она есть; и быв малое или многое время, поедет к жениху. И будет той смотрилщицы та невеста не полюбитца, и она скажет жениху, чтоб он к ней болши того не сватался, присмотрит ее, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, и тот жених от тое невесты отстанет прочь, и болши того свататца не учнет. А будет та невеста полюбилась и скажет тому жениху, что добра, и разумна, и речью и всеми исполнена, и тот жених посылает к невестину отцу и к матере тех же первых людей, что он тое невесту из-

любил, и хочет с ним учинить зговор и записи написать, что ему на ней женитца на постановленной срок, а они б потомуж тое невесту за него выдали на тот же срок. И тое невесты отец и мать приказывают с теми присланными людми к жениху, чтоб он приехал к ним для зговору с неболшими людми, кому он в таком деле верит, того дни до обеда или по обеде; и скажет им день, когда к нему быть, и к тому дни готовитца.

И жених, дождався того дни, нарядясь, с отцом своим, или с сродичами, или з друзьями, кого любит, поедет к невестину отцу или матере. А приехав, и невестин отец и сродственные встречают их и честь воздадут, как годитца, и идут в хоромы и садятца по чину. А посидев, учнет говорить от жениха отец или иной сродственник, что они приехали к ним для доброго дела, по его приказу. И господин дому своего отвещает, что он рад их приезду и хочет с ними делать зговорное дело. И они меж себя, с обе стороны, учнут уговариватца о всяких свадебных статьях и положат свадбе срок, как кому мочно к тому времяни изготовится, за неделю, и за месяц, и за полгода, и за год, и болши. И учнут меж себя писати в записех свои имена, и третьих, и невестино, а напишут, что ему по зговору тое невесту взять на прямой уставленной срок, без пременения, а тому человеку невесту за него выдать на тот же срок, без пременения. И положат в том писме меж собою заряд, будет тот человек на тот уставленной срок тое девицы не возмет или тот человек своей девицы на срок не выдаст, взяти на виноватом 1000, или 5000, или 10 000 рублев денег, сколко кто напишет в записи. И сидев у него в гостях, етчи и пив, поедут к себе, а невесты ему не покажут, и невеста его, жениха, не видает. А выходит в то время ширинкою дарити жениха от невесты мать, или замужня сестра, или чья сродственная жена.

4. И после того зговору жених проведает про тое невесту или кто с стороны, хотя тое невесту взять за себя или за сына, нарочно тому жениху разобьет, что она в девстве своем нечиста, или глуха, или нема, или увечна, и что нибудь худое за нею проведает, или скажут, и тот человек тое невесты за себя не возмет, и тое невесты отец или мать бьют челом о том патриарху, что он по зговору своему и по заряду тое невесты на срок не взял и взяти не хочет и тем ее обесчестил; или тое невесты отец и мать, проведав про того жениха, что он пьяница, или зерныщик, или уродлив, или что нибудь сведав худое, за него не выдаст, и выдать

не хочет, и тот жених бьет челом о том патриарху ж. И патриарх велит про то сыскать, и по сыску и по зарядным записям на виноватом возмут заряд, что будет в записи написано, и отдадут правому жениху или невесте; а после того волно ему женитца на ком хочет или невесту волно выдать за кого хочет же.

5. А будет с обе стороны против писем своих исполнят и к свадбе изготовятца на уставленой срок, и жених созывает к себе на свадбу сродственных и чюжих людей, кто кому друже, в чиновные люди и в сидячие бояре и боярыни, как о том писано выше сего в царской свадбе; так же и с невестину сторону созывают гостей, противо того ж. И того дни, в которой быть свадбе, изготовят у жениха и у невесты столы, и по вести, что уж жениху пора ехать по невесту, и они поедут по чину: наперед несут коровайники хлеб на носилках, потом едут летом на лошадях верхами, а зимою в санях, поп с крестом, потом бояре, и тысецкой, и жених; а приехав к невесте на двор, и идут в хоромы, по чину, и невестин отец и гости встречают их с честию, и чин той свадбе бывает против того ж, как в царской свадбе написано. А как будет время, что им ехать к венчанию, и дружки у отца и у матери невестиной спрашиваютца, чтоб они новобрачного и новобрачную благословили ехать к венчанию: и они благословляют их словом, и на отпуске отец и мать жениха и невесту благословляют образами, а потом, взяв дочь свою за руку, отдают жениху в руки. И потом свадебной чин, и поп, и жених с невестою вместе, взяв ее за руку, пойдут ис хором вон, а отец, и мать, и гости их провожают на двор, и жених, посадя невесту в колымагу или в каптану, садитца на лошадь или в сани, так же и весь свадебной чин, и едут з двора к той церкве, где венчатца; а отец невестин и гости пойдут назад в хоромы, и пьют и едят до тех мест, как будет от жениха весть; а провожает невесту толко одна сваха ее да другая женихова. И быв у венчания, поедут со всем поездом к жениху на двор, и посылают к женихову отцу с вестью, что венчались в добром здоровье. И как приедут они к жениху на двор, и их женихов отец и мать и гости встречают, и отец и мать, родные или посеженые, жениха и невесту благословляют образами и подносят хлеб да соль, и потом садятца за столы и начнут ести, по чину; и в то время невесту откроют. И из за третие ествы дружки благословляются у отца и у матери новобрачному и новобрачной итти опочивать, и они их благословляют; и отпустя

и проводя, пойдут назад и учнут есть и пить по прежнему; и жених и невеста, пришед в покои свои, где им спать, снимают с них платье, з жениха дружки, а с невесты свахи, и, положа их спать, пойдут за стол. И испустячас боевой, посылают отец и мать и тысецкой жениха и невесты спрашивать о здоровье дружку: и жених скажет, что в добром здоровье, и к ним пойдут в покой женской пол, боярыни, и поздравляют и пьют заздравные чаши; а тысецкой в то время дружку посылает к невестину отцу и матере сказать, что жених и невеста в добром здоровье; а как дружка приехав, скажет, и они за те добрые вести того дружку потчуют и дарят ширинкою, и потом от них и гости разъезжаются; а будучи те жены у жениха в покою, пойдут прочь, а жених с невестою учнет по прежнему опочивать, и потом все гости розъезжаются.

6. А наутрее жених и невеста ходят в особые бани. А потом ездит жених з дружкою созывать к себе гостей к обеду, своих и невестиных. А приехав к невестину отцу и матере, бьет челом им за то, что они дочь свою вскормили и вспоили и замуж выдали в целости, в добром здоровье, и, созывая гостей, поедет к себе домовь; а будет невеста пришла за него замуж девства своего не сохранила, и он им, отцу и матере, за то пеняет потиху. А как к нему гости все съедутца, и новобрачная свадебным чиновным людем подносит дары.

И перед обедом ездит он, жених, со всем поездом, челом ударить к царю. А как приедут и войдут в полату к царю, и кланяются в землю все, а царь в то время сидит и спрашивает про жениховo и невестино здоровье, сидя в шапке; и жених кланяется в землю; и потом царь поздравляет их сочетався законным браком, и благословляет жениха и невесту образами окладными, и дает жалованье по сороку соболей, да на платье по портищю бархату, и отласу, и объяри золотной, и по портищу же отласу, и камки, и тафты простой, да по сосуду серебряному, весом фунта по полтора и по два сосуд; а невеста сама у царя не бывает: и подает царь тысецкому, и жениху, и свадебному чину питья по кубку романеи, а потом по ковшу меду вишневого; а как они выпьют, и потом отпустит их царь к себе домов.

А приехав жених домовь, со всеми гостми учнут есть и пить, а по естве отец, и мать, и гости жениха и невесту благословляют образами и дарят у кого что прилучилось; и етчи и пив, розъезжаются по домом. А на третей день

бывает жених, и невеста, и гости у невестина отца и матери, со всеми своими гостми, на обеде, и по обеде невестин отец и мать и гости потомуж жениха и невесту дарят и, етчи и пив, розъедутца по домом; и болши того у них веселия не бывает.

А ежели за того человека невеста придет девства своего не сохранила, и тот жених, ведая свою жену, к царю челом ударить не ездит, потому что уж царю до его приезду объявят, и он его к себе на очи пустить не велит.

Да в то ж время, как жених бывает у царя, невеста от себя посылает з бояронею к царице и к царевнам дары, убрусы тафтяные, шиты золотом и серебром, з жемчюгом, и у них те дары царица и царевны принимают и посылают от себя спрашивать тое невесту о здоровье.

А как то веселие бываем кто дочь свою вдову или девицу, сестру и племянницу выдает замуж: и свадебной чин и веселие бывает во всем против того ж.

7. Да в то ж время, как то веселие бывает, и попу, которому жениха с невестою венчати, даетца от патриарха и от властей писмо за печатью, чтоб ему венчати жениха с невестою, проведав подлинно, чтоб с невестою жених были не в кумовстве, ни в сватовстве, ни в кресном братстве, и не шестаго и не седмаго колена в свойстве, и не четвертые жены муж и не четвертаго мужа жена; а ежели он проведает, что в кумовстве, и в братстве, и в ыных вышеписанных статьях, и ему таких людей венчати не велено. А будет поп, ведаючи, венчает или не ведаючи, и того попа от поповства отставят, да на нем же, ежели он ведал, возмут пеню болшую, и за такое дело сидит у властей в смирении год; а жениха с невестою розведут врознь, и в женитбу им того, кроме греха, не ставят, и волно им, розведеным, кто не на трех был женат или не за тремя была замужем, вновь женитися или замуж итти за иного.

8. А которой человек вдовец похочет на ком женитись, на девице вдругоряд, и у них свадебной чин бывает против такого ж обычая, а в венчании на жениха вдовца, которой женится другою женью на девице, полагается венец церковной на правое плечо, а на невесте девице церковной венец бывает на главе; а ежели вдовец, которой женится на девице втретьие, и у него свадебной чин бывает против такого ж обычая, а в венчании полагается церковной венец на жениха на левое плечо, а у невесты венец бывает положен на главе ж. Так же ежели вдова пойдет замуж за другого и третьего мужа, и свадебной чин и в венчании

бывает против того ж, что и жениху вдовцу. А ежели женится жених вдовец на вдове другою и третьею женою, и им венчания не бывает, а бывает молитва вместо венчания; и свадебной чин бывает у них не против такого обычая, как у холостых людей.

9. Таким же обычаем свадебные зговоры, и свадба, и чин у столников, у стряпчих, и у дворян, и у иных чинов людей бывает против тогож, как выше сего писано, и как кто может, по силе своей, славну и честну свадбу учинити, кроме того, что ездят к царю челом ударить на другой день свадбы; а бывают у царя челом ударить толко одне думные люди и спалники и их дети, самых болших родов.

Так же и меж торговых людей и крестьян свадебные зговоры и чин бывает против такого ж обычая во всем; но толко в поступках их и в платье з дворянским чином розиитца, сколко кого станет.

А в домех они своих живут против того, кто какой чести и чином, без великого ж устроения. И самым меншим чинам домов своих построить добрых немочно, потому что разумеют о них богатство многое имеют, и ежели построится домом какой приказной человек, оболгут царю и многие кривды учинят, что бутто он был посулник и злоиматель и царские казны не берег или казну воровски крал, и от того злого слова тому человеку и не во время будет болезнь и печаль; или ненавидя его, пошлют на иную царскую службу, которого ему дела исправить немочно, и наказ ему напишут, что он из него выразуметь не умеет, и тою службою прослужится, и ему бывает наказание, и дом, и животы, и вотчины возмут на царя и продадут, кто хочет купити. А ежели торговой человек и крестьянин построится добрым самым обычаем, и на него положат на всякой год податей болши. И от того Московского государства люди домами своими живут негораздо устроеными, и городы и слободы без устроения ж.

10. А будет у которого отца или матери есть две или три дочери девицы, и первая дочь увечна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нема, а другие сестры ростом, и красотою, и речью исполнены и во всем здоровы, и будет кто учнет свататца у того человека на дочери его и посылает смотрити мать свою или сестру и кому верит, и те люди вместо тое своея увечные дочери, назвав имянем тое дочери, за которую, не ведаючи, учнут свататца, показывают другую или третью дочерь, и та присланная,

смотря девицы тое, излюбит и скажет жениху, что она добра и женитися ему на ней мочно, и как жених по тем словам полюбит и о свадбе у них с отцом и с матерью учинится зговор, что ему на той имянем девице женитца на срок, а тому человеку тое свою девицу за него выдать на тот же уставленной срок, и напишут в писме своем заряды великие, что платить виноватому немочно, а как будет свадба, и в то время за того жениха по зговору выдают они замуж увечную или худую свою дочерь, которые имя в записях своих напишут, а не тое, которую сперва смотрилщице показывали, и тот человек, женяся на ней, того дни в лицо ее не усмотрит, что она слепа, или крива, или что иное худое, или в словах не услышит, что она нема или глуха, потому что в тое свадбу бывает закрыта и не говорит ничего; так же ежели хрома и руками увечна и того потомуж не узнает, потому что в то время ее водят свахи под руки; а как отвенчався и от обеда пойдет с нею спать, и тогда при свече ее увидит, что добре добра: век с нею жить, а всегда плакать и мучитца; и потом умыслит над нею учинить, чтоб она постриглась; а будет по доброй его воле не учинит, не пострижется, и он ее бьет и мучит всячески, и вместе с нею не спит, до тех мест, что она похочет постричися сама. И будет которая жена бывает противна, побой ево и мучения не терпит, жалуетца сродичам своим, что он с нею живет не в совете и бьет и мучит, и те сродичи на того человека бьют челом патриарху или болшим властем, и по тому челобитью власти велят сыскать дворовыми людми и соседми, по душам их. И будет тому есть правда, и того человека сошлют в смирение, в монастырь, на полгода или на год, а жена его останется в дому; и как урочные месяцы в монастыре отсидит или до того времяни жена об нем учнет бить челом, чтоб был свобожен, и его свободят и велят ему с нею жить по закону. И будет и того не послушает, и их розведут, и животы их им розделят пополам, и до семи лет им одному женитися на иной, а другой за другого итти замуж не поволено. А которой человек, видя свою жену увечную или несоветливу, отступя от нее, сам пострижется; а иные мужья или жены много того чинят, велят отравами отравити.

11. А которого человека обманут, выдадут за него девицу не тое, которую показывали смотрилщице, бьет челом о том патриарху и властем. И по его челобитью возмут у них зарядные записи и допрашивают соседей и дворовых людей, по душам, что впрямь ли выдана та, которая в за-

писи стоит имянем? И будет та, и по тому так и быти против записей и что скажут люди, а тому не верить, которую смотрил, для того: не проведав подлинно, не женися. А будет соседи и сторонние и дворовые люди скажут, что выдал дочь свою не тое, которая в записи написана, и таких мужа и жену розведут, да сверх того, кто неправдо выдал, возмут пеню болшую и убытки жениховы, да его ж, за такое воровство, бьют кнутом или еще времянем бывает болши того, каково полюбитца царю.

12. Так же у которого отца одна дочь девица, а увечна будет чем нибуди худым, и вместо ее на обманство показывают нарочно служащую девку или вдову, назвав имянем иным и наряля в платье в ыное. А будет которая девица ростом невелика, и под нее подставливают стулы, потому что видитца добvalues родна, а на чом стоит, того не видеть.

13. А которые девицы бывают увечны и стары и замуж их взяти за себя никто не хочет: и таких девиц отцы и матери постригают в монастырех без замужества.

14. А которой человек жених похочет смотрити невесты сам, и по его прошению отец или мать, ведая дочь свою, что ее пред людми показати не в стыд, укажут тому жениху. И тот жених, смотря тое невесты, а после того ему не полюбитца, и тое невесту учнет хулить и поносить худыми и позорными словами и других женихов учнет от нее отбивать прочь. И тое невесты отец, или мать, или кто нибудь, проведав о том, учнет о том бить челом патриарху или властем, что тот человек невесты их смотрил сам, а после ее хулит и бесчестит и другим людем розбивает, чтоб о том они указ учинили. И по сыску патриарх и власти, кто, смотря, хулил и бесчестил тое невесту, велят женити его на ней силно; а будет он женится до того челобитья на иной, и на нем той невесте возмут бесчестье, по указу.

15. А которой человек выдаст дочь свою или сестру замуж, и в приданые за нею даст многие животы и вотчины, и в скором времяни дочь его или сестра замужем, не родя детей, или детей и родила, а померли, и сама умрет: и те все приданые животы емлют у мужа ее и отдают назад тем людем, кто выдает. А будет по смерти ее останется дочь или сын, и у мужа ее для детей животов не емлют.

Благоразумныи читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такова на девки обманства нет, яко в Московском государстве. А та-

кого у них обычая не повелось, как в ыных государствах, смотрити и уговариватися времянем с невестою самому.

16. Да бояре ж и думные и ближние люди в домех своих держат людей, мужского полу и женского, человек по 100, и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколко кому мочно, смотря по своей части и по животам. И дают тем людем жалованье, погодное, женатым рубли по 2, и по 3, и по 5, и по 10, смотря по человеку и по службе их, да им же платье, какое прилучится, хлеб и всякой харчь, помесечно. А живут они своими покоями на том же боярском дворе или на иных. Да их же женатых добрых людей посылают они, бояре, погод в вотчины свои, в села и в деревни, по приказом, по переменам. И укажут им с крестьян своих имати жалованье и всякие поборы, чем бы им было поживится. А холостым людем, болших статей, дают жалованье денежное не по болшому, а меншой статьи жалованье не даетца. Да им же, холостым, дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живут те холостые люди болших статей в нижних далних покоях, а меншой статьи живут в верхних покоях, и пьют и едят з боярской поварни; да им же в праздничные дни всем даетца по 2 чарки вина. А женской пол, вдовы, живут в своих мужних домех, и даетца им годовое жалованье и месечной корм; а иные вдовы и девицы живут у жен их боярских и у дочерей в покоях, и дают им платье, и едят и пьют з боярской же поварни. А как те девицы будут в великом возрасте, и тех девиц и вдов выдают они, бояре, замуж с наделком за своих дворовых слуг, кого кто излюбит, или времянем бывает выдают через неволю. А свадбы играют в их боярских хоромех, как чин повелся всякого чину людем женитися; а ества, и питье, и платье нарядное бывает все боярское; а на сторону в ыные дворы девиц и вдов замуж не выдают, для того, что те люди у них, мужской и женской пол, вечные и кабалные. Да в домех же их боярских учинены приказы для всяких домовых дел и приходов и росходов и для сыску и росправы меж дворовых людей и крестьян.

Таким же обычаем и иных чинов люди в домех своих людей держат, кому сколко прокормити мочно, вечных и кабалных, а некабалных людей в домех своих держати не велено никому.

Роспись главам и статьям книги сея

Глава 1

О царех, о царицах, о царевичах, о царевнах

1. О царе Иване Васильевиче, и каким обычаем в Московском государстве почалося царствование, и о иных княжествах.
2. О царе Феодоре Ивановиче, и о брате его царевиче Димитрие и о убиении его, и о боярине Борисе Годунове.
3. О царе Борисе Годунове и о лживом царе Димитрии.
4. О царе Василии Ивановиче.
5. О царе Михаиле Феодоровиче.
6. О нынешнем царе Алексее Михайловиче, и о обирании и о постановлении его на царство, и о невестах его.
7. О избирании чиновных людей, кому быти на свадбе его царской.
8. О чиновных свадебных людех.
9. О обручании царском с невестою.
10. О молебствовании царском пред свадбою.
11. О чину свадебном, как устраивают, и о свадбе, и о венчании, и о обедех.
12. Как царь с царицею начнет опочивать.
13. О дружке, как ходит царя спрашивать о здоровье.
14. О чиновных свадебных людех, как ходят царя и царицу поздравляти.
15. О мылнях, как царь и царица наутрее ходят в мылни, и о дарех.
16. О другом и третьем свадебных днях, и о обедах, и как свадебные люди царя и царицу благословляют образами и дарят.
17. О играх, какие при том веселении бывают.
18. В четвертой день, как бывает у царя на властей стол, и чем они царя и царицу дарят.
19. О столех же, как бывают на иных чинов людей, и о дарех.
20. О попех и о чернцех, как их кормят и дают милостыню.
21. Как царь с царицею после свадбы ходят по монастырем молебствовать и в богаделни для милостыни.
22. О ворех, что их для свадбы выпущают.

23. О царицыных сродственных людех, как их царь после свадбы жалует.

24. О царских и царицыных покоях.

25. О царевниных покоях и о житии их.

26. О рождении царских детей царевичей.

27. О рождении царевен.

28. О воспитании царских детей, и о научении их, и о бережении.

29. О царевичах и царевнах, когда лучится им ходить к церкве или ездить.

30. О празничных имянинных днех царских, и царицыных, и царевичевых, и царевниных.

31. О царевичах, как будут два или три.

32. О преставлении царей, и цариц, и царевичей, и царевен и о погребении их.

Глава 2

О царских чиновных и всяких служилых людех

1. Самых первых болших родов о боярех.

2. О боярех же и околничих, которые ниже тех первые статьи бояр честию.

3. О околничих и думных дворянех.

4. О думных диакех.

5. О спалниках, которые у царя спят в покоях и бывают за службы пожалованые в чины.

6. О столниках.

7. О стряпчих.

8. О дворянех московских.

9. О дьякех.

10. О жилцах.

11. О дворянех городовых и детех боярских.

12. О сибирских, и касимовском, и грузинском царевичах.

13. О постелничем.

14. О боярском приезде к царю.

15. О приезде столников и иных чинов людей.

16. Как приезжают всякого чину люди и куды кто близок приходити.

17. Как царь ходит в поход, и кто с ним бывает, и кто на Москве оставаетца.

18. О боярех и иных чинех людях, которые похотят

в деревни свои ехать для гулянья и отпрашиваютца у царя.

19. О боярских имянинах.

20. О царицыных и о царевниных чиновных людех, и о бояронях, и о приезде к царице и к царевнам боярских жен; а в ней малых 15 статей.

Глава 3

О титлах, как царь к которому потентату пишется

1. К цесарскому величеству римскому.
2. Х королевскому величеству свейскому.
3. К полскому королю.
4. К аглинскому королю.
5. К датцкому королю.
6. К курфистром, и х князем, и к графом, и к Галанским Статом.
7. В Любок, в Амбурк, к бурмистром и ратманом, так же и к торговым иноземцом, которые служат в его царском промыслу факторами.
8. По которых мест пишутца тех вышеписанных государей титлы золотом.
9. О францужском, о гишпанском, о португалском королех, что к ним грамот не бывало.
10. К турскому салтану.
11. К персидцкому шаху.
12. Х крымскому хану.
13. К большому хану, что за Сибирию.
14. О печатех, х которому государю грамоты печатают.
15. О титлах, что описуют всякого государя по их достоинству, как они сами себя описуют, и таким же обычаем, кто и его царскую титлу описует.
16. Которые грамоты на которой бумаге посылают и каковы травы пишутца золотом.
17. Вопрос: для чего царь московской пишетца в християнские государства полными титлами, а в бусурманские государства не пишетца? и на то ответ.

Глава 4

О московских послех, и посланниках, и гонцев, кто каков чином и честию посылаются в ыные государства, и о послех же на посолские съезды

1. К цесарскому величеству римскому.
2. Х королевскому величеству свейскому.
3. К полскому королю.
4. К аглинскому королю.
5. К датцкому королю.
6. Х курфистром, и х князем, и к графом, и к Галапским Статом.
7. К турскому салтану.
8. К персидцкому шаху.
9. Х крымскому хану.
10. О посланникех и гонцех.
11. О посолских дворянех и иных людех, сколко с послы посылается.
12. О послех же, которых учнут посылати на посолства, или воевод в городы и на войну, а другие с ними быти не похотят, и о том бывают у них споры и челобитье, и про них сыскивают, и за их ослушание бывает указ и наказание.
13. Которые люди не думного чину и негораздо высоких родов не похотят быти с кем в товарыщах, и им потомуж бывает указ, и сыск, и наказание иное.
14. Которых людей учнут с кем посылать насилу, а они, не хотя с ними быти на службе, нарочно прикинутца в болезнь.
15. Как у царя бывают на бояр столы, а они меж себя, ведая породу свою, друг под другом садитися за столом не учнут.
16. Ис которых чинов нибуди бывают пожалованы в бояре и в думные люди и как они садятца в думе и у царя за столом.
17. В которые дни у царя бывают власти и бояре на обедех.
18. О жалованье послом, как их посылают в ыные государства.
19. Которые люди, новые, к посолской своей езде платьем и иным чем незаводны.
20. О послех, как они к поезду своему будут готовы и наказы им даются на Москве; а иным присылаются в дорогу.

21. О наказех, каким обычаем послом, и посланником, и гонцом пишутца.

22. О послех, которые посылаются на посолские съезды и каким обычаем велят им с чюжеземскими послами съезжатца.

23. О наказех, что на съезды послом прямого истинного наказу не дается.

24. О послех, что они, будучи в посолстве, с ответными людми или на съездех с послы говорят, и о записке их речей, как они пишут красно и разумно, не против того, как говорят; и на то вопрос и ответ.

25. О образах, которые посылаются с послы на посолские съезды и с воеводы в войну, и для чего те образы посылаются, тому вопрос и на то ответ.

26. Как послы, совершa свои посолства, едут к к Москве.

27. Как послы или полковые воеводы, приехав к Москве, бывают у царя и дела свои царю подносят, и за тех их службы о чести и о жалованье.

28. О послех же и полковых воеводах, которые прослужатся, и какое кому бывает наказание.

О дарех, каковы к которому государю с послы посылаетца, и по сколку

29. К цесарскому величеству.

30. Х королевскому величеству свейскому.

31. К полскому королю.

32. К аглинскому королю; в той же статье написав вопрос и ответ.

33. К датцкому королю.

34. Х курфирством, и х князем, и к графом, и к Галанским Статом.

35. К турскому салтану.

36. К персидцкому шаху.

37. Х крымскому хану, и к его царице, и к царевичам, и к царевнам, и к их детем, и к пашам, и х князем, и к мурзам, и к татаром.

38. Сколко к которому потентату даров посылаетца с посланники.

Глава 5

Иных государств о послех, и о посланникех, и о гонцех и какова кому честь бывает

1. Королевского величества свейского послы, как приедут на границу, и о их принимании, и о встрече, и о корму, и о подводах, и о отпуске ис порубежного города к Москве, и на Москве о приниманье, и о встрече, и о приставех.

2. Которого дни царь велит им, послом, быти у себя на посолстве на приезде, и каким обычаем они у царя бывают, и посолство свое правят, и подносят дары.

3. Как к послом посылаетца столник с столом, с ествою и с питьем и велят подчивать.

4. Которого дни царь велит им, послом, быти у себя и у бояр в ответе и каким обычаем бывают.

5. Каковы бояре и думные люди чином и честию в ответех бывают с послами.

6. Как послы бывают в ыных ответех.

7. Как послы видают которого дни царя и бывают в ответех.

8. Как послы посолство свое исполнят во всем и бывает им отпуск и каким обычаем у царя бывают на отпуске.

9. Как послом бывает с Москвы отпуск, и о провожании их с Москвы до рубежа.

10. Как послы бывают летом или зимою и в чем их принимают и к царю ездят.

11. Как послы бывают у царя, в каком платье бывают бояре и как устроена полата.

12. Сколко послом и посолским дворяном и людем бывает царского жалованья на отпуске и чем даетца.

13. О посланникех, как их принимают, и о встрече и о корму, и как у царя бывают на приезде и на отпуске, и бывает им отпуск, и что на отпуске даетца им царского жалованья.

14. О гонцех, о приниманье, и как у царя бывают на приезде и на отпуске, и что даетца им царского жалованья.

15. О вахте, сколко бывает у послов на дворе, для чести их посолской, стрелцов.

16. Как бывают цесарские, полские, аглинские, датцкие, туретцкие и персидцкие послы и какова кому честь и приниманье бывает.

17. О крымских, и нагайских, и калмытцких послех.

18. О свейских и полских послех, как они бывают для

подтверждения и докончания покою християнского, и каким обычаем бывают у царя, и как на том докончании при послех чинит царь веру о содержании покою.

Глава 6

О дворех царских: Казенном, Сытенном, Кормовом, Хлебенном, Житенном, Конюшенном

1. О Казенном дворе, и о приказе, и о приходах всякие казны, и куды бывает росход, росписано по статьям.

2. Сытенной двор, где стоит питье, и откуды тому питью бывает приход, и куды бывает росход, росписано порознь, и того двора о чиновных людех.

3. О Кормовом дворе, где ествы варят, и о чиновных людех, и откуды бывает съестным запасам приход, и куды бывает росход, росписано порознь же.

4. О Хлебенном дворе, и о чиновных людех, и откуды бывает хлебным запасам приход, и куды бывает росход.

5. О Житенном дворе и о приходах хлебных и о росходех.

6. О Конюшенном дворе, и о приказе, и о чиновных людех, и о лошадиных и иных нарядех, и о всякой конюшенной казне, и о лошадех, и о приходе и росходе конского корму, и о денежных приходах и росходах.

Глава 7

О приказех, и кто те приказы ведает, и какие в них дела и люди ведомы во всяких делех порознь, и о приходах денежных и о расходах, и о всяких статьях

1. Приказ Тайных Дел.
2. Посолской приказ.
3. Розрядной приказ.
4. Приказ Болшаго Дворца.
5. Стрелецкой приказ.
6. Приказ Казанского Дворца.
7. Сибирской приказ.
8. Поместной приказ; и в той статье написан вопрос и ответ: что есть поместья, и вотчины, и земли?
9. Приказ Болшие Казны; в той же статье написано о Денежном дворе, и о денежном деле, и о мастерах, и се-

ребряного и золотого дела о мастерах. Зри иного: как была смута за медные денги и отчего те денги миновались?

10. Приказ Болшой Приход.
11. Пушкарской приказ.
12. Приказ Царская Мастерская Полата.
13. Приказ Царицына Мастерская Полата.
14. Иноземской приказ.
15. Рейтарской приказ.
16. Приказ Новгородцкая Четверть.
17. Приказ Устюжская Четверть.
18. Приказ Костромская Четверть.
19. Приказ Галичская Четверть.
20. Приказ Новая Четверть.
21. Оружейной приказ.
22. Приказ Золотого и Серебряного Дела.
23. Оптекарской приказ.
24. Монастырской приказ.
25. Хлебной приказ.
26. Ямской приказ.
27. Каменного дела приказ.
28. Челобитенной приказ.
29. Приказ Малые Росии.
30. Земской приказ.
31. Холопей приказ.
32. Два приказа судных дел: Московской, Володимерской.
33. Печатной приказ.
34. Розбойных дел приказ.
35. Панафидной приказ.
36. Счотной приказ.
37. Кому лучитца о чем бити челом или на ком чего искати судом.
38. О суде, как в тех приказех приказным людем судити всяких чинов людей.
39. Которой ответчик учнет бити челом на судью, что он ему недруг и по недружбе судитися ему у него немочно.
40. Кто на ком учнет чего искати, о приставных памятех и о приставех, что, ответчика сыскав, поставить к суду, а с Москвы не съехать, и о поручных записех по исце и ответчике.
41. О суде, кто кого чем обесчестит.
42. Как истец и ответчик станут к суду и суд будет записан.

43. О суде по кабалам и по записям, а в бескабалных делех суда не бывает.

44. О ответчике, которой похочет в одну пору искати своего дела на исце, одного или двух и трех.

45. Окромь царских приказов, и городов, и сел, и волостей, и властелинских приказов судов не бывает никому.

46. О приставех, которые ходят за делами.

47. О ворех, и иных винных людех, как их сажают в тюрму и чем они кормятца.

48. О денежных приходах и росходах, кто их принимает и роздает.

Глава 8

О владетелстве царств, и государств и земель, и городов, которые под Москвою лежат, и тех городов о воеводах

1. О Великом Новегороде, и о Казани, и Астарахани, и о Сибири и о иных о воеводах и о всяких тамошних делех.

2. О пригородех к тем болшим городам и государствам и о воеводех.

3. Середних городов о воеводех и о всяких тамошних делех.

4. О указех, как пишутца в те городы царские грамоты к воеводам; в той же статье написан вопрос и ответ: для чего царь пишетца в титле своей «самодержцем»?

5. О боярех, и воеводех, и приказных людех и которые по посолствам и в ыных службах, против дел каким они обычаем пишут к царю.

6. О челобитных, каким обычаем пишут бояре и иных чинов люди и жены к царю, и к царице, и к царевичам, и к царевнам.

7. О доходех царских с посадов, и с крестьян, и с всяких промыслов, каким обычаем собирати.

8. О людех, кто в котором городе для оберегания устроены.

9. Для воинского времяни о осадных дворех и в городы о высылке крестьян.

10. О строении городов, которой починить и вновь зделать, о зборе денег и о воинском ружье.

11. О городех каменных и деревянных, как они построены.

Глава 9

О воинских зборах

1. Как с которым государством бывает война, и с кем царь о том думает, и, придумав, каким людем положат збор.

2. О рейтарских полкех, и в те полки ис каких чинов людей пробирают, и по чему дается жалованья погодного человеку.

3. О стрелецких полках.

4. О салдатцких полкех, о старых и о новых, и откуды новых салдат пробирают, и о жалованье им, и о корму.

5. О драгунских полкех, о старых и о новых.

6. О казацких полкех.

7. О донских казакех.

8. Всем тем ратным людем на жалованье о зборе денежном, и о хлебном, и всяких запасов.

9. Бояром, и воеводам, и иных чинов людем велено быти на службе с своими запасы.

10. Когда лучитца царю итти самому в войну и сколко у него, и у бояр, и у воевод бывает в полкех ратных людей.

11. Как война минется, о роспуске ратных людей.

12. Иноземцом здоровым и раненым, и руским людем раненым же, и иноземцов побитых женам, вдовам и детем после службы указ.

Глава 10

О торговых людех

1. О гостех.

2. Гостиные и суконные сотен о людех.

3. О торговых людех.

4. О торговле и о податех, как они платят погодно царю.

5. Кому торговому человеку лучитца на ком чего нибудь искати или отвечати.

6. О жалованье торговым людем, как они бывают в царской службе и у промыслов и учинят прибыль.

7. Которые торговые люди, будучи в царской службе и у промыслов, прибыли не учинят, за их нерадение о наказании.

Глава 11

О царских, и властелинских, и монастырских, и вотчинниковых, и помещиковых крестьянех

1. О царских крестьянех, кто их судит, и с тех крестьян о доходех денежных и о всяких податех.

2. О властелинских и монастырских крестьянех.

3. О боярских и иных всяких чинов людей, помещиковых и вотчинниковых крестьянех, как их владеют, и о податех, как они на себя и на царя собирают.

4. Будет которой помещик и вотчинник учинит над крестьяны своими смертное убойство, или иное злое наругателство, или над женами их и дочерми что нибудь худое.

5. О ворех, о розбойниках и иных, которые объявятца в царских, и в помещиковых, и в вотчинниковых селах и деревнях.

6. О крестьянех, сколко будет числом за самим царем, и за патриархом, и за митрополиты, и за иными властми, и за монастыри, и за боярами, и ближними людми, и за всякими помещики и вотчинники дворов.

Глава 12

О торговле царской

1. У Архангелского города хлебом, пенкою, поташью, смолчюгою, шолком сырцом, ревенем и откуды тем товаром приход.

2. Торговля в понизовых городех, рыбная, соляная.

3. С персидцкими купчинами.

4. З гречаны.

Глава 13

О житии бояр и ближних и иных чинов людей

1. О домех их боярских, и о церквах, и о пении божественном, и о попех.

2. О праздничных днех, и о гостех, и о обедех, и о ествах; и как жены их или замужни дочери пред обедом выходят подчивать гостей, и о поклонех, и о целовании.

3. Кому лучитца женитись самому, или сына, или дочь и сестру выдать замуж, о сватовсте и о записях свадебных.

4. Которой человек, зговоря невесту, не похочет за себя взяти или не похочет за жениха выдать невесты.

5. О свадбе, каким обычаем бывает веселие.

6. На другой день свадбы, как жених и невеста ходят в мылни и созывают к обеду гостей и как жених ездит с свадебным чином ударить челом царю, и о обедех, и о дарех.

7. О указе попу, как ему кого венчати и каких людей.

8. О вдовцех, которые женятся на девках, или вдовы, которые пойдут за холостых, и о вдовцах же, которые женятся на вдовах, о свадбе их и о венчании.

9. О столниках и иных чинов людех, каким обычаем у них бывают свадбы и как они в домех своих живут.

10. У которого отца и матери есть две или три дочери девицы и одна будет увечна, а кто учнет свататца и вместо худой показывают добрую, а замуж выдадут худую, не тое, которую показывали; а как кто на худой женится, каким он обычаем с нею живет.

11. О челобитье патриарху, которых людей невестами обманывают, и против того челобитья о сыску и о указе.

12. У которого отца одна дочь увечная или ростом невелика.

13. О девицах увечных.

14. Которой жених смотрит невесты сам, а смотря не возмет, и обесчестит словами, и другим людем свататца разобьет.

15. Которой человек выдаст дочь свою замуж, а она, живучи замужем, родя детей или не родя, умрет, о приданых ее животах.

16. О боярских дворовых людех, о мужском и женском полу, по сколку кто в домех своих может держати и по чему им дают жалованья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все древнерусские тексты печатаются обычным шрифтом с заменой отсутствующих в современном русском алфавите букв: *i* заменяется *и*, *ять* — *е*, *фита* — *ф*, *кси* — *кс*, *пси* — *пс*, *омега* — *о*; ъ (ер) в конце слов опускается: в именах с окончанием на-*ич* (Иванович, Васильевич) ь (ерь) на конце не передается.

Пунктуация по возможности приведена в соответствие с современными правилами. Сокращения в отдельных текстах отмечены многоточием [...]. Даты в переводе на современное летосчисление заключены в квадратные скобки.

Тексты XVII века публикуются без переводов, малопонятные места объясняются в примечаниях, отдельные труднопонимаемые слова и выражения включены в словарь или же поясняются в квадратных скобках непосредственно в текстах.

В конце примечаний помещены в алфавитном порядке краткие биографические сведения о некоторых исторических лицах, наиболее часто упоминаемых в тексте, а также хронологический указатель важнейших событий русской истории XVI—XVII веков, о которых рассказывается в книге.

Иван Федоров. Сия убо повесть изъявляет, откуда начася и како съвершися друкарня сия

За свою жизнь Иван Федоров объездил немало городов, встречался со многими людьми. Первоначально был он дьяконом церкви Николы Гостунского в Кремле. В Москве в середине XVI века Иван Федоров совместно с Петром Тимофеевым Мстиславцем начал самостоятельную типографскую деятельность. 1 марта 1564 г. ими была издана первая точно датированная русская книга Апостол (до этого времени, как полагают ученые, в Москве было издано несколько различных книг анонимно, без указания на место и время печати). В 1565 г. первопечатники выпускают в свет два издания Часовника, который использовался на Руси для обучения грамоте, и по неизвестным причинам покидают Москву, перебираются в Великое княжество Литовское. Здесь они находят приют в Заблудове, имении белорусского магната Григория Ходкевича, где совместно издают в 1569 г. еще одну книгу — Евангелие учительное. В этой книге впервые было напечатано и произведение древнерусского автора Кирилла Туровского, одно из его «слов»; а Иван Федоров в предисловии к книге назван

«Москвитином», то есть москвичом по происхождению. В 1570 г. здесь же в Заблудове Иван Федоров уже без Петра Мстиславца, который в дальнейшем печатает книги в Вильнюсе, выпускает еще одну книгу и переезжает на Украину, где в 1574 г. во Львове издает знаменитые Апостол и Азбуку. Две эти книги положили начало книгопечатанию на украинских землях, а Иван Федоров по праву стал основателем украинского книгопечатания. В дальнейшем в Остроге Иван Федоров выпускает еще пять отдельных изданий, и среди них в 1581 г. замечательный памятник мирового типографского искусства — Острожскую библию. Мы хорошо знаем Ивана Федорова как первопечатника, первотипографа, однако не всем известно, что был он и незаурядным писателем, а также изобретателем.

Как писатель, Иван Федоров оставил нам несколько своих произведений, послесловий к изданиям, особое место среди них принадлежит послесловию к львовскому Апостолу 1574 г. Он сам назвал это послесловие «повестью». Первую в истории печатную повесть русского автора мы публикуем в оригинале и в переводе.

[1] *подстолий Великого княжества Литовского* — с XVI в. почетный титул, который давался магнатам.

[2] *Державца Аиньский* — наместник Аиньской волости в Виленском воеводстве.

«Иное сказание»

Печатается по изданию «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2-е. Спб., 1909. Заглавие литературному памятнику, составленному в первой четверти XVII столетия,— «Иное сказание» дано его издателями в XIX веке. По мнению одного из авторитетнейших исследователей «Сказания», С. Ф. Платонова («Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник». Изд. 2-е. Спб., 1913), оно состоит из шести достаточно автономных частей. Эти части обозначены в тексте римскими цифрами в прямых скобках.

Той же первой истории последует вторим сказанием...— собственное заглавие всего «Иного сказания», проставленное в рукописи.

[I]

Первая часть «Иного сказания» от второй отделена послесловием (в сборнике опущено). В научной литературе первую часть «Сказания» часто называют «Повестью 1606 года». Это произведение носит вполне самостоятельный характер и заметно выделяется своей целостностью среди других частей «Сказания». Полагают, что автором повести был монах Троице-Сергиева монастыря, современник описываемых событий: борьбы Бориса Годунова с Шуйскими за власть при царе Федоре Ивановиче, женатом на сестре Бориса Годунова; убийства царевича Димитрия, сына Иоанна Грозного, который мог претендовать на царский престол; воцарения Годунова; появления Лжедмитрия и борьбы его с Годуновым; захвата самозванцем трона русских царей и правления им Московским государством; свержения Лжедмитрия и воцарения Василия Шуйского, «законного государя», о котором автор пишет в сильно приподнятых тонах. Описания борьбы бояр за власть и смерти царевича Димитрия определенно односторонни и следуют, скорее всего, официальному, правительственному взгляду на эти события со стороны Василия Шуйского и его двора. Практически во всех эпизодах повести Шуйские предстают людьми благородными и мудрыми, достойными наследниками престола, а Борис Годунов изображен жестоким, двоедушным тираном, по приказанию которого был убит малолетний царевич Димитрий.

В повести подробно рассказывается о судьбе Григория Отрепьева — Лжедмитрия. Автор от своего лица описывает жизнь Григория до его побега в Литву, сообщает, что Григорий (в миру Юрий Яковлев Отрепьев), монах Чудова монастыря, находившегося в Кремле, происходит из города Галича от незнатных родителей. Еще отроком он покинул дом, ушел в Москву и был пострижен 14 лет от роду в монахи с именем Григория. После пострига ушел в Суздаль, в Спасо-Евфимьевский монастырь, а затем в один из монастырей Суздальской округи — Спасский, что «на Куксе». После своих скитаний он вернулся в Москву и обосновался в Кремле, в Чудовом монастыре, где через некоторое время был посвящен патриархом Иовом в дьяконы. После этого Григория охватило желание вникнуть «в премудрости богомерзких книг», и он «впал в ересь». Начинаются новые странствия Отрепьева по монастырям России — он уходит в Николо-Угрешский монастырь под Москвой, затем в Иоанно-Предтеченский на Железном Борку (в Костромских пределах), откуда возвращается в Москву, а затем бежит за рубеж вместе с чернецами Мисаилом Повадиным и Варлаамом. Как отмечают исследователи, этот рассказ об От-

репьеве, отличающийся своей подробностью, чрезвычайно важен, так как содержит многие факты, не известные по другим источникам. Вслед за рассказом дан текст «извета» монаха (старца) Варлаама, с которым Григорий бежал за рубеж. Этот «извет», вероятнее всего, является полуофициальным документом того времени, прошедшим строгую правительственную цензуру. Правительство было крайне заинтересовано в обнародовании «извета», который очень убедительно и вместе с тем весьма красноречиво и доходчиво разоблачал Григория Отрепьева как изменника и авантюриста. Варлаам подробно описывает встречу с Отрепьевым в Москве на Варварском крестце, переход границы и историю приключений за рубежами Московии.

Особое место в повести занимают описания гибели Бориса Годунова и его семьи. По версии автора, Годунов отравился, видя военные успехи самозванца и доброжелательство к нему со стороны народа, который признал Лжедмитрия законным государем, несмотря на все попытки Годунова доказать обратное. Перед смертью царь Борис принял пострижение. Позднее по приказу Лжедмитрия жену и сына Годунова умертвили, а дочь его Ксения была взята самозванцем в наложницы.

В целом, как отмечает С. Ф. Платонов, повесть, составленная не позднее лета 1606 г., «имеет целью успокоить взволнованные умы московских людей и укрепить положение только что возникшего правительства Шуйского».

[1] *Царица Ирина* — жена царя Федора Ивановича, сестра Бориса Годунова, после смерти мужа в течение нескольких дней «на государевых правах» управляла страной, а затем приняла постриг с именем Александры в Новодевичьем Богородице-Смоленском женском монастыре, откуда еще в течение некоторого времени пыталась править, как того хотел ее брат Борис Годунов, «призванный на царство» в том же Новодевичьем монастыре в 1598 г.

[2] *Дерманский монастырь* — православный монастырь на Волыни, основанный в конце XV в. князьями Острожскими; с монастырем связана деятельность Ивана Федорова, в начале XVII в. здесь работала типография.

[3] *Гоща* — населенный пункт в современной Ровенской области УССР; известен с XII в.

[4] *Адам Вишневецкий* — князь Адам Александрович Вишневецкий, оказавший Григорию Отрепьеву большую помощь, в частности, он способствовал представлению его польскому королю.

[5] *Король Жикгимонт* — король Сигизмунд III Ваза (1566—1632); король Польши (1587—1632); король Швеции (1592—1604).

[6] *Иван Иванович Годунов* — русский воевода, погиб в 1610 г.

[7] *Иван Татев* — князь, черниговский воевода, перешел на сторону Самозванца, которому деятельно помогал.

[8] *Гаврило Пушкин* и *Наум Плещеев* — русские дворяне, служившие у Лжедмитрия, были посланы от него с грамотой в Москву.

[9] *Варсонофьев монастырь* — один из древнейших московских монастырей в черте Белого города, впоследствии упраздненный.

[10] *Пожар* — Красная площадь, называвшаяся так со времени пожара 1571 г. и до начала 60 гг. XVII в., когда распространилось название «Красной».

[11] *Котлы* — местность на юге от Москвы, подмосковное село; ныне в черте столицы.

[II]

Вторая часть составлена из нескольких правительственных грамот с пояснениями к ним. Первая из этих грамот была разослана в русские города 20 мая 1606 г. от имени Василия Шуйского, только что избранного на царство. В нашем сборнике текст этой грамоты опущен, и вторая часть «Сказания» открывается «Записью целовалной, по которой сам царь целовал крест» в том, что ему «судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своея не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати, и от всякого насильства отбегати». За «записью» следует царская грамота, разосланная в июне 1606 г. В ней подробно сообщается о причинах свержения Лжедмитрия, воцарения Василия Шуйского, обретении мощей царевича Димитрия, имя которого использовали самозванцы. В настоящем сборнике публикуется только начало этой грамоты. Все остальные тексты второй части, в которых в основном рассматриваются обстоятельства прихода к власти и низложения Лжедмитрия, также опускаются.

[1] *Паны-рада* — совет Великого княжества Литовского, высший орган власти княжества. В его состав входили: маршалак, гетман, канцлер, подскарбии, воеводы, каштеляны, старосты, епископы, магнаты и др. Рада выбирала великого князя, решала вопросы войны и мира, издавала законы и т. д. Возникла как вспомогательный орган при великом князе, уже в XV в. ставший самостоятельным. После Люблинской унии 1569 г. состав рады несколько уменьшился, тогда же паны-рада получили права заседать и в сенате Речи Посполитой.

[V]

Третья часть опущена целиком. В нее включены как бы несколько произведений, самое цельное из них — повесть о видении,

бывшем в 1606 г. в Московском Успенском соборе, которая является отдельной, четвертой, частью всего «Сказания», вставленной в его третью часть. В этой части собраны небольшие рассказы и записи о восстании Болотникова (не дающие, к сожалению, целостной его картины), об окончании царствования В. Шуйского, времени междуцарствия, событиях второй четверти XVII столетия.

Пятая часть сказания составлена в основном из нескольких последних глав Хронографа 1617 г., откуда они были переписаны порой почти дословно. Речь здесь идет о событиях 1607—1613 гг., от момента осады Тулы царем Василием и до времени избрания на престол Михаила Романова. В настоящем сборнике опущено начало пятой части, где говорится об осаде Тулы, а также небольшой плач или «рыдание злотекущаго кола в житии», служащий риторическим введением в дальнейшее повествование о событиях периода «смуты». Автор рассказывает о появлении Тушинского вора («О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицашеся дикой вор тушинской»); о воеводе М. Скопине («О мужестве царьского воеводы князя Михаила Шуйского-Скопина»); заговоре против В. Шуйского со стороны князей Гагарина, Грязнова, Сумбулова, который имел место не в 1610, а скорее в 1609 г. («О сонмищи мятежников на царя Василия»); двух чудесных видениях в Москве в 1609 и 1610 гг.; низложении царя Василия Шуйского, которое было в 1610 г., а не в 1611-м, как указано в тексте; боярском правлении; знаменитом русском патриархе Гермогене, особо проявившем себя в патриотической борьбе против интервентов; освобождении Москвы и избрании на царство Михаила Романова в 1613 г.

[1] После низложения царя Василия Шуйского власть в стране захватило боярство во главе с Ф. И. Милославским. Желая сохранить свое положение, московские бояре начали переговоры о призвании польского королевича Владислава на русский престол. 17 августа 1610 г. они подписали договор о призвании королевича русским царем, а в ночь на 21 сентября того же года тайком впустили польские отряды в Москву. С этого времени русское правительство, состоявшее из семи бояр во главе с Ф. И. Милославским, уже никакой роли в управлении не играло, вся власть в Москве принадлежала польскому воеводе Гонсевскому.

[2] Речь идет об исторически сложившихся частях Москвы: Большом посаде, Белом городе, Китай-городе, Кремле.

[VI]

Шестая часть «Иного сказания» состоит из кратких погодных записей, начиная от времени правления царя Михаила Федоровича

и до 1645 г., момента венчания на царство Алексея Михайловича.

[1] *Князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский* — боярин, в 1611—1612 гг. был деятельным помощником Д. М. Пожарского по освобождению страны от интервентов, неоднократно предводительствовал войсками.

[2] *Годоньская земля* — регион, расположенный в районе современной Моравии.

[3] *Филарет Никитич Романов* (1554/1555—1633) — русский патриарх (с 1619 г.), в миру Федор Никитич, отец Михаила Романова. Был насильно пострижен в 1601 г. во время расправы Бориса Годунова с Романовыми и сослан в Антониево-Сийский монастырь, его жена пострижена под именем Марфы и сослана на Север, сын Михаил и дочь заточены в Белозерске. 30 июня 1605 г. возведен Лжедмитрием в сан Ростовского митрополита, в 1609 г. был захвачен в Ростове «тушинцами» и отправлен в с. Тушино под Москву, где находилась их ставка. Здесь он был провозглашен патриархом всея Руси. После свержения Василия Шуйского участвовал вместе с князем Голицыным в посольстве к польскому королю для заключения договора о вступлении королевича Владислава на русский престол. Послы были арестованы. Филарет находился в плену до 1619 г. После Деулинского перемирия 1 июня 1619 г. недалеко от г. Вязьмы был обменен на польского полковника Струся и доставлен в Москву, где уже 24 июня того же года посвящен в патриархи. В 1619—1633 гг. фактически правил страной вместе со своим сыном.

[4] *Чертолье* — местность неподалеку от впадения р. Неглинной в Москву-реку.

[5] *У Николы у Столпа на Покровке* — церковь Николы в Столпах в районе современного Армянского переулка в Москве; *Покровка* — местность в районе современной улицы Б. Хмельницкого в Москве.

[6] *Королевич Вольдемар* — датский принц Вальдемар (Вольдемар), прибывший в Москву для заключения брака с дочерью царя Михаила Романова Ириной, который не состоялся.

Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина

Эта повесть, как полагают, была составлена не позднее 1612 г., то есть сразу же после смерти ее героя, М. В. Шуйского. Текст повести печатается по изданию «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Изд. 2-е. Спб., 1909.

Автором «Писания», возможно, был один из близких к М. Скопину людей, представитель служилого сословия, воин, оплакивающий своего полководца, неожиданно заболевшего в апреле 1610 г. и вскоре умершего. Интересно вступление, в котором доказывается принадлежность М. Шуйского-Скопина к царскому роду, ведущему свою генеалогию прямо от «Августа кесаря римского», то есть императора Римской империи. Тем самым утверждая царственное происхождение М. Скопина, автор возможно, намекает на то, что и Скопин был вправе занять царский престол, чего, как утверждала молва, не без основания боялся царь Василий Шуйский, вероятный, вместе с воеводой Дмитрием Шуйским, виновник смерти молодого М. Шуйского-Скопина.

[1] *Яков Пунтусов* — шведский полководец Яков Делагарди, сын Понтуса Делагарди; воевал вместе с М. Скопиным-Шуйским.

[2] *Чудов монастырь архистратига Михаила* — Алексеевский Архангело-Михайловский монастырь в Кремле, основан в 1365 г.

[3] *Соборная церковь у архангела Михаила* — Архангельский собор Московского Кремля, построенный в самом начале XVI в.; служил усыпальницей русских великих князей и царей. В тексте речь идет об отдании М. Скопину последних почестей по царскому чину за его выдающиеся заслуги.

[4] *Алексий человек божий* — популярный герой европейской средневековой литературы.

Сказание известно о воображении книг печатного дела

Повесть составлена в первой четверти XVII века, скорее всего, кем-то из лиц, имевших отношение к деятельности Московского Печатного двора. Текст печатается по единственному списку из собрания Государственного Исторического музея (Син. № 850), опубликованному Т. Н. Протасьевой и М. В. Щепкиной в кн.: У истоков русского книгопечатания, М., 1959.

Повесть входит в состав объемного сборника XVII века, принадлежавшего в XVII столетии справщику Печатного двора Никифору Симеонову Ярославцу. Сказание подробно повествует о начале русского книгопечатания в «царствующем граде Москве», «учиненного» по мысли и приказанию царя Ивана Грозного, «якоже в Грецех, в Виниции и во Фригии и в прочих язицех», то есть как в тех странах и у тех народов, где книгопечатание, изобретенное примерно в 1440-е гг. немецким мастером Иоганном Гутенбергом, получило значительное развитие. Автор особо выделяет в тексте «Сказания» роль митрополита Макария, который «зело возрадовался», услыхав о намерении царя завести типографию.

Как показывают исследования, не царь, а, скорее всего, митрополит Макарий был инициатором этого предприятия, именно Макарий — писатель, ученый книжник, зарекомендовавший себя ревностным поборником просвещения и всяких новшеств,— мог предложить начать столь необычное для Московии дело — печатание книг. «Сказание» называет имена наших первых типографов: Ивана сына Федорова, дьякона церкви Николы Гостунского в Кремле, и светского мирского человека — Петра Тимофеевича Мстиславца, выходца из белорусского города Мстиславля (на границе с современной Смоленской областью). Они «искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу», некоторые даже говорили о них, что «то учение прияста» «от самех фряг», то есть обучались типографскому умению у западноевропейских мастеров. Прежде другие русские лица или же они сами «малыми некими и неискусными начертании печатываху книги»,— эти первые опыты русского книгопечатания до нас не дошли.

Первым законченным произведением русского «печатного дела», гордостью русского книгопечатания «Сказание» называет московский Апостол 1564 г. «По том же» после «тех мастеров Иоанна и Петра, ученик их, Андроник Тимофеев сын, прозвище Невежа, с товарищами» печатал многие книги. А после тех мастеров «иныя мастеры быша», и «таковое дело твердо» продолжалось до начала десятых годов XVII века, когда «таковое доброе дело, печатныи дом и вся штанба того печатного дела от... врагов и супостать разорися, и огнем пожжена бысть, и погибе до конца». Все печатники и рабочие прежних типографий разбежались. Попытка возобновить русское книгопечатание принадлежит в это время известному московскому типографу Аниките (Никите) Федорову Фофанову, родом псковичу. Примерно в 1612—1613 гг. он создает в Нижнем Новгороде новую типографию, о которой нам известно по единственному ее изданию — небольшой брошюре, рассказывающей о событиях «смутного времени». Эту-то типографию царь и «повеле взяти из Нижняго Новаграда вспять в царствующии град Москву» и «дом печатныи в ново состроити в царствующем сем граде Москве на древнем сем месте, иже и ныне зрится», то есть там, где исстари существовал Печатный двор — на Никольской улице недалеко от Красной площади (ныне улица 25 Октября, 15; на месте зданий Московского государственного историко-архивного института). Так было возобновлено русское книгопечатание, которое с тех пор уже не прекращалось.

[1] Речь идет о том, что впоследствии с них (типографов) будет взят достаточный оброк.

[2] Дата основания типографии в Москве может быть определена лишь с относительной точностью. В данном случае автор

«Сказания», вслед за послесловием к московскому Апостолу 1564 г., указывает сразу две даты: «...в лето... 61-го...», то есть 1553 г., и «в 30-е лета государства его...», то есть 1563 г. Это несоответствие до сих пор вынуждает историков вести споры о времени возникновения книгопечатания в Москве.

[3] *Фетка Андронов* — торговец, назначенный поляками казначеем, активно помогал интервентам вместе с боярином М. Г. Салтыковым, князем В. М. Мосальским, дьяком И. Т. Грамотиным.

Повесть книги сея от прежних лет

Эта повесть была написана известным русским писателем XVII века князем С. И. Шаховским, а не И. М. Катыревым-Ростовским, как считали ранее. Время написания повести — первая четверть XVII века. Ее текст публикуется по изданию «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 13. Памятники древней русской литературы, относящиеся к Смутному времени». (Изд. 2-е. Спб., 1909). Повесть принадлежит к самым замечательным произведениям о «смутном времени». Складывается впечатление, что события в ней излагаются с полуофициальной точки зрения, так как заметна определенная сдержанность при оценке тех или иных моментов и лиц. Вместе с тем изображение исторических персонажей дается в повести во всем их видимом автору противоречии. Рассказ начинается с описания правления Ивана Грозного и Федора Иоанновича, затем автор переходит ко времени царствования Бориса Годунова, которого в то время считали практически главным виновником «смуты» в Московском государстве. Автор рисует подробный внешний и психологический портрет Годунова, который при «благолепии лица его» носит в душе своей «ненависть и проклятое мнение». Чем-то портрет царя Бориса в повести напоминает изображение Лжедмитрия, «злохищного чернеца», бывшего «остроумным», «в научении книжном довольным», «на враги своя ополчителем смелым».

Очень ярка и памятна характеристика Ксении Годуновой, дочери царя Бориса. Это один из самых светлых женских образов во всей древнерусской литературе. Интересны портреты других исторических лиц. Автор повести, новатор в области стиля исторического повествования, сумел создать произведение, стоящее в художественном отношении едва ли не на первом месте среди литературных памятников, рассказывающих о времени «смуты». Повесть практически первое сочинение, дающее описание всего этого сложного периода, описание хотя и краткое, сжатое, но, что чрезвычайно ценно, достаточно объективное.

[1] В древнерусской литературной традиции долгое время держалось мнение, что основателем Москвы является великий князь Даниил Александрович (1261—1303), младший сын Александра Невского, отец знаменитого Ивана Калиты, сыгравшего большую роль в объединении русских земель вокруг Москвы, которую он заново отстроил. (См. в настоящем сборнике повести о начале Москвы, где князь Даниил является одним из главных действующих лиц).

[2] *Великий князь Василий Иванович* — Василий III Иоаннович (1479—1533), был женат на Елене Глинской, в 1530 г. у них родился сын Иоанн (Иван Грозный).

[3] *Царь Семион Казанский* — Симеон Бекбулатович, крещеный касимовский хан, в 1574 г. был посажен Иваном Грозным на несколько месяцев на царство; жил в Москве, окруженный пышным двором, затем сослан в г. Тверь со званием великого князя тверского; Борис Годунов, а затем и Лжедмитрий преследовали Симеона, которого постригли в иноки под именем Стефания в Кирилло-Белозерском монастыре; Василий Шуйский приказал сослать Симеона на Соловки.

[4] *Старица* — городок на р. Волге, теперь в Калининской области.

[5] *Опричнина и земщина* — Иван Грозный с целью разгрома боярско-княжеской оппозиции в 1565 г. разделил земли Русского государства на опричнину и земщину. Из опричнины были выселены практически все представители боярско-княжской знати, их имущество конфисковано и передано дворянам-опричникам. Земщина управлялась Боярскою думой, после реорганизации опричнины в 1572 г. постепенно слилась с ее землями.

[6] *Король польский Стефан Оботур* — Стефан Баторий (1533—1586), король Польши с 1576 г., в 1579—1582 гг. участвовал в Ливонской войне, в 1581 г. войска Стефана Батория осадили г. Псков, но не смогли взять его; сложившиеся обстоятельства заставили Батория пойти на мирные переговоры с Иваном Грозным.

[7] *Северные грады* — города так называемой Северской земли, под которой в XVII столетии понималась уже лишь территория, располагавшаяся в районе рек Сейма, Десны и верховьев Оки.

[8] *Городок Кромы* — город на реке Кроме недалеко от г. Орла; впервые упоминается в летописях под 1147 г.

[9] *Греченин Игнатий* — русский патриарх, родом грек; в 1595 г. прибыл в Москву, с 1603 г. рязанский архиепископ, в 1605 г. первым из русских высших духовных сановников признал Лжедмитрия, который приказал возвести Игнатия в сан патриарха; Игнатий совершил коронование и миропомазание Лжедмитрия, а затем и венчание последнего с Мариной Мнишек. После убий-

ства Лжедмитрия был низвергнут и как простой инок отправлен в Чудов монастырь в Кремле. В 1611 г. московские бояре во время заключения патриарха Гермогена в Чудовом монастыре сделали попытку вновь посадить Игнатия на патриарший престол; чувствуя зыбкость своего положения, Игнатий бежал в Великое княжество Литовское, где принял унию; умер около 1640 г.

[10] Речь идет о новом самозванце, Илье Горчакове, муромском посадском человеке, выдавшем себя за мнимого сына царя Федора — царевича Петра.

[11] *Иван Исаевич Болотников* — предводитель антифеодального восстания; был холопом князя А. А. Телятевского, затем бежал к казакам, был схвачен и продан в рабство в Турцию; несколько лет служил на галерах, откуда бежал в Венецию и через всю Европу вернулся в Россию, где и встал во главе восставших крестьян и холопов; в июле 1606 г. начал поход на Москву.

[12] *Немец* — вообще иностранец; *свицкий немец* — швед, иностранец шведского происхождения.

[13] Речь идет о польском короле Сигизмунде III Вазе.

[14] Речь идет о шестнадцатимесячной осаде Троице-Сергиева монастыря, так и не сдавшегося интервентам.

[15] 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий II («Тушинский вор») во время охоты был убит крещеным татарином Урусовым, который подвергался им телесному наказанию.

[16] *Прокофий (Прокопий) Ляпунов* — рязанский дворянин, видный деятель эпохи «смуты», в марте 1611 г. двинулся из Рязанской земли к Москве во главе большого ополчения, чтобы освободить ее от поляков; последним удалось с помощью подложной грамоты настроить против Ляпунова казаков, которые зарубили его.

[17] Имеется в виду Козма (Кузьма) Минин.

Повесть о начале царствующего града Москвы

Одно из произведений целого литературного цикла повестей о начале Москвы. Все они восходят к рассказу об убийстве Андрея Боголюбского, вошедшему под 1175 г. в Ипатьевскую летопись. Исторических реалий в повести почти нет; в ней господствуют легенда и вымысел. Текст повести печатается по списку конца XVII века, опубликованному в книге М. Н. Тихомирова «Древняя Москва» (М., 1947). Все биографии и события в повести вымышленные, хотя ее герои и имели реальные исторические прототипы,— это князья Андрей Александрович и Даниил Александрович, сыновья Александра Невского; Кучковичи; Иван Данилович Калита, сын князя Даниила. Повесть относит дату основания Москвы

на много десятилетий позднее, нежели это зафиксировано в летописях, расцвечивает биографии исторических лиц совершенно фантастическими подробностями.

Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы

Произведение того же цикла повестей о начале Москвы, сложившееся во второй половине XVII века. Текст сказания печатается по публикации М. А. Салминой в кн.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. Хронология здесь несколько иная, чем в предыдущей повести — события отнесены уже к XIII веку.

[1] *Стольник и чашник* — придворные чины.

Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия

Сочинение подьячего Посольского приказа Григория Карповича Котошихина, известное также под названием «О России в царствование Алексея Михайловича», печатается по четвертому его изданию, осуществленному Археографической комиссией (Спб., 1906). Это наиболее полное и точное отечественное воспроизведение подлинника, сохранившегося в единственной авторской рукописи из библиотеки Упсальского университета в Швеции. Последний раз сочинение Г. К. Котошихина было опубликовано издательством «Молодая гвардия» в серии «История Отечества в романах, повестях, документах» в 1983 г. по этому же изданию (см.: Бунташный век. М., 1983, с. 407—544). Рукопись не имеет заглавия, поэтому ее издатели вынуждены были дать его сами. Сочинение Котошихина, законченное им по требованию шведского канцлера графа Магнуса Делагарди, было переведено на шведский язык. В предисловии к переводу, выполненному Баркгузеном, помещен краткий биографический очерк Г. Котошихина. Вот подлинный текст рассказа Баркгузена о судьбе Г. К. Котошихина, озаглавленного «Жизнь Селицкого» (см.: О России в царствование Алексея Михайловича: Сочинение Григория Котошихина. Изд. 4-е. Спб., 1906, с. XV—XXII).

«Сочинителем этой книги был московский уроженец Григорий Карпов сын Котошихин, служивший с самых молодых лет писцом, а потом подьячим в так называемом русскими Посольском приказе. Эта коллегия, в которой сохраняются все государственные древности и тайны, как прежде постоянно считалась, так и теперь считается при Московском Дворе самою главною и важною. Упомянутый Григорий, как человек даровитый, имел частые поруче-

ния по царской службе, о чем он и сам упоминает в своей просьбе, поданной на русском языке его королевскому величеству, ныне царствующему нашему всемилостивейшему государю и королю, и с этим вместе следующими словами объясняет в ней причину, по которой он удалился от русских и должен был бежать из своего отечества:

«Я родился в России и крещен во имя отца и сына и св. духа. С самых юных лет служил верно и усердно его царскому величеству в Посольском приказе, сперва писцом, а потом подьячим; между тем неоднократно был посылаем с посольствами для заключения мирных трактатов с шведами и поляками, и однажды посылан от его царскаго величества посланцем к Вашему королевскому величеству. В последния времена, когда я находился при заключении Кардисскаго договора, у меня отняли в Москве дом со всеми моими пожитками, выгнали из него мою жену, и все это сделано за вину моего отца, который был казначеем в одном московском монастыре и терпел гонения от думного дворянина Прокофья Елизарова, ложно обнесшаго отца моего в том, что будто он расточил вверенную ему казну монастырскую, что, впрочем, не подтвердилось, ибо по учинении розыска оказалось в недочете на отце моем только пять алтын, равняющихся пятнадцати шведским рундштюкам; но, несмотря на то, мне, когда я вернулся из Кардиса, не возвратили моего имущества, сколько я ни просил и ни заботился о том.

Вскоре после того я опять послан был на службу царскую в Польшу при войске с боярином и воеводою князем Яковом Куденетовичем Черкасским да с князем Иваном Семеновичем Прозоровским. Оба они, находившись малое время при войске, были отозваны в Москву, а боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий сделан был воеводою на их место. Я в это время еще прежними воеводами был отправлен из армии в посольство под Смоленск для переговоров, и князь Юрий писал ко мне с другим подьячим, Мишкою Прокофьевым, улащивая меня, чтоб я согласился написать к нему, что князь Яков Куденетович сгубил войско царское, дал возможность королю скрыться в Польшу и таким образом выпустил его из рук, не дав полякам битвы, тогда как весьма легко то сделать и проч. За такое пособство и услугу князь Юрий обещал мне исходатайствовать повышение и клятвенно обязывался помочь делу отца моего в Москве. Не веря искренности сладких посулов князя Юрия и не имея ни малейшей причины безвинно оклеветать князя Якова, я не хотел против совести писать к первому и быть ему пособником в деле неправом, а еще менее мог решиться ехать обратно к нему в войско. Быв в таком затруднительном положении, сожалея о том, что не возвратился в Москву

с князем Яковом, а еще более горюя о худой удаче мне на службе царской, в которой за верность и усердие награжден был, при безвинном поругании моего отца, лишением дома и всего моего благосостояния, и, принимая во внимание, что если бы я вернулся к Долгорукову в армию, то меня, по всей вероятности, ожидали бы там его злоба, истязания и пытки за неисполнение мною его желания повредить князю Якову, я решился покинуть мое отечество, где не оставалось для меня никакой надежды, и убежал сначала в Польшу, потом в Пруссию и наконец в Любек, откуда прибыл в пределы владений Вашего королевского величества, и всеподданнейше прошу и умоляю, дабы Ваше королевское величество соизволили принять меня под вашу королевскую защиту, покров и пр.».

Убежав из Московии, он принял другое имя и назвался Иваном Александром Селицким. Из Любека он прибыл в Нарву, откуда в 1666 г. переслан был в Стокгольм тогдашним генерал-губернатором, ныне фельдмаршалом Симоном Грунделем Гельмфельдтом, и жил в Стокгольме по паспорту более полутора года. В течение сего времени им написано настоящее небольшое сочинение: «О некоторых русских церемониях» на русском языке, ибо кроме русскаго и польскаго никакого другаго языка он не знал. Первая мысль и желание описать нравы, обычаи, законы, управление и вообще настоящее состояние своего отечества родились у него еще тогда, как он, во время бегства своего из России, посещая разныя области и города, имел случай замечать в них отличное от Московии устройство политическое, преимущественно же в той стране, в которой он остался на постоянное жительство. Важнейшею же побудительною причиною к продолжению уже начатого им труда служило одобрение государственного канцлера, высокороднаго графа Магнуса Гавриила Деля-Гарди, который, узнав острый ум Селицкаго и его особенную опытность в политике (он отличался умом перед своими сверстниками и единоземцами), дал ему средства и возможность окончить начатый труд в той самой форме, в какой он ниже следует. При составлении этого сочинения он отчасти пользовался Русским Уложением.

Наконец достойный Селицкий имел несчастие впасть в непреднамеренное преступление: он лишил жизни своего хозяина, Даниила Анастасиуса, переводчика русского языка в Стокгольме. Самое ничтожное обстоятельство вовлекло его в это преступление. Анастасиус подозревал Селицкаго в порочной связи с своей женой, и однажды, быв оба дома в нетрезвом виде, они заспорили между собою: начались с обеих сторон упреки и брань, Селицкий в запальчивости гнева нанес Анастасиусу несколько смертельных

ударов испанским кинжалом, который в это время имел при себе, и по приговору суда должен был положить свою голову под секиру палача на лобном месте, за заставой южнаго Стокгольмскаго предместья.

Селицкий переменил российское вероисповедание на лютеранское. За несколько времени до назначенного дня казни он с величайшим благочестием принял св. тайны от шведскаго священника Олофа Петерсона Крока, капелляна церкви Св. Марии, что на Сёдер-Мальме (Южном предместии). Прусский уроженец, магистр Иоанн Гербиниус, бывший в то время ректором школы немецкаго прихода в Стокгольме и совершенно знавший польский язык, посещал часто Селицкаго в его заключении, утешая его в несчастии...

Тотчас после казни тело его было отвезено в Упсалу, где оно было анатомировано профессором высокоученым магистром Олофом Рудбеком; кости Селицкаго хранятся там и до сих пор, как монумент, нанизанныя на медныя и стальныя проволоки.

Так кончил жизнь свою Селицкий, муж русскаго происхождения, ума несравненнаго».

Найденные позднее в архивах документы заставляют, однако, усомниться в том, что единственной причиной бегства Г. К. Котошихина была боязнь мщения со стороны Ю. А. Долгорукого. Как человек, сообщавший шведским эмиссарам в Москве секретные сведения, он мог, скорее всего, бояться разоблачения и потому, как значится в приходно-расходной книге Посольского приказа, в 1664 г. «своровал, изменил, отъехал в Полшу».

[1] Котошихин допустил ошибку, у царя Михаила Федоровича не было сына по имени Димитрий.

[2] Речь идет о дочери касимовского помещика Федора Всеволожского Афимье, выбранной молодым царем из 200 девиц, свезенных в Москву на смотрины.

[3] *Марья и Анна Милославские* — дочери Ильи Даниловича Милославского. Первая из них стала женой царя Алексея Михайловича, вторая, вскоре затем — женой его воспитателя и советника Б. И. Морозова.

[4] Здесь Г. Котошихин не совсем точен. Попытки браков русских царевен с представителями иноземных королевских фамилий имели место в XVII в. Достаточно упомянуть о желании Бориса Годунова выдать дочь Ксению за шведского принца Густава, а затем датского принца Иоанна. Обе попытки окончились неудачей, первая — из-за отказа принять православие, вторая — из-за смерти принца. Котошихину, вероятно, было памятно сватовство датского принца Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича Ирине. Переговоры, после приезда Вальдемара в Москву, длились здесь

более года, но принц не захотел принимать православия; после смерти царя брак окончательно расстроился. О приезде в Москву в 1644 г. королевича Вальдемара упоминается в VI части «Иного сказания».

[5] Детей царской фамилии в это время уже пытались обучать иностранным языкам; делаются отдельные попытки в обучении и иных лиц, в основном силами выходцев из Белоруссии и с Украины. В начале XVII в. в Немецкой слободе в Москве появилась лютеранская школа, где изучали латинский и немецкий языки; греческому, а возможно, и латинскому языкам обучали в школе при Андреевском монастыре, возникшей по инициативе боярина Ф. М. Ртищева в 1640-е гг. О школах в Москве в середине XVII в., где обучали иностранным языкам, греческому и латинскому, упоминают в своих записях иностранцы. Во второй половине XVII в. обучение иностранным языкам в Москве заняло уже относительно прочное место, тогда же здесь возникает Славяно-греко-латинская академия.

[6] *Кутия* — смесь вареного зерна с медом или чем-либо сладким, ставится при совершении панихиды по умершим в храме или доме; *сыто* — медовая вода, сыченная медом вода.

[7] В грамотах, отправлявшихся в иностранные государства, титлы или официальные именованья того или иного лица писались твореным (растворенным) золотом до определенных слов, указываемых Котошихиным.

[8] Вопрос об участии русских женщин из царской фамилии, в частности самой царицы, в разного рода дипломатических приемах и управлении государством не так прост. Действительно, обычай, как правило, не способствовал публичности, открытости такого участия, которое, даже если оно было самым действенным (фактическое регентство), внешне почти не проявлялось. О талантах русских женщин, их способности и к художественной и к административной деятельности говорят многие факты: русские царевны и царицы, например, были великолепными вышивальщицами (сохранилось очень большое число их работ, которые до сих пор поражают нас своей тонкостью, изяществом, порой высочайшим мастерством); создательницами популярных в народе литературных (фольклорных) произведений (Ксения Годунова) и т. д.

[9] То есть читает особую, предусмотренную на такой случай молитву. *Докончалная грамота* — мирный договор.

[10] *Бортные ухожьи* — бортные угодья, то есть участки лесов, и бортевые леса, в которых имелись борти, где было развито бортничество — пчеловодство в бортях. Бортью называли дуплистое дерево, в котором водились пчелы, или же живое дерево, в кото-

ром дупло для пчел специально выдалбливалось бортником.

[11] *Инърог зверь* — единорог, изображение которого было на эмблемах различных государственных учреждений и предприятий, например Московского Печатного двора, называемого в актах XVII в. «государевым печатным двором».

[12] В довольно многочисленных к XVII в. западноевропейских описаниях Московского государства содержалось немало сведений о природных богатствах русских земель. Сведения эти часто носили фантастический характер. Одна из первых попыток пригласить иностранных мастеров для отыскания на Московской Руси золота и серебра относится к концу XV в. До сих пор достаточно точно не выяснено, когда началась добыча золота в России. Первые указания на существование золотой руды (Нерчинский край) относятся к концу 70-х гг. XVII столетия, начало же добычи золота относят ко времени после 1704 г.

[13] Речь идет о событиях времен тяжелых и длительных войн с Польшей и Швецией (1654—1667 гг.), принудивших русское правительство пойти на ряд крайних мер, в частности на выпуск с 1654 г. медных денег по курсу серебряных. Это привело к тому, что за девять следующих лет было выпущено медных денег в несколько раз больше, нежели того требовал товарный рынок. Медные деньги резко упали в цене, началось катастрофическое подорожание всех товаров. Все это вызвало крайнее недовольство различных слоев населения России, в стране назревал внутренний кризис. В такой ситуации правительство назначило в 1662 г. экстренный сбор недоимок за прошлые годы. Ниже Г. Котошихин подробно повествует о начале восстания в Москве 25 июля 1662 г. Это восстание, известное под названием «Медного бунта», явилось непосредственной реакцией населения Москвы и близлежащих мест на кризисную ситуацию.

[14] В ряду мероприятий правительства по выходу из трудного финансового положения было назначение в 1662 г. взимания пятой деньги с налогоплательщиков по всей стране.

[15] *Ефимок* — русское название талера, происходит от названия г. Иоахимстале (в Богемии), где чеканились первые талеры. *Ефимок Любский* — талер, чеканенный в г. Любеке.

[16] Речь идет о документах, в письменной форме подтверждающих обязательства нового царя при его возведении на престол. Вероятно, Котошихин имеет в виду прежде всего текст «записи», сделанной от лица царя Василия Шуйского при восшествии его на престол. Эта «запись» была включена в состав литературных памятников того времени и стала широко известна (см. II часть «Иного сказания»).

Словарь

Абие — вдруг
агнец — ягненок
аер — воздух
аже — что, даже
аз, яз — я
аки — как
Амбурк — Гамбург
аминь — истинно
аще — если, хотя
Багряница — одежда пурпурного цвета, царская мантия
банделер — ремень, на котором носили холодное оружие
безсерменская вера — басурманская вера
берковеск — мера веса, равная 10 пудам (1 пуд примерно равен 16 кг)
бить челом — просить о чем-либо, кланяться
бобыль — неоседлый крестьянин
борзо — быстро
брань — битва
брашно — пища
буда — завод
Вахта — стража
вдолзе — долго
ведати — знать; *вемь* — знаю
велегласно — громко, звучно
велий — великий, большой
вельми — очень
вервь непроторжена — непорванная нить
верх — царский дворец
верховые люди — лица, принадлежащие ко двору, придворные
веселие — свадьба, пир
весь — селение
взятися — подняться
висс — льняная ткань, окрашенная виссом; растение, служащее красящим веществом
вкупе — вместе
внити — войти; *внидоша* — войдя

внутрьуду — внутри
вож — проводник, провожатый
вознепщевати — вознамериться, подумать, счесть
вои — воины
вор — преступник, злодей
воровать — нарушать узаконенный в государстве порядок, обманывать, злодействовать
воровской — противозаконный, ложный
воротник — гарнизонный служилый человек, приставленный к крепостным воротам
восхитить — схватить, похитить
выморочный — оставшийся без владельца и без наследников
выжлец — гончая собака
выну — всегда
Вышегород — Кремль
Глагол — слово, речь
говядарь — пастух, торговец скотом
голка — крик, гвалт
государства — страны, города, области
греченин, греченя — грек, греки
гулящие люди — свободные, нетяглые
Дворец — Приказ Большого дворца
деньги пятая, десятия и *двадцатия* — пятый, десятый и двадцатый процент с доходов
дивий — дикий, грубый
довлети — быть достаточным
докончание — мирное соглашение
домовище — жилище
донележе — пока не
донеже — пока
дороги — материя
досде — доныне
достальной — остальной, оставшийся, окончательный
доступати — приближаться, достигать
доход городовой — подати, собиравшиеся в городах на местные нужды или пересылавшиеся в Москву
доход приказной — казенные сборы, поступавшие в столичные приказы
думные люди — лица, заседавшие в думе
Егда — когда
еже — если
емати — брать
ереи — иереи, священнослужители

есмя яко — подобно, как; так же, как
жедати — желать
желд — кустарник типа терновника
женути — гнать
живот — жизнь
Забоец — убийца
заедин — заодно
заплечный мастер — палач
затинщик — стрелок из крепостной пищали
затязати — окружить, затянуть
зело — весьма, очень
зелье — трава, отрава
зернщик — игрок
зодеи, зодейный круг — созвездия зодиака, имеющие свой знак
зрак — облик, взор
Игумен — настоятель монастыря
идеже — где
извну — наружу
избыть — сбывать, изводить, отделываться от чего-либо, избежать
изообречети — обложить оброком
изящно — превосходно, хорошо
имать — брать
имение — имущество
ин — иной, один, другой
Кабала — заемное письмо
кабалной человек — лицо, по договору находящееся в рабстве
канбан — колокол
канна — мера жидкости; шведская канна равнялась 0,2128 русского ведра
каптана — зимняя повозка
квартарь, кварта — мера объема
келарь — монах, заведующий хозяйством монастыря
киндяк — набойка
колымага — летняя повозка
крин — полевой цветок
кружечный двор — место, где хранилось вино
ксень — рыбья икра
купилища — рынки
кую ти — какую тебе
Лалы — драгоценные камни
лаять — бранить

лепо — хорошо
лепота — красота
лето — год
листы — письма
лодог, или *лодьба* — вид северных рыб
лучиться — случиться
Любок — г. Любек
люторка — лютеранка
Маестат — царское место, престол
макса — рыбья печень
малой — отрок
мний — младший, меньший
мовница — прачка
мостовщина — пошлина за проезд по мостам
мылня — баня
мыто — пошлина с товаров
Наделок — приданое
наложство — блуд
нань — на него
напрасно — безвинно
наряд — сбруя
наустить — оговорить, натравить
наю — нас, наш
негли — нежели
недельный — воскресный
нелепый — некрасивый
нестроенье — беспорядок, смятение
несть — нет
ню — какую
Обаче — но
оберегальщики — укрыватели краденого
обесить — подвергнуть хуле и поруганию
сбрать — избрать
объярь — шелковая ткань
овых — одних
однорядка — нижний кафтан
окручение — одевание
оле — о
олстр — кобура для пистолетов
опако — назад
опитимья — епитимья, наказание
опричь — кроме
осмолетним — восьмилетним
осн — трость, остроконечный посох

отай — тайно
Паки — снова
паче — больше, лучше
перси — грудь
писатель — живописец
плещи — плечи; *давше плещи* — обратясь в бегство
плить — палить, жечь
по прилучаю — случайно
подоволу — достаточно, много
пожегное дело — поджигательство
пожелезное — пошлина за наложение оков на виновного
покровец — попона
полоненник — пленник
полоненичные деньги — деньги, собиравшиеся для выкупа пленных
помавать — помахивать
поприще — мера длины
попущать — попускать, допускать
порозни — пустые
портище — кусок материи
последи — наконец
поставец — шкаф для посуды
посул — взятка
потентат — иностранный правитель
потеха — забава, охота
поезжана — чины из свадебного поезда
правеж — сечение по ногам за неплатеж долга
править — взыскивать
праг — порог
прежереченный — уже упомянутый
пресщение, прещение — угроза, запрет
приказ — присутственное место, управление
присно — всегда
приточник — притчеписец
проезжая — грамота на свободный проезд
радость — свадьба
рать — воинство, война
ровность — родословное равенство
рухлядь — движимое имущество, пушные товары
ряды — лавки
Саадак — колчан с луком и стрелами
сад — садок для рыбы
Свея, Свицкая земля — Швеция

седмица — неделя
семо — сюда
сидячие бояре — чины на свадьбе, не участвующие в поезде
сицевый — такой
скипетр — жезл царя
слинами мочаше — смачивая слюной
служивой — военный
смерть нужная — насильственная смерть
смолчуга — густая смола
смута — бунт
сорок — счет; связка в сорок соболей
сотня — гильдия
спекулатор — палач
срачица — сорочка
сродицы — родственники
становщики — содержатели притонов
старец соборной — член монастырского собора
стол — престол
сторона — область, государство
стоянец — судок
странеск — блуждающий
страшной — боязливый
струбец — сруб
студень — стужа
стул — налой
суренка — музыкальный инструмент
сущий — истинный, подлинный, настоящий
Таибники — убийцы
тай — тайно
тайным обычаем — тайно
таможилец — местный
тать — разбойник
титло полное — перечисление всех владений и титулов государя
титло короткое — перечисление главных владений и титулов государя
тихим обычаем — кротко
тля — прах
токмо — только
толмач — переводчик
точию — только
травы — орнаменты, рисуемые на грамотах золотом и красками

третей — посредник
трость — палочка для письма, перо
трус — волнение
туга — горе, беда
тук — плодородие
туне — без вины, напрасно
турской — турецкий
туры — корзина из лозы, заполненная землей, служила для защиты от пуль
Убо — и так, так же
убрус — платок, полотенце
уговорщик — подрядчик
уды — части тела
украинные города — пограничные города
улучити — получить
урежать — снаряжать, готовить
устрой — порядок
усты меча гонят — вонзают мечи
ухапить — схватить, сцапать
учать — начать
учуг — способ рыбной ловли с помощью перегородки через реку
ушеса — уши
Фяги — в широком значении — иностранцы, в более узком — итальянцы
Хоромы — дом
хоругвь — знамя
Царствы — области и края, упоминаемые в царском титле — Казань, Астрахань, Сибирь
целовальник — присяжный
цка — доска
Час боевой — продолжительность времени в один час от одного удара часов (часа) до другого (часа)
челобитье — словесная или письменная просьба
челядник — дворовый, придворный служитель
червчатый — багряный
чеснок — бревна, вбитые в землю для укрепления вала или рва
честь — субординация по чину, титулу или званию; чин, должность, звание
четверть — мера земли
четь — мера веса
чредима — последовательна
чресла — поясница

что — как
Ширинка — платок
шкода, шкота — вред
штамба — типография, печатня
шти — шести
Юже — если, когда
Я — его
ягодами румяна — румяна, как ягода
ядь — пища
яз — западня
яко — что, как
яти — взять, схватить
яхонты — рубины

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

Василий Иванович Шуйский (1552—1612) — русский царь (1606—1610 гг.), из рода суздальских князей, с 1584 г. боярин. Летом 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I, затем возглавил заговор против него; воспользовавшись народным восстанием 17 мая 1606 г. в Москве, стал царем, умер в плену в Польше.

Василий (Константин) Константинович Острожский (1526—1608) — украинский магнат, князь, киевский воевода, крупный деятель в области возрождения и укрепления восточнославянских культур, по инициативе которого была создана знаменитая Острожская школа и типография, где работал в последние годы своей жизни Иван Федоров.

Гермоген (около 1530—1612) — русский патриарх с 1606 г. В 1610 г. выступил против предложения бояр о присяге польскому королю. Во время оккупации Москвы призывал к всенародной борьбе с интервентами, за что был посажен в темницу. Замучен голодной смертью за отказ убедить К. М. Минина и Д. М. Пожарского прекратить борьбу.

Дмитрий Иванович (1581—1591) — царевич, сын Ивана IV Грозного и его последней жены, царицы Марии Нагой. После вступления на престол Федора Ивановича был сослан с матерью в Углич. 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий был найден зарезанным на своем дворе. По набату сбежался народ, в смерти царевича были обвинены несколько человек — дьяк Битяговский с сыном и племянником Никитой Качаловым, которых почти немедленно убили самосудом. Через некоторое время из Москвы в Углич прибыла специальная правительственная комиссия для расследования обстоятельств смерти царевича. Комиссия выдвинула версию, по которой виновником смерти был сам царевич, якобы зарезавший себя в состоянии припадка падучей болезни во время игры, когда в руке у него находился нож. Комиссия обвинила Нагих в убийстве невинных людей, царица Мария была сослана в отдаленный монастырь на Выксе и пострижена, а многие ее родственники разосланы по разным городам; некоторые угличане казнены или же сосланы в Сибирь, в Пелым. Вскоре после смерти царевича поползли упорные слухи о том, что он убит по прика-

занию Бориса Годунова, фактически правившего Россией уже при царе Федоре Ивановиче, женатом на его сестре Ирине, и боявшегося возможно конкуренции на престол со стороны царевича Дмитрия, младшего брата (от разных матерей) царя Федора.

Все эти события стали причиной возникновения такого необычного явления, как самозванство в период «смутного времени». Желая окончательно подорвать дальнейшую возможность распространения самозванства, при царе Василии Шуйском тело царевича Дмитрия было перевезено в Москву, а сам он канонизирован церковью.

Дмитрий Иванович Шуйский — князь, боярин, воевода, брат царя Василия Шуйского. При появлении Лжедмитрия был вместе с другими воеводами разбит под Новгород-Северском в декабре 1604 г. После воцарения Василия Шуйского был главным воеводою и почти всегда терпел поражения. Был взят в плен и умер в Варшаве в 1613 г.

Елисей Плетенецкий (1550—1624) — выдающийся деятель украинской культуры, с 1599 г. архимандрит Киево-Печерской лавры, основал здесь типографию; его деятельность способствовала превращению Киева в начале XVII в. в центр политической и идеологической борьбы против инокультурной католической экспансии.

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь всея Руси (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.).

Минин Кузьма (Козма) Минич (г. рождения неизвестен — 1616) — русский национальный герой, один из организаторов ополчения против иностранной интервенции, нижегородский посадский человек, с 1 сентября 1611 г. земский староста. Входил в состав «Совета всея земли», фактически выполнявшего роль правительства. Командовал одним из отрядов; в 1613 г. включен в состав Боярской думы.

Михаил Федорович Романов (1596—1645) — первый русский царь из династии Романовых. Избран на престол 21 февраля 1613 г. Земским собором по инициативе бояр. В 1619—1633 г. официальным соправителем был его отец, патриарх Филарет, в миру Федор Никитич Романов (около 1554/1555—1633), ставший патриархом в 1619 г.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — русский национальный герой, князь, боярин (с 1613 г.). Один из участников

и руководителей борьбы против иностранной интервенции в начале 1610-х гг.

Сигизмунд Август — Сигизмунд II Август, король Польши (1530—1572 гг.), великий князь литовский (1548—1572 гг.).

Федор Иванович (1557—1598) — русский царь (с 1584 г.), сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовой, последний представитель древней династии Рюриковичей.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1505—1533 — княжение великого князя Василия III

1533—1584 — правление Ивана IV Грозного, венчаного на царство в январе 1547 г. (до этого великий князь).

июнь 1547 — катастрофический пожар в Москве, уничтоживший город; народные волнения в Москве и других городах.

февраль 1549 — первый Земский собор.

1550 — Судебник Ивана Грозного.

1551 — Стоглавый собор.

середина XVI в. — первые попытки книгопечатания в Москве.

1558—1583 — Ливонская война.

1 марта 1564 — первая датированная русская книга — Апостол, напечатанная в Москве диаконом Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем.

1565—1572 — Опричнина.

1565 — выпуск в свет Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем двух изданий Часовника и их отъезд в Великое княжество Литовское.

1568 — работа в Москве новой типографии; ее мастера — Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев.

1569 — Люблинская уния, объединившая Великое княжество Литовское и Польшу в единое государство Речь Посполитую.

1571 — Москва сожжена крымским ханом Девлет-Гиреем, который при повторном вторжении в 1572 г. был разбит русскими войсками.

1577—1580-е гг. — работа в Александровской слободе новой типографии, ее мастер Андроник Тимофеев Невежа.

1579 — вторжение шведов в новгородские земли.

1581—1582 — осада польским королем Стефаном Баторием Пскова.

1582 — перемирие с Польшей.

1583 — перемирие со Швецией.

1584—1598 — царствование Федора Ивановича (Иоанновича).

1587—1602 — возобновление книгопечатания в Москве, типографская деятельность Андроника Тимофеева Невежи.

1589 — учреждение патриаршества в России, первый русский патриарх Иов (1589—1605).

15 мая 1591 — гибель в Угличе царевича Димитрия.

1597 — установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян.

---

* Числа месяцев указаны по старому календарю.

1598 — 13 апреля 1605 — царствование Бориса Годунова.

1601—1604 — голодные годы, за это время только в Москве умерло от голода более полумиллиона человек.

1603 — начало первой крестьянской войны в России (восстание Хлопка).

1603—1611 — типографская деятельность в Москве Ивана Андроникова Невежина.

июнь 1605 — свержение Годуновых и воцарение Лжедмитрия I.

17 мая 1606 — восстание в Москве, убийство Лжедмитрия I.

19 мая 1606 — 17 июля 1610 — царствование Василия Шуйского.

1606—1612 — патриаршество Гермогена.

1606—1607 — крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова.

1606—1610 — типографская деятельность в Москве Анисима Михайлова Радишевского.

1607 — установление пятнадцатилетнего срока сыска беглых крестьян.

1607 — выступление Лжедмитрия II («Тушинского вора»).

1608—1609 — попытка правительства Василия Шуйского ценой территориальных уступок заручиться военной помощью Швеции.

1609—1617 — шведская интервенция.

1609—1618 — польская интервенция.

1609—1618 — типографская деятельность в Москве и Нижнем Новгороде Никиты Федорова Фофанова.

апрель 1610 — смерть М. В. Скопина-Шуйского.

17 июля 1610 — низвержение царя Василия Шуйского и создание боярского правительства во главе с Ф. И. Милославским («семибоярщина»).

17 августа 1610 — подписание московскими боярами договора о признании польского королевича Владислава русским царем.

20—21 сентября 1610 — бояре впускают польские отряды в Москву.

март—апрель 1611 — первое русское ополчение против интервентов во главе с Прокопием Ляпуновым.

март 1611 — штурм передовыми отрядами ополчения во главе с Д. М. Пожарским Москвы; восстание москвичей; сожжение города.

сентябрь—октябрь 1611 — второе ополчение во главе с К. М. Мининым и Д. М. Пожарским.

26 октября 1612 — освобождение Москвы от интервентов.

21 февраля 1613 — избрание Земским собором на царство Михаила Федоровича Романова (1613—1645).

1614—1721 — деятельность в Москве «государева печатного двора».

1617 — «вечный мир» со Швецией.

1618 — перемирие с Польшей на 14 с половиной лет, польская сторона не признавала Михаила Федоровича законным царем и

продолжала считать королевича Владислава претендентом на русский престол.

1619—1633 — патриаршество Филарета, отца царя Михаила Романова.

1645—1676 — царствование Алексея Михайловича.

1648 — народные восстания в Москве («Соляной бунт») и других городах.

1649 — Соборное уложение (новый свод законов государства).

1654 — воссоединение Украины с Россией.

1654—1667 — война с Польшей.

1654 — церковные реформы патриарха Никона.

1656—1658 — война со Швецией.

1661 — Кардисский мир со Швецией.

1662 — «Медный бунт» в Москве.

Содержание

Русское историческое повествование XVI—
Р89 XVII веков: Сборник/Сост., предисл., подг. древнерус. текстов, пер. и примеч. Ю. А. Лабынцева. — М.: Сов. Россия, 1984. — 352 с., ил. — (Сокровища древнерусской литературы).

В сборник вошли произведения, в которых рассказывается о важнейших событиях второй половины XVI — середины XVII в.— повесть Ивана Федорова о возникновении книгопечатания, исторические повести о «смутном времени» (конец XVI — начало XVII в.).

В сочинении Г. К. Котошихина, одном из основных литературных документов эпохи, повествуется о различных сторонах жизни Российского государства в середине XVII столетия.

Р $\frac{4702010100-153}{М-105(03)-84}$ 89—1984 Р1